

ISSN 1829-4162

РУССКИЙ ЯЗЫК В АРМЕНИИ

1
2025

Армянский государственный педагогический университет имени
Хачатура Абовяна
Армянская Ассоциация «Педагогическая инициатива»
Академия педагогических и социальных наук РФ

ISSN 1829-4162

Русский язык В Армении

Ռուսաց լեզուն
Հայաստանում

Russian language in
Armenia

2025_
1.CXX

Ереван - 2025

- Главный редактор – А. М. АМИРХАНЯН**
 ORCID: 0000-0003-2810-2052
- Ответственный секретарь – И. Ю. МАНУКЯН**
 ORCID: 0000-0002-1620-4302
- Ответственный за номер – И. Р. САРКИСЯН**
 ORCID: 0000-0002-4377-1601

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ :	РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Председатель общ-ва «Армения-Россия», д.ф.н., профессор М. Д. Амирханян Академик РАО, вице-президент АПСН, ректор МПСУ (РФ) С. К. Бондырева Ректор АГПУ им.Х.Абовяна, д.п.н., профессор С. Р. Геворгян «Педагогический журнал» (РФ), д.п.н., профессор В. А. Доманский Председатель Ассоциации «Педагогическая инициатива» А. С. Испирян Проректор по учебно-научной работе АГПУ им. Х.Абовяна, к.п.н., доцент М. М. Испирян «Слово. Текст. Контекст» (РФ), д.филол.н., профессор Д. В. Ларкович Академик АПСН М. А. Мкртчян	А.В. Акопян (ЕГУ) А.Ж. Арутюнян (ЕГУ) Л.Г. Баласаян (АГПУ им.Х.Абовяна) Г.Г. Барикян (Французский университет в РА) Е.В. Белоусова (Музей-усадьба Л.Н. Толстого «Ясная Поляна») А.Г. Варданян (ГУ им. В.Я. Брюсова) И.Б. Геворгян (ОШ №131 им. П.Яворова) М.Е. Жапанова (Евразийский НУ имени Л.Н. Гумилева, РК) О.Б. Кафанова (Санкт-Петербургский Институт Бизнеса и Инноваций, РФ) М.Ч. Ларионова (ИСЭГИ ЮНЦ РАН, РФ) И.В. Лебедева (Каспийский инст-т морского и речного транспорта им. ген. Ф.М. Апраксина) В.В. Мадоян (НУАС Армении) Г.В. Маркосян («АЙБ» ОЦ) Л.Б. Матевосян (ЕГУ) И.А. Орехова (ГосИРЯ им. А.С. Пушкина, РФ) И.В. Приорова (РосНОУ, РФ) А.М. Ранчин (МГУ им. М.В. Ломоносова /ИНИОН РАН) Антон Репонь Anton Repoy (Университет им. Матея Бела, Банска Быстрица, Словакия) С.Б. Самуэлян (ГУ им. В. Я. Брюсова) И.Р. Саркисян (РАУ) О.В. Спачиль (КубГУ, РФ) Е.Ю. Третьякова (КубГУ, РФ) К.И. Шарафадина (СПбГУТД, РФ) Э.Ф. Шафранская (МГПУ, РУДН, РФ)

Компьютерный набор, корректура, оформление и печать М. Авагян

Խաչատուր Արուսեանի անվան հայկական պետական մանկավարժական համալսարան. «Ռուսաց լեզուն Հայաստանում». 2025. № 1 (120). 400 էջ.

Армянский государственный педагогический университет имени Хачатура Абовяна, РА. «Русский язык в Армении». 2025. № 1 (120). 400 стр.

Свидетельство № 01 А 044424 выдано 16.02.1999 г.

Формат 70Х100 1/16. Объем 400 стр.

Сдано в печать 24.08.2025 г.

Խմբագրության ներկայացված նյութերը գրախոսվում են: Արտատպության դեպքում հղումն ամսագրին պարտադիր է:

Лицензия № 904

Журнал «Русский язык в Армении» включён в Перечень принятых ВАК РА рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ОТ РЕДАКЦИИ

МИХАИЛ ДАВИДОВИЧ АМИРХАНЯН (1935 – 2015)

Ушел из жизни доктор филологических наук, профессор Михаил Давидович Амирханян. Вся его профессиональная деятельность связана с русской литературой, русско-армянскими литературными связями, а также с популяризацией армянской литературы и культуры на русском языке.

Свидетельством этого служения науке являются глубокие и смелые для своего времени научные исследования профессора М.Д. Амирханяна – кандидатская диссертация «Средневековая армянская поэзия в русских переводах» (Ереван: ЕГУ, 1972), которая доказала и закрепила за Наапетом Кучаком звание поэта (кстати,

оспариваемое в те годы), и докторская диссертация «Интернациональный характер русской литературы в аспекте русско-армянских отношений. XII – начало XX вв.» (М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1985), в которой исследуется, наряду с другими аспектами, образ Армении в контексте сознательной фиксации армянского локуса в текстах русских авторов.

Искренняя дружба и научные интересы с отечественными русистами и арменоведами и русистами из стран ближнего и дальнего зарубежья стала неотъемлемой частью жизни профессора Михаила Давидовича Амирханяна.

Со дня основания журнала «Русский язык в Армении» Михаил Давидович был его бессменным и важным представителем редакционного совета, инициатором, идейным вдохновителем и хранителем традиций нашего периодического научного издания.

С первых дней своей профессиональной деятельности, а это без малого более 65-ти лет жизни, насыщенных организацией, реализацией и претворением планов и проектов в русистике республики, Михаил Давидович связал свою жизнь с работой в вузах во благо своей родины, которую любил безмерно, отказавшись в «лихие 90-е» от приглашений из вузов и научных центров Москвы и Санкт-Петербурга на постоянной основе, и делал всё от него зависящее, чтобы подрастающие поколения Армении стали образованными и грамотными гражданами своей страны.

Ереванский государственный университет (1960-1980 плюс годы студенчества) и Государственный университет имени В.Я. Брюсова (1980-2024) не просто места его основной работы – эти вузы были его домом. В 1991 Михаил Давидович основал важный для формирующейся самостоятельности страны на мировой арене Гуманитарный институт языков, который действовал до 2012 года. Здесь впервые в Армении с целью подготовки профессиональных переводчиков началось обучение нетрадиционным для тех лет

языкам — греческому, итальянскому, испанскому, китайскому; впоследствии к ним добавилось и преподавание хинди.

Для обеспечения качественного обучения в институт приглашались специалисты из стран — носителей изучаемых языков. Под руководством Михаила Давидовича в стенах созданного им института были изданы двуязычные учебные словари — армянско-итальянский, армянско-китайский, армянско-японский и армянско-хинди, ставшие ценным подспорьем для студентов. Многие выпускники этого вуза, основанного Михаилом Давидовичем, и сегодня входят в число наиболее востребованных специалистов, работающих на благо Республики Армения.

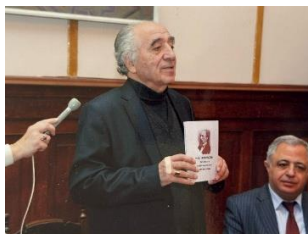
В дальнейшем, в 2012 году, решением правительства Гуманитарный институт со своими научными и учебными программами, одобренными Министерством образования и науки РА, был присоединён к Государственному институту имени В. Я. Брюсова (в те годы — Ереванскому государственному университету языков и социальных наук имени В. Я. Брюсова). Здесь и поныне действуют, пусть не в полном объёме, отделения и центры изучения указанных языков и культур.

Следует отметить, что в стенах Гуманитарного университета имени В. Я. Брюсова Михаил Давидович более десяти лет возглавлял Центр русского языка и культуры.

На протяжении многих лет он был бессменным председателем общества «Армения – Россия» АОКСа, на базе которого прошли первые конференции ещё одного инициированного им значимого проекта — серии Международных научно-практических конференций по сквозной теме «Русские классики: русская и национальные литературы». Эти конференции, регулярно проводившиеся с 2009 по 2024 годы, получили широкую известность как в Армении, так и за её пределами — в ближнем и дальнем зарубежье.

По итогам проводимых международных научных встреч изданы сборники статей, которые оцифрованы и выложены на сайте Электронного научного архива УрФУ (<https://elar.urfu.ru/>...).

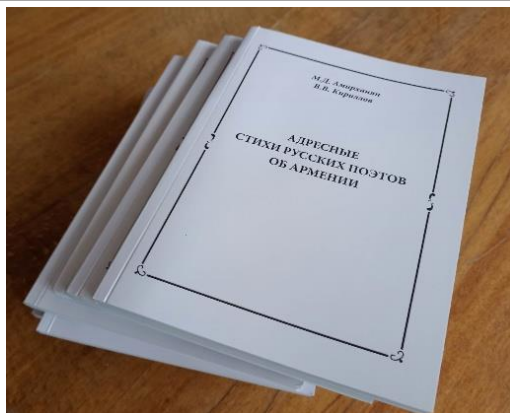

Михаил Давидович Амирханян — автор многочисленных статей и монографий, организатор и вдохновитель переиздания книг, имеющих большое значение для исторической и литературоведческой гуманитарной науки. Среди них — «Поэзия Армении» В. Я. Брюсова с его предисловием, «Карабахский астролог» Платона Зубова (выдержавшие два переиздания) и другие.

Он является одним из ключевых участников проекта «Русские поэты об Армении», который сам Михаил Давидович называл «современным обращением-молитвенником Армении». Итогом этой работы стало создание монографии-антологии «Армения в зеркале русской поэзии» (четыре издания), включившей более 500 стихотворений русских поэтов. Представление данного издания принесло русистам Смоленского государственного университета грант Российского научного фонда (2022), в рамках которого была разработана масштабная исследовательская тема «армянский текст русской поэзии».

В помощь русистам школ Армении Михаил Давидович совместно с Институтом гуманитарных наук МГПУ в соавторстве с директором института В.В. Кирилловым издал «Хрестоматию» под названием «Адресные стихи русских поэтов об Армении».

К сожалению, остался незавершенным второй том большого исследования о русско-армянских литературных отношениях «Россия и Армения» (первая часть – «Россия и Армения. Очерки русско-армянских литературных отношений». Часть 1. Ереван, 2000).

Награды Михаила Давидовича – свидетельство признания многолетнего верного служения филологической науке и стремления сеять «разумное, доброе, вечное»...

Светлая Память!..

Редакция выражает соболезнования семье и близким Михаила Давидовича.

В связи с большим количеством полученных телеграмм и слов сочувствия, мы по просьбе авторов статей посвящаем этот и следующий номер текущего года доктору филологических наук, профессору Михаилу Давидовичу Амирханяну.

ПАМЯТИ М. Д. АМИРХАНИЯНА

ЕРЕВАНСКИЕ ВСТРЕЧИ (ВОСПОМИНАНИЯ «ОЧАРОВАННОГО СТРАННИКА»)

Памяти Михаила Давидовича, нашего дорогого Айрика

Е. В. БЕЛОУСОВА

ФГБУК «Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»

helenyaspol@yandex.ru

Статья, предлагаемая вниманию читателей, была написана по его просьбе шесть лет назад. Как недавно всё это было... Планы на 2019 год, на грядущие конференции... И все проекты были реализованы благодаря неустанной деятельности дорогого Михаила Давидовича. В сентябре 2024 года он снова собрал нас на конференцию «Арагат: русская и национальные литературы». Каким-то необъяснимым образом я знала, что еду в Армению последний раз. Нет на свете горячей души всех наших встреч... Кто-то может по-прежнему восхищаться красотой Армении, гостеприимством и всеми замечательными душевными качествами армян, но для тех, кто с 2010 года проникся глубокой любовью к нашему Айрику, эти светлые встречи уже в прошлом, а память о нём – жива и вечна...

Ключевые слова: Ясная Поляна, М. Д. Амирханян, Л. Н. Толстой, Григор Нарекаци, Л. М. Мкртчян, проповеди Католикоса всех Армян Айрик Хримян, Московский Лазаревский институт Восточных языков, С.С. Абамелек-Лазарев.

*«Как слово, передающее мысли и опыты людей,
служит средством единения людей,
так точно действует и искусство. <...>*

*Словом один человек передаёт другому свои мысли,
искусством же люди передают друг другу свои чувства».*
Л.Н. Толстой

11 сентября 2010 года... В Ясной Поляне только что отметили очередную годовщину со дня рождения Л.Н. Толстого. В этот день в кабинете заведующей отделом научно-исследовательской работы

музея раздался телефонный звонок из Еревана. Там, в далёкой (на тот момент!) Армении великий энтузиаст-бессребренник, большой знаток русской литературы, доктор филологических наук профессор Михаил Давидович Амирханян трудился над организацией очередной – третьей – международной конференции «Л.Н. Толстой: русская и национальные литературы». В ноябре наступала столетняя годовщина кончины Л.Н. Толстого, и Михаил Давидович собирал в Ереване учёных-филологов, чтобы дать им возможность обменяться своими научными открытиями, размышлениями о жизни, творчестве, причинах трагедии, случившейся с Толстым в ту далёкую осень 1910 г. Он звонил в Ясную Поляну с надеждой, что его инициативу чествования памяти Толстого в Ереване поддержат те, кто живёт и трудится на толстовской земле. И выбор пал на меня, поскольку в те годы по архивным источникам я изучала тему религиозно-философских исканий писателя, закончившихся его уходом из Ясной Поляны.

12 ноября Ереван встретил меня необычайным теплом: было +20. Ещё большее тепло радушного хозяина на этой древней библейской земле излучал Михаил Давидович, встретивший меня в аэропорту Звартноц. Первое впечатление от встречи с ним было такое: энтузиаст, мыслитель, энергичный, остроумный, обаятельный и большой эрудит. Он сразу же озадачил меня вопросами: в каких изданиях Толстой мог читать проповеди Католикоса всех Армян Айрика Хримяна в начале 1890-х гг. и сохранились ли они в яснополянской библиотеке? И стал рассказывать о письмах армян к писателю и их просьбах выразить свой протест против масштабного уничтожения народа в трагические для Армении 1890-е гг. Эта первая беседа впоследствии, после возвращения из той поездки явилась поводом для более глубокого исследования «армянской» темы в жизни Л.Н. Толстого. Благодаря Михаилу Давидовичу я обратилась к личной библиотеке писателя и обнаружила в ней более десятка книг, касавшихся самых разных проблем жизни Армении: геноцида со стороны Турции, резни в Сасуне в 1894-1896 гг., политических, экономических вопросов, особенностей вероисповедания Армянской Апостольской Церкви. Большинство из этих книг Толстой читал, свидетельством чему – его пометы карандашом и загнутые уголки страниц. В 1902 г.

Тигран Ованесян прислал в Ясную Поляну свой перевод романа «Воскресение» с дарственной надписью. В первое десятилетие XX в., вплоть до 1910 г. писатель получал газеты «Тараз» и «Ахпюр» – во многих выпусках, особенно в 1908 г., т.е. в год 80-летнего юбилея – печатались материалы о жизни, творчестве Л.Н. Толстого, перевод его рассказа «Чем люди живы». Но на вопрос Михаила Давидовича о чтении писателем проповедей Айрика Хримяна до сих пор нет ответа: в яснополянской библиотеке нет никаких изданий трудов Католикоса.

Открытие ереванской толстовской конференции состоялось 13 ноября в красивейшем здании в центре города на улице Абовяна, построенном в 1915 г.: там несколько лет располагалось «Армянское общество культурных связей с зарубежными странами» (АОКС), председателем которого является Михаил Давидович. В роскошном холле особняка висят портреты Лазаревых – российского дворянского рода армянского происхождения. Его многочисленные представители прославились и в российской и в армянской истории: среди них были придворные, военные, дипломаты, общественные и культурные деятели, промышленники, благотворители. Некоторое время Лазаревы были владельцами Дома АОКСа. К этому семейству принадлежал и С.С. Абамелек-Лазарев, сослуживец М.Ю. Лермонтова, друг и почитатель таланта Л.Н. Толстого, почётный попечитель Московского Лазаревского института Восточных языков. Одно из имений последнего представителя этого знаменитого рода – Голощапово находилось в 40 верстах от Ясной Поляны, отсюда в 1880-1890-е гг. С.С. Абамелек-Лазарев часто приезжал к Л.Н. Толстому.

В ноябре 2010 г. гостями Дома АОКСа стали филологи из Еревана, Гюмри, Ванадзора, Тбилиси. Научный сотрудник из Ясной Поляны оказался единственным зарубежным участником конференции. Михаил Давидович чрезвычайно оригинально представил её собравшейся почтенной публике: «Представьте себе, она только вчера дышала яснополянским – толстовским воздухом!» Такая преамбула и смутила и напомнила о величайшей ответственности за каждое слово о Толстом, произносимое нами, музейными работниками на всевозможных конференциях.

Художественные и религиозно-философские произведения, их композиция, главные идеи; «кавказская» тематика, пронизавшая весь полувековой творческий путь Л.Н. Толстого; стилистические и речевые особенности, смысловая насыщенность языка великого писателя; его переписка, проблемы компаративистики и творческого влияния классика на литературу XX в.; попытки П. Прошяна, О. Туманяна, А. Исаакяна, А. Цатуряна, С. Зорьяна, других армянских писателей, мыслителей и переводчиков постигнуть творческие и мировоззренческие особенности Л.Н. Толстого; причины ухода из Ясной Поляны; переводы его произведений на армянский, грузинский и китайский языки – эти и другие аспекты творческой деятельности писателя стали предметом очень содержательных докладов, прозвучавших на конференции.

Встречи филологов, организуемые Михаилом Давидовичем, имеют множество замечательных особенностей, которые с самой выгодной стороны отличают их от других подобных конференций, как в России, так и в других странах. Прежде всего, это сборники докладов предстоящей конференции, подготовленные к её началу, что даёт возможность выступающим говорить кратко, тезисно, не утомлять слушателей. Мало кто из докладчиков решается нарушать просьбу Михаила Давидовича соблюдать краткий регламент. Доклады, как правило, конкретны, построены на личных изысканиях авторов. Если присутствуют гипотезы и спорные выводы, то они довольно оригинальны.

Ретроспективный взгляд на восемь конференций, в которых мне выпало счастье участвовать, и изучение сборников всех четырнадцати форумов, которые уже провёл Михаил Давидович, позволяет видеть постоянно растущее количество участников. К примеру, сборник первой конференции 23-24 мая¹ 2009 г., посвящённой 200-летию со дня рождения Н.В. Гоголя, включал двадцать докладов; «чеховской» 26-27 марта 2010 г., посвящённой 150-летию со дня рождения писателя, –

¹ Дата первой конференции выбрана Михаилом Давидовичем символически точно: 24 мая – это день памяти святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, Учителей словенских. С 1991 г. ежегодно 24 мая в России начинаются Дни славянской письменности и культуры. Таким образом, первая «гоголевская» и преемственно – все последующие и грядущие конференции – это огромный вклад Армении в дело христианских основ просвещения и литературы.

двадцать пять; «толстовской» – двадцать; а последней, «солженицинской» – пятьдесят шесть! Количественный рекорд докладов «побила» конференция 26-27 сентября 2014 г., посвящённая 125-летию со дня смерти М.Е. Салтыкова-Щедрина: восемьдесят девять докладов!

Летом 2011 г. М.Ю. Лермонтов (170-летие со дня гибели) и осенью того же года Н.А. Некрасов (190-летие со дня рождения) снова собрали учёных в Ереване. Очередной приезд в Ереван всё более укреплял первое впечатление: Михаил Давидович обладает удивительным даром быть главой большой семьи единомышленников на ниве культуры и образования. Толстовская идея о единении людей посредством слова, высказанная писателем-философом многократно и особенно подробно – в трактате «Что такое искусство?», на конференциях Михаила Давидовича обретает зримые образы: размышления о литературе, искусстве, философии; обмен мнениями, перспективы о будущем братском содружестве и сотрудничестве на ниве культуры и просвещения сплавляют представителей Армении, Грузии, России, многих зарубежных стран. Благодаря его организаторскому таланту, умению ненавязчиво сплотить и перезнакомить всех друг с другом первые встречи часто перерастали в тесную дружбу и в самые искренние чувства благодарности неугомонному организатору.

Общение единомышленников приобретает неформальные рамки во время интереснейших культурных программ, часть которых – знакомства с достопримечательностями Еревана и Армении – а их так много, что каждый раз Михаил Давидович выбирает какой-либо новый маршрут.

Особое место в Ереване – это Цицернакаберд (с армянского – «ласточкино гнездо»). Там находится мемориальный комплекс с подземным музеем, посвящённый жертвам геноцида армян. Михаил Давидович является автором семи книг, посвящённых этой трагической странице Армении. Одна из них – «Геноцид в Западной Армении и русская поэзия» [2].

Поездки в Эчмиадзин – духовный центр Армянской Апостольской Церкви; Звартноц – к живописным руинам храма «бдящих ангелов», явившихся в начале IV в. на этом месте св. Григору Лусаворичу; Гарни – к языческому храму I в.; Гегард – в Монастырь Копья, которым было пронзено на Кресте тело Спасителя, – вот те древние жемчужины Армении, которые остаются в памяти навсегда!

В июне 2012 г. гвоздём программы пушкинской конференции (175-летие со дня гибели) была поездка в окрестности села Гергеры – к памятнику с барельефом, запечатлевшим встречу А.С. Пушкина в 1829 г. по пути в Арзрум с возницами, переправлявшими на арбе в Тифлис тело А.С. Грибоедова, убитого в Тегеране. Памятник был установлен в 1938 г. на вершине горы Безобдал. Под нещадно палящим солнцем Михаил Давидович рассказывал о тех событиях и о своей борьбе до победного конца за сохранение этого памятника, которому грозило уничтожение из-за строительства подземного тоннеля в 1970-е гг., и перенос его на то место, где он стоит и ныне.

В апреле 2013 г. в Ереван приехали специалисты по творчеству А.Н. Островского (190-летие со дня рождения), и Михаил Давидович в очередной раз приготовил нам поистине царский подарок: поездку в Нагорный Карабах². В университете Степанакерта была запланирована выездная сессия конференции, и филологи Арцаха принимали в ней самое активное участие. Думаю, все запомнили эту поездку: многочасовой постоянный подъём горной дороги всё выше и выше в условиях непроницаемой туманности. Автобус двигался буквально шагом... Глубокой ночью уставшие путешественники добрались до Шуши, где нас ждали хозяева роскошного отеля, бросившиеся обнимать Михаила Давидовича и выражать различные знаки почёта и уважения к нему и его гостям. Нас ждал роскошный ужин с арцахскими национальными блюдами и напитками.

К утру туман рассеялся, и нашим очам открылся изумительный пейзаж: на горизонте – гряда гор, сверкавших на солнце белизной снега, слева и справа – отвесные скалы и заснеженные горы, своими

² Наивысшая точка Нагорного Карабаха, или Арцаха – такое название более распространено в Армении – более 3500 м над уровнем моря.

ладонями будто обнимающие город Шуши, ещё не до конца оправившийся от последствий азербайджанской агрессии. С высоты горы, на которой построен отель, открывается вид далеко вниз, где в 15 км от Шуши раскинулся Степанакерт. Как рассказывали наши радушные хозяева, прежде место, где ныне стоит отель, было стратегическим военным объектом, с которого азербайджанские пушки с осени 1991 г. по май 1994 г. расстреливали столицу.

На возвышенности при въезде в Степанакерт стоит скульптурная композиция, именуемая среди арцахцев Татик-Папик, что в переводе с армянского означает Дед и Баба. Её официальное наименование – Мы и наши горы. Это памятник кавказским долгожителям, однако с 1994 г., когда Арцах одержал победу за независимость, скульптура стала символизировать стойкость, мужество, непобедимость и любовь народа к своему высокогорному краю.

К назначенному времени мы подъехали к университету Степанакерта. Торжественная встреча, приветственные слова ректора, ответная речь Михаила Давидовича. У нас в руках цветы, мы идём по университетскому скверу, усаженному живописными кустарниками, среди которых возвышаются изумительные по красоте скульптуры – тридцать девять каменных букв армянского алфавита. Подходим к памятной стеле с фотографиями более семидесяти молодых мальчиков: это студенты, погибшие во время войны за независимость Арцаха. Ректор и Михаил Давидович вспоминают те трагические события. Кладём цветы к монументу... По пути в университет Михаил Давидович обращает наше внимание на фасад главного университетского корпуса и рассказывает, что до войны он был трёхэтажным, но в результате постоянных обстрелов города здание лишилось верхнего этажа и было восстановлено как двухэтажное.

В жизни всегда есть место мистике... На сцене актового зала университета, где проходит конференция, установлен большой портрет А.Н. Островского, немножко похожего на армянина. Рядом сидящая Ирэна из Астрахани фотографирует докладчиков на сцене и вдруг громко ахает. Показывает на экране фотоаппарата только что сделанные один за другим снимки, на котором Островский, возвышающийся над выступающими, ... подмигивает и улыбается!

Один из талантов Михаила Давидовича, раскрывающийся во время всех конференций, – это умение так организовать культурную программу, показать такие жемчужины Армении, что все участники этих незабываемых праздников науки проникаются большой любовью к стране, её культуре, природе, традициям и, конечно, – к людям. Так было и во время поездки в Арцах. Шушинская крепость VI в., храм Сурб Аменаприкч Казанчецоц (Христа Спасителя) – думаю, не многие заядлые путешественники смогут добраться до этих мест, хранящих в своих каменных стенах тайны тысячелетней истории.

На следующий день Михаил Давидович повёз нас на самое высокое место Арцаха – в монастырь Гандзасар, что в переводе означает «гора сокровищ», где, по одной из версий, хранится величайшая святыня христианского мира – глава св. Предтечи и Крестителя Господня Иоанна, и главный монастырский собор освящён и назван в честь этого – Сурб Ованес Мкртич.

Подошли к концу три незабываемых дня в Арцахе. Туман, сопровождавший нас по дороге сюда, сменился ярким солнцем, и обратный путь открылся во всей своей красоте и некоторой опасности: мы забрались так высоко, что теперь из окна автобуса наблюдали стаи парящих орлов, но не в небесной вышине – мы сами находились там, – а гораздо ниже извилистого серпантина автодороги, глубоко внизу между ущелий, базальтовых и туфовых разноцветных скал. После очередного головокружительного поворота дороги автобус остановился у живописной каменной арки, и Михаил Давидович указал нам на раскинувшуюся внизу долину, испещрённую причудливыми скалистыми столбами и пещерами: это были окрестности древнего города Горис. А по всей обочине дороги цвели горные алые маки с сердцевинками в виде чёрных крестов. Кресты скорби, лежащие в кроваво-красном теле маков – я увидела в этом природном явлении символ многовекового страдания и ран Армении.

Следующая остановка была похожа на прекрасно срежиссированную Михаилом Давидовичем миниатюру в стиле короткометражных грузинских фильмов 1970-х гг. Навстречу автобусу с горы двигалось какое-то огромное лохматое облако, которое вскоре «окутало» наш транспорт со всех сторон: это было стадо белых овец. Их

несметное количество громко бляло, пыталось вскарабкаться друг на друга, чтобы дотянуться до окон и заглянуть внутрь. Разумеется, автобус не мог двинуться ни в какую сторону. Пастухов не видно. Выйти невозможно. И вдруг раздаётся звонкий голос Михаила Давидовича: «Друзья, выходим и идём выбирать шашлык!» Все поверили в достоверность такой перспективы, и самые смелые (и, видимо, наиболее проголодавшиеся) направились к выходу. Дверь автобуса открылась, и первым в овец смело шагнул Михаил Давидович. И вдруг – о чудо! – овечки расступились, и по узкой дорожке среди потеснившихся агнцев Михаил Давидович зашагал к какому-то зданию с оригинальным фасадом из виноградных лоз и бочек. Тут подошли чабаны, и красивая сцена расступившихся перед Михаилом Давидовичем животных была нарушена. Их отогнали, и мы вышли из нашего оригинального «заточения». Оказалось, что так нас встретило село виноделов Арени, а здание, куда шёл Михаил Давидович, было одновременно винзаводом, дегустационным залом и винным магазином. Мы быстренько последовали за ним и вскоре вместо шашлыка отведали некоторое количество изумительных вин с подобающей закуской.

Едем дальше и отклоняемся в сторону от трассы, ведущей в Ереван. Горы и скалы остались позади, ландшафт сменился на равнинный, и теперь мы любуемся бескрайними виноградниками: мы – на территории плодородной Араратской долины. Михаил Давидович решил показать нам ещё одну достопримечательность – монастырь Хор Вирап (в переводе с армянского – «глубокая темница») на берегу реки Аракс, по которой рядом с монастырём проходит граница с Турцией. Здесь в конце III в. был заточён царём Трдатом III св. Григорий Просветитель за проповедь христианства. Мы – у подножия священного Арарата, всего в 3 км от него. Своими двумя вершинами он открыт отсюда во всей своей фантастической красоте. Михаил Давидович рассказывает о Потопе, о Ное и о Ковчеге, который сохранился до наших дней в недостижимых вечных ледниках горы на высоте 5000 м над уровнем моря. Рассказ завершается так: «Всё человечество произошло от армян!» В ответ раздаётся удивлённое: «Как это так?» Михаил Давидович говорит: «А всё очень

просто! Куда Ной вышел из Ковчега после потопа? – С горы спустился сюда, к её подножию! И здесь, где мы сейчас с вами стоим, возродилась жизнь! От кого? – От Ноя!» Да, он прав... Чем же ещё можно объяснить состояние очарованности тех, кто приезжает в Армению, как не подспудным ощущением, что эта земля – действительно, прародина послепотопной цивилизации, колыбель человечества и нас в том числе.

Конференция сентября 2015 г. была посвящена 220-летию со дня рождения А.С. Грибоедова. «Исключительно велика его роль в оказании практической помощи армянскому народу, освобождении армян от тяжёлого ига Персии и в переселении из Персии в пределы России 8 тысяч армянских семей, в деле присоединения Восточной Армении к Российской Империи» [3], – это слова Михаила Давидовича из его книги «А.С. Грибоедов и армянский мир», которая была издана им к юбилейной дате поэта-дипломата. Случайно или нет, но такой подвиг самоотверженного служения русского дипломата Армении сыграл большую роль в количественном составе участников «грибоедовской» конференции: был представлен семьдесят один доклад, причём немало выступлений было посвящено размышлениям об огромном вкладе поэта-дипломата в дело облегчения тяжкой участи армянского народа.

«Грибоедовский» прекрасный праздник науки 2015 г. имел достойный финал: поездка на Севан и прогулка по озеру на катере. Монастырь Севанаванк с храмами IX в. Сурб Аствацацин (Богородица) и Сурб Аракелоц (Апостолы), раскинувшийся на высоком каменистом полуострове, со стороны озера завораживал своей суровой красотой.

Вновь я оказалась в Ереване осенью 2018 г. Накануне, в начале ноября я прилетела в Гюмри. В многострадальном городе, разрушенном 30 лет назад смертоносным землетрясением и до сих пор фасадами пустых домов без жителей и крыш напоминающем об этой трагедии, никогда не иссякал интерес к русской культуре. Руководство Ширакского Государственного университета им. М. Налбандяна, желая присоединиться к мероприятиям по случаю 190-летней годовщины со дня смерти Л.Н. Толстого, пригласило меня выступить с

лекциями о жизни, творчестве и мировоззрении писателя перед студентами Гуманитарного факультета.

Дорога из Гюмри в Ереван... Вновь взору открываются горы, перевалы в облаках... Долгожданная встреча с Михаилом Давидовичем. Он всё ещё находится в водовороте событий прошедшей 3-5 октября конференции, посвящённой 100-летию со дня рождения А.И. Солженицына. Стол его кабинета в Центре русского языка и культуры в Государственном университете языков и социальных наук им. В.Я. Брюсова завален перепиской с участниками конференций и представителями различных организаций. В кабинете стоит бюст А.И. Солженицына, выполненный заслуженным художником Армении скульптором Г.С. Матиняном по проекту Михаила Давидовича. В реализацию проекта вложены их собственные средства. Но бюст изваян не для Армении: это подарок Дому Русского Зарубежья им. А.И. Солженицына в Москве. Рассказ Михаила Давидовича о том, кому адресован подарок, грустен и полон недоумения: Дом Русского Зарубежья не может забрать бюст... из-за невозможности его сотрудников прилететь из Москвы в Ереван (!?) Какова причина такого нежелания принять из щедрых рук прекрасную скульптуру великого классика – об этом в письме из Дома, которое прочитал Михаил Давидович, говорится очень неопределённо.

Михаил Давидович, как всегда, полон новых идей. В 2019 году грядёт 130-летие со дня рождения А.А. Ахматовой, и следующая конференция – пятнадцатая – будет посвящена этому великому поэту. «Проведём двадцать подобных конференций, а потом посмотрим», – весело говорит Михаил Давидович. И верится, что он соберёт большой съезд учёных и на ахматовскую, и на следующую, и на двадцатую! Масштаб его деятельности и актуальность проектов поразительны! Полвека одной из главных тем Михаила Давидовича является изучение русско-армянских литературных взаимоотношений, об этом им написаны десятки монографий, книг и статей; издаются сборники четырнадцати конференций по сквозной теме «Русские классики: русская и национальные литературы» – это далеко не полный перечень его деятельности. На конференциях уже побывали

представители пятнадцати стран, более сорока городов России присылают своих участников.

Михаил Давидович рассказал и о своих последних осуществлённых проектах. К семидесятилетию Победы вышла книга «Армяне – герои Советского Союза» [2] – итог его многолетней работы в многочисленных архивах, преимущественно – в Центральном архиве Министерства обороны России. Как пишет Михаил Давидович во вступлении, «идея создания книги появилась <...> в середине 80-х гг. XX века».

Известно, какой вклад внёс В.Я. Брюсов в армянскую и русскую культуру своими трудами по изучению и переводам армянской поэзии, привлечением к этой работе многих современных ему поэтов. В 1916 г. под его редакцией вышла антология «Поэзия Армении с древнейших времён до наших дней в переводах русских поэтов». К столетию выхода в свет «Поэзии Армении» под редакцией Михаила Давидовича вышло её пятое издание [5]. Он вспоминал о своей работе: «В 2014 г. два дня я был в Москве и в Государственной библиотеке “выкупил” ксерокопии архива В. Брюсова по “Поэзии Армении”. В Ереване перевёл записи десяти дисков на бумагу. Оказалось около тысячи страниц. Сделал выборку, набралось около ста страниц стихов, не включённых почему-то тогда Брюсовым в антологию. Написал вступительный очерк: “Что привело Брюсова к армянской поэзии?” А в Приложении к V факсимильному изданию поместил не включённые тогда мэтром стихи и осуществил репринтное воспроизведение» [4: С. XIII]. Эта цитата заимствована из другого труда Михаила Давидовича: во время нашей встречи на его столе лежала «Книга скорбных песнопений» учёного монаха X в. Григора Нарекаци, только что вышедшая из печати. Эту книгу он переиздал в память о своём друге Левоне Мкртчяне, большом учёном, «авторе около двух десятков различных книг, научных исследований, художественных сочинений и нескольких сотен статей по русской и армянской литературам и русско-армянским литературным взаимоотношениям» [4: С. XII]. Впервые Л. Мкртчян издал отрывки из «Книги скорбных песнопений» в переводе Наума Гребнёва в 1969 г.

Эту книгу, как и перечисленные выше, Михаил Давидович подарил мне. Многоликий мир армянской истории, культуры открылся во всей полноте с их страниц, а многие строки статьи Л. Мкртчяна о Григоре Нарекаци в начале «Книги скорбных песнопений» с названием «Мятежный гений» привели к размышлениям о том, что душа человеческая, постоянно находящаяся в противоборстве страстей, в динамике, в стремлении освободиться от порабощения грехом, на протяжении всех веков существования искусства привлекала внимание писателей, размышлявших о смысле жизни. «Пристальное, преувеличенно подчёркнутое внимание Нарекаци не просто к человеку, но к жизни его души, противоречивой, буруеваемой страстями, было явлением новым и прогрессивным» [4: С. 10], – писал Л. Мкртчян. Эти слова о великом армянском поэте – мыслителе и богослове X в. вполне применимы и к Л.Н. Толстому. Как известно, его новаторство как раз и состояло в пристальном внимании к тому, что происходит в «святом святых» человека – в его душе. Все 95 глав «Книги» Нарекаци имеют одинаковое заглавие: «Слово к Богу, идущее из глубин сердца». По существу, это его глубочайшая исповедь. Таким же исповедальным было и творчество Л.Н. Толстого, особенно в последний период его жизни.

Завершая свои воспоминания о приездах в Армению, о встречах с Михаилом Давидовичем, хочу вспомнить слова Альберта Эйнштейна: «Самое прекрасное, что мы можем испытать в жизни – это загадочность. Она является источником всякого настоящего искусства или науки». Для учёных-филологов, всегда с нетерпением ждущих новых встреч с Арменией, Михаил Давидович и является олицетворением этой загадочности, которая, благодаря его деятельной энергии, обретает зримые и разнообразные формы, выражающиеся и в искусстве создавать атмосферу для дружеского общения единомышленников, и в предлагаемых им темах конференций, открывающих просторы для новых научных открытий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Амирханян М.Д.* Армяне – герои Советского Союза. 3-е изд. Ереван: Изд. дом «Лусабац», 2015. 203 с.
2. *Амирханян М.Д.* Геноцид в Западной Армении и русская поэзия. Ереван: Лусабац, 2008. 155 с.
3. *Амирханян М.Д., Амирханян А.М.* С. Грибоедов и армянский мир. Ереван, 2016. 86 с.
4. *Григор Нарекаци.* Книга скорбных песнопений. К 85-летию со дня рождения Левона Мкртчяна. Факсимильное воспроизведение <...> осуществлено под наблюдением д. ф. н., проф. М.Д. Амирханяна с добавлением предисловия «Слово о друге». Ереван. Лусабац, 2018. XXII, 240 с.
5. Поэзия Армении с древнейших времён до наших дней в переводах русских поэтов. Под ред. В. Брюсова. 5-е изд. Факсимильное воспроизведение. Ереван, Айрапет. 2016. XIV, 601 с.

REFERENCES

1. *Amirkhanyan M.D.* Armyane – geroi Sovetskogo Soyuz. 3-ye izd. Yerevan. Izd. dom «Lusabats», 2015. 203 s.
2. *Amirkhanyan M.D.* Genotsid v Zapadnoy Armenii i russkaya poeziya. Yerevan. Lusabats, 2008. 155 s.
3. *Amirkhanyan M.D., Amirkhanyan A.M.* S. Griboyedov i armyanskiy mir. Yerevan, 2016. 86 s.
4. *Grigor Narekatsi.* Kniga skorbnykh pesnopeniy. K 85-letiyu so dnya rozhdeniya Levona Mkrtchyan. Faksimil'noye vosproizvedeniye <...> osushchestvleno pod nablyudeniym d. f. n., prof. M.D. Amirkhanyana s dobavleniyem predisloviya «Slovo o druge». Yerevan. Lusabats, 2018. XXII, 240 s.
5. Poeziya Armenii s drevneyshikh vremon do nashikh dnei v perevodakh russkikh poetov. Pod red. V. Bryusova. 5-ye izd. Faksimil'noye vosproizvedeniye. Yerevan, Ayrapet. 2016. XIV, 601 s.

**ԵՐԵՎԱՆՅԱՆ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ
(«ԿԱՆԱԲԱՐԴՎԱԾ ԹԱՓԱՌՈՂԻ» ՀՈՒՇԱՐՁԱՆՆԵՐԸ)
Մեր սիրելի Հայրիկի՝ Միխայիլ Դավիդովիչի հիշատակին**

Ե. Վ. ԲԵԼՈՒՍՈՎԱ

**Լև Տոլստոյի ազգային թանգարան-կալվածք «Յասնայա
Պոլյանա»**

Ընթերցողների ուշադրությանը ներկայացված հոդվածը գրվել է նրա խնդրանքով վեց տարի առաջ:

Որքա՛ն վերջերս էր այդ ամենը... 2019 թվականի ծրագրերը, առաջիկա համաժողովների համար... Եվ բոլոր նախագծերը իրականացվեցին սիրելի Միխայիլ Դավիդովիչի անխոնջ աշխատանքի շնորհիվ: 2024 թվականի սեպտեմբերին նա մեզ կրկին հավաքեց «Արարատ. Ռուսական և ազգային գրականություն» համաժողովին: Ինչ-որ անհասկանալի ձևով ես գիտեի, որ վերջին անգամ եմ գնում Հայաստան: Մեր բոլոր հանդիպումների աշխարհում տաք հոգի չկա... Մեկը դեռ կարող է հիանալ Հայաստանի գեղեցկությամբ, հյուրընկալությամբ և հայերի բոլոր հրաշալի հոգևոր որակներով, բայց նրանց համար, ովքեր 2010 թվականից ի վեր տոգորված են մեր Հայրիկի նկատմամբ խորը սիրով, այս պայծառ հանդիպումներն արդեն անցյալում են, և նրա մասին հիշողությունը... կենդանի ու հավերժ...

Բանալի բառեր՝ Յասնայա Պոլյանա, Մ. Դ. Ամիրխանյան, Լ. Ն. Տոլստոյ, Գրիգոր Նարեկացի, Լ. Մ. Մկրտչյան, Ամենայն Հայոց Կաթողիկոսի Հայրիկ Խրիսյանի քարոզները, Մոսկվայի Լազարևի արևելյան լեզուների ինստիտուտ, Ս. Ս. Աբամելեք-Լազարև:

**YEREVAN MEETINGS
(MEMOIRS OF THE "ENCHANTED WANDERER")
In memory of Mikhail Davidovich, our dear Airik**

**E. V. BELOUSOVA
The Leo Tolstoy National Museum-Estate at Yasnaya Polyana**

The article offered to the attention of readers was written at his request six years ago.

How recently it all was... Plans for 2019, for the upcoming conferences... And all the projects were implemented thanks to the tireless work of dear Mikhail Davidovich. In September 2024, he gathered us again for the conference "Ararat: Russian and National Literatures". In some inexplicable way, I knew that I was going to Armenia for the last time. There is no warm soul in the world of all our meetings... Someone can still admire the beauty of Armenia, hospitality and all the wonderful spiritual qualities of Armenians, but for those who since 2010 have been imbued with deep love for our Hayrik, these bright meetings are already in the past, and the memory of him is alive and eternal...

Key words: *Yasnaya Polyana, M. D. Amirkhanyan, L. N. Tolstoy, Grigor Narekatsi, L. M. Mkrtchyan, sermons of the Catholicos of All Armenians Hayrik Khrimyan, Moscow Lazarev Institute of Oriental Languages, S. S. Abamelek-Lazarev.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 17 июня 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

**РОЛЬ МИКРОСЮЖЕТОВ И РЕМИНИСЦЕНЦИЙ
В ПОВЕСТИ
И.С. ТУРГЕНЕВА «ВЕШНИЕ ВОДЫ»**

Михаилу Давидовичу Амирханяну посвящается

В. А. ДОМАНСКИЙ

**Санкт-Петербургский Институт бизнеса и инноваций
г. Санкт-Петербург, Россия**

valerii_domanski@mail.ru

В своей научной и просветительской деятельности, обращенной к изучению, и продвижению творчества русских классиков в научном и культурном пространстве Армении, М.Д. Амирханян уделял большое внимание творчеству И.С. Тургенева. Неизбывный читательский и исследовательский интерес в его творчестве русского писателя вызывает повесть «Вешние воды». Глубина ее прочтения зависит от понимания введенных автором микросюжетов и реминисценций, составляющих культурный контекст произведения. В статье рассмотрены роль художественных экфрасисов и литературных сюжетов и реминисценций, связанных с созданием образа тургеневских героинь – Джеммы Розелли и Марии Полозовой. ***Ключевые слова:** М.Д. Амирханян, И.С. Тургенев, повесть «Вешние воды», художественное пространство, микросюжеты, реминисценции, авторская мироконцепция.*

Невозможно примириться с мыслью, что нет с нами больше Михаила Давидовича Амирханяна. Но он есть в наших мыслях, в наших сердцах, человек необыкновенный – гуманист, интернациона-

лист, настоящий подвижник науки, культуры человек, который оставил ярчайший след в сближении и дружбе армянского и русского народов, двух цивилизаций. Он имел любящее, отзывчивое сердце и вмещал в нем всех нас, так как был одним из немногих, наделенных настоящими христианскими добродетелями. Верю, что возвращенные им сады дружбы, любви, красоты и гуманизма будут плодоносить в веках.

Михаил Давидович прекрасно знал русскую литературу, его труды, посвященные ей, конференции о русской и национальных литературах войдут в сокровищницу наших культур. Особое внимание он уделял в своих научных исследованиях русской классике и, пожалуй, ни один из них не был обделен его вниманием. В кругу его любимых русских писателей был И.С. Тургенев. Амиханян считал, что в его произведениях «отразилась целая эпоха русской истории и культуры. <...> Глубина тургеневских сюжетов, созданных по невыдуманым историям, галереи судеб, стала объектом исследования не только русистов, но и славистов, историков, философов, искусствоведов» [1, с. 206]. И это действительно так. Тургенев был одним из самых образованных русских писателей, и чтение его произведений требует от читателя, а особенно от исследователя, серьезной эрудиции, знаний в области мифологии, литературы, живописи, музыки. По-существу, его тексты можно рассматривать как гипертексты, в которых аллюзии, образы культуры, микросюжеты, мотивы отсылают ко многим другим текстам. Так, в его творчестве происходило расширение художественного пространства текстов, появление новых смыслов и значений.

В статье рассматривается роль микросюжетов и реминисценций в одной из самых ярких в художественном плане повестей Тургенева «Вешние воды». В ней развитие сюжета, мироконцепция произведения связаны с художественным воплощением двух типов героинь, которые, по сути, выражают две тургеневские концепции любви и женской красоты.

Возлюбленная Санина, Джемма Розелли, чисто внешне напоминает тургеневских героинь «дворянских гнезд», ее внешняя и внут-

решающая красота указывает на ее скромность, цельность и целомудренность. Для изображения Джеммы автор использует психологические ситуации и приемы портретирования. С этой целью он дает несколько описаний портретов героини в меняющихся жизненных ситуациях, каждый раз добавляя все новые и новые черты в выражении глаз, позах мимики, жестах, голосе. В начале повести, представляя свою героиню, Тургенев показывает ее в ситуации сильного возбуждения, вызванного обмороком ее брата Эмиля. При этом писатель совмещает два фокуса зрения – автора и его героя, Санина. Волнение и возбуждение героини передано посредством нескольких важных деталей: героиня не вошла в кондитерскую, а «порывисто вбежала», с «рассыпанными по обнаженным плечам темными кудрями» и «протянутыми вперед обнаженными руками» [3, т. 8, с. 258]. Разворачивая далее ее психологический портрет, автор усиливает передачу волнения, переходящего в отчаяние, которое невольно сообщается Санину. «Она обернулась к нему и с таким отчаянием в голосе, во взгляде, в движении сжатой руки, судорожно поднесенной к бледной щеке, произнесла: “Да идите же, идите!” – что он тотчас ринулся за нею в раскрытую дверь» [3, т. 8, с. 258].

Если в первом описании Джеммы писатель лишь сообщает о красоте героини, которой восхитился Санин, то в следующем, подобно живописцу, ее убедительно передает: «Нос у ней был несколько велик, но красивого, орлиного ладу, верхнюю губу чуть-чуть оттенял пушок; зато цвет лица, ровный и матовый, ни дать ни взять слоновою костью или молочный янтарь, волнистый лоск волос, как у *Аллориевой Юдифи в Палаццо-Питти*, – и особенно глаза, темно-серые, с черной каемкой вокруг зениц, великолепные, торжествующие глаза, – даже теперь, когда испуг и горе омрачали их блеск...» [3, т. 8, с. 260].

Соединяя изображение с выразительностью, писатель, стремится усилить зрительные представления читателя, используя прием художественных зеркал. Так, описывая портрет Джеммы, он сравнивает его с Юдифь, изображенной на картине известного итальянского художника *Кристофано Аллори «Юдифь с головой Олоферна»* (около 1580 г., галерея палаццо Питти во Флоренции). Разумеется, что

сходство Джеммы с иудейской героиней Юдифь, бесстрашной и коварной, чисто внешнее, но оно наблюдается в изображении матовой кожи лица Джеммы, ее черных волнистых волос, «великолепных, торжествующих глаз» [3, т. 8, с. 260].

Новые детали добавляет писатель в другом описании Джеммы. В нем передана не столько классическая красота девушки, сколько ее внутренне состояние от недавно пережитого: «...она <...> казалась утомленной и слегка побледнела; темноватые круги оттеняли ее глаза, но блеск их не умалился от того, а бледность придавала что-то таинственное и милое классически строгим чертам ее лица» [3, т. 8, с. 273]. Отмечая «изящную красоту рук» и «гибких пальцев» Джеммы, от которых не смог оторвать свой взор Санин, Тургенев вновь обращается к художественному зеркалу – картине *Рафаэля Санти «Форнарина»* (1518–1519). В этом художественном зеркале тоже отражается лишь внешняя красота. Дочь кондитера, целомудренная Джемма не имеет ничего общего с куртизанкой, дочерью пекаря, Форнариной, имя которой восходит к итальянскому слову *fornaj* – *пекарь*.

В еще одной портретной зарисовке Джеммы, которая дана в повести от лица Санина, отмечается «изящество и стройность ее стана» [3, т. 8, с. 265] с привлечением литературной реминисценции из стихотворения В.Г. Бенедиктова «Пляска». Здесь автор вновь использует художественное зеркало – поэтическое описание Бенедиктовым пляски Саломеи:

Пляшущая плавает роз в благоухании,
В пламени зениц ее – сила чародейская,
Стан ее сгибается в мерном колыпании –
Стройный, как высокая пальма иудейская;
Кудри умощенные блещут украшениями
Перлов, камней царственных, радужно мерцающих;
Воздух рассекается быстрыми движениями
Рук ее, запястьями звонкими бряцающих [2, т. 2, с. 356].

В повести даже нет намека, в каком стихотворении Бенедиктова имеется это сравнение девичьего стана с пальмой, но образованный читатель мог об этом догадаться.

Использованные автором художественные зеркала служат главным образом для передачи яркой, запоминающейся красоты Джеммы, а ее внутренняя красота, целомудренность, скромность, кротость и добродетельность больше раскрывается в драматических сценах.

В создании портрета и характера второй героини повести – Марии Николаевны Полозовой – Тургенев использует те же приемы портретирования, изображения художественных зеркал, но значительно больше насыщает текст литературными реминисценциями и аллюзиями.

Ключ к разгадке натуры героини содержится уже в первом представлении героини автором: «Мария Николаевна Полозова, урожденная Колышкина, была очень замечательная особа. И не то, чтобы она была отъявленная красавица: в ней даже довольно явственно сказывались следы ее плебейского происхождения. Лоб у ней был низкий, нос несколько мясистый и вздернутый; ни тонкостью кожи, ни изяществом рук и ног она похвалиться не могла — но что всё это значило? *Не перед «святыней красоты», говоря словами Пушкина,* остановился бы всякий, кто бы встретился с нею, но перед обаянием мощного, не то русского, не то цыганского, цветущего женского тела... и не невольно остановился бы он!» [3, т. 8, с. 344].

В структуре повествования цитата из стихотворения Пушкина «Красавица» рождает цепочку ассоциаций и отражает скрытое ироническое отношение Тургенева к своей героине. Поэтический образ «святыни красоты» здесь явно несовместим с красотой Полозовой – красотой плотской: роковой и разрушительной, являющейся полной противоположностью невесте Санина Джемме, идеальной тургеневской героине, способной любить верно и преданно. Как известно, пушкинское стихотворение «Красавица» посвящено Елене Михайловне Завадовской. Приведем его текст:

Все в ней гармония, все диво,
Все выше мира и страстей;
Она покоится стыдливо

В красе торжественной своей;
Она кругом себя взирает:
Ей нет соперниц, нет подруг;
Красавиц наших бледный круг
В ее сияньи исчезает.

Куда бы ты ни поспешал,
Хоть на любовное свиданье,
Какое б в сердце ни питал
Ты сокровенное мечтанье, —
Но, встретясь с ней, смущенный, ты
Вдруг остановишься невольно,
Благоговея богомольно
Перед святыней красоты. [4, т. 3, с. 226].

В нем поэт воссоздает поэтический портрет гармоничной женщины, в которой «все выше мира и страстей». При встрече с ней любовью человек испытывает невольное смущение, благоговеет перед ее красотой, потому что героиня стихотворения – возвышенный, божественный женский образ. В творчестве Пушкина оппозицией к нему являлся образ «беззаконной кометы», который в сознании современников поэта ассоциировался с Аграфеной Федоровной Закревской, экстравагантной красавицей, известной своими скандальными связями, поставившей себя вне условностей поведения в свете и морали. Ей посвящали свои стихотворения и поэмы известные поэты 1820-1830-х годов – П.А. Вяземский, Е.А. Баратынский. А.С. Пушкин был с ней знаком лично и изобразил в образе Нины Воронской в VIII-ой главе «Евгения Онегина». Его «блестящая Нина Воронская», «Клеопатра Невы» привлекает своей телесной «мраморной красотой». Пушкин посвятил ей также три стихотворения: «Портрет», «Наперсник» и «Счастлив, кто избран своенравно...», написанных в июле–августе 1828 г.

Эти три стихотворения являются своеобразной канвой для раскрытия лирического сюжета жизни героя повести Тургенева – Дмитрия Санина. В контексте развития действия «Вешних вод» оче-

видно сближение Марьи Николаевны Полозовой с Аграфеной Федоровной Закревской. Ее развернутый портрет автор рисует не сразу, а в несколько приемов, каждый раз внося в него новые черточки. Так постепенно вырисовывается образ демонической женщины. Писатель указывает на ее «кошачью походку», «змеевидные косы», дьявольское притяжение ее тела, «от которого так и веяло <...> разбирающем и томящим, тихим и жгучим соблазном» [3, т. 8, с. 353]. Но более всего автор уделяет внимания ее глазам, «серым, хищным, дерзостно ухмыляющимся» [3, т. 8, с. 358], с «холодным блеском», в котором «проступало что-то недоброе... что-то угрожающее» [3, т. 8, с. 348]. «Особенную красоту, – подчеркивает автор, – придавали ее глазам ее брови, густые, немного надвинутые, настоящие соболиные» [3, т. 8, с. 348].

Новую фазу взаимоотношений Дмитрия Санина и Марьи Полозовой, превращение героя в ее «наперсника», раскрывает дальнейшее развитие сюжета повести. С начала их встречи герой относился к Полозовой просто, как к красивой, обаятельной женщине, постоянно думая о своей возлюбленной Джемме, образ которой был неотступно перед его глазами. Но затем сквозь ее «почти божественные черты», стали «сквозит эти» [3, т. 8, с. 358], как саркастично заметил автор, то есть, **демонические черты** Полозовой. Все попытки героя освободиться от навязчивой женщины, которая «торчала перед его глазами», как о ней с «особым злорадством выразился Санин» [3, т. 8, с. 358], оказались невозможными. «Пламенная зараза» глубоко проникает в сердце героя, и вскоре он полностью отдается во власть этой «странной женщины».

Наиболее яркой и тщательно прописанной автором является сцена верховой прогулки героя с Марией Полозовой по горному лесу, заканчивающаяся «падением» Санина. Их стремительный галоп по лесным тропинкам Тургенев описывает как полет птиц, неслучайно Полозова сравнивает себя и своего спутника с птицами: «– <...> мы – вольные птицы» [3, т. 8, с. 372]. Здесь имплицитная (скрытая) реминисценция, взятая из известного пушкинского стихотворения, воспевающего страстный, романтический порыв свободолюбивого *Узника* на волю, приобретает совсем иной смысл.

Для Марьи Николаевны свобода, воля – это свобода любви, страсти, удовлетворение своих необузданных желаний, власть над своими поклонниками.

На бешенную скачку указывает и вторая реминисценция – баллада Готфрида Бюргера «Ленора» («Lenore»):

Und weiter, weiter, hopp! hopp! hopp!
Gings fort im sausenden Galopp,
Daß Roß und Reiter schnoben
Und Kies und Funken stoben.

Wie flog, was rund der Mond beschien,
Wie flog es in die Ferne!
Wie flogen oben überhin
Der Himmel und die Sterne! [5].

Фрагмент этой баллады вольно пересказывает Мария Николаевна Санигу. Эти реминисценции заключают в себе горькую авторскую иронию: все высокие, идеальные романтические чувства и порывы эта развращенная женщина заземляет и превращает в низменные страсти и желания. Заманив Санина во время грозы в лесную караулку, она откровенно намекает ему о своем тайном желании, указывая на сходство ситуации, в которой они оказались, с одной из ключевых сцен в «Энеиде» Вергилия. Это другая разновидность реминисценции, эксплицитной, явной. Возникшая близость тургеневских героев является результатом любовной игры и необузданных желаний Марии Полозовой (она ведь заключила пари со своим мужем и его выиграла).

В повести Тургенева это сниженная, бурлескная коннотация подобной сцены в героической поэме Вергилия, где возникшая страсть Дидоны и Энея подготовлена богиней земли Геей и богиней брака Юноной. Но если страдательным лицом в поэме Вергилия оказывается Дидона, которая после отъезда Энея из-за своей роковой страсти кончает жизнь самоубийством, то в «Вешних водах» «потерянным, погибшим» становится главный герой. Поэтому новой фазой развития взаимоотношений Санина и Полозовой является превращение его в раба, а ее – во «властительницу» [3, т. 8, с. 377].

В отличие от заключительного стихотворения, в так называемом триптихе Пушкина, в финале повести ее автор уже не просто дистанцируется от своей героини. Он откровенно выражает свою к ней неприязнь, изображая Полозову после сцены покорения Санина как дьяволицу, у которой «на губах змеилось торжество – а глаза, широкие и светлые до белизны, выражали одну безжалостную тупость и сытость победы. У ястреба, который когтит пойманную птицу, такие бывают глаза» [3, т. 8, с. 377]. Романтическую любовь в «Вешних водах» вытеснила опустошившая героя страсть, превратившая его в раба. Но над своим заблудшим героем автор не смеется: он достоин сочувствия. Ирония и сарказм Тургенева обращены к демонической женщине – Марии Николаевне Полозовой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирханян М.Д., Кормилов С.И.. Тургеневская конференция в Ереване// Вестник Московского университета. Серия 9. филология. 2014. № 4. С. 206.
2. Бенедиктов В. Г. Сочинения / под ред. Я. П. Полонского. Второе посмертное издание с биографией и портретом автора. М.: Изд-во Т-ва М. О. Вольфа. СПб.; М.: Т-во М. О. Вольф, 1902. Т. 2. 356 с.
3. Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М.: Наука, 1978–1986.
4. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти тт. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). Л.: «Наука» Ленинградское отд. 1977–1979. Т. 3. С. 226.
5. Gottfried August Bürger. Lenore//URL: <https://alogritmy.livejournal.com/89711.html> (дата доступа: 22.05. 2025).

REFERENCES

1. Amirhanyan M.D., Kormilov S.I.. Turgenevskaya konferenciya v Erevane// Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9, filologiya, 2014, nn. 4. P. 206.

2. *Benediktov V. G. Sochineniya / pod red. YA. P. Polonskogo. Vtoroe posmertnoe izdanie s biografiej i portretom avtora. Moskow.: Izd-vo T-va M. O. Vol'fa. SPb, 1902, v. 2, 356 p.*
3. *Turgenev I. S. Poln. sobr. soch. i pisem: v 30 v. Moskow.: Nauka, 1978–1986.*
4. *Pushkin A. S. Poln. sobr. soch.: V 10-ti v. / AN SSSR. In-t rus. lit. (Pushkinskij Dom). Leningrad.: Nauka, Leningradskoe otd. 1977–1979, v. 3, p. 226.*
5. *Gottfried August Bürger. Lenore // URL: <https://alogritmy.livejournal.com/89711.html> (data dostupa: 22.05.2025).*

ՄԻԿՐՈՍՅՈՒԺԵՆՆԵՐԻ ԵՎ ՀԻՇՈՂՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԻ ԴԵՐԸ Ի.Ս. ՏՈՒՐԳԵՆԵՎԻ «ԳԱՐՆԱՆԱՅԻՆ ՋՐԵՐԸ» ՊԱՏՄՎԱԾՔՈՒՄ

Վ. Ա. ԴՈՄԱՆՍԿԻ

Սանկտ Պետերբուրգի բիզնեսի և նորարարության ինստիտուտ Սանկտ Պետերբուրգ, Ռուսաստան

Ռուս դասականների ստեղծագործությունների ուսումնասիրման և տարածմանն ուղղված իր գիտական և կրթական գործունեության մեջ Մ.Դ. Ամիրխանյանը մեծ ուշադրություն է դարձրել Ի.Ս. Տուրգենևի ստեղծագործություններին:

«Գարնանային ջրեր» պատմվածքը անսպառ հետաքրքրություն է առաջացնում ընթերցողի և հետազոտողի շրջանում ռուս գրողի ստեղծագործությունների նկատմամբ:

Նրա ընթերցման խորությունը կախված է հեղինակի կողմից ներկայացված միկրոսյուժեների և հիշողությունների ըմբռնումից, որոնք կազմում են ստեղծագործության մշակութային համատեքստը:

Հոգվածում ուսումնասիրվում է գեղարվեստական էքֆրազների և գրական պլոթների ու հիշողությունների դերը, որոնք կապված են Տուրգենևի հերոսուհիների՝ Գեմմա Ռոզելլիի և Մարիա Պոլոզովայի կերպարի ստեղծման հետ:

Բանալի բառեր՝ Մ.Դ. Ամիրխանյան, Ի.Ս. Տուրգենև, «Գարնանային ջրեր» պատմվածք, գեղարվեստական տարածք, միկրոպլոթներ, հիշողություններ, հեղինակի աշխարհայացք

THE ROLE OF MICRO-PLOTS AND REMINISCENCES IN THE STORY

BY I.S. TURGENEV "VESNHIIE VODY"

V. A. DOMANSKY

St. Petersburg Institute of Business and Innovation

St. Petersburg, Russia

In his scientific and educational activities aimed at studying and promoting the works of Russian classics in the scientific and cultural space of Armenia, M.D. Amirkhanyan paid great attention to the works of I.S. Turgenev. The story «Spring Waters» arouses inexhaustible reader and research interest in the works of the Russian writer. The depth of its reading depends on the understanding of the micro-plots and reminiscences introduced by the author, which constitute the cultural context of the work. The article examines the role of artistic ekphrasis and literary plots and reminiscences associated with the creation of the image of Turgenev's heroines –Gemma Roselli and Maria Polozova.

Key words: M.D. Amirkhanyan, I.S. Turgenev, story «Spring Waters», artistic space, microplots, reminiscences, author's worldview

Информация о статье: статья поступила в редакцию 10 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

**СИМВОЛИКА ОБРАЗА АРАРАТА:
СЕМАНТИКА ЗАГЛАВИЯ СТИХОТВОРНОГО ТЕКСТА
(На материале книги М. Д. Амирханяна
«Армения в зеркале русской поэзии»)**

А. И. СМЕРНОВА

**Московский городской педагогический университет
Alfia-smirnova@yandex.ru**

В статье анализируется символика образа Арарата в поэтических текстах, в заголовочный комплекс которых входит топоним горы. Материалом исследования стали стихи, опубликованные в книге М.Д. Амирханяна «Армения в зеркале русской поэзии» (2022). Принцип отбора текстов в книге позволяет учесть все стихотворения, в которых образ Арарата оказывается в «сильной позиции» текста и занимает центральное положение. На основе анализа стихов Брюсова, Мандельштама, Луговского, Матусовского, Дудина, Звягинцевой, Николаевской, Сергеева, Трифонова, Чичибабина, Лиснянской выявляется символическое значение образа Арарата в большинстве произведений, анализируется система мотивов, определивших особенности поэтики. Ведущим мотивом в стихах, названных оронимом Арарат (или производными от него), стал библейский мотив потопа и спасения. Образ Арарата находит многообразное воплощение в русской поэзии XX в.: как священная гора, как «современник творенья» мира, как космическая ось мира, как антропоморфный образ, который наиболее полно раскрывается в мотивах «горы в тумане», открывающейся «золотым куполом» далеко не каждому; парящего, плывущего, летящего образа горы, устремленной на родину; тенью, дотягивающейся до неё. Центральное положение образа Арарата в стихах на формальном уровне выражено заголовочным комплексом, что подтверждается нами не только анализом именных заголовков и заглавий в виде поэтической строки, открывающей стихотворение, но и выявлением художественных функций подзаголовка и эпиграфа как компонентов заголовочного комплекса.

Ключевые слова: Арарат, ороним, гора, символика образа, стихи, семантика заглавия, мотив, вертикаль, модель мира.

Светлой памяти **Михаила Давидовича Амирханяна** – доктора филологических наук, профессора, вдохновителя и организатора цикла легендарных международных научных конференций «Русская и национальные литературы» (2009–2024)

Литературное произведение начинается с заголовочного комплекса, включающего имя автора, заглавие, подзаголовок, эпиграф. На значимость заглавия для всего произведения указывает С.Д. Кржижановский в известной работе «Поэтика заглавий» (1931): «Десяток-другой букв, ведущих за собой тысячи знаков текста, принято называть заглавием. Слова на обложке не могут не общаться с словами, спрятанными под обложку» [5, с. 3]. Первый раздел в цитируемой книге называется «Метод», в котором ученый обращает внимание на то, каким образом соотносится заглавие с текстом: «Как завязь, в процессе роста, раскрывается постепенно-множающимися и развивающимися листьями, так и заглавие лишь постепенно, лист за листом, раскрывается в книгу: книга и есть *развернутое до конца заглавие*, заглавие же – стянутая до объема двух-трех слов книга» [5, с. 3].

Современные исследователи заголовочный комплекс включают в «раму произведения» [6, с. 848] и подчеркивают связь обязательных/факультативных рамочных компонентов с жанром произведения. Ю.Б. Орлицкий обращает особое внимание на заглавия в произведениях лирического рода: «В лирическом роде (изначально – в *стихотворениях*, начиная с первой половины XX в., – и в прозе) возможно существование произведения без названия; в таком случае роль 3.<аглавия> обычно принимает на себя первая строка текста или его ключевое слово» [8, с. 74].

Цель статьи состоит в исследовании стихотворений об Арарате, в заглавия которых вынесен этот ороним. Материалом анализа стали стихи, включенные в книгу: *Амирханян М.Д. Армения в зеркале русской поэзии* (Ереван, 2022). Принцип отбора текстов по их заглавию

позволяет в рамках представленного издания учесть все стихотворения, в которых образ Арарата оказывается в «сильной позиции» текста и занимает центральное положение.

Внимание и интерес к горной теме и образам гор вполне объясним: «Во все века люди с восхищением и благоговением взирали на заснеженные пики гор, взметнувшиеся выше облаков и пронзающие небеса. Неудивительно, что у древних народов горы считались местом соединения неба и земли, обителью бессмертных богов. Вершины гор рассматривались как пуп земли, а иногда – как вход в тоннель, откуда начинается дорога в царство мертвых» [3, с. 76]. Обратимся к справочной статье «Гора́» в энциклопедии «Мифы народов мира», в которой Арарат упоминается в связи с существенными мифологическими мотивами и событиями: потопом («ср. Арарат в Ветхом Завете, Парнас в истории *Девкалиона* и *Пирры*»), мотивом прикованного к горе культурного героя: «Эльбрус, к которому *каджи* приковывают *Амирани* у грузин, и Масис (Арарат), где то же самое происходит с Артавадзом (у армян) (курсив автора. – А.С.)» [7, с. 313].

В художественной литературе и искусстве горные образы широко распространены и не поддаются каталогизации, распространенность и укорененность гор в культуре можно объяснить их мифологическим происхождением и семантикой: «Гора часто воспринимается как образ мира, модель вселенной, в которой отражены все основные элементы и параметры космического устройства. Гора находится в центре мира – там, где проходит его ось (*axis mundi*)» [7, с. 311]. Горы имеют многообразные мифологические функции и занимают значительное место в мифологии, художественной культуре и литературе. Распространенность в мифологии этого топоса подтверждается в энциклопедической литературе: «Ветхозаветная традиция особо отмечает целый ряд гор: Синай (где Яхве открыл Моисею 10 заповедей), Сион (царская резиденция Давида), Оливет (трёхвершинная Г.<ора>, почитавшаяся как местопребывание Яхве), Мориях (место встречи Давида с ангелом; здесь же был построен храм Соломона в Иерусалиме), Арарат (миф о потопе), Геризим и Эбал (горы, отражающие как эхо благословения и проклятия), Кармел (символ верности и плодородия)» [7, с. 313].

Белоснежные вершины гор, устремленные в небеса, соотносятся с духовной сферой жизни человека. Так, для героев повести Л.Н. Толстого «Казачьи» «цепь девственно чистых гор с их ослепительными снеговыми вершинами становится мерилем нравственных ценностей» [2, с. 99]. Л.В. Пумпянский, автор труда «Классическая традиция: собрание трудов по истории русской литературы» (2000), обращает внимание на то, что «горные пейзажи способствуют возможности раскрыть идею двоемирия природы, показать соотнесенность сфер. Поэтически горы изображаются как *древняя часть земного мира*, укорененная в нем, но возносящаяся над его горизонталью, соприкасающаяся с горным (Здесь и далее в цитатах из стихов курсив наш. – А.С.)» [Цит. по: 4, с. 110].

В монографию / антологию доктора филологических наук, профессора Михаила Давидовича Амирханяна вошли два стихотворения В.Я. Брюсова, созданные в 1916 году. М.Д. Амирханян назвал поэта «первооткрывателем армянской поэзии», поскольку в том же году в переводах на русский язык и под общей редакцией Брюсова была издана в Москве знаменитая антология «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней». В первом стихотворении «К Арарату» (2016) образ горы предстает великаном и властелином, не подвластным времени. Арарат царит над пространствами и временами:

В огромной шапке Мономаха,
Как властелин окрестных гор,
Ты взнесся от земного праха
В свободно-голубой простор [1, с. 279].

Образ Арарата в процитированном стихотворении В.Я. Брюсова задает *космический масштаб* картине мира, модель которого формируется белым конусом горы и прахом земным, эта вертикаль соединяет небеса и землю (поле каменистое), по горизонтали соединены окрестные пространства древней земли: «Весь мир кругом суровый, древний, / Как тот, где опочил ковчег» [1, с. 280]. С образом Арарата связан мотив ветхозаветного ковчега, возникающий в стихах антологии «Армения в зеркале русской поэзии». Связь *верха* и *низа* –

распространенный мотив в поэтическом осмыслении гор, символизирующий *пространственную вертикаль*, которая структурирует модель мира и является метакодом бытия.

В мифах гора, как и мировое древо, имеет трёхчленное деление на верхнюю, среднюю и нижнюю зоны. «Мировая Г.<ора> трёхчленна. На её вершине обитают боги, под Г.<орой> (или в её нижней части) – злые духи, принадлежащие к царству смерти, на земле (посередине) – человеческий род» [7, с. 311]. Образ Арарата у Брюсова мифологизируется и поэтизируется. Образ «старика-Арарата» запечатлен в финальных строках стихотворения: с него не сводит влюбленных глаз «короной венчанная дева», «в снегах, алея, Алагяз» [1, с. 280].

В следующем стихотворении В.Я. Брюсова – «Арарат из Эривани» (2016) – образ горы наполняется дополнительными смысловыми оттенками: «Весь ослепительный, весь белый / В рубцах задумчивых морщин»; внизу кипит жизнь («потoki шумные Зангу», сады, гул базара), но «нуждам земным» не внимлет Арарат: «Ты их отверг, ты выше их / Ты небом и веками дышишь» [1, с. 281]. И главный смысл стихотворения заключен в предпоследней, пятой строфе:

И пусть, взглянув угрюмо к югу
Как древле, ты увидишь новь –
Дым, сталь, огни, тела и кровь,
Миры, грозящие друг другу:
Ты хмурый вновь отводишь лоб,
Как в дни, когда шумел потоп [1, с. 281].

Символика образа вечного Арарата раскрывается в последней строфе: он «современник творенья» мира, ведал «человечества конец», ему заповедовал Творец «тайну новых дней». Семантика *потопа* усложняется, включая его контекстный потенциал, отсылающий к мифическим временам, образам Ноя и ковчега.

Теоретики литературы обращают внимание на то, что заглавие произведения является «сильной позицией» текста, поэтому «даже во внешне нейтральных заглавиях присутствие автора всегда ощутимо» [6, с. 849]. Особенно это относится к лирическим произведениям. У

О.Э. Мандельштам есть стихотворение, в котором представлена не именная форма заглавия («По форме 3<аглавия> чаще всего бывают именными; значительно реже встречаются глагольные или выраженные целыми предложениями» [8, с. 74]) и даже упоминание Арарата имеет косвенный характер в первой строке: «Колючая речь араратской долины...» (1930), однако ключевой смысл текста и его интонация связаны с семантикой отсутствующего образа горы. Стихи, состоящие всего из восьми строк, обладают суггестивным эффектом благодаря динамичному развитию лирического сюжета, нанизывающего безглагольные предложения и устремленного к предпоследней строке с единственным глаголом, и завершающей сюжет последней строкой.

Колючая речь араратской долины,
Дикая кошка – армянская речь,
Речь голодающих кирпичей.
А близорукое шахское небо –
Слепорожденная бирюза –
Все не прочтет пустотелую книгу
Черной кровью запекшихся глин [1, с. 320].

В цитируемом нами издании опубликованы шесть стихотворений Мандельштама об Армении. И там же упоминается автобиографический факт, объясняющий остроту поэтического восприятия древней земли, «сверхчеловеческую» оптику поэта и рожденные ею образы. Надежда Мандельштам вспоминала о том, что для поэта «приезд в Армению был возвращением туда, где все начиналось, к отцам, к истокам, к источнику... Ведь именно в Армении после долгого молчания стихи вернулись к нему и уже больше не покидали» [Цит. по: 1, с. 315].

Среди стихов об Армении В.К. Звягинцевой выделяется одно, в котором Арарат упоминается не в названии, а в *эпиграфе*. Эпиграф является значимым компонентом заголовочного комплекса. Более того, исследователи отмечают, что «аллюзивные заглавия, эпиграфы (большая часть которых – *цитаты*), жанровые подзаголовки...

подчеркивают открытость границ текста» [6, с. 848–849], его соотнесенность с другими текстами. В качестве эпиграфа поэтесса выбрала известную цитату из «Путешествия в Арзрум» А.С. Пушкина: «“Что за гора?” – спросил я, потягиваясь, и услышал в ответ: “Это Арарат”» [1, с. 423]. В стихотворении «Веселая свежесть расвета...» (1961), которое предваряется эпиграфом, развиваются тема Арарата и сюжет, соединивший «сегодняшний день и былое». Смысловым центром произведения является образ Арарата, «две снежных главы» которого в свое время видел Пушкин и довелось увидеть своими глазами лирической героине, чтобы ощутить быстротечность бытия («Стремительно и многоцветно, / проносится время земное») и вековечность Арарата.

Поэтический ландшафт в стихах антологии соотносится с духовным миром лирического героя. Регионально-географическое пространство составляет онтологическую основу формирования психологических, ментальных, этнокультурных особенностей личности героя.

Символическое осмысление образа Арарата, основанное на *ветхозаветном мифе*, представлено в стихах М.А. Дудина «Вспоминная Арарат» (1988), навеянных поэту в Михайловском, и начинаются они так:

На Арарате белый-белый снег,
И где-то там, в снегах на Арарате.
Покоится таинственный ковчег,
Как бабочка в коробочке на вате [1, с. 442].

Лирическому герою Дудина, земному человеку, хочется от распрей, бед и обмана «уйти в снега, подобно Абовяну¹». Лирический сюжет строится на оппозиции *временное / вечное*, которая реализуется в мотиве *двоемирия*, олицетворяемого образами бренной и грешной жизни, и «высоким миром над золотой долиной». Этот

¹ Современным читателям эта строка, пожалуй, ни о чем не говорит. Рекомендуем обратиться к книге М.Д. Амирханяна «Армения в зеркале русской поэзии», в которой упоминается об экспедиции, посвященной восхождению на Арарат профессора Дерптского университета Ф. Паррота в 1829 г., и об участии в экспедиции в качестве переводчика Х. Абовяна, [См.: 1, с. 124–125].

высокий мир символизирует Арарат и как место Спасения человечества. Финальный абзац текста возвращает читателя к современности и воспринимается прогностически-предостерегающе: бегство в снега необходимо лирическому герою –

Не для того, чтобы найти ночлег
Для вечного души успокоенья, –
Мне надо знать, как выстроить ковчег
Для нового Потопа и Спасенья [1, с. 442].

Семантика Арарата в русской поэзии XX века включает *мотив «горы в тумане»* (М.Л. Матусовский «Арарат в тумане», Е.М. Николаевская «Арарат из окна гостиницы», И. Сергеева «Мне Арарат поверил сразу...», Г. Трифонов «Тонут в дымке выси Арарата...» и др.). Лирический герой шутливого стихотворения М.Л. Матусовского – гость в Ереване, «обиженный» на Арарат, который неделю не открывается ему. Но чудо все же происходит: в последний день перед отъездом, в шесть утра «с высоты гостиницы» Арарат открывается лирическому герою.

Еще доступней после дождя,
Он встал над плоскостью мироздания,
Любые вымыслы превзойдя,
Любые путая ожидания [1, с. 378].

Е.М. Николаевская в стихах «Арарат из окна гостиницы» развивает тот же мотив, связанный с чудом появления на горизонте сияющего «непостижимого купола»:

...И он явился. Удостоил.
Открылся. Показался. Всплыл.
Незыблемостью успокоил
И постоянством наградил [1, с. 479].

Лирическая героиня И. Сергеевой одушевляет Арарат и радуется его парению над собой:

Мне Арарат поверил сразу,
Не застился пеленой.

/ А рядом с ним и в нем таилось Божество»), открывающегося всякому, принявшего его в свою душу:

Я видел Арарат, далекое виденье.

Он *плыл*, не приближаясь...

Я видел Арарат *в тумане горизонта*,

И не было преград для взора моего...

Я видел Арарат, и он во мне поныне:

Он светит и глядит из сердца моего [1, с. 630].

В цикле стихов «Армянские мотивы» Ю. Помозова есть небольшое стихотворение «Масис» – это армянское название горы Арарат, которое встречается и у В.Я. Брюсова («Арарат из Эривани»): «Но ты, седой Масис, не слышишь / Ни шумных хвал, ни нужд земных». В стихотворении Ю. Помозова тема возвращения Масиса на родину находит иное образное решение, чем в рассмотренных выше стихах. Восходящее солнце в дымке освещает гору и тень от нее, упавшая вниз, тянется «в заветные армянские долины»:

Тянулся тенью он к отчизне изначальной,

К праматери армян – прекрасной Наири.

Стоит Масис – не блудный сын,

печальный, –

Призывный светоч он в лучах зари [1, с. 621].

И конечно, одним из сквозных мотивов в стихах об Арарате предстает *библейский мотив потопа и спасения*. Своим стихам «Арарат» И.Л. Лиснянская дала подзаголовок «Из апокрифа». Апокрифами называют произведения, развивающие темы, идеи и сюжеты Ветхого и Нового Заветов, ориентирующиеся «на канонические формы, но по каким-либо причинам не вошедшие в *канон*» [6, с. 44]. Апокрифический смысл выражен в третьей строфе стихотворения:

Да, Арарат – и причал ковчега весной

И виноделу первому обелиск, –

Первую в мире лозу здесь вырастил Ной,

Первым отведал вино и напился вдрызг,

И посреди шатра в беспамятстве лег нагой [1, с. 580].

В научной литературе справедливо отмечается, что подзаголовок берет на себя функцию основного носителя предметно-логической информации о тексте. Приведенный пример из стихов И.Л. Лиснянской красноречиво об этом свидетельствует.

Таким образом, проведя обзор всех стихотворений XX в., представленных в книге М.Д. Амирханяна «Армения в зеркале русской поэзии» (Ереван, 2022), мы выделили блок текстов, в название которых вынесен ороним *Арапат*. Изученный материал позволил выявить символическое значение образа Арапата в большинстве произведений, проанализировать систему мотивов в них, определивших особенности поэтики. Ведущим мотивом в стихах, названных оронимом Арапат (или производными от него), стал библейский мотив потопа и спасения. Образ Арапата находит многообразное воплощение в русской поэзии XX в.: как священная гора, как «современник творенья» мира, как космическая ось мира, как антропоморфный образ, который наиболее полно раскрывается в мотивах «горы в тумане», открывающейся «золотым куполом» далеко не каждому; парящего, плывущего, летящего образа горы, устремленной на родину; тенью, дотягивающейся до неё. Центральное положение образа Арапата в стихах на формальном уровне выражено заголовочным комплексом, что подтверждается нами не только анализом именных заголовков и заглавий в виде поэтической строки, открывающей стихотворение, но и выявлением художественных функций подзаголовка и эпиграфа как компонентов заголовочного комплекса.

Вместо послесловия. *Михаил Давидович Амирханян мечтал провести конференцию, посвященную Арапату, и, невзирая на все препятствия и трудности, сделал это: последняя, 21-я конференция «Арапат: русская и национальные литературы», состоялась в Ереване 25–27 сентября 2024 г. Низкий поклон и вечная память мечтателю и поэту, ценителю русской культуры, красивому и несгибаемому человеку!*

ЛИТЕРАТУРА

1. Амирханян М.Д. Армения в зеркале русской поэзии / Под ред. И.В. Романовой. Изд. 3-е, доп. и дораб. Ереван: Копи Принт, 2022. 662 с.
2. Бычков С. Л.Н. Толстой. Очерк творчества. М.: Гослитздат, 1954. 480 с.
3. Вовк О.В. Знаки и символы в истории цивилизаций. – М.: Вече, 2005., с. 76.
4. Дыхнова Е. Образ горы у Ф.И. Тютчева и Вяч. Иванова // Исследовательский журнал русского языка и литературы, 2015, 2 (5). С. 109–127.
5. Кржижановский С. Поэтика заглавий. М.: КИП «Никитинские субботники», 1931. 33 с.
6. Литературная энциклопедия терминов и понятий / Гл. ред. и составитель А.Н. Николюкин. М.: НПК «Интелвак, 2001. 1900 стб.
7. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. Т. 1. М.: Советская энциклопедия, 1980. 672 с.
8. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / Гл. науч. ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Издательство Кулагиной; Intrada, 2008. 358 с.

REFERENCES

1. Amirhanyan M.D. Armeniya v zerkale russkoj poezii / Pod red. I.V. Romanovoj. Izd. 3-e, dop. i dorab. Erevan: Kopi Print, 2022. 662 s.
2. Bychkov S. L.N. Tolstoj. Oчерk tvorchestva. M.: Goslitzdat, 1954. 480 s.
3. Vovk O.V. Znaki i simvolы v istorii civilizacij. – M.: Veche, 2005., s. 76.
4. Dyhnova E. Obraz gory u F.I. Tyutcheva i Vyach. Ivanova // Issledovatel'skij zhurnal russkogo yazyka i literatury, 2015, 2 (5). S. 109–127.
5. Krzhizhanovskij S. Poetika zaglavij. M.: KIP «Nikitinskie subbotniki», 1931. 33 s.
6. Literaturnaya enciklopediya terminov i ponyatij / Gl. red. i sostavitel' A.N. Nikoljukin. M.: NPK «Intelvak, 2001. 1900 stb.

7. Mify narodov mira. Enciklopediya: v 2-h t. T. 1. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1980. 672 s.
8. Poetika: slovar' aktual'nyh terminov i ponyatij / Gl. nauch. red. N.D. Tamarchenko. M.: Izdatelstvo Kulaginoj; Intrada, 2008. 358 s.

**ԱՐԱՐԱՏԻ ՊԱՏԿԵՐԻ ՍԻՄՎՈԼԻԶՄԸ.
ԲԱՆԱՍՏԵԴԾԱԿԱՆ ՎԵՐՆԱԳՐԵՐԻ
ԻՄԱՍՏԱԲԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ
(Մ. Դ. ԱՄԻՐԽԱՆՅԱՆԻ «ՀԱՅԱՍՏԱՆԸ ՌՈՒՍԱԿԱՆ
ՊՈԵԶԻԱՅԻ ՀԱՅԵԼՈՒ ՄԵԶ» ՀԻՄԱՆ ՎՐԱ)**

Ա. Ի. ՍՄԻՐՆՈՎԱ
Մոսկվայի քաղաքային համալսարան

Այս հոդվածը ուսումնասիրում է Արարատ լեռան պատկերի խորհրդանշականությունը բանաստեղծական տեքստերում, որոնց վերնագրերում ներառված է լեռան տեղանունը: Ուսումնասիրությունը հիմնված է Մ.Դ. Ամիրխանյանի «Հայաստանը ռուսական պոեզիայի հայելու մեջ» (2022) գրքում հրապարակված բանաստեղծությունների վրա: Գրքում օգտագործված ընտրության չափանիշները թույլ են տալիս ներառել բոլոր այն բանաստեղծությունները, որոնցում Արարատի պատկերը տեքստում զբաղեցնում է «ուժեղ դիրք» և կենտրոնական տեղ: Բոյուսովի, Մանդելշտամի, Լուգովսկոյի, Մատուսովսկու, Դուդինի, Չվազինցևայի, Նիկոլանսկայայի, Սերգենի, Տրիֆոնովի, Չիչերաբինի և Լիսնյանսկայայի ստեղծագործությունների վերլուծության միջոցով հոդվածը բացահայտում է Արարատի պատկերի խորհրդանշական իմաստները բանաստեղծությունների մեծ մասում, ուսումնասիրում է դրանցում առկա մոտիվների համակարգը և ուրվագծում դրանց պոետիկայի առանձնահատկությունները: Արարատ (կամ դրա ածանցյալ) անվանումով բանաստեղծությունների հիմնական մոտիվը Ջրհեղեղի և փրկության աստվածաշնչյան թեման է: 20-րդ դարի ռուսական պոեզիայում Արարատի կերպարը ներկայացված է բազմազան ձևերով՝ որպես սրբազան լեռ, «Արարչության

ժամանակակից», աշխարհի տիեզերական առանցք և մարդակերպ կերպար, որն առավել լիարժեքորեն բացահայտվում է այնպիսի մոտիվներով, ինչպիսիք են «մշուշի մեջ լեռը», միայն քչերին տեսանելի «ոսկե գմբեթը», և լեռան սավառնող, լողացող կամ թռչող պատկերը, որը ձգվում է դեպի իր հայրենիքը կամ ստվեր է գցում դրա վրա: Արարատի կերպարի կենտրոնական դերը այս բանաստեղծություններում ձևականորեն ամրապնդվում է վերնագրի կառուցվածքի միջոցով: Սա հաստատվում է անվանական վերնագրերի և բանաստեղծական սկզբնատառերի մեր վերլուծությամբ, ինչպես նաև ենթավերնագրերի և էպիգրաֆների գեղարվեստական գործառույթներով՝ որպես վերնագրի համալիրի բաղադրիչներ:

Բանալի բառեր՝ *Արարատ, օրանուն, լեռ, պատկերի խորհրդանիշ, պոեզիա, վերնագրի իմաստաբանություն, մոտիվ, ուղղահայացություն, աշխարհի մոդել:*

THE SYMBOLISM OF THE IMAGE OF ARARAT: THE SEMANTICS OF POETIC TITLES (BASED ON M. D. AMIRKHANYAN'S "ARMENIA IN THE MIRROR OF RUSSIAN POETRY")

A. I. SMIRNOVA
Moscow City University

This article explores the symbolism of the image of Mount Ararat in poetic texts whose titles include the toponym of the mountain. The study is based on poems published in M.D. Amirkhanyan's book "Armenia in the Mirror of Russian Poetry" (2022). The selection criteria used in the book allows for the inclusion of all poems in which the image of Ararat occupies a "strong position" within the text and holds a central place. Through the analysis of works by Bryusov, Mandelstam, Lugovskoy, Matusovsky, Dudin, Zvyagintseva, Nikolaevskaya, Sergeev, Trifonov, Chichibabin, and Lisnyanskaya, the article identifies the symbolic meanings of the image of Ararat in most of the poems, examines the system of motives therein, and outlines the specific features of their poetics. A key motive in

poems titled with the oronym *Ararat* (or its derivatives) is the biblical theme of the Flood and salvation. In 20th-century Russian poetry, the image of Ararat is represented in diverse ways: as a sacred mountain, a “contemporary of Creation,” the cosmic axis of the world, and an anthropomorphic figure most fully revealed through such motives as the “mountain in mist,” the “golden dome” visible only to a few, and the soaring, floating, or flying image of a mountain reaching out toward its homeland—or casting a shadow upon it. The central role of the image of Ararat in these poems is formally reinforced through the title structure. This is confirmed by our analysis of nominal titles and poetic opening lines used as titles, as well as the artistic functions of subtitles and epigraphs as components of the title complex.

Key words: *Ararat, oronym, mountain, symbolism of the image, poetry, title semantics, motive, verticality, world model.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 30 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

ПЯТЬ МОЛИТВ АЛЕКСАНДРА СОЛЖЕНИЦЫНА¹

*Посвящается светлой памяти
профессора Михаила Давидовича Амирханяна*

И. Е. МЕЛЕНТЬЕВА

**Дом русского зарубежья им. А. Солженицына,
Псково-Печерская духовная семинария,
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный
университет**

irinamelenteva@mail.ru

В статье последовательно проанализированы «Акафист» (1952), «Как легко мне жить с Тобой, Господи!...» (1960-е гг.), «Укрепи меня...» (1964-1967), «Приведи нас, Господи, дожить во здравьи², силе и светлом уме...» (конец 1970-х) и «Молитва о России» (1990-е). Впервые эти пять личных авторских молитв, составленных Александром Солженицыным, соотнесены с этапами его жизни и творчества. Впервые показано, как духовное становление Солженицына-человека идет параллельно с творческими поисками, философскими раздумьями, с эволюцией художественных приемов и средств Солженицына-писателя. В личном гимнографическом корпусе текстов Солженицына отражаются как его частные жизненные обстоятельства, тревоги, стремления, заботы, так и крупные общественные вопросы. В разное время на первый план в молитвах Солженицына выходят разные темы и мотивы. Отмечено, что отличается не только содержание молитвенных текстов, но их

¹ Статья написана на основе Актовой речи, произнесенной в День славянской письменности 24 мая 2018 в Соборной палате Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета.

² Тексты А.И. Солженицына в статье цитируются с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Лингвистические взгляды Солженицына изложены в его работе «Некоторые грамматические соображения» (Солженицын А.И. Публицистика: в 3 т. Ярославль, 1997. Т. 3).

форма. Также впервые в научный оборот введена молитва Солженицына «Укрепи меня...».

Ключевые слова: молитва, гимнография, поэтика, творчество Александра Солженицына, этапы жизни и творчества, крохотка (жанр).

ВВЕДЕНИЕ

В самом начале октября 2018 года Михаил Давидович Амирханян собрал в Армении представительный международный научный форум «А.И. Солженицын: русская и национальные литературы», который был приурочен к 100-летию со дня рождения писателя-нобелиата. Конференция длилась три дня и проходила на трех площадках: в Ереванском государственном университете языков и социальных наук им. В.Я. Брюсова, в Институте литературы им. М. Абегяна Национальной академии наук Республики Армения и в Ванадзорском государственном университете им. О. Туманяна. Так произошла моя первая встреча с Михаилом Давидовичем.

В конференции 2018 года приняли участие исследователи из Андижана, Астрахани, Великого Новгорода, Вильнюса, Волгограда, Екатеринбурга, Казани, Краснодара, Красноярска, Москвы, Омска, Оренбурга, Пизы, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Сочи, Ставрополя, Тбилиси, Токио, Томска, Тюмени и Улан-Удэ. На открытии были зачитаны приветствия президента Республики Армения Армена Саркисяна, председателя Союза писателей Армении Э. Милитоняна, ректора Государственного университета им. В.Я. Брюсова К. Арутюнян. Каждый участник получил весомый том сборника материалов конференции (сборник был издан специально к началу конференции). Оригинальна была и форма конференции, можно даже сказать, что это новый жанр – конференция-путешествие. Благодаря Михаилу Давидовичу участники форума, которые чувствовали себя «открывателями новых земель» (Н. Гумилев), посетили много знаковых мест Армении: Мемориал геноцида армян, святой город Эчмиадзин, Звартноц («Храм бдящих ангелов»), восстановленный из руин в XX веке древний языческий храм в Гарни, пещерный монастырский комплекс

VIII века Гегард, озеро Севан, грибоедовские и пушкинские локации. Надо ли говорить, что жарким солнцем конференции и центром притяжения был сам Михаил Давидович? Высокий и стройный, с шапкой густых темно-серебряных волос, неутомимый в ходьбе, рассказах, заботе о гостях, Михаил Давидович стал для всех нас родным человеком. И мы оказались в теплых объятиях армянского гостеприимства, где нет границ для Любви, где не закрываются сердца, где нет чужих и своих, а все – наши.

В беседах во время конференции Михаил Давидович Амирханян неоднократно сравнивал произведения Александра Солженицына и молитвенное творчество армянского поэта Григора Нарекаци. В 2018 же году, в год столетия Солженицына и в год проведения ереванской солженицынской конференции, организованной М.Д. Амирханяном, Григор Нарекаци был причислен к лику святых католической Церкви. В связи с канонизацией, в Ватикане ему был установлен памятник, а Папа Римский Иоанн Павел II назвал Григора Нарекаци одним из 36-ти Учителей Церкви. «Книга скорбных песнопений» великого поэта из Нарека и по сей день является в Армении лучшим подарком на крестины, день рождения и свадьбу³.

Основная часть

Молитва сопровождала жизнь Александра Солженицына с колыбели. В воспоминаниях о детстве, написанных в Вермонте в 1980-е годы специально для подрастающих сыновей, писатель утверждает: «Я рано стал усердно молиться, и утром и вечером, знал уже все главные молитвы» [3: С. 12]. В тех же вермонтских мемуарах Солженицыным зафиксированы основные семейные установки в осмыслении христианского вероучения, в отношении к молитве: «Вера нашей семьи была самая простонародная – безо всякого понимания построения и отдельных элементов церковной службы, символического или исторического смысла их, уж тем более – безо всякого истолкования многообразных аспектов христианства, как это уже принято было в кругах религиозно образованных, – и мне всё

³ Сердечно благодарю **Анант Михайловну Амирханян** за указание мне на эти факты.

передалось в таком самом простом виде, не всегда с пониманием каждой фразы молитвы и даже с ошибками произношения: «иже еси на небеси», «оставляем должникам нашим», и так это укоренилось и в моём произношении на десятки лет. Не было интеллектуального понимания христианства и службы ни у кого в семье, даже у самой к тому пристальной тёти Иры, – но у всех... была вера, и все выходили из храма осветлённые, облегчённые, мягкие» [3: С. 12-13].

В художественных и мемуарных текстах Солженицына очень часто встречаются и описания молитв, и сами молитвы. Так, в рассказах «Один день Ивана Денисовича» и «Матрёнин двор», в повествование в отмеренных сроках «Красное Колесо», в двучастных рассказах «Абрикосовое варенье», «Настенька», «Эго», в цикле «Крохотки», в повести «Раковый корпус», в романе «В круге первом», в книгах «Бодался телёнок с дубом» и «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов» в той или иной мере присутствуют молитвенные вкрапления. Это могут быть и молчаливая (умная) молитва, и радостная хвала Создателю, и покаянное перечисление грехов, и благодарный гимн Богу, и слезные жалобы, и смиренные прошения, а также немолитвы, забытые молитвы и антимолитвы.

Вот в ранней незавершенной повести «Люби революцию» писатель показывает момент, когда в памяти автобиографического героя неожиданно и стремительно, словно зеленые стрелки травы, прорастающей после дождя на месте давнего пожара, возникают разрозненные стихи полузабытой молитвы «Отче наш»: «И вдруг, размягчённо-благодарному, ему вспомнилась фраза из забытой давно, с пионерских времён, молитвы: «хлеб наш насущный даждь нам днесь» – и в темноте слёзы навернулись ему на глаза. Хотя лет двенадцать он не произносил этой молитвы, но сейчас легко её вспомнил – и вдруг, перебрав её умом взрослого человека, удивился, какая она была бескорыстная: ни одно из бесчисленных желаний, повседневно разрывающих человеческую грудь, не упоминалось в ней – в ней не просилось ни о долголетьи, ни о здоровье, ни об избавлении от несчастий, ни о богатстве, ни о замужестве, ни о детях, ни о родителях, – всё это покрывалось великими словами: «да будет воля Твоя!» и только одного просил маленький человек у Большого

Бога – чтобы было ему что поесть сегодня» [4: Т. 18: С. 342]. Солженицын показывает, как на месте выжженного неверием отрицания Бога, возникает новое личное открытие и понимание смысла давно известного Евангельского текста. Это происходит лишь при определенном возрастании воспринимающего, при овнутрении текста, при хоть каком-то новом совпадении текста с собственным индивидуальным опытом.

Сходным образом в статье-главе «Роскошь узора и глубины сердца: поэзия Григора Нарекаци» (книга «Поэты») рассуждает о молитвенно-покаянной лирике «Книги скорбных песнопений» С.С. Аверинцев: «О чем скорбит, о чем плачет поэт? О своем несовершенстве, о своей духовной расслабленности, немощи, бессилии перед суетой мира, об утраченном первородстве человека. Укоры самому себе в каждый момент легко преобразуются в сетование о грешном человечестве вообще, с которым Нарекаци ощущает себя тесно связанным круговой порукой вины и моральной борьбы. Он просит у Бога прощения не для одного себя, но вместе с собою – для всех людей» [1: С. 104-105].

Приобщиться к высокой молитвенной поэзии читателю становится возможным не потому, что он, читатель, начинает считать себя великим и равным поэту, но в связи с двойным восприятием (более сложным; словно лучом, преломленным через две смысловые призмы – «другого» и «собственного» восприятий). То есть читатель должен быть и скромно ощущающим дистанцию между собой и создателем молитвы, и одновременно дерзновенно сокращающим эту дистанцию в жажде совершенства, в стремлении к идеалу. Для того, чтобы войти во всеобщий обиход, авторские молитвы должны обладать некоторыми особенными свойствами, эти свойства уже удачно сформулированы С.С. Аверинцевым: «Когда автор говорит нам; «я» страдаю и скорблю, «я» виновен и укоряю себя, – его «я» обязано явиться таким, чтобы любой единоверный автору читатель или слушатель смог высказать каждую жалобу уже от своего имени, отождествив свое «я» с авторским «я» всецело и без оговорок. ...ибо и в тот способ восприятия, на который со времен романтизма обычно рассчитана так называемая исповедальная лирика, входит известная

мера самоотождествления по формуле «вот и я – такой», однако в соединении с пафосом дистанция «и я» уже значит «не он», «такой» уже значит «не тот же»» [1: С. 105].

Механизм внедрения авторских молитвенных текстов в повседневный обиход читателя связан не только с искренностью (как качеством интимного переживания отношений с Богом), но и с отбором (подбором и выбором) художественных средств – струн, звуки которых резонируют с внутренним индивидуальным опытом читателя. Молитвенный текст должен быть построен так, чтобы отчетливо отражаться в каждой душе и отзываться эхом в каждом сердце. Словом, авторский молитвенный текст должен от мимолетной радости узнавания читателем себя хотя бы в какой-то части текста приводить к приятию и усвоению как своего всего текста. С.С. Аверинцев пишет об этом требовании жанра: «Слияние чувств поэта и читателя – для молитв и покаянных плачей не парадоксальный и неожиданный результат противостояния двух индивидов, их диалектического контраста, но само собой разумеющееся задание. Здесь никто не удивится тому, как это поэт умудрился сказать обо всех и за всех; ничего иного и не предполагалось уже априорно» [1: С. 106-107]. И заключает: «Это значит, что все приметы индивидуальной биографии должны быть элиминированы, либо обобщены до такой всечеловеческой парадигмы, в которой каждая деталь без остатка переработана в символ» [1: С. 107]. Эти требования очевидно соблюдены Солженицыным-гимнографом.

Из всего многообразия молитвенных текстов Солженицына рассмотрим пять произведений разных лет, проследим за эволюцией формы и содержания, за связью с событиями жизни писателя – «Акафист» (1952), «Как легко мне жить с Тобой, Господи!..» (1960-е гг.), «Укрепи меня...» (1964-1967), «Приведи нас, Господи, дожить во здравьи, силе и светлом уме...» (конец 1970-х) и «Молитва о России» (1990-е). Выбор данных текстов связан с тем, что именно эти молитвы были включены в молитвенную практику писателя. Также важно соотнести личные авторские молитвы писателя с этапами его жизненного пути.

1. Акафист.

Да когда ж я так до́пуста, до́чиста
Всё развеял из зёрен благих?
Ведь провёл же и я отрочество
В светлом пении храмов Твоих!

Рассверкалась премудрость книжная,
Мой надменный пронзая мозг,
Тайны мира явились – постижными,
Жребий жизни – податлив как воск.

Кровь бурлила – и каждый вы́полоск
Иноцветно сверкал впереди, –
И, без грохота, тихо, рассыпалось
Зданье веры в моей груди.

Но пройдя между быти и не́быти,
Упадая и держась на краю,
Я смотрю в благодарственном трепете
На прожитую жизнь мою.

Не рассудком моим, не желанием
Освещён её каждый излом –
Смысла Высшего ровным сиянием,
Объяснившимся мне лишь потом.

И теперь, возвращённую мерою
Надчерпнувши воды живой, –
Бог Вселенной! Я снова верую!
И с отрекшимся был Ты со мной... [4: Т. 5: С. 495].

Стихотворная молитва «Акафист» сочинена
тридцатитрёхлетним Солженицыным в 1952 году в Экибастузском

каторжном лагере. Позднее эта молитва вошла в основной текст опыта художественного исследования «Архипелаг ГУЛАГ» как одно из свидетельств возвращения веры. Стихотворная форма данного текста была нужна автору для лучшего запоминания. Стихотворение состоит из шести четверостиший с перекрестной рифмовкой, написанных трехстопным анапестом. В названии произведения очевидно актуализируются не композиционные признаки сложившегося в греческой церковной гимнографии жанра акафиста, ведь акафист традиционно состоит из вступления-кукулия, 12-ти икосов (с рефреном «Радуйся!») и 12-ти кондаков (с рефреном «Аллилуйя!»), а скорее собственно значением греческого слова акафист – неседальная песнь, то есть произведение, которое следует произносить (петь) стоя, не садясь. Также выбор названия может быть обусловлен и несколько более поздним значением – «хвала». Именно в этом значении, но с долей иронии, употребляется слово «акафист» в романе «В круге первом», где один из героев-зэков говорит об исписавшемся популярном советском литераторе: «Если б не началась война – писателям только оставалось перейти на акафисты. Война открыла им доступ к общепонятным чувствам» [4: Т. 2; С. 216].

Появление в жизни писателя, находящегося в неволе каторжного лагеря, данной молитвы обусловлено определенными событиями внутренней жизни: именно в лагере к Солженицыну возвращается вера в Бога, рассыпаются иллюзии коммунистической утопии, поэтому так явны в тексте мотивы Евангельской притчи о Блудном сыне (Лк. 15: 11-32). Лирический герой предстает здесь и как альтер эго биографического автора, и как типичный представитель поколения, перемолотого революцией, и как вечный беглец и вечный возвращенец – Блудный сын, заново обретший отчий дом и отчую веру.

2. Молитва (из «Крохоток» 1960-х).

Как легко мне жить с Тобой, Господи!
Как легко мне верить в Тебя!

Когда расступается в недоумении
или снижает ум мой,
когда умнейшие люди
не видят дальше сегодняшнего вечера
и не знают, что надо делать завтра, –
Ты снислаешь мне ясную уверенность,
что Ты есть и что Ты позаботишься,
чтобы не все пути добра были закрыты.
На хребте славы земной
я с удивлением оглядываюсь на тот путь
через безнадёжность – сюда,
откуда и я смог послать человечеству
отблеск лучей Твоих.
И сколько надо будет,
Чтобы я их ещё отразил, –
Ты дашь мне.
А сколько не успею –
Значит, Ты определил это другим [4: Т. 1: С. 554].

Это одна из самых известных и растиражированных молитв Солженицына, она составлена уже зрелым писателем (ему больше сорока лет), знаменитым автором опубликованных «Одного дня Ивана Денисовича», «Матрёнина двора», «Случая на станции Кречетовка»⁴, «Для пользы дела», номинированного на Ленинскую премию по литературе. Живет Солженицын в это время между Рязанью и Москвой, общается с интеллектуальной элитой читающей России и тайно собирает сведения для большого системного текста о лагерях (будущий «Архипелаг ГУЛАГ»), пишет «Раковый корпус», «В круге первом». Слава Солженицына так велика, что даже появляются его двойники (этакие новые дети лейтенанта Шмидта). Солженицын заново воцерковляется. Часто посещает службы в московском храме святителя Николая в Кузнецких. Молитва «Как легко мне жить с Тобой, Господи!» ходит в списках Самиздата со

⁴ Таково было подцензурное название первой публикации рассказа «Случай на станции Кречетовка».

второй половины 1960-х. Многие верующие переписывают ее в личные рукописные молитвословы.

Свидетельство популярности и высокой оценки данной молитвы приводит в своей книге «Несвятые святые» митрополит Тихон (Шевкунов), поместивший полный текст «Как легко мне жить с Тобой, Господи!», в финале повествования о бурной духовной жизни Псково-Печерского монастыря в 1970-е годы: «В те годы к отцу Алипию, советскому архимандриту... приезжало множество художников, ученых, политиков, писателей. В жизни некоторых из них он принял самое деятельное участие – и не только лишь материальное, а в первую очередь как священник и духовный пастырь. Но и они – люди самых разных, великих и обычных судеб – тоже духовно укрепляли его. В архиве архимандрита Алипия в Псково-Печерской обители хранится фрагмент рукописи А.И. Солженицына. Это небольшая молитва и принцип жизни, которому всегда следовал и сам Великий Наместник» [5: С. 212-213].

3. Укрепи меня...⁵

«Каких только пустых слов не складывает мой язык, а молитву не умеет. А между тем, одна только молитва и нужна мне в разорении и жжении моей души.

Я как будто потерял способность делать верные шаги, и после каждого шага новое и новое чудовище заползает в меня и рвёт – моя ошибка. Я не умею их подавить и изгнать, мне не убежать от них ни в одиночество, ни в толпу, они разорвут меня раскаянием и смятением ещё прежде, чем мои враги догадаются меня уничтожить. Они разорвут меня, если Ты не пошлешь мне покоя и цельности, Бог мой! Я потерял внутреннюю ясность – это здоровье души, и только Ты меня можешь снова в ней утвердить.

⁵ Сердечно благодарю за указание на этот текст мою коллегу и подругу **Елену Николаевну Савельеву**, старшего научного сотрудника отдела по изучению наследия А.И. Солженицына ГБУК г. Москвы «Дом русского зарубежья им. А. Солженицына».

Вот когда понял я этот древний клич: помилуй и спаси меня, Господи! (1964-1967)» [2: С. 334].

«Укрепи меня...» можно назвать забытой и самой неизвестной молитвой Солженицына. Произведение на сегодняшний день не вошло в канонический корпус текстов Солженицына, изданный в продолжающемся тридцатитомном собрании сочинений. Текст произведения опубликован лишь в книге «О. Всеволод Шпиллер: Страницы жизни в сохранившихся письмах» (М.: Реплант, 2004), по которому и цитируется в данной работе. Молитва «Укрепи меня...» опубликована в разделе «Страницы жизни в сохранившихся письмах» под 192 пунктом. Письмо А.И. Солженицын – отцу Всеволоду датировано январем 1969-го и состоит из слов «Отцу Всеволоду Шпиллеру с глубоким уважением. А. Солженицын» и приложенными молитвами «Как легко...» и «Укрепи меня...».

В 1960-е Солженицын вместе с первой женой Натальей Решетовской становится прихожанином московского храма святителя Николая в Кузнецях, там его какое-то время духовно окормляет эмигрант Первой волны, вернувшийся в СССР в 1950-м, известный проповедник протоиерей Всеволод Шпиллер (1902–1984).

Сугубо покаянное настроение молитвы «Укрепи меня...» можно объяснить ухудшением отношений с первой женой, шельмованием писателя в прессе, гнетом цензуры. И, конечно, углублением духовной жизни.

4. Молитва из мемуарной книги о жизни за границей «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов».

«А сыновья – подрастают. Тёплые полгода, с апреля по октябрь, живу внизу, в прудовом домике, – и рано утром они цепочкой, друг за другом, по крутой тропе, сквозь величественный храмовый лес спускаются ко мне молиться. Между порослями становимся коленями на хвойные иглы, они повторяют за мной краткие молитвы и нашу особую, составленную мной:

«Приведи нас, Господи, дожить во здоровья, в силе и светлом уме до дня того, когда Ты откроешь нам вернуться в нашу родную

Россию и потрудиться, и самих себя положить для её выздоровления и расцвета».

А в нескольких шагах позади нас камень-Конь, очень похож, ноги поджал под себя, заколдованный крылатый Конь, ребята мне верят: ночами слегка дышит, а когда Россия воспрянет – он расколдуется, полностью вздохнёт и понесёт нас на себе по воздуху, через Север, прямо в Россию... (Ложась спать, мальчики просят: а ты ночью пойди проверь – дышит?)» [4: Т. 29: С. 261].

5. Молитва «Приведи нас, Господи, дожить во здоровья, в силе и светлом уме...» создана во второй половине 1970-х в штате Вермонт (США), где семья Солженицыных оказалась в результате насильственного выдворения из СССР и лишения советского гражданства. Писателю уже более пятидесяти пяти лет. Он наконец-то может завершить дело всей своей жизни – повествование в отмеренных сроках «Красное Колесо». Задачи перед Александром Солженицыным стоят не только литературные, но и педагогические. Ему предстоит воспитать троих сыновей (1970, 1972 и 1973 г.р.), младенцами покинувших Родину, в любви и почитании России, сохранить для них русскую речь. Поэтому так светла, кратка и определена вермонтская детская молитва.

1. Молитва о России (из «Крохоток» 1990-х).

Отче наш Всемиловитый!
Россиюшку Твою многострадную
не покинь в ошеломлении нынешнем,
в её израненности, обнищании и в смутности духа!
Господи Вседержитель!
Не дай ей, не дай пресечься: не стать больше быть.
Сколько прямодушных сердец и сколько талантов
Ты поселил в русских людях.
Не дай им загинуть, погрузиться во тьму, –
не послуживши во имя Твоё!
Из глубин Беды –

вызвали народ свой неукладный [4: Т. 1: С. 571].

В 1994-м Солженицыны возвращаются в постсоветскую Россию. Писателю уже больше семидесяти пяти, но он много ездит по стране, встречается с разными людьми, слушает их, скорбит вместе с ними. Так создается почва, на которой вырастает «Молитва о России», где печаль, боль, надежда, вера и любовь сплавлены в единое целое.

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

«За всё приходилось платить кусками сердца» [4: Т. 29: С. 241], – говорит Александр Солженицын. Вот и каждая молитва пишется кровью сердца. Пять молитв, составленных писателем с 1950-х по 1990-е представляют пять этапов трудной жизни его сердца. Сначала торжественное возвращение в «зданье веры», затем радостное утверждение в богообщении и стоянии за правду, после покаянный плач об иссушении души, далее тихое и твердое желание послужить Создателю и Родине и, наконец, дерзновенное моление о спасении русского народа. Мы видим, что духовное становление Солженицына-человека идет параллельно с творческими поисками, философскими раздумьями, с эволюцией художественных приемов Солженицына-писателя. В личном гимнографическом корпусе текстов Солженицына отражаются как его частные жизненные обстоятельства, тревоги, стремления, заботы, так и крупные общественные вопросы.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С.С.* Поэты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 364 с.
2. О. Всеволод Шпиллер: Страницы жизни в сохранившихся письмах. М.: Реглант, 2004. 590 с.
3. *Солженицын А.И.* Детство // Солженицынские тетради: Материалы и исследования. Вып. 6. М.: Русский путь, 2018. С. 7–34.

4. Солженицын А.И. Собрание сочинений: в 30 т. М.: Время, 2006–продолжающееся издание.
5. Тихон (Шевкунов), митрополит. «Несвятые святые» и другие рассказы. М.: Вольный странник, 2022. 640 с.

REFERENCES

1. Averincev S.S. Poe`ty`. M.: Shkola «Yazy`ki russkoj kul`tury`, 1996. 364 s.
2. O. Vsevolod Shpiller: Stranicy zhizni v soxranivshixsya pis`max. M.: Reglant, 2004. 590 s.
3. Solzhenicyn A.I. Detstvo // Solzhenicynskie tetradi: Materialy` i issledovaniya. Vy`p. 6. M.: Russkij put`, 2018. S. 7–34.
4. Solzhenicyn A.I. Sobraanie sochinenij: v 30 t. M.: Vremya, 2006–prodolzhayushheesya izdanie.
5. Tixon (Shevkunov), mitropolit. «Nesvyaty`e svyaty`e» i drugie rasskazy`. M.: Vol`ny`j strannik, 2022. 640 s.

ԱԼԵՔՍԱՆԴՐ ՍՈԼՇԵՆԻՑԻՆԻ ՀԻՆԳ ԱՂՈԹՔՆԵՐԸ

Ի. Ե. ՄԵԼԵՆՏԵՎԱ

Ալեքսանդր Սոլժենիցինի Ռուսական Արտասահմանի Տուն, Պսկով-Պեչերսկի Աստվածաբանական Մեմինարիա, Սուրբ Տիխոնի Ուղղափառ Հումանիտար Համալսարան

Հոդվածում հետևողականորեն վերլուծվում են «Ակաթիստը» (1952), «Որքա՛ն հեշտ է ինձ համար ապրել Քեզ հետ, Տե՛ր!..» (1960-ականներ), «Չորացրո՛ւ ինձ...» (1964-1967), «Առաջնորդի՛ր մեզ, Տե՛ր, ապրելու առողջության, ուժի և պայծառ մտքի մեջ...» (1970-ականների վերջին) և «Աղոթք Ռուսաստանի համար» (1990-ականներ): Առաջին անգամ Ալեքսանդր Սոլժենիցինի կողմից կազմված այս հինգ անձնական հեղինակային աղոթքները կապված են նրա կյանքի և աշխատանքի փուլերի հետ: Առաջին անգամ ցույց է

տրվում, թե ինչպես է Սոլժենիցինի՝ որպես մարդու, հոգևոր զարգացումը զուգընթաց ընթանում ստեղծագործական որոնումների, փիլիսոփայական մտորումների և Սոլժենիցինի՝ որպես գրողի, գեղարվեստական տեխնիկայի ու միջոցների զարգացման հետ: Սոլժենիցինի անձնական հիմնագրական տեքստերի ժողովածուն արտացոլում է ինչպես նրա անձնական կյանքի հանգամանքները, անհանգստությունները, ձգտումները, մտահոգությունները, այնպես էլ հասարակական կարևորագույն խնդիրները: Տարբեր ժամանակներում Սոլժենիցինի աղոթքներում առաջ են գալիս տարբեր թեմաներ և մոտիվներ: Նշվում է, որ տարբերվում է ոչ միայն աղոթքի տեքստերի բովանդակությունը, այլև դրանց ձևը: Բացի այդ, առաջին անգամ գիտական շրջանառության մեջ է մտել Սոլժենիցինի «Չորացրու ինձ...» աղոթքը:

***Քանալի քառեր՝** աղոթք, հիմնագրություն, պոետիկա, Ալեքսանդր Սոլժենիցինի ստեղծագործությունը, կյանքի և ստեղծագործության փուլեր, կրոնոտոկա (ժանր):*

THE FIVE PRAYERS OF ALEXANDER SOLZHENITSYN

I. E. MELENTEVA

The House of Russian Abroad of Alexander Solzhenitsyn, Pskov-Pechersk Theological Seminary, St. Tikhon Orthodox Humanitarian University

The article consistently analyzes "Akathist" (1952), "How easy it is for me to live with You, Lord!.." (1960s), "Strengthen me..." (1964-1967), "Lead us, Lord, to live in health, strength and a bright mind..." (in the late 1970s) and "Prayer for Russia" (1990s). For the first time, these five personal author's prayers, composed by Alexander Solzhenitsyn, are correlated with the stages of his life and work. For the first time, it is shown how the spiritual development of Solzhenitsyn as a man goes hand in hand with creative searches, philosophical reflections, and the evolution of Solzhenitsyn's artistic techniques and means as a writer.

Solzhenitsyn's personal hymnographic corpus of texts reflects both his private life circumstances, anxieties, aspirations, worries, and major public issues. At different times, different themes and motifs come to the fore in Solzhenitsyn's prayers. It is noted that not only the content of prayer texts differs, but also their form. Also, for the first time, Solzhenitsyn's prayer "Strengthen me..." was introduced into scientific circulation.

Key words: *prayer, hymnography, poetics, the work of Alexander Solzhenitsyn, stages of life and creativity, krohotka (genre).*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 16 июня 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ БРАТСТВА У Л. Н. ТОЛСТОГО: ОТ КРОВНОГО БРАТСТВА К ВСЕОБЩЕМУ *

Г. В. АЛЕКСЕЕВА

ФГБУК «Музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»

galalexeeva@mail.ru

В статье рассматривается тема братства, повторяющаяся в художественных текстах Л. Н. Толстого – от трилогии «Детство. Отрочество. Юность» до поздних произведений писателя. У Толстого эта тема многоаспектная, всеобщая, универсальная, непосредственно связанная с легендой о «зёленой палочке», о «муравейном братстве», напрямую восходящая к этой легенде, так же, как эта легенда может быть в своей основе связана одновременно с идеей братства кровного (братья Муравьевы, братья Толстые) и братства духовного, идейного.

Ключевые слова: Л.Н. Толстой, концепт, всеобщее братство, подлинное братство, духовное братство, кровное братство, единение.

Посвящается Михаилу Давидовичу Амирханяну

Тема братства является одной из повторяющихся тем в художественных текстах Л. Н. Толстого, начиная с трилогии «Детство. Отрочество. Юность», кончая поздними произведениями писателя. Многоаспектная тема братства у Толстого, ее «узел» непосредственно связан с легендой о «зёленой палочке», о «муравейном братстве», то есть идея братства всеобщего, универсального у Толстого напрямую восходит к этой легенде, так же, как эта легенда может быть в своей основе связана одновременно с идеей братства кровного

*Статья была опубликована в малотиражном издании: Сборник материалов IX Международной научной конференции 12-14 августа 2014 г. Ясная Поляна, 2016. С. 29-38.

(братья Муравьевы, братья Толстые) и братства духовного, идейного. Несомненно, Толстой знал и опирался на другие исторические и современные источники, связанные с понятием братства. Но в данной статье мы сосредоточимся на творчестве самого писателя, которое корнями уходит в детские легенды и предания и непосредственно связано с историей рода, с историей семьи. Здесь, в связи с легендой о зелёной палочке, о всемирном муравейном братстве, уместно привести предположения Б.М. Эйхенбаума о том, как посещение декабриста Павла Ивановича Колошина Ясной Поляны в 1832 или 1833 годах, его рассказы Н.И. Толстому о «Зеленой книге» и зеленых портфелях (зеленый цвет был цветом свободы у декабристов), о правде, зарытой в землю (имелась в виду рукопись «Русской правды», которая была зарыта в землю по просьбе Пестеля у деревни Кирнасовки), о братьях Муравьевых, о которых Колошин говорил с особым уважением, «должно было произвести на него огромное впечатление – не меньшее, чем то, какое произвел рассказ Пьера на Николеньку Болконского <...> Все было готово для создания легенды, оставалось дать ход воображению» [4: 738].

Вполне вероятно, что в творческом воображении одиннадцатилетнего Николеньки рассказ о реальных братьях, декабристах Муравьевых, вырастает в легенду о всеобщем «муравейном братстве» [См.: Прим.], ведь, как пишет Лидия Гинзбург, «в основе каждой фантазии лежат элементы реального опыта» [2: 10]. Эта вера в чудо, в достижение чудесного идеала, характерная для человека вообще, и особенно вера в услышанную в детстве сказку, легенду, у Толстого со временем обретает довольно устойчивую форму, то есть вера в чудесный идеал должна быть так или иначе формализована, что очевидно в трансформации именно идеи братства, причем Толстой, следует особо подчеркнуть, нигде не говорит о братстве как единении национальностей, но именно о всеобщем духовном над-национальном братстве, братстве скорее в евангельском прочтении.

Мы можем рассматривать *братство* как концепт. А как мы знаем, что не бывает концепта «с одной составляющей <...>. Всякий концепт является как минимум двойственным, тройственным и т. д.»

[См.: 3] и является той побудительной причиной, которая вызывает к жизни миф.

Обращаясь к понятию *братья по крови* в творчестве Толстого, мы отмечаем, что в трилогии действуют братья Иртеньевы, в «Севастопольских рассказах» братья Козельцовы, в «Анне Карениной» братья Левины и их сводный брат Кознышев, в «Войне и мире» мы встречаем братьев Ростовых. В произведениях последних трех десятилетий тема кровного братства постепенно уходит. В эти годы как в художественных текстах, так и в публицистических, набирает силу тема всеобщего, универсального братства.

Особенно ярко братство по крови проявляется в минуты опасности, в период войны, что с наивысшей достоверностью представлено в одном из «Севастопольских рассказов». Уверенного, успешного поручика Козельцова волнует судьба младшего брата, который сам «попросился на войну» в Севастополь (2, 141). Одной из причин – желание быть со старшим братом, в чем он застенчиво ему признается. Обращается он к Козельцову-старшему, Михайлу, именно «брат» (2, 141). Козельцов – 2-й, Владимир, восхищается своим старшим братом, невероятно радуется их встрече в Севастополе. Но в отличие от Николеньки Иртеньева Владимир Козельцов «немножко стыдился» своего брата, «смотрел свысока и даже надеялся, ежели можно, образовать его» (2, 142). В начале их встречи полной искренности в отношениях братьев не наблюдается: Володю охватывает страх при мысли о близости опасности в Севастополе, но он не признается в этом брату и находит причину, чтобы отложить поездку в Севастополь, а Михаил не искренен в сообщении об имеющихся у него деньгах. Тем не менее искренняя любовь братьев к друг другу совершенно очевидна. Внутренний монолог Козельцова-младшего раскрывает идеальную картину братства: «А как бы славно нам было вдвоем в Севастополе! Два брата, дружные между собой, оба сражаются с врагом: один старый уже, хотя не очень образованный, но храбрый воин, молодой... но тоже молодец... Через неделю я бы всем доказал, что я уж не очень молоденький! Я и краснеть перестану, в лице будет мужество, да и усы небольшие, но порядочные вырастут к тому времени <...> Может быть, мы нынче приедем и сейчас же

попадем в дело, вместе с братом. А он должен быть упорный и очень храбрый – такой, что много не говорит, а делает лучше других» (2, 144). Он в воображении рисует героическую картину боя с гибелью брата, а потом и с собственной героической гибелью. В своих мечтах он поднимается до вершин даже не столько кровного братства, сколько всеобщего, идеального: «Я скажу, что ничего не хочу, – только чтобы меня положили рядом с братом, что я хочу умереть с ним. <...> Я приподнимусь и скажу только: «Да, вы не умели ценить двух человек, которые истинно любили отечество; теперь они оба пали... да прости вам Бог!» (2, 145).

Оба брата служат «из чести», а не ради выгоды, поэтому опасения погибнуть или остаться калекой на всю жизнь, как предостерегает комиссионер, существенно уступают идеалу служения отечеству, т. е. идеальному всеобщему братству.

Воображаемые романтические картины братства, героической смерти отступают, рассеиваются при первой встрече с реальностью войны – «кровью, страданиями, смертью». Наступает суровая полоса войны со всеми ее ужасами. Козельцов-младший тонко переживает внутреннее бытие своего старшего брата, но это бытие органично связано с его бытием, по Бахтину, «лежит в одной плоскости» [1: 112].

На войне в присутствии постоянной опасности, ежесекундной угрозы для жизни происходит расширение понятия кровного братства, так, возвращаясь в роту, Козельцов-старший, которого в роте все так любили, при встрече обращается к фельдфебелю, как: «Здравствуй, брат!» Возникает несомненное единение с «солдатами», чему способствует дух войска, о котором Толстой так много будет писать в «Войне и мире». Козельцов-старший и смертельное ранение получает на глазах своих солдат, воодушевленно бежавших за ним в атаку, но последняя предсмертная мысль его была о брате: «Дай Бог ему такого же счастья» (2, 177). Проявив подлинную храбрость, героизм, братья остаются едины даже в смерти, хотя оба погибают достаточно прозаично, совсем не в соответствии с высоким пафосом мечтаний Володи, тем страшнее, на первый взгляд бессмысленнее и

одновременно значительнее и трагичнее их смерть. Почти так же, слившись в радостном братском единении со своими однополчанами, которые становятся ему семьей, братьями, погибает юный Петя Ростов в «Войне и мире». В обоих случаях следует говорить не о категории правдоподобия в отличие от идеальной мечты Володи Козельцова, а о суровой жестокой правде жизни, которой привержен Толстой.

У Константина Левина с братом Сергеем Ивановичем вполне деловые, без особых сантиментов отношения. Сергей Иванович руководит им накануне свадьбы, занимает для него денег, но отношения лишены братской близости. «Для Сергея Левина меньшей брат его был славный малый с сердцем, поставленным хорошо (как он говорил по-французски), но с умом не глубоким и не анализирующим» (20, 247). Он смотрит на Константина с «ласково-холодной улыбкой» (18, 27), этот оксюморон очень точно характеризует Кознышева. Для Константина Левина брат Сергей это человек «огромного ума, самого умного в России и одаренного лучшим даром <...> даром самоотвержения и любви к отвлеченной истине и добру и способности деятельности для общего блага» (20, 247). Более глубокое чувство, «какое-то тайное для него родство чувств» (20, 167) Левин испытывает к своему любимому брату Николаю. Узнав, что он при смерти, он немедленно к нему отправляется. Казалось, он умирал вместе с братом Николаем, переживая «то чувство ужаса пред неразгаданностью и вместе близостью и неизбежностью смерти» (19, 74). Он пытается у одра умирающего восстановить братские отношения всех трех братьев, читает письмо Сергея Ивановича со словами прощения, который не смог или не захотел приехать. С самого начала у братьев не было любовных отношений: Николай не любил Сергея, а Константин «не только любил, но уважал своего брата Николая и считал его одним из умнейших и добрейших людей, которых он знал» (20, 168). Для него брат Николай «одной с ним породы, одного характера, ума» (20, 169).

В творчестве Толстого 80-90-х годов тема кровного братства не развивается на художественном уровне произведений 50-60-х годов.

Есть братья у Ивана Ильича, но в художественном пространстве повести эти отношения констатируются, но не развиваются. Мы не знаем, были ли братья у Позднышева. У кн. Касатского, как и у князя Нехлюдова в «Воскресении», нет братьев, есть сестра, которой Касатский отдает половину состояния. Но князь Касатский, который в повести становится отцом Сергием, находится уже на пути к иному братству, четко обозначенному Толстым в тексте произведения.

Толстой не отрицает братство крови, но противопоставляет ему подлинное в его понимании духовное братство. С годами тема духовного братства все больше волнует писателя, он ищет тому примеры во всех литературах и философиях мира, так он находит пронзительные слова о духовном братстве у своего любимого Чаннинга и включает отрывок в «Круг чтения»: «Понимаем ли мы наше духовное братство? Понимаем ли мы, что одно и то же божественное начало в душах всех людей, так же, как и в нашей душе? Нет, мы еще не понимаем этого. А между тем, это только одно может дать нам истинную свободу и благо. Не может быть и не будет свободы и блага до тех пор, пока не поймут люди своего единства. А между тем признай только люди эту основную истину христианства – единство в людях духовного начала – и изменилась бы вся жизнь людей и установились бы между людьми такие отношения, которые мы не можем представить себе теперь. Тогда те оскорбления, огорчения, угнетения, которые мы теперь делаем людям-братьям, не замечая их, возмущали бы нас больше, чем теперешние величайшие преступления. Да, нам нужно новое откровение, не о рае и аде, а о том духе, который живет в нас» (45, 56-57).

Именно в Америке Толстой находит образцы всеобщего братства, о чем пишет своей единомышленнице М. А. Шмидт 9 августа 1890 г.: «В Америке происходит, на мой взгляд, огромное движение христианское, практическое, которое короче всего определить – стремлением ко всеобщему братству» (65, 144). Несомненно, он ищет и находит примеры истинного братства в христианском учении: «Христианское учение устанавливает равенство и братство всех людей» (65, 191). По Толстому, «братство всех людей» есть «главный закон Бога» (74, 134). Толстой признает учение Христа, как

он пишет В. Г. Черткову, «в смысле единения и братства людей» (88, 55).

Толстой понимает, как важна вера в братство людей, как важно эту веру поддерживать. Размышляя о необходимости помощи голодающим, тем, кто в нужде, он пишет редактору «Русских ведомостей» 4 февраля 1898 года: «вовремя оказанная помощь может спасти жизнь старика, ребенка, может заменить отчаяние, враждебность заброшенного человека чувством веры в добро и братство людей» (71, 271). Братству Толстой противопоставляет отчаяние и враждебность.

Толстой обращается к своему севастопольскому опыту, переосмысливает его по-новому и пишет о том, что не вошло в «Севастопольские рассказы», то есть спустя десятилетия он продолжает тему братства, но братства иного, высшего порядка: «Не раз видел я под Севастополем, когда во время перемирия сходились солдаты русские и французские, как они, не понимая слов друг друга, все-таки дружески, братски улыбались, делая знаки, похлопывая друг друга по плечу или брюху. Насколько люди эти были выше тех людей, которые устраивали войны и во время войны прекращали перемирие и, внушая добрым людям, что они не братья, а враждебные члены разных народов, опять заставляли их убивать друг друга» (45, 193). Задача Толстого – внушить всем людям, используя данный ему свыше талант, что они – братья.

Безусловным примером духовного братства для Толстого явилось пацифистское движение духоборов на Кавказе, их Толстой называет «христианами всемирного братства» (71, 322), «братьями нашими» (в письме к государю-императору Николаю II – 71, 345). Он уверен, что на смену сепаратизму, узкому национализму должно прийти всеобщее братство. Примеры подлинного, истинного братства он находит по всему миру, даже в далекой Австралии.

По Толстому, общение с людьми всего мира, братство является составляющей его формулы счастья. Он нравоучительно пишет сыну Михаилу Львовичу: «Человеку дано счастье общения с людьми, дружбы, братства, и он вместо того, чтобы пользоваться им, выделяет себя из всех своей гордостью и ограничивает свое

сближение с людьми маленьким кружком большей частью худших, таких же, как он, людей» (68, 227). В этом письме Толстой выделяет то, что мешает братскому единению – гордость и ограничение в общении с широким кругом людей – и указывает путь к этому общению – нравственное самосовершенствование.

Братство Толстой непосредственно увязывает с заповедью любви, которая дана человеку при рождении. Условием духовного братства является любовь. Кровное братство может существовать де-факто без любви, как в случае с Константином Левиным и его братом Сергеем Ивановичем; всеобщее духовное братство без любви невысказано.

Эта идея духовного братства, которое выше кровного, особенно ярко звучит в «Народных рассказах», когда Толстой предпосылает к рассказу «Чем люди живы» цитаты о братстве из Нового Завета: «не любящий брата пребывает в смерти» (1 посл. Иоанн. III, 14)» или: «Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит, тот лжец; ибо не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, которого не видит?» (IV, 20) – 25-7). В рассказе «Два брата и золото» Толстой показывает путь восхождения старшего брата через соблазн и искушения, которого избежал младший брат, от братства кровного к братству духовному, когда «только трудом можно служить Богу и людям» (25, 30). Призыв к духовному братству звучит и в «Страданиях Господа нашего Иисуса Христа», и в «Сказке об Иване-дураке и его двух братьях».

Насколько понятие «кровное братство» связано с семейными обстоятельствами, настолько же мифологема всеобщего братства основана на христианских ценностях. В «Народных рассказах» мы почти ничего не знаем о семейных коллизиях братьев, как это было, к примеру, в трилогии или в «Анне Карениной», хотя в некоторых из них действуют действительные братья, но мы в подробностях видим развернутую картину преодоления всякого рода искушений на пути к идеальному, духовному братству. Известно, что источником некоторых рассказов являлась житийная литература, как в случае с рассказом «Два брата и золото», основанном на сказании из Пролога «Повесть святого Феодора, епископа Едесского, о столпнице дивнем

иже во Едессе». В Синаксарии сказание ведет младший брат в отличие от рассказа Толстого, который, не уразумев поступка старшего брата, все-таки взял золото для блага людей, не избежав «помысла высокоумия», пока перед ним не появился ангел «ярим воззрев оком».

Для Толстого идея всеобщего братства на земле весьма побудительна и, несмотря на свою утопичность, носит императивный характер.

Постепенное разочарование в институте семьи, ослабление уз кровного братства (в 1904 году умирает последний брат Льва Николаевича, Сергей Николаевич), приводит его к еще большей вере в идеальное всеобщее братство, что прослеживается и на уровне художественных текстов, и на уровне публицистики, и на уровне жизненных практик. Но даже абстрактная вера во всеобщее братство должна быть аргументирована, формализована, поэтому Толстой вновь и вновь прибегает к притче, легенде, к предпосланным пространством евангельским эпитафиям.

Художественно Толстой конструирует идею всеобщего братства еще в эпилоге «Войны и мира»: «Вся моя мысль в том, что ежели люди порочные связаны между собой и составляют силу, то людям честным надо сделать только то же самое. Ведь как просто» (7, 307). Но черты истинного духовного братства эта идея приобретает уже в поздних художественных и публицистических текстах писателя. Примером истинного братства для Толстого являются три старца в одноименном рассказе в их любовном, истинно братском соделании, во всей их святости, чистоте и наивности. Старцы живут в радостном братском общении, а оно, по Бахтину, «чуждо активному отношению к бытию; я должен стать наивным, чтобы радоваться» [1: 127]¹.

В повести «Ходите в свете, пока есть свет» Толстой пишет, как «мирская» жизнь может измениться на началах евангельского учения, и герой повести Памфилий убежден, что природа человека в том, «чтобы жить в любви и согласии со всеми, чувствовать себя членом одного всемирного братства» (26, 273). В своей страстной речи он убежденно говорит, что «братство достигается только тогда,

когда каждый из нас будет братом, – что нельзя устроить братство без братьев» (26, 292). Толстой находит примеры такого братства в средневековом учении Хельчицкого, который писал о раннем христианстве, основанном на равенстве, свободе и братстве, в масонстве, в доктрине Моравских братьев и пр. Но не с любым представлением о духовном всеобщем братстве согласен Толстой. Он подвергает критике в трактате «Царство Божие внутри вас» братство, которое проповедуют позитивисты и коммунисты, так называемое «коммунистическое, социалистическое братство», он уверен, что оно неосуществимо, так как «любовь, основанная на личном и общественном непонимании, дальше любви к государству идти не может» (28, 84), то есть, «они предлагают любовь к одному человечеству без любви к Богу» (28, 84).

Толстой говорит о «расширении области любви» на пути ко всеобщему братству и подчеркивает «основное различие христианского учения от учения позитивистов и всех теоретиков нехристианского всемирного братства» (28, 85). Об истинном братстве Толстой пишет в статье «Наше непонимание», а в статье «Закон насилия и закон любви» он предостерегает от того, чтобы понимать «ненависть угнетенных рабочих к богатым и властвующим» (37, 154), как любовь к братству, свободе и равенству. Для него братство, как и любовь, – это главный закон жизни христиан. В сборник «На каждый день» Толстой включает слова Марка Аврелия: «В сознании, что ты член великого духовного братства, есть что-то ободряющее и утешительное» (43, 86).

В эти годы для Толстого важно сознавать уже не столько кровное братство, сколько братство «с людьми <...> всех народов» (43, 141). Но кровного братства никто не отменяет. Толстого восхищает высказывание итальянца Мадзини: «Вы не можете основать Христова братства там, где, с одной стороны, невежество, нищета, рабство и развращенность, а с другой стороны – культура, богатство и власть мешают взаимно уважать и любить друг друга» (43, 322). Толстой пытается найти этот срединный путь к истинно духовному братству. И, когда в ночь на 28 октября он покидает Ясную Поляну и прибывает к своей сестре монахине Марии в Шамордино, он выбирает этот

срединный путь: направляется к своей единственной оставшейся в живых сестре из того кровного братства Толстых, соучастников легенды о зеленой палочке, чтобы провести «остаток дней в тиши и уединении»... Казалось, круг готов замкнуться. Но, к сожалению, Толстой остается заложником мифа о всеобщем братстве, который побеждает представление о братстве кровном, и по приезде Александры Львовны с призывом продолжить путь, он устремляется в неизвестность.

Примечания

¹ Как отмечает в своих воспоминаниях американский дипломат и переводчик Юджин Скайлер, храм, освещенный во имя Св. Николая, расположенный в Кочаках, в котором крестили Л. Н. Толстого и рядом с алтарем которого находится семейное кладбище Волконских-Толстых, называли в народе церковь Св. Николая-Муравейника, потому что, по преданию, чудотворная икона Св. Николая была найдена в муравейнике по соседству с храмом (см. Скайлер Юджин. Граф Лев Николаевич Толстой // Русская старина. Спб., 1890, т. 68, окт-ноябрь-дек. С. 264. Несомненно, Николенька, который со своими братьями и сестрой регулярно бывали в этом приходском храме, знал о чудотворной иконе, обретенной в муравейнике. Все шло в копилку детского воображения и творчества.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М. : Искусство, 1986.
2. *Гинзбург Лидия.* О литературном герое. Л.: Советский писатель, 1979.
3. *Делез Ж., Гваттари Ф.* Что такое философия» / Пер. С франц. И посл. С. Н. Зенкина. М.; СПб., 1998.
4. *Эйхенбаум Б. М.* Работы о Льве Толстом. СПб.: С.-Петербургский у-т, 2009.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. Estetika slovesnogo tvorchestva. M. : Iskusstvo, 1986.
2. Ginzburg Lidiya. O literaturnom geroye. L.: Sovetskiy pisatel', 1979.
3. Delez ZH., Gvattari F. Chto takoye filosofiya» / Per. S frants. I posl. S. N. Zenkina. M.; SPb., 1998.
4. Eykhenbaum B. M. Raboty o L've Tolstom. SPB.: S.-Peterburgskiy u-t, 2009

**Լ. Ն. ՏՈԼՍՏՈՅԻ ԵՂԲԱՅՐՈՒԹՅԱՆ ԳԱՂԱՓԱՐԻ
ԷՎՈԼՅՈՒՑՈՒՑԻԱՆ. ԱՐՅՈՒՆԱՅԻՆ ԵՂԲԱՅՐՈՒԹՅՈՒՆԻՑ
ԴԵՊԻ ՀԱՄԱՅՆՔԱՅԻՆ**

Գ. Վ. ԱԼԵՔՍԵԵՎԱ

**Լև Տոլստոյի ազգային թանգարան-կալվածք «Յասնայա
Պոլյանա»**

Հոդվածում քննվում է եղբայրության թեման, որը կրկնվում է Լ. Ն. Տոլստոյի գեղարվեստական գրականության մեջ՝ «Մանկություն: Պատանեկություն: Երիտասարդություն»-ից մինչև գրողի ուշ շրջանի ստեղծագործությունները: Տոլստոյի մոտ այս թեման բազմակողմանի է, ընդհանուր, համընդհանուր, անմիջականորեն կապված է «կանաչ փայտիկի», «մրջունային եղբայրության» լեգենդի հետ և կարող է հիմնարար կերպով կապված լինել միաժամանակ արյունային եղբայրության (Մուրավյով եղբայրներ, Տոլստոյ եղբայրներ) և հոգևոր, գաղափարական եղբայրության գաղափարի հետ:

Բանալի բառեր՝ Լ. Ն. Տոլստոյ, հասկացություն, համընդհանուր եղբայրություն, իրական եղբայրություն, հոգևոր եղբայրություն, արյան եղբայրություն, միասնություն:

**EVOLUTION OF THE IDEA OF BROTHERHOOD IN L. N.
TOLSTOY:
FROM BLOOD BROTHERHOOD TO UNIVERSAL**

G. V. ALEXEEVA

The Leo Tolstoy National Museum-Estate at Yasnaya Polyana

The article examines the theme of brotherhood, repeated in the fiction of L. N. Tolstoy – from the trilogy "Childhood. Adolescence. Youth" to the late works of the writer. In Tolstoy, this theme is multifaceted, general, universal, directly related to the legend of the "green stick", of the "ant brotherhood", directly ascending to this legend, just as this legend can be fundamentally connected simultaneously with the idea of blood brotherhood (Muravyov brothers, Tolstoy brothers) and spiritual, ideological brotherhood.

Key words: *L. N. Tolstoy, concept, universal brotherhood, true brotherhood, spiritual brotherhood, blood brotherhood, unity.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 19 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

ОБ ОДНОМ СМЫСЛОВОМ ИЗМЕРЕНИИ ОБРАЗА «САМОВЛАСТЬЯ» У А. С. ПУШКИНА: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

*Драгоценной памяти Михаила Давидовича Амирханяна,
с благоговением и благодарностью*

С. Б. КАЛАШНИКОВ

Московский городской педагогический университет

sergeyk34@gmail.com

В статье осуществляются наблюдения над контекстуальной семантикой лексемы «самовластье» в ранних произведениях А.С. Пушкина. Анализ текстовых, подтекстовых и интертекстуальных смыслов позволяет сделать вывод о том, что в художественной системе поэта понятие «самовластие» становится смысловой антитезой понятия «самодержавие» и мыслится как извращенная форма монархического правления, основанная на нарушении нравственных норм и юридического регламента.

Ключевые слова: самовластие, самодержавие, политическое мировоззрение, текст, контекст, подтекст, семантика

1. Как это ни странно, но при всем многообразии исследований, посвященных политическому мировоззрению А.С. Пушкина, вопрос о функции некоторых фундаментальных понятий идеологического и государственно-правового дискурса начала XIX в. в его произведениях весьма далек от окончательного разрешения. Прежде всего мы имеем в виду термины «самовластье» и «самодержавие», значение которых во многих работах, посвященных творчеству поэта, становятся объектом досадных аберраций.

Так, например, в «Словаре языка Пушкина» «самовластие» определяется как «ничем не ограниченная власть, деспотизм» [17, с. 24], а «самодержавие» истолковывается как «неограниченная монархия,

деспотизм» [17, с. 25]. Нетрудно заметить, что обе дефиниции оказываются практически тождественны, с той лишь разницей, что в первом определении отсутствие ограничений и деспотизм распространяются на власть в целом, а во втором присущи одной из ее разновидностей – монархии¹, что, вероятно, дает составителям «Словаря» основание рассматривать «самодержавие» как частный случай проявления «самовластия».

Несомненно, следует принять во внимание то обстоятельство, что первое издание «Словаря» осуществляется в 1956 – 1961 гг., однако тенденциозное идеологическое истолкование этих понятий сохраняется и в последующих изданиях, в том числе – во 2-м дополненном (1990), а также в переиздании 2000-го г. Не лишены пристрастности и односторонности в решении этого вопроса и работы последних трех десятилетий, которые пытаются реконструировать политическое мировоззрение молодого Пушкина исходя из государственно-правовых предпочтений его приятельского окружения или публичного поведения поэта и наталкиваются на неизбежные противоречия: то он, вслед за Николаем Тургеневым, предстает сторонником конституционной монархии (ода «Вольность»); то, заодно с Чаадаевым («Он в Риме был бы Брут»), выступает категорическим противником самодержавия, готовым к политическому террору и даже покушению на Александра I, которое навсегда увековечило бы гражданский подвиг тираноубийц в памяти благодарных сограждан («Напишут наши имена!»), подобно жертвенной гибели Гармония и Аристоклитона² «на обломках самовластия»; то кажется сторонником проекта возведения на трон императрицы Елизаветы Алексеевны, внушенного Федором Глинкой («Я пел на троне добродетель / С ее приветною красой»). Общественно-политическая позиция Пушкина после декабристского восстания озадачивает не меньше: с одной стороны, в личном разговоре с государем Николаем Павловичем он

¹ От. *μόνος* «один» (восходит к праиндоевр. *men-) + *ἀρχός* «вождь, правитель», от *ἀρχή* «начало, начальство, власть» [2].

² Афинские граждане, совершившие в 514 году до н. э. покушение на братьев-тиранов Гиппия и Гиппарха, в результате чего убили последнего и погибли сами.

говорит о том, что был бы вместе со своими друзьями на Сенатской площади, с другой – пишет стихотворение «Стансы», ставшее поводом к упрекам в сервизме.

Если юношескую гражданскую непоследовательность Пушкина еще можно как-то объяснить тем, что «все эти внешние противоречия лежат в сфере политических убеждений, каковых на тот момент у Пушкина просто не было» [19, с. 20-21], то применить подобное объяснение к зрелому Пушкину едва ли получится. Искать объяснения этой «противоречивости» стоит, как нам представляется, не во внешних причинах и обстоятельствах, но во внутренней логике собственно поэтического мировоззрения автора, которое даже в юношеский период обладало неоспоримой цельностью и последовательностью развертывания. Система политического мышления Пушкина располагается не вне, а внутри его эстетического модуса и предопределена степенью именно художественной разработки общественно-политических понятий, доктрин или правовых теорий в произведениях предшественников и современников.

Уже ранние тексты Пушкина лицейского и послелицейского периода обнаруживают устойчивую тенденцию к созданию сложного семантического контекста собственных произведений, внутри которого только и оказывается возможной корректная интерпретация тех или иных понятий, образов и смыслов. Так, например, в оде «Вольность» совмещены многочисленные интертекстуальные планы из произведений Ломоносова, Капниста, Радищева и Державина, а метрико-ритмические вариации, рифменный репертуар строфические и лексико-грамматические ресурсы, образно-тематические решения (библейская традиция увещания земных царей и традиция визионерской поэзии) создают такое художественное пространство, внутри которого, с одной стороны, происходит намеренное столкновение полемических по отношению друг к другу художественных контекстов – державинского и радищевского, а с другой – осуществляется построение собственной поэтической концепции соотношения Свободы, нравственного Закона, юридической законности и Власти [9; 11].

Именно поэтому контекстуальная семантика этих двух ключевых для пушкинской художественной историософии и почти равнозначных по частотности употреблений в произведениях поэта лексем (само имя существительное «самовластие» встречается у Пушкина 14 раз, а производные от него прилагательные и наречия насчитывают 16 словоупотреблений; лексема «самодержавие» использована 11 раз, а ее производные – 12) нуждается в существенных уточнениях.

2.1. Тема самовластия впервые заявлена у Пушкина в оде «Вольность» (1817), где сразу же подвергнута концептуальной обработке:

Самовластительный Злодей!

Тебя, твой трон я ненавижу,

Твою гибель, смерть детей

С жестокой радостью вижу [15, Т.1, с. 284].

Контекстуально слова эти обращены к Наполеону и его потомству. Не случайно в рукописном варианте к словам «злойская порфира» Пушкин сделал примечание: «Наполеонова порфира». Безусловно, здесь имеется в виду эпизод самопровозглашения Наполеона императором Франции, когда еще на стадии подготовки этого церемониала Бонапарт допустил серьезное нарушение регламента по отношению к высшему духовному лицу всего католического мира: «Наполеон пожелал, чтобы римский папа лично участвовал в его предстоящей коронации, как это было сделано за тысячу лет до него, в 800 г., с Карлом Великим. Но Наполеон решил внести при этом некоторую, довольно существенную поправку: Карл Великий сам поехал для своего коронования к папе в Рим, а Наполеон пожелал, чтобы римский папа приехал к нему в Париж» [20, с. 142]. Пий VII, вопреки собственной воле, но по настоянию Священной коллегии, фактически под «парадным конвоем» был доставлен из Ватикана в Фонтенбло, где Наполеон встретил его «в охотничьем костюме, окруженный охотниками, псарями и собаками <...> в нескольких шагах от загородного дворца, где тогда проживал. Папский кортеж остановился, и папу пригласили выйти из кареты, перейти через дорогу и пересесть в коляску императора, который даже не двинулся

с места. В том же духе обходился он с папой во все время пребывания его в Париже» [20, с. 143].

Серьезные изменения были лично внесены Наполеоном и в литургию коронации, строго регламентированную Римским понтификом: «...когда в торжественный момент Пий VII стал поднимать большую императорскую корону, чтобы надеть ее на голову императора <...> Наполеон внезапно выхватил корону из рук папы и сам надел ее себе на голову, после чего его жена, Жозефина, стала перед императором на колени, и он возложил на ее голову корону поменьше» [20, с. 143].

Демонстративно неуважительное отношение к главе Римско-католической церкви, нарушение регламента интронизации и коронации 2 декабря 1804 года в Соборе Парижской Богоматери ставили под вопрос легитимность восшествия Наполеона на престол и позволяли рассматривать его не только как узурпатора³ и тирана⁴, но и в качестве «исчадия ада», «бича владык и народов» и даже, в соответствии с текстом «Нового отлучения Наполеона от церкви Папой Пием VII», в образе Антихриста [14, с. 234]. Введенный Пушкиным в поэтический оборот неологизм «самовластительный»⁵, таким образом, характеризует лицо, которое самовольно, по одному лишь своему хотению присвоило верховную власть и наследство не только прежних французских королей, но и императора Карла Великого, а также самочинно назначило себя «наследником и Римской империи, объединителем стран западной цивилизации» [20, с. 141].

³ Происходит от лат. *usurpator* «захватчик» [2].

⁴ Тирán (др.-греч. τύραννος): 1) в Древней Греции (в основном в VII—VI веках до н. э.) лицо, насильственно захватившее власть. этимологически связано с неохеттским титулом *sarawanas/tarawanas*^[10], от которого также, возможно, происходит филистимский титул *seren* (סרן). Капитан на корабле. В период античности и ранней классической эпохи слово *тиран* имело нейтральный оттенок [2].

⁵ Позднее в стихотворной речи он будет использован только двумя русскими поэтами: К.Ф. Рылеевым в наброске думы «Вадим» (1821-1823): «Грозен князь самовластительный!» [16, с. 330] – и Н.М. Языковым в послании К.К. Павловой (1844): «И все, что ныне говорит / Поэту – мрачно-гордый вид / самовластительной столицы» [23, с. 382].

Однако у оды «Вольность», благодаря сюжетному параллелизму эпизодов из французской и русской историй, появляется не менее важный подтекст, который связывает формулу «самовластительный злодей» также и с образом Александра I. Нельзя не согласиться с выводом Б.М. Гаспарова о том, что «мессианистическая символика, сложившаяся в годы Отечественной войны и нацеленная на борьбу с «беззаконной» властью Наполеона, была переинтерпретирована в применении к борьбе с «самовластием» русского императора, и шире, с «идолагрией» всякой имперской власти» [6, с. 65]. Однако утверждение это нуждается в существенной, на наш взгляд, поправке: для старших современников Пушкина и его «высокоумных» ровесников (будущих декабристов) «самовластие» вполне конкретного русского императора Александра I (а не просто *всякой* имперской власти) подтверждалось не столько его «злоупотреблениями» властью⁶, сколько самой ситуацией прихода к ней – пусть и косвенным, но участием в заговоре против легально и легитимно взошедшего на престол монарха и собственного отца. Именно поэтому «самопровозглашение» Наполеона императором Франции спустя почти 12 лет после казни Людовика XVI и события дворцового переворота в ночь с 11 на 12 марта 1801 года юным Пушкиным в оде «Вольность» рассматриваются как явления одного и того же порядка: насильственная смерть законного правителя всегда оборачивается утверждением господства нового владыки «по собственному произволению». Подобно тому, как вероломное попрание закона (либерально-просветительский модус истолкования права) приводит к появлению «самовластительного злодея» во Франции, цареубийство 11 марта может обладать такими же последствиями и для русской истории: вместо своевольного и подверженного страстям царя-Калигулы на престол взойдет еще более жестокий и коварный владыка-

⁶ Напротив, упрекнуть Александра I в «произволе правления» вряд ли мог кто-либо из его современников. Хорошо этот главный недостаток всего русского «государственного быта» осознавал и сам молодой государь: и в официальных указах, и в частных беседах он постоянно выражал основное правило, которым будет руководствоваться на протяжении своего правления: на место личного произвола деятельно водворять строгую законность.

деспот [10, с. 11-12]. Причем в соответствии с русским комплексом представлений о самозванчестве даже находящийся на престоле тиран Павел I воспринимается как «праведный», т.е. «правильный» царь⁷.

Иначе говоря, в прецедентном для Пушкина тексте на тему самовластия довольно отчетливо очерчен семантический контур самого этого понятия: связано оно

а) с незаконной узурпацией престола путем физического устранения предшественника;

б) с параллелизмом французского и русского исторических сценариев, внутри которых образы Наполеона и Александра I оказываются функционально тождественны – оба нарушили нравственные нормы и юридический регламент при обретении высших властных полномочий.

Соппротивление такой «неправедной власти», вплоть до физического устранения ложного царя, в либерально-правовой западноевропейской традиции вменяется в гражданский долг, а с точки зрения религиозно-нравственных установлений требует отказа от служения такому государю и активному духовному сопротивлению его власти. Думается, именно в этом ключе следует понимать финальные строки пушкинского послания «К Чаадаеву» (1818): «И на обломках самовластия / Напишут наши имена!», – которые приобретают актуальный, но все-таки ситуативный общественно-политический смысл в связи с проведением осенью 1818 г. Ахенского конгресса в рамках Священного союза. В соответствии с его хартией Александр I становился для европейских народов арбитром не только в политических и экономических вопросах, но и конфессиональных: «Государи, подписавшие этот акт, обязались руководствоваться в своей политике заповедями христианства, “которые, отнюдь не ограничиваясь приложением их единственно к частной жизни,

⁷ Как отмечает Б.А. Успенский, «не поведение, но предназначение определяет истинного царя; поэтому царь может быть тираном (как, например, Иван Грозный), но это ни в коей мере не говорит о том, что он не на своем месте» [22, с. 148]. В этой системе представлений Павел I все равно остается царем по Божьему промыслу, а не царем «по собственной воле».

долженствуют, напротив того, управлять волей царей и водительствовать всеми их деяниями”» [8, с. 288]. Эсхатологический пафос заключения «Священного союза» сводился, как известно, к идее объединения трех христианских церквей Европы – протестантской, католической и греческой – в единую христианскую церковь под эгидой не Бога, а человека, именно русского царя – для установления всемирного Царства Христа [8, с. 290]. С высокой долей вероятности можно предположить, что не об «обломках» самодержавия как о системе государственного правления говорит здесь Пушкин, но о неизбежном падении «неправедной власти» и ее «инфернального ига» вполне конкретного монарха – Александра I и о том нравственном и гражданском долге, который обязывает обладающих честью молодых людей бороться с «гнетом власти роковой».

Думается, этот же комплекс представлений о гражданском и нравственном долге по отношению к «неправедному царю» и его приспешникам объясняет написание П.А. Вяземским между 1814 и 1816 гг. эпиграммы на Сперанского («На степени вельмож Сперанский был мне чужд. / В изгнание, под ярмом презрения и нужд, / В нем жертву уважал обманчивого счастья; / Стал ненавистен мне угодник *самовластья*» [5, с. 81] и Е.А. Боратынским – на Аракчеева (конец 1824 – начало 1825 гг.):

Отчизны враг, слуга царя,
К бичу народов – *самовластью* –
Какой-то адскою любовью горя,
Он незнаком с другою страстью.
Скрываясь от очей, злодействует впотьмах,
Чтобы злодействовать свободней.
Не нужно имени: у всех оно в устах,
Как имя страшное владыки преисподней [1, с. 210].

Главный упрек, который адресуется бывшему государственному секретарю и нынешнему управляющему Собственной Его Императорского Величества канцелярией, – угодничество и рьяное служение неправедной власти, причем у Боратынского оно приобретает еще и отчетливо выраженный демонический оттенок.

Вторят этим текстам и строки из раннего (1820) стихотворения Ф.И. Тютчева, адресованного автору оды «Вольность»:

Разнежь, растрогай, преврати /

Друзей холодных *самовласть* /

В друзей добра и красоты! [21, Т.1, с. 27],

– где выражается надежда на возможное исправление очерствевших сердец, в том числе и «под царскою парчою», воздействием «волшебных струн» певца. Примечательно и то, что едва ли не семнадцатилетний Тютчев здесь осуществляет последовательное и отчетливое разграничение понятий «самовластье» и «самодержавие» (заявлено эмблематически через образ царской короны): «Но граждан не смущай покою / И блеска не мрачи венца» [21, Т. 1, с. 27], что вполне согласуется с его будущей идеей пагубного «самовластия человеческого я, возведенного в политическое общественное право» [21, Т. 3, с. 145] при рассуждении о бунте и гибели декабристов в частности и духовных причинах европейских революций в целом (см. об этом: [4]).

2.2. Еще одним близким по времени написанию к «Вольности» и посланию к Чаадаеву текстом, где упоминается «самовластье», становится эпиграмма «На Карамзина» (1818), правда, как отмечает В.А. Кожевников, до сих пор «нет точных, убедительных фактов, доказывающих или опровергающих авторство Пушкина» [13, с. 161]:

В его «Истории» изящность, простота

Доказывают нам, без всякого пристрастья,

Необходимость *самовластья*

И прелести кнута [15, Т. 1, с. 303].

В.А. Кожевников делает убедительное предположение о том, что появлению на свет этого текста мы скорее обязаны шутке: «молодые якобинцы», среди которых были Н.И. Тургенев, М. Муравьев-Апостол и даже П. Катенин⁸, распространяли «злые» по содержанию, но

⁸ Первый, в частности, причислил Карамзина к «хамам» и решил не посылать ему свою книгу «Опыт теории налогов», второй назвал «Историю государства Российского» «царедворной подлостью», а третий охарактеризовал ее как «подлую и педантическую» [13, с. 164].

чрезвычайно слабые по форме эпиграммы на Карамзина. «Можно предположить, – пишет исследователь, – что Пушкин, прочитав их, “со смехом” (как он писал оду “Вольность” в доме братьев Тургеневых) “исправил” одну из них, не придавая этому серьезного значения» [13, с. 166], а спустя 8 лет сожалел об этой шалости: «Мне приписали одну из лучших русских эпиграмм; это не лучшая черта моей жизни» [15, Т. 8, с. 50].

Тем не менее рассуждение о «самовластии» в связи с этой эпиграммой более чем уместно. Первые 8 томов «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина вышли 1 февраля 1818 года. Издание осуществлялось при личной финансовой поддержке Александра I. Более того, современникам Карамзина было хорошо известно, что его начинание было активно поддержано императором, который указом от 31 октября 1803 года даровал автору официальное звание придворного историографа. Эти обстоятельства давали повод М.Ф. Орлову, Н. Муравьеву, М.Т. Каченовскому и уже упомянутым «вольнодумцам» и «либералистам» заподозрить Карамзина в угодничестве и предвзято отнестись к его многолетнему труду, хотя подлинная причина «нападок» состояла, вероятно, в более серьезных и именно политических расхождениях: «они негодовали, не найдя в трудах Карамзина подтверждения своим взглядам на российскую историю» (историю «варварства и тирании»), «не поняли грандиозного творения Карамзина и оценить его не смогли» [13, с. 163, 164].

Действительно, слово «самовластье» употребляется в первых 8-ми томах «Истории государства Российского» не один десяток раз, однако почти повсеместно оказывается окружено одними и теми же контекстуальными синонимами – «тиранством» и «необузданными страстями»: «с одной стороны говорили о подлой неблагодарности, о гнусных кознях; с другой *о самовластии, о тиранстве*» [12], «Извиняли преступника чем только могли: юностью его лет, несносным *тиранством и самовластием* Еленина любимца» [12], «Сии крайности *беззаконного, грубого самовластия и необузданных страстей* в Правителях государства ускорили перемену, желаемую народом и неприятелями Шуйских» [12] и др. В конечном итоге это

приводит Карамзина к известной и широко цитируемой апофегме: «Самодержавие не есть отсутствие законов: ибо где *обязанность*, там и *закон*: никто же и никогда не сомневался в обязанности Монархов блюсти счастье народное» [12], – которую, вероятно, и уточнял Пушкин в «Замечаниях при чтении «Истории Государства Российского» Н.М. Карамзина»: «Закон ограждается страхом наказания. Законы нравственные, коих исполнение оставляется на произвол каждого, а нарушение не почитается гражданским преступлением, не суть законы гражданские» [15, Т. 7, с. 363].

Однако предшествующий карамзинской максиме текст оказывается не менее важен: «Два Государя, Иоанн и Василий, умели навеки решить судьбу нашего правления и сделать Самодержавие как бы необходимою принадлежностью России, единственным уставом государственным, единственною основою целости ее, силы, благоденствия. Сия неограниченная власть Монархов казалась иноземцам *тираниею*, они в легкомысленном суждении своем забывали, что *тирания* есть только злоупотребление Самодержавия, являясь и в Респу́бликах, когда сильные граждане или сановники утесняют общество» [12], – важен, потому что содержит в себе дифференциальный признак, по которому собственно Самодержавие он отличает от «злоупотреблений Самодержавия» («самовластия» и «тирании», или «любоначалия»), придавая истории исконное этическое измерение, когда «правила нравственности и добродетели святее всех иных и служат основанием истинной Политики» [12]. И Пушкин не опровергает этого взгляда, а напротив, согласуется с ним в концепции «Вечного Закона» в оде «Вольность», демонстрирует приверженность ему в «Борисе Годунове», а затем и в «Капитанской дочке».

2.3. Еще одно упоминание «самовластия» встречается у Пушкина в часто цитируемой заметке «О русской истории XVIII века» (1822): «Царствование Павла доказывает одно: что и в просвещенные времена могут родиться Калигулы. Русские защитники *самовластия* в том несогласны и принимают славную шутку г-жи де Сталь за основание нашей конституции: En Russie le gouvernement est un despotisme mitige par la strangulation (Правление в России есть самовластие, ограниченное удавкой (перевод

Пушкина) [15, Т. 8, с. 93]. По наблюдениям Л.И. Вольперт, в пушкинской формуле происходит намеренная контаминация сразу двух высказываний госпожи де Сталь. Одна отдаленно схожая мысль содержится в ее книге «Десять лет в изгнании» (1821): «Ces gouvernements despotiques, dont la seule limite est l'assassinat du despote, bouleversent les principes de l'honneur et du devoir dans la tête des hommes» («Эти деспотические правительства, ограниченные лишь возможностью убийства деспота, опрокидывают в человеческой голове понятия чести и долга») [3, с. 125]. Другая – в ее знаменитом комплименте, адресованном Александру I: «Ваш характер, государь, – конституция вашей империи, а ваша совесть – ее гарантия» [3, с. 125]. Причем, ни одну из реплик даже с натяжкой не получается назвать «bon mot»: в книге воспоминаний высказывание «облечено в сугубо книжную форму и вряд ли могло пользоваться известностью» [3, с. 125], дипломатическая светская любезность также лишена характера остроты – и даже удачный по тональности ответ государя не делает ее «славной шуткой»: «Если бы это и было так, то я был бы только счастливой случайностью» [3, с. 125].

Чтобы корректно интерпретировать смысл пушкинского афоризма, необходимо понять контекстуальные смыслы претекстов Жермены де Сталь. Во-первых, прежде чем ее формула из воспоминаний приобретет столь отточенную формулировку, в «Путевом дневнике» знаменитая француженка разными способами варьирует эту мысль о своеобразных формах «ограничения» абсолютной монархии в России: «Дворяне скорее убьют своего государя, нежели обойдутся с ним непочтительно [...] В деспотических странах преступления знати внушают куда меньшее отвращение, нежели в странах свободных. У русских нет иной защиты от тирании жестокого властителя [...]. Дворяне, кажется, служат своего рода кровавой хартией между деспотическим правителем и безжалостным народом. [...] Они охотнее меняют правителя, нежели форму правления. Они хотят сохранить за собою право карать своих государей» [18]. Иначе говоря, описывая специфику устройства власти в России, де Сталь акцентирует внимание на том, что при тирании жестокого властителя русское дворян-

ство само проявляет деспотические наклонности и, в случае покушения на свои исконные права, осуществляет своеобразный акт возмездия в виде устранения неугодного монарха: деспотизм такого правителя и поправление им нравственных норм и юридических законов санкционируют жестокость его окружения по отношению к нему самому.

Думается, что такое положение дел в «государственном быте» России очень хорошо осознавалось и самим Пушкиным, сделавшем в дневнике 1834 года следующее замечание об Александре I: «Но покойный государь окружен был убийцами его отца. Вот причина, почему при жизни его никогда не было бы суда над молодыми заговорщиками, погибшими 14-го декабря. Он слышал бы жестокие истины...» [15, Т.8, с. 31], – и даже его предшественниками: подобными же словами в своих «Записках» Державин говорит о государыне Екатерине II: «Но если рассуждать, что она была человек, что первый шаг ее восшествия на престол был не непорочен, то и должно было окружить себя людьми несправедливыми и угодниками ее страстей, против которых явно восставать, может быть, и опасалась, ибо они ее поддерживали» [7, Т. VI, с. 700– 701].

Во-вторых, комплимент, сделанный государю Александру I, снабжается в мемуарах известной француженки-изгнанницы еще несколькими важными комментариями, проясняющими ситуацию его произнесения: «Император Александр с жаром рассказывал мне о своей нации и о том, на что она способна. Упомянул он и о своем – известном всему свету – желании улучшить участь крестьян, до сих пор находящихся в крепостной зависимости. «Ваше величество, – отвечала я, – в вашей империи конституцией служит ваш характер, а порукой в ее исполнении – ваша совесть». – «Даже если это правда, – возразил он, – человек – не более чем счастливая случайность». Великолепные слова, каких, я полагаю, не произносил до сего дня ни один самодержец! Сколько добродетели потребно, чтобы *осудить деспотизм, будучи деспотом* (курсив наш – С.К.); сколько добродетели необходимо, чтобы ни разу не употребить во зло абсолютную власть в стране, где сами подданные изумляются умеренности столь редкостной!» [18]. Это контекстуальное «окружение» комплиментарной фразы позволяет понять, что де Сталь воспринимает

монархическую власть в России как некую форму восточной деспотии, которая а priori зиждется на тирании и жестокости – и великодушие и добродетельность собеседника являются исключением, скорее подтверждающим правило, чем опровергающим его.

Между тем, за искренним, на первый взгляд, восхищением русским монархом скрывается некое недоверие к «деспоту»: де Сталь было известно о дворцовом перевороте 11-12 марта 1801 года и участии Александра Павловича в нем, о чем она умалчивает в основном тексте своих мемуаров, но проговаривается в «Путевом дневнике», рассуждая о «русском молчании» в связи именно с этим конкретным политическим событием: «В день смерти Павла I – молчание даже среди гвардейцев»; «Молчание в день смерти Павла I при провозглашении Александра» [18]. Т.е. Александр I воспринимается ею в двойном модусе, а значит, нельзя исключать того, что ее комплиментарная оценка русского монарха не лишена двусмысленности: характер Александра основан на склонностях к «противочувствованию» (см. пушкинское стихотворение «К бюсту завоевателя»), и сравнение его с «конституцией» содержит в себе противоречие явного и скрытого смысла: постоянно декларируемое в публичном пространстве желание ввести конституцию (т.е. свод *незыблемых* законов) вступает в категорическое противоречие с *непостоянным* и *уклончивым* характером инициатора этой радикальной государственной реформы. А при упоминании «совести» монарха как гаранта исполнения этого намерения подразумевается обратное тому, что говорится: совесть государя отягощена убийством предшественника и по совместительству собственного отца.

Особенно примечательно то, что ответ Александра I может быть интерпретирован в том же амбивалентном модусе и не без доли сомнения в искренности говорящего («Даже если это правда...»): «Я случайно оказался не в том месте и не в то время, потому что человек – жертва случайности». Возникает, конечно, закономерный вопрос, почему «случайность» названа Александром I «счастливой»? Думается, что смысл его ответа оказывается идентичен тому, что заложен в поговорках «не было бы счастья, да несчастье помогло» и

«всякий на моем месте поступил бы так же», т.е. не случись убийства моего отца, я бы не стал задумываться о конституции и пресечении деспотического порядка обретения власти.

Лишь совмещение семантики этих двух высказываний с пушкинской фразой, имитирующей афористичный стиль госпожи де Сталь, начинает обладать той остроумной интеллектуальной игрой смыслов, которые приобретают характер многослойной саркастической⁹ насмешки. Прямое упоминание в начале заметки имени Павла I переводит не выраженный явным образом смысл высказываний французской писательницы из области подтекста в зону семантической определенности и текстовой однозначности, предельно заостряя его и лишая амбивалентности истолкования: Пушкиным дается не только отрицательная оценка деятельности заговорщиков 11 марта 1801 года, но в подтексте в целом «конституционной программе» Александра I, возведенного этими заговорщиками на престол.

«Смешение, нарочитое или может быть безотчетное, двух высказываний де Сталь, – комментирует эту особенность Л.И. Вольперт, – как раз и отражало эту потребность: создать контекст, который сблизил бы в сознании читателей имена Павла и Александра и напоминал бы об отцеубийстве. Мастерски имитируя стиль афоризмов де Сталь, Пушкин как бы «создает» заново нужную ему французскую цитату. Он не только придает высказыванию писательницы отточенную афористическую форму, но и прямо ориентирует его на Россию» [3, с. 126] – а именно, добавим мы, на формы государственного правления в России XVIII века (заметка Пушкина, напомним, посвящена именно этому вопросу), печально известного своими многочисленными дворцовыми переворотами.

Намек на участие Александра I в отцеубийстве приобретает в этом афористическом высказывании Пушкина характер универсалии

⁹ Здесь более чем уместно вспомнить, что слово «сарказм» этимологически восходит к др.-греч. *σαρκασμός*, далее из *σαρκάζω* «разрывать мясо, как собака» [18], т.е. саркастическая шутка не просто подобна укусу собаки, но осуществляет болезненный разрыв и содрогание плоти.

и «основного нормативно-правового акта» (т.е. собственно – конституции) всей русской истории предшествующего столетия – начиная с нарушения «царского слова» о подписании «Кондиции» Анной Иоанновной и «гуманного» пожизненного заключения Ивана VI Елизаветой Петровной и заканчивая убийством мужа Екатериной II и даже собственного отца Александром I. Иначе говоря, главным закон государственного устройства России до сих пор являлась совесть «самовластительного злодея», отягощенная нравственным преступлением ради достижения престола.

3. Таким образом, предварительные наблюдения над контекстуальной семантикой лексемы «самовластие» в отдельных произведениях А.С. Пушкина позволяют сделать вывод о том, что в художественной системе поэта это понятие не тождественно «самодержавию», а скорее мыслится как его смысловая антитеза и извращенная форма монархического правления, основанная на существенном отклонении от нравственных и юридических норм. Такое разграничение предполагает в дальнейшем внесение существенных корректив в представление о политическом мировоззрении поэта.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Боратынский Е.А.* Полное собрание стихотворений. Ленинград: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1989. 462 с.
2. Викисловарь. Режим доступа: https://ru.wiktionary.org/wiki/Викисловарь:Заглавная_страница.
3. *Вольперт Л.И.* Еще о «славной шутке» госпожи де Сталь // Временник Пушкинской комиссии, 1973 / АН СССР. ОЛЯ. Пушкин. комис. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1975. С. 125–126.
4. *Воропаев В.А.* Что означает слово «самовластье» у Ф.И. Тютчева? // Русская речь. 2004. № 6. С. 6–12.
5. *Вяземский П.А.* Стихотворения. Ленинград: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1958. 507 с.
6. *Гаспаров Б.М.* Поэтический язык Пушкина как факт истории русского литературного языка. С-Пб.: Академический проект, 1999. 400 с.

7. *Державин Г.Р.* Сочинения / под ред. Я. Грота: в 9 т. СПб., 1864–1883.
8. *Зорин А.Л.* Кормя двуглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 416 с.
9. *Калашиников С.Б.* Державинские претексты в структуре оды А.С. Пушкина «Вольность» // Русистика и компаративистика. Сборник научных трудов по филологии. Москва, 2023. С. 156–178.
10. *Калашиников С.Б.* Модель тождества двух самозванцев: Наполеон и Александр I в творчестве А. С. Пушкина // Пушкинские чтения-2017. Художественные стратегии классической и новой словесности: жанр, автор, текст. Материалы XXII международной научной конференции. Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2017. С. 9–22.
11. *Калашиников С.Б.* Ода А.С. Пушкина «Вольность»: эволюция интертекстов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2007. № 6. С. 23–30.
12. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Эл. ресурс: [https://ru.wikisource.org/wiki/История_государства_Российского_\(Карамзин\)](https://ru.wikisource.org/wiki/История_государства_Российского_(Карамзин)) Дата обращения: 01.06.2025.
13. *Кожевников В.А.* О «прелестях кнута» и «подвиге честного человека»: Пушкин и Карамзин // Московский пушкинист: Ежегод. сб. / Рос. АН. ИМЛИ им. А. М. Горького. Пушкин. комис. Вып. I. Москва: Наследие, 1995. С. 151—185.
14. Новое отлучение Наполеона от церкви Папой Пием VII // Сын Отечества. Кн. XVII. 1813. С. 229–234.
15. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977-1979.
16. *Рылеев К.Ф.* Полное собрание стихотворений. Ленинград: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1971. 480 с.
17. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. акад. АН СССР В. В. Виноградов. 2-е изд., доп. / Российская академия наук. Ин-т рус.

- яз. им. В. В. Виноградова. Москва: Азбуковник, 2000. Т4., 1227 с.
18. *Сталь, Жермена де*. Десять лет в изгнании [Текст] / Жермена де Сталь; перевод с французского статьи и комментария В.А. Мильчиной. - Санкт-Петербург: Крига: Изд-во Сергея Ходова, сор. 2017. 471 с. Эл. ресурс: <https://knizhonka.com/read-book/desyat-let-v-izgnanii-zhermena-de-stal.html>. Дата обращения: 01.06.2025.
 19. *Сурат И., Бочаров С.* Пушкин: Краткий очерк жизни и творчества. - М.: Языки славянской культуры, 2002. 240 с.
 20. *Тарле Е.В.* Собрание сочинений / Е. В. Тарле. – Москва: Издательство академии наук СССР, 1959. Том 7. 859 с.
 21. *Тютчев Ф.И.* Полное собрание сочинений и письма. В 6-ти томах. Москва: Издательский Центр «Классика», 2002 – 2005.
 22. *Успенский Б.А.* Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Успенский Б.А. Избранные труды. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996. Т.1. Семиотика истории. Семиотика культуры. С. 142–183.
 23. *Языков Н.М.* Полное собрание стихотворений. Москва; Ленинград: Сов. писатель: Ленингр. отд-ние, 1964. 706 с.

REFERENCES

1. *Boratynskij E.A.* Polnoe sobranie stihotvorenij. Leningrad: Sov. pisatel': Leningr. otd-nie, 1989. 462 s.
2. *Vikislovar'*. Rezhim dostupa: https://ru.wiktionary.org/wiki/Vikislovar':Zaglavnaya_stranica.
3. *Vol'pert L.I.* Eshche o «slavnoj shutke» gospozhi de Stal' // Vremennik Pushkinskoj komissii, 1973 / AN SSSR. OLYA. Pushkin. komis. L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1975. S. 125–126.
4. *Voropaev V.A.* CHto oznachaet slovo «samovlast'e» u F.I. Tyutcheva? // Russkaya rech'. 2004. № 6. S. 6–12.
5. *Vyazemskij P.A.* Stihotvoreniya. Leningrad: Sov. pisatel': Leningr. otd-nie, 1958. 507 s.

6. *Gasparov B.M.* Poeticheskij yazyk Pushkina kak fakt istorii russkogo literaturnogo yazyka. S-Pb.: Akademicheskij proekt, 1999. 400 s.
7. *Derzhavin G. R.* Sochineniya / pod red. YA. Grota: v 9 t. SPb., 1864–1883.
8. *Zorin A.L.* Kormya dvuglavogo orla... Russkaya literatura i gosudarstvennaya ideologiya v poslednej treti XVIII – pervoj treti XIX veka. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 416 s.
9. *Kalashnikov S.B.* Derzhavinskie preteksty v strukture ody A.S. Pushkina «Vol'nost'» // *Rusistika i komparativistika. Sbornik nauchnyh trudov po filologii.* Moskva, 2023. S. 156–178.
10. *Kalashnikov S.B.* Model' tozhdestva dvou samozvancev: Napoleon i Aleksandr I v tvorchestve A. S. Pushkina // *Pushkinskie chteniya-2017. Hudozhestvennye strategii klassicheskoy i novoj slovesnosti: zhanr, avtor, tekst. Materialy XXII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii.* Sankt-Peterburg: Leningradskij gosudarstvennyj universitet imeni A.S. Pushkina, 2017. S. 9–22.
11. *Kalashnikov S.B.* Oda A.S. Pushkina «Vol'nost'»: evolyuciya intertekstov // *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedenie. ZHurnalistika.* 2007. № 6. S. 23–30.
12. *Karamzin N.M.* Istoriya gosudarstva Rossijskogo. El. resurs: [https://ru.wikisource.org/wiki/Istoriya_gosudarstva_Rossijskogo_\(Karamzin\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Istoriya_gosudarstva_Rossijskogo_(Karamzin)). Data obrashcheniya: 01.06.2025.
13. *Kozhevnikov V.A.* O «prelestyah knuta» i «podvige chestnogo cheloveka»: Pushkin i Karamzin // *Moskovskij pushkinist: Ezhegod. sb. / Ros. AN. IMLI im. A. M. Gor'kogo. Pushkin. komis. Vyp. I.* Moskva: Nasledie, 1995. S. 151–185.
14. *Novoe otluchenie Napoleona ot cerkvi Papoj Piem VII // Syn Otechestva.* Kn. XVII. 1813. Str. 229–234.
15. *Pushkin A.S.* Polnoe sobranie sochinenij: v 10 t. Leningrad: Nauka. Leningr. otd-nie, 1977-1979.
16. *Ryleev K.F.* Polnoe sobranie stihotvorenij. Leningrad: Sov. pisatel'. Leningr. otd-nie, 1971. 480 s.
17. *Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t. / Otv. red. akad. AN SSSR V. V. Vinogradov.* 2-e izd., dop. / Rossijskaya akademiya nauk. In-t rus.

- yaz. im. V. V. Vinogradova. Moskva: Azbukovnik, 2000. T4., 1227 s.
18. *Stal', ZHermena de. Desyat' let v izgnanii* [Tekst] / ZHermena de Stal'; perevod s francuzskogo stat'i i kommentarii V.A. Mil'chinoj. - Sankt-Peterburg: Kriga: Izd-vo Sergeya Hodova, cop. 2017. 471 s. El. resurs: <https://knizhonka.com/read-book/desyat-let-v-izgnanii-zhermena-de-stal.html>. Data obrashcheniya: 01.06.2025.
 19. *Surat I., Bocharov S. Pushkin: Kratkij ocherk zhizni i tvorchestva.* - M.: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2002. 240 s.
 20. *Tarle E. V. Sobranie sochinenij / E. V. Tarle.* – Moskva: Izdatel'stvo akademii nauk SSSR, 1959. Tom 7. 859 s.
 21. *Tyutchev F. I. Polnoe sobranie sochinenij i pis'ma. V 6-ti tomah.* Moskva: Izdatel'skij Centr «Klassika», 2002 – 2005.
 22. *Uspenskij B. A. Car' i samozvanec: samozvanchestvo v Rossii kak kul'turno-istoricheskij fenomen // Uspenskij B.A. Izbrannye trudy.* Moskva: SHkola «YAzyki russkoj kul'tury», 1996. T.I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury. S. 142–183.
 23. *Yazykov N.M. Polnoe sobranie stihotvorenij.* Moskva; Leningrad: Sov. pisatel': Leningr. otd-nie, 1964. 706 s.

**ՄԵԿ ՍԵՄԱՆՏԻԿ ՉԱՓԻ ՄԱՍԻՆ
«ԲՈՆԱՏԻՐՈՒԹՅԱՆ» ՊԱՏԿԵՐԸ Ա. Ս. ՊՈՒՇԿԻՆԻ ՄՈՏ.
ՆԱԽՆԱԿԱՆ ԴԻՏԱՐԿՈՒՄՆԵՐ**

**Ս. Բ. ԿԱԼԱՇՆԻԿՈՎ
Մոսկվայի քաղաքային համալսարան**

Հոդվածում դիտարկումներ են արվում Ա.Ս. Պուշկինի վաղ շրջանի ստեղծագործություններում «բռնապետություն» լեքսեմի համատեքստային իմաստաբանության վերաբերյալ: Տեքստային, ենթատեքստային և միջտեքստային իմաստների վերլուծությունը թույլ է տալիս եզրակացնել, որ բանաստեղծի գեղարվեստական համակարգում «բռնապետություն» հասկացությունը դառնում է «ինքնակալություն» հասկացության իմաստային հակադրությունը և ընկալվում է որպես միապետական կառավարման աղավաղված ձև,

որը հիմնված է բարոյական նորմերի և իրավական կարգավորումների խախտման վրա:

Բանալի բառեր՝ բռնապետություն, ինքնակալություն, քաղաքական աշխարհայացք, տեքստ, համատեքստ, ենթատեքստ, իմաստաբանություն

ABOUT ONE SEMANTIC DIMENSION THE IMAGE OF "DESPOTISM" IN A. S. PUSHKIN: PRELIMINARY OBSERVATIONS

S. B. KALASHNIKOV
Moscow City University

The article makes observations on the contextual semantics of the lexeme "despotism" in the early works of A.S. Pushkin. The analysis of textual, subtextual and intertextual meanings allows us to conclude that in the poet's artistic system the concept of "despotism" becomes the semantic antithesis of the concept of "autocracy" and is thought of as a perverted form of monarchical government based on violation of moral norms and legal regulations.

Key words: *despotism, autocracy, political worldview, text, context, subtext, semantics*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 17 июня 2025 г., подписана к печати в № 1.СХХ (120).2025 30.06.2025.

ЧЕХОВ – ТОЛСТОЙ – ЛЕСКОВ:*рассказ «По делам службы»*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (РНФ), проект № 24-18-00762 «Классики русской литературы второй половины XIX века: биографические «пересечения», критическая рецепция и интертекстуальные связи»; <https://rscf.ru/project/24-18-00762/>, ИРЛИ РАН.

С. А. КИБАЛЬНИК**Институт русской литературы (Пушкинский
Дом)****Российской Академии наук****г. Санкт-Петербург, Российская Федерация****ORCID 0000-0002-5937-5339****kibalnik007@mail.ru**

В статье проводится мысль о том, что герой рассказа «По делам службы» доктор Старченко, с одной стороны, внутренне соотнесен с фон Кореном из чеховской повести «Дуэль», а с другой – отличается не меньшей бесцеремонностью и душевной черствостью, чем герой «Ионыча» Дмитрий Старцев последней главы чеховского рассказа. В то же время главный герой рассказа «По делам службы», молодой судебный следователь Лыжин, напо-минает толстовского Левина (а сотский Лошадин – квартального «Рыжова» из лесковского «Однодума», 1879). Так что, с одной стороны, в этом рассказе имеет место яркое проявление автоинтертекстуальности в позднем чеховском творчестве, а с другой – в нем можно видеть своего рода «пред-концептуалистскую» вариацию сквозных мотивов творчества Льва Толстого.

Ключевые слова: Чехов, Толстой, рассказ, творческий диалог, претекст

Посвящается Михаилу Давидовичу Амирханяну

Славно имя Еревана
В Академии наук —
А теперь Амирханяна
Не пустой для сердца звук.
Там, где некогда прощался
Пушкин с «Грибоедом»
Встретился «случайно» —
Сонм литературоведов.
Посредине людной трассы
«Ереван — Степанаван»
Нас июньским знойным часом
Здесь собрал Амирханян.
Подъезжая под Гергеры,
Взглянем мы на небеса
И мгновенно вспыхнут верой
Его карие глаза! :)
Сергей Кибальчич
По следам Пушкинской конференции
в Ереване, июнь 2012 г.

Рассказ Чехова «По делам службы» (1898) – один из малоизвестных шедевров Чехова. Между тем в нем можно обнаружить существенные стороны позднего Чехова-прозаика вообще.

1

Одна из них заключается в том, что позднее творчество Чехова весьма автоинтертекстуально. Не редкость в нем даже своего рода редуцированные ремейки его собственных произведений. Так, например, главные герои повести «Дуэль» (1891) еще раз появились в чеховском творчестве – разумеется в преобразованном виде – в его рассказе «По делам службы» (1898). Парадоксальным образом в нем мы находим новое, своего рода «предконцептуалистское» развитие

сюжета «Дуэли». «Предконцептуалистское» потому, что «предметный мир» в этом рассказе отчасти отступает на второй план, в то время как первый выдвигается варьирование идеи предыдущего произведения через варьирование его сюжета. Напомню, что «концептуализм имеет дело с *идеями* (а чаще всего с *идеями отношений*), а не с предметным миром....» [3].

Фамилия главного героя рассказа «**Лесницкий**» по отношению к фамилии героя этой повести: «**Лаевский**» — носит прозрачно анаграмматический характер. Рассказ о беспричинном самоубийстве страхового агента Лесницкого — по-видимому, оттого, что «жизнь надоела, тоска» [С. 10: 87] — повествует как бы о том, что могло случиться, если бы Лаевский покончил с собой (что, в принципе, было вполне возможным вариантом финала чеховской «Дуэли»).

На вскрытие приезжают «исполняющий должность судебного следователя» Лыжин — «еще молодой, кончивший только два года назад и похожий больше на студента, чем на чиновника», а также доктор Старченко — «мужчина средних лет, с темной бородой, в очках» [С. 10: 87]. В ожидании утра герои проводят вечер, а потом — из-за внезапно разыгравшейся метели — еще и день в усадьбе помещика фон Тауница. Обслуживает их в течение всего этого времени сотский Лошадин.

Фамилия доктора Старченко, внутренне соотнесенного с другим героем «Дуэли» фон Кореном, похожа на фамилию героя написанного Чеховым немногим ранее рассказа «Ионыч» (1898), доктора Старцева. Причем Старченко отличается не меньшей бесцеремонностью и душевной черствостью, чем Старцев последней главки чеховского рассказа [ср.: С. 10: 40-41]: **«Пришла охота пустить себе пулю в лоб, ну и стрелялся бы у себя дома, где-нибудь в сарае. Он, как был, в шапке, в шубе и в валенках, опустил на скамью; его спутник, следователь, сел напротив. — Эти истерики и неврастеники большие эгоисты...»** [С. 10: 87].

Старченко называет Лесницкого «неврастеником» — словом, которое Лаевский применял к самому себе: «... какой я боец? Жалкий **неврастеник**, белоручка» [С. 7: 356]. И высказывается о самоубийце Лесницком в духе «социального дарвинизма» фон Корена.

«Он оставил жену и ребенка, — говорил Старченко. — Неврастеникам и вообще людям, у которых нервная система не в порядке, **я запретил бы вступать в брак; я отнял бы у них право и возможность размножать себе подобных. Производить на свет нервнобольных детей — это преступление** [С. 10: 98]. Фон Корен в разговоре с доктором Самойленко был менее определен в том, каким именно образом Лаевского надо «обезвредить», но в остальном высказывался сходным образом: **«Уничтожить Лаевского нельзя, ну так изолируйте его, обезличьте, отдайте в общественные работы...»** [С. 7: 375].

Между тем у самого Старченко слова то и дело расходятся с делами. Это бросается в глаза в эпизоде возвращения Старченко за Лыжиным: «— Видите, **я сам за вами приехал.** <...> — **А у Тауница,** — сказал Старченко, — когда узнали, что вы остались ночевать в избе, **то все набросились на меня, почему я это вас с собой не взял**» [С. 10: 94]. При этом он сам себе противоречит. Объявляет: «...я сам за вами приехал» — и в то же время сообщает, что у Тауница на него «набросились» с упреками. И было за что наброситься: ведь сразу поехать к фон Тауницу Старченко Лыжину не предложил, оставив его ночевать в «земской избе». Этот уездный врач явно представляет собой нечто среднее между фон Кореном и Ионычем, причем от Ионыча финала чеховского рассказа в нем явно больше.

Что же касается фон Тауница, то он смотрит на самоубийцу Лесницкого с сочувствием: «— **Несчастный молодой человек,** — говорил фон Тауниц, **тихо вздыхая и покачивая головой.** — Сколько надо прежде передумать, выстрадать, чтобы наконец решиться отнять у себя жизнь... молодую жизнь» [С. 10: 98]. И, естественно, несколько напоминает этим не фон Корена (что можно было бы предположить по сходству фамилий), а доктора Самойленко. В иной, но сходной ситуации тот увещевал зоолога: «— Я не знаю, Коля, чего ты добиваешься от него, — сказал Самойленко, глядя на зоолога уже **не со злобой, а виновато.** — **Он такой же человек, как и все.** Конечно, не без слабостей...» [С. 7: 374]. Так что диалог фон Тауница со Старченко о Лесницком немного похож на спор между Самойленко и фон Кореном о Лаевском. Если бы Лаевский покончил

жизнь самоубийством, то сходство это, наверное, стало бы еще большим.

В финале рассказа «По делам службы» антагонизм начинающего следователя по отношению к доктору принимает вполне осознанный характер: «И доктор в соседней комнате стал говорить о суровой природе, влияющей на характер русского человека, о длинных зимах, которые, стесняя свободу передвижения, задерживают умственный рост людей, а **Лыжин с досадой слушал эти рассуждения...**» [С. 10: 100].

2

На передний план здесь выдвигается внутренний диалог Чехова с его предшественниками: Лесковым и Толстым. Первый из них связан с образом сотского Лошадина – безропотного служаки, тридцать лет тянущего свою ляжку за ничтожное жалованье.

У этого чеховского героя есть реально-биографический прототип. Говоря о мелиховском периоде в жизни брата, который был тогда членом «Серпуховского санитарного совета», на него указал М.П. Чехов: «То и дело к нему приходил то с той, то с другой казенной бумагой сотский, и каждая такая бумага звала его к деятельности. **Этот сотский**, или, как он сам называл себя, „цоцкай“, служил при Бавыкинском волостном правлении, к которому в административном отношении принадлежало Мелихово, и он-то **и выведен Чеховым в рассказе “По делам службы”** <...> Это был необыкновенный человек; он „ходил“ уже тридцать лет, все им помыкали» [цит. по: С. 10: 399].

Между тем, очевидно, есть у сотского Лошадина и литературный прототип. Вспомним высказывание Чехова, которое приводит в своих воспоминаниях о нем А.Н.Серебров-Тихонов: «Вот меня часто упрекают – даже Толстой упрекал, – что я пишу о мелочах, что **нет у меня положительных героев: революционеров, Александров Македонских или хотя бы, как у Лескова, просто честных исправников**. А где их взять?» [1: 594]. При этом Чехов скорее всего имел в виду известный рассказ Н.С.Лескова «Однодум» (1879), открывавший цикл его рассказов о «праведниках». Герой этого рассказа – правда, не «исправник», а «квартильный» – но воистину «честный».

Начитавшийся Библии Рыжов исполняет свои нескончаемые обязанности за десять рублей в месяц – ничтожное жалованье, на которое прожить можно только при условии получения мзды от населения (а он ее упорно ни от кого не принимает).

Герой Чехова – такой же самоотверженный человек, служащий общему делу. Только он не такой бессеребренник, как лесковский исправник. Хотя, говоря о старом барине Лесницком, утаившем завещание своей сестры, сотский Лошадин и отзывается: «ан – нет, погоди, на свете неправдой не проживешь» [С. 10: 91] – подношения он принимает. Так что Лыжин даже удивляется, как это в его душе **«каким-то образом крепко сжились пятиалтынничек, стаканчик и глубокая вера в то, что на этом свете неправдой не проживешь»** [С. 10: 92].

Зато по сравнению с лесковским «однодумом» чеховский «сотский» – очевидно, более жизненный и правдоподобный образ. Не случайно из всех героев этого рассказа Чехова именно он произвел наиболее сильное впечатление на Льва Толстого – причем как раз своеобразным соединением в нем праведности и грешности. В своем экземпляре чеховского рассказа на страницах «Книжек недели», в которых он был опубликован, Толстой провел черту как раз напротив выше приведенной фразы. А позднее в дневнике от 7 мая 1901 года записал о чеховском «цоцком»: «Видел во сне тип старика, кот[орый] у меня предвосхитил Чехов. Старик был тем особенно хорош, что **он был почти святой, а между тем пьющ[ий] и ругатель. Я в первый раз ясно понял ту силу, к[акую] приобретают типы от смело накладываемых теней**» [цит. по: С. 10: 401]. «Святым» и безгрешным был лесковский «однодум» – Чехов сделал своего героя менее праведным, зато более жизненным. И это оказалось открытием для Толстого даже уже в последнее десятилетие его жизни.

3

Второй внутренний диалог, который Чехов ведет в этом рассказе со своими предшественниками, – это как раз диалог с самим Толстым – а заодно, может быть, в какой-то степени с Достоевским. Он связан прежде всего со сном, который Лыжин видит в доме фон Тауница.

Во сне ему являются Лесницкий и сотский Лошадин. Они «шли в поле по снегу, бок о бок, поддерживая друг друга; метель кружила над ними, ветер дул в спины, а они шли и подпевали:— Мы идем, мы идем, мы идем. <...> **Мы несем на себе всю тяжесть этой жизни, и своей, и вашей...** [С. 10: 98]. Так еще пока подсознательно чеховский герой начинает ощущать роль народа в жизни образованных сословий: «И почему агент и сотский приснились вместе? <...> Не идут ли они и в жизни бок о бок, держась друг за друга? **Какая-то связь, невидимая, но значительная и необходимая, существует между обоими, даже между ними и Тауницем, и между всеми, всеми...** <...> **это части одного организма, чудесного и разумного, для того, кто и свою жизнь считает частью этого общего и понимает это**» [С. 10: 99].

Сон этот был, конечно же, подготовлен сильным впечатлением, которое на Лыжина произвела резкая смена обстановки при переезде его из земской избы в дом фон Тауница: «Следователь смеялся, танцевал кадрили, ухаживал, а сам думал: **не сон ли всё это?** Черная половина земской избы, куча сена в углу, шорох тараканов, противная нищенская обстановка, голоса понятых, ветер, метель, опасность сбиться с дороги, и вдруг эти великолепные светлые комнаты, звуки рояля, красивые девушки, кудрявые дети, веселый, счастливый смех — такое превращение казалось ему сказочным; и было невероятно, что такие превращения возможны на протяжении каких-нибудь трех верст, одного часа. И скучные мысли мешали ему веселиться, и он всё думал о том, что это кругом не жизнь, а клочки жизни, отрывки, что всё здесь случайно, никакого вывода сделать нельзя; и ему даже было жаль этих девушек, которые живут и кончат свою жизнь здесь в глуши, в провинции, вдали от культурной среды, где ничто не случайно, всё осмысленно, законно, и, например, всякое самоубийство понятно, и можно объяснить, почему оно и какое оно имеет значение **в общем круговороте жизни**» [С. 10: 97].

Как и застрелившийся Лесницкий, Лыжин в свою очередь тоже отдаленно напоминает Лаевского — только уже Лаевского накануне дуэли, вдруг ощутившего свою собственную вину перед Надеждой Федоровной и всеобщую вину людей друг за друга: «У молодой,

слабой женщины, которая доверяла ему больше, чем брату, **он отнял мужа, круг знакомых и родину и завез ее сюда** — в зной, в лихорадку и в скуку; изо дня в день она, как зеркало, должна была отражать в себе его праздность, порочность и ложь — и этим, только этим наполнялась ее жизнь, слабая, вялая, жалкая; потом он **пресытился ею, возненавидел**, но не хватило мужества бросить, и он **старался всё крепче опутать ее лганьем, как паутиной...**» [С. 7: 437]. С учетом всех выше приведенных сопоставлений рассказ 1898-го года, таким образом, оказывается вариацией чеховской повести 1891-го. А осмысление Лыжиным этого сна отмечено отчетливой ориентацией на философию всеобщей вины друг перед другом, развиваемую некоторыми героями Толстого — в частности, Левиным из «Анны Карениной». Ср. у Чехова: «И он чувствовал, что **это самоубийство и мужицкое горе лежат и на его совести**; мириться с тем, что эти люди, покорные своему жребию, взвалили на себя самое тяжелое и темное в жизни — как это ужасно!» [С. 10: 100].¹ Правда, у Толстого при этом звучали некоторые другие оттенки этой мысли, ведь жизнь крестьян Левин воспринимал как «трудовую, чистую и общую прелестную жизнь» [4: 290-291].

Не случайно в своем экземпляре «Книжек недели» с чеховским рассказом Толстой подчеркнул места, в которых «говорится о пробуждении совести Лыжина, где прорывается авторский голос» [С. 10: 401]. Так что скорее всего близость восприятия жизни чеховским Лыжиным по отношению к своему Левину — да и ко многим другим своим героям — он заметил. Тем более что сам Чехов подчеркнул ее неполной анаграмматичностью фамилии своего героя по отношению к герою «Анны Карениной».

Между прочим, такое предположение о происхождении фамилии главного героя рассказа Чехова «По делам службы» вовсе не противоречит другому его объяснению, предложенному А.В. Кубасовым. Исследователь обратил внимание на то, что герой по фамилии «Лыжин» также есть в романе П.Д. Боборыкина «Перевал», с которым Чехов был знаком [см.: Кубасов: 161-163]. Причем там это

¹ Кстати, сходное убеждение высказывает старец Зосима в «Братьях Карамазовых» и многие другие герои русской литературной классики.

«русский ницшеанец». Поскольку Чехов относился к этому роману несколько иронически [ср.: П. 5: 97], то вполне мог дать ту же фамилию своему герою, который похож скорее на толстовского Левина, чем на боборыкинского Лыжина.

Итак, в рассказе Чехова «По делам службы» можно видеть своего рода «предконцептуалистскую» вариацию мотива взаимной ответственности людей друг за друга, который в «Анне Карениной» – и в творчестве Толстого вообще – связан с сюжетной линией Левина. В этом рассказе проявляется отчетливое стремление Чехова к тому, чтобы наметить для современного человека какой-то выход из ограничивающих его свободу социальных, психологических и экзистенциальных пределов.

ЛИТЕРАТУРА

1. А.П. Чехов в воспоминаниях современников. М.: «Художественная литература», 1986.
2. Кубасов А.В. Фридрих Ницше в русской прозе конца XIX века: ироники и адепты (А.П.Чехов и П.Д.Боборыкин) // Уральский филологический вестник. Серия: Русская классика: динамика художественных систем. 2015. № 3. С. 158-174.
3. Словарь терминов московской концептуальной школы. Сост., предисл. А. Монастырского. М.: Ad Marginem, 1999.
4. Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Том 18. Анна Каренина. М.: Государственное издательство «Художественная литература», 1934.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Сочинения: В 18 т. Письма: В 12 т. Москва: Наука, 1974–1983.

REFERENCES

1. A.P.Chekhov v vospominaniyah sovremennikov. Moskva: Hudozhestvennaya literatura, 1986. 735 p. (In Russ.)
2. Kubasov A.V. Fridrih Nitsche v russkoy proze kontsa XIX veka: ironiki i adepty (A.P.Chekhov i P.D.Boborykin) // Uralskiy filologicheskiy

- vestnik. Seriya: Russkaya klassika: dinamika hudozhestvennyh system. 2015. № 3, pp. 158-174. (In Russ.)
3. Slovar' terminov moskovskoy kontseptual'noi shkoly. Sost., predisl. A.Monastyrskego. Moskva: Ad Marginem, 1999. (In Russ.)
 4. Tolstoy L.N. Polnoye sobraniye sochineniy: v 90 t. T. 18. Anna Karenina. Moskva: Gosudarstvennoe izdatel'stvo "Hudozhetstvennaya literatura", 1934. (In Russ.)
 5. Chekhov A.P. Polnoye sobraniye sochineniy: v 30 tomah. Sochineniya: V 18 t. Pis'ma: V 12 t. Moskva: Nauka, 1974–1983. (In Russ.)

ՉԵԽՈՎ – ՏՈԼՍՏՈՅ – ԼԵՄԿՈՎ. «ԾԱՌԱՅՈՂԱԿԱՆ ԳՈՐԾՈՎ» ՊԱՏՄՎԱԾՔԸ

Ս. Ա. ԿԻՐԱԼՆԻԿ

**Ռուսական գրականության ինստիտուտ (պուշկինի տուն),
Ռուսաստանի գիտությունների ակադեմիա
Սանկտ պետերբուրգ, ռուսաստանի դաշնություն**

Հոդվածում ենթադրվում է, որ «Ծառայողական գործով» պատմվածքի հերոսը՝ բժիշկ Ստարչենկոն, մի կողմից, ներքին կապ ունի Չեխովի «Մենամարտ» պատմվածքի ֆոն Կորենի հետ, իսկ մյուս կողմից՝ ոչ պակաս անտարբեր է, քան «Իռնիչի» հերոսը՝ Դմիտրի Ստարցևը Չեխովի պատմվածքի վերջին գլխում: միևնույն ժամանակ, «Ծառայողական գործով» պատմվածքի գլխավոր հերոսը՝ երիտասարդ դատական քննիչ Լժինը, նման է Տոլստոյի Լևինին (իսկ կոնստերվ Լոշադինը նման է ոստիկան «Ռիժովին» Լեսկովի «Однодум»-ից, 1879): Այսպիսով, մի կողմից, այս պատմությունը Չեխովի ուշ շրջանի ստեղծագործություններում ինքնահետադարձության վառ դրսևորում է, իսկ մյուս կողմից՝ այն կարելի է դիտարկել որպես Լև Տոլստոյի ստեղծագործության կրկնվող մոտիվների մի տեսակ «նախահայեցակարգային» տարբերակ:

Բանալի բաներ՝ Չեխով, Տոլստոյ, պատմություն, ստեղծագործական երկխոսություն, պատրվակ

CHEKHOV – TOLSTOY – LESKOV: STORY "BY THE ROAD"

S. A. KIBALNIK

Institute of russian literature (pushkin house), Russian academy of
sciences

St. Petersburg, russian federation

The article suggests that the hero of the story "By the Road" doctor Starchenko, on the one hand, is internally related to Von Koren from Chekhov's story "Duel", and on the other hand, is no less unceremonious and callous than the hero of "Ionych" Dmitry Startsev in the last chapter of Chekhov's story. at the same time, the main character of the story "By the Road", the young judicial investigator Lyzhin, resembles Tolstoy's Levin (and the constable Loshadin resembles the policeman "Ryzhov" from Leskov's "Singlemind", 1879). So, on the one hand, this story is a vivid manifestation of autointertextuality in Chekhov's late work, and on the other hand, it can be seen as a kind of "pre-conceptualist" variation of the recurring motifs of Leo Tolstoy's work.

Key words: Chekhov, Tolstoy, story, creative dialogue, pretext

Информация о статье: статья поступила в редакцию 6 июня 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

**ПОЭТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО НАРРАТИВА
В РОМАНЕ П. П. ЗУБОВА «КАРАБАХСКИЙ АСТРОЛОГ,
ИЛИ ОСНОВАНИЕ КРЕПОСТИ ШУШИ В 1752 ГОДУ»**

*Светлой памяти
Михаила Давидовича Амирханяна
посвящается*

Д.В. ЛАРКОВИЧ

**Сургутский государственный педагогический университет
г. Сургут, Россия**

dv110@yandex.ru

Статья представляет собой опыт комплексной характеристики принципов организации художественного нарратива в историческом романе Платона Павловича Зубова «Карабахский астролог, или Основание крепости Шуши в 1752 году» (1834). На фоне отечественной жанровой традиции, восходящей к романам Вальтера Скотта и ориентирующейся преимущественно на национальный исторический материал, сочинение Зубова отсылает читателя к драматическим событиям середины XVIII столетия, связанным с междоусобными распрями расположенных на территории Арцаха армянских меликств. Персонажные образы романа представлены автором в ракурсе этической динамики, аксиологически неоднозначны, ситуативно и психологически мотивированы, что свидетельствует о влиянии реалистических тенденций на творчество писателя. Множественность точек зрения на ключевые события романа, выражающаяся в речевой активности персонажей, в сочетании с условно «нейтральной» позицией повествователя, который становится на позицию независимого хроникера, способствует созданию объективной картины одного из числа кризисных

моментов истории армянского народа и позволяет читателю самостоятельно выработать оценочные критерии его восприятия.

Ключевые слова: *русская литература 1830-х годов, исторический роман, кавказская тема, вальтер-скоттовская традиция, художественный нарратив, Платон Павлович Зубов, «Карабахский астролог, или Основание крепости Шуши в 1752 году», история Карабаха.*

Литературное творчество русского писателя, поэта и историка Платона Павловича Зубова (ок. 1796 – не ранее 1857), к сожалению, мало известно современному читателю. Имя племянника видного екатерининского вельможи чаще упоминается в материалах, отражающих различные обстоятельства его богатой яркими событиями и неожиданными метаморфозами биографии [5]. Между тем, будучи непосредственным участником Отечественной (1812), русско-персидской (1826–1828) и русско-турецкой (1828–1829) войн, обладая острой наблюдательностью и имея широкий мировоззренческий кругозор, Зубов оставил после себя достаточно объёмное творческое наследие, представленное художественной прозой, патриотической лирикой, сочинениями историко-этнографического характера и дошедшее до нас в более чем 20 прижизненных публикациях (см. приложение), в которых, по словам М.Д. Амирханяна, нашёл отражение «первый опыт последовательного изучения фактов о Кавказском крае» [2: 5].

Издания Зубова не только пользовались успехом у широкой читательской общественности середины XIX века, но и нередко получали благосклонные отзывы современной ему литературной критики. Так, например, откликнувшись рецензией на зубовское историческое обозрение «Подвиги русских воинов в странах кавказских, с 1800 по 1834 год» (1835–1836) и попеняв автору за то, что его «главный недостаток состоит в слоге, который обличает руку не твердую, не привычную, словом, не литературную», В.Г. Белинский всё же констатирует: «Поименованная книга, по своей цели и назначению, принадлежит к числу книг *дельных* ... сколько трудов, и каких трудов, стоило автору составление подобного сочинения! И ... несмотря на все его недостатки, оно чрезвычайно

любопытно и читается с большим удовольствием» [4: 409]. А, характеризуя его исторический роман «Талисман, или Кавказ в последние годы царствования императрицы Екатерины II» (1847), В.Н. Майков восторженно отмечает: «В этом произведении разнообразного таланта, поэзия, история и философия соединяются самым тесным образом и производят на читателя самый полный, самый очаровательный эффект. Но, чтобы передать всю сладость такого впечатления, надо самому владеть тройным оружием поэта, историка и философа так, как г. Платон Зубов: никакая рецензия не передаст высокой художественности его картин, ни занимательности сообщаемых им исторических подробностей, ни глубокомыслия его философских положений» [9: 92]¹.

Гораздо более сдержанно оценивают сочинения П.П. Зубова современные исследователи. В эпизодических характеристиках творчества некогда известного писателя явственно прочитывается стремление квалифицировать его прозу как заурядное явление массовой литературы, не пережившее свое время, а его исторические романы заслуживают проходного упоминания лишь в связи с тем, что содержат «клишированные мотивы» и «большое количество случайных совпадений, мелодраматических сцен, риторических рассуждений» [3: 29]. Учитывая тот факт, что из обширного творческого наследия Зубова в последние десятилетия была переиздана лишь малая его часть [7; 8], такая оценка понятна, но малопродуктивна, ибо она не объясняет причины прижизненной востребованности зубовских сочинений, причем не только в кругах массовой читательской аудитории, но и среди эстетически искушенной и взыскательной литературной критики первой половины XIX века. Можно предположить, что объяснение данного противоречия следует искать не столько в общих тенденциях развития литературного процесса указанного периода, сколько в конкретных принципах организации художественного высказывания, за которыми стоит сама индивидуальность писателя с ее особой эстетической программой и персональной авторской стратегией.

¹ Здесь и далее во всех цитируемых фрагментах сохранены особенности пунктуации первоисточника.

Весьма примечателен в ракурсе поэтики художественного нарратива «Карабахский астролог, или Основание крепости Шуши в 1752 году», жанр которого П.П. Зубов определил как «исторический закавказский роман». Изданный в двух частях в 1834 году в Московской университетской типографии «Карабахский астролог» действительно появился в период расцвета русской исторической романистики, которая, говоря словами С.М. Петрова, становится следствием развития «идеи национального своеобразия исторического пути каждого народа, каждой нации, зависимости судеб людей и отдельного человека от исторически сложившихся особенностей окружающей их общественной среды» [10: 4]. По справке итальянского литературоведа Д.Ребеккини, в период с 1829 по 1839 гг. было опубликовано 93 произведения, маркированного формальными (авторское указание на жанр в заголовке или подзаголовке, объем произведения, форма изложения) и/или содержательными (описание исторического фона, изображение исторических персонажей, наличие *couleur locale*) жанровыми признаками исторического романа [11: 419]. Примечательно то, что на фоне бурно развивающейся жанровой традиции, ориентирующейся преимущественно на национальный исторический материал (Ф.В. Булгарин, М.Н. Загоскин, Р.М. Зотов, И.И. Лажечников, Н.А. Полевой и др.), Зубов едва ли не единственный автор, который актуализирует в своем романном творчестве 1830-х гг. («Прекрасная грузинка, или Нашествие Аги Магмет хана на Тифлис в 1795 году», «Карабахский астролог, или Основание крепости Шуши в 1752 году») кавказскую, точнее – закавказскую тему².

Следует напомнить, что с начала 1820-х гг. тема Кавказа активно входит в русскую литературную практику и закрепляется в разнообразных жанровых модификациях (поэма, повесть, очерк, лирическое стихотворение и др.). Романтическая литературная традиция, позиционирующая Кавказ как экзотическое пространство ментальной свободы, во многом была инспирирована событиями кавказской, русско-персидской и русско-турецкой войн 1810–1820-х гг., что, в

² Замысел задуманного в 1833 году «кавказского» романа «Вадимов» А.А. Бестужевым-Марлинским так и остался незавершенным.

частности, нашло непосредственное отражение в сюжетной структуре т.н. «кавказской повести» (А.А. Бестужев-Марлинский, М.Ю. Лермонтов, Н.И. Зряхов и др.). В результате П.П. Зубов создает свой «исторический закавказский роман» на пересечении двух жанровых векторов: *исторического романа*, сосредоточенного на судьбе личности в условиях бурных событийных коллизий героического прошлого, и *кавказской повести* с ее этнографизмом, культурной экзотикой и этической бескомпромиссностью. Писатель, несомненно, учитывает опыт своих предшественников, но не копирует его, а проявляет высокую степень авторской самостоятельности, в особенности – в организации художественного высказывания.

Так, действие «Карабахского астролога» отсылает читателя к драматическим событиям середины XVIII столетия, связанным с междоусобными распрями расположенных на территории Арцаха армянских меликств (владений), что, как известно, привело к утрате их политической самостоятельности и насильственному вхождению в состав Карабахского ханства. Зубов отказывается от романтического взгляда на Кавказ и Закавказье как на пространство свободы и природной чистоты нравов. Основу сюжетной коллизии романа определяет ситуация борьбы за власть в Хаченском княжестве, в стремлении к которой герои нередко прибегают к интригам, обману и тайным сговорам.

Принимая во внимание широко востребованную в русской литературной практике вальтер-скоттовскую модель исторического романа, автор вводит в состав персонажной системы «Карабахского астролога» героев, восходящих к реальным историческим прототипам, которые соседствуют с героями вымышленными. К числу художественных версий реальных исторических персоналий относятся Варандинский Мелик Шахназаров (Мелик Шахназар II), Джамшид (Джумшуд Мелик-Шахназарян), Мелик Талышинский (Овсеп Мелик-Бегларян), Панахан (Панах-Али хан) и др. В отличие от шотландского романиста, у которого, по словам М.Г. Альтшуллера, «известные исторические деятели *всегда* появляются на периферии» [1: 20], Зубов, как правило, сосредоточивает на героях данного типа повествовательную фокусировку и наделяет их высокой степенью

сюжетообразующей и речевой активности. При этом он весьма вольно интерпретирует исторические факты, придавая повествованию художественную увлекательность и предельно накаляя нить сюжетной интриги.

Так, основная любовная линия романа связана с образом Джамшида, племянника правителя Варандинского меликства Шахназарова (в действительности – сына Шахназара II), который вопреки требованиям своенравного дяди женится на красавице Салге из простой джаванширской семьи, исповедующей ислам. Все ключевые перипетии этой высокой и самоотверженной любви, преодолевающей политические, сословные, конфессиональные и моральные преграды, происходят на фоне непримиримой междоусобной вражды, коварных интриг и кровавых столкновений, в которые вольно или невольно вовлечены все персонажные образы романа. С сюжетной линией отношений Джамшида и Салги связан мотивный комплекс, пришедший в литературу из фольклора и укоренившийся в жанре авантюрного романа, который включает в себя мотивы тайной женитьбы, нарушенного договора, испытания на верность, несбывшегося предсказания, похищения возлюбленной, поединка чести и др. Напряжённая сюжетная динамика, последовательно сопровождающая историю этих отношений вплоть до ее печальной развязки (гибель обоих героев и их детей), призвана подчеркнуть мысль о том, что «большая история» безразлична к судьбам конкретных людей с их частными интересами и «маленьким» счастьем, и человек, попавший под ее тяжеловесные колеса, – вовсе не помеха ее неумолимому поступательному движению.

Крупным планом представлены образы главных участников политического противостояния. Несмотря на то, что их властные амбиции становятся источником массового кровопролития и братоубийственных баталлий, автор сознательно избегает схематичности и карикатурности при их изображении. Образ каждого из них дан в ракурсе этической динамики, аксиологически неоднозначен, ситуативно и психологически мотивирован. Так, в зависимости от сюжетной ситуации Варандинский Мелик Шахназаров предстает перед

читателем как человек вспыльчивый, но отходчивый, расчетливый и дальновидный, но суеверный, гордый, но подобострастный. Стремящийся к беспредельной власти в Арцахе Панахан показан не только как отважный воин, но и как коварный и жестокий деспот, ему не чужды как благородные порывы души, так и вероломство, он может быть великодушен и низок одновременно. Мелик Талышинский предстает в романе как заложник доведенной до абсурда родовой и сословной чести: в стремлении отомстить нарушившему свое обещание соседу Шахназарову он готов принести в жертву будущность всего своего народа и своей семьи, которые составляют смысл всей его жизни. Характерно, что именно этот персонаж, осознав свою вину за гибель тысяч своих соплеменников, приходит к выводу о роковой и бессмысленной пагубности междоусобицы: «А всему причиною наши распри. Будь мы всегда соединенными, как в старину наши предки при Шах Аббасе, этому Джеванширцу и в голову бы не пришло владычество над Карабахом; а то мы все пять маленьких владетелей, последний остаток знаменитого Арменского царства, давай беспрестанно спорить, ссориться и воевать за каждый вздор, за всякую безделицу вот и довоевались до того, что нажили себе повелителя» [6: II, 87–88].

Особая роль в персонажной структуре романа отведена иранскому астрологу Гассану, который выполняет сюжетной функцию *псевдотаинственного помощника*. Ловко оперируя лжемистическими знаниями и используя суеверные настроения карабахских лидеров, он оказывает определяющее влияние на решение важных политических вопросов, не забывая о своей личной выгоде. В результате чреды коварных хитросплетений и авантюрных махинаций псевдоастролога незнатный и малоизвестный предводитель пришедшего кочевого племени джеванширов Панахан получает право на владение крепостью Шуши и становится единоличным правителем Карабахского ханства. Это причудливое пересечение вымышленного и достоверного, фиктивного и подлинного, случайного и закономерного, предопределившее логику исторического процесса в Закавказье нашло отражение в самом

названии романа «Карабахский астролог, или Основание крепости Шуши в 1752 году».

Впрочем, подобно иным персонажным фигурам зубовского сочинения, Гассан – образ неоднозначный. Он предстает в романе не только как ловкий мошенник, но и как человек, способный на бескорыстное сострадание. Узнав о горестной ситуации Джемшида, тайно женившегося на прекрасной мусульманке и вынужденного скрывать свой брак от властного, но горячо любящего своего племянника дяди, Гассан вызывается помочь ему благополучно решить проблему и добивается успеха в решении неразрешимой, казалось бы, проблемы. Более того, проникшись глубоким уважением к благородному юноше, готовому жертвовать во имя своей любви добрым именем, наследством да и самой своей жизнью, он становится для него верным, бескорыстным помощником и поддержание его в самых сложных и запутанных ситуациях на протяжении всего романного действия. Именно ему, Джемшиду, карабахский астролог Гассан раскрывает тайну своих «мистических» прозрений, и эта исповедь становится знаком искреннего доверия к человеку, обладающему высокой нравственной силой: «...наша братья Астрологи, вынуждаемые голодом, научась сколько-нибудь о положении звезд, затвердив наизусть их имена, толкуют с важностью несчастным простакам о созвездиях, о их соединениях, противустояниях и Алла знает какой вздор. Суеверные Иранцы боятся сделать шаг за ворота, чтобы не посоветоваться с Астрологом, отгадает он случайно, сколько похвалы, славы и денег. Не отгадает он, все останется прав... Не удивляйтесь, Мелих, что у нас много Астрологов, это очень прибыльная должность» [6: I, 96].

Следует отметить, что, подобно устойчивой нарративной модели исторического романа вальтер-скоттовского типа, в тексте «Карабахского астролога» преобладает форма безличного повествования, что, по замыслу автора, должно акцентировать эффект объективности художественного сообщения. В исключительно динамичную повествовательную ткань текста встраиваются и другие формы художественного высказывания, что повышает его информативность, стимулирует разнообразие читательских впечатлений и несколько снижает

исключительно высокий фабульный темп. В ряду художественных дескрипций важную роль играют портретные описания, предназначенные для передачи сложных этико-психологических состояний, которые переживают герои в различных ситуациях. Вот, например, как повествователь воссоздает образ Варандинского Мелиха, пребывающего в смятении в ожидании «судьбоносного» астрологического предсказания: «Солнце сияло в полном блеске, озаряя сей разнообразный пейзаж, но оный не имел ничего привлекательного для Мелиха *Шахназарова*³ которого наморщенное чело изображало сильное душевное движение. Он часто гладил свою бороду, усы, и посматривал с неудовольствием, смешанным с нетерпением, на малорослого безобразного Татарина с красным носом, который, сидя с поджатыми ногами на ковре, чертил что-то на каменном полу. <...> Мелих, уставши наконец от ходьбы по комнате, остановился подле задумчивого Татарина; с увеличивавшеюся час от часу досадою смотрел на его работу, наконец, потеряв совершенно терпение, схватил с него высокую баранью шапку и, бросив на пол, с сердцем вскричал...» [6: I, 6–7].

Не менее примечательны многочисленные пейзажные и интерьерные описания, которые художественно реконструируют пространство происходящих действий. В стремлении достигнуть максимальной достоверности при сообщении о происходящих событиях повествователь не скупится на детали и подробности, будь то описание величественных красот закавказского ландшафта, богатого дворца мелиха, мрачного крепостного подземелья, скромного жилища кочевников или походного шатра их предводителя. Художественное пространство в описаниях подобного рода выполняет функцию характерологического средства, дополняющего и уточняющего представления о сущности того или иного персонажного образа. Так, например, походный шатёр Панахана, представленный в IX главе, наглядно выражает его двойственную натуру – суровую сдержанность воина и показную роскошь статусной особы: «Старшина Джевонширцев хотя жил в таком же шалаше как и прочие, но оный сделан был гораздо крепче, плотнее, убран снаружи войлоками, а

³ Здесь и далее курсив автора.

внутри украшен Персидскими коврами. Шалаш разделялся на несколько отделений, из коих назначенное для женщин было столь плотно обмазано глиною и выбелено снаружи, что составляло как бы каменное здание; несколько евнухов сторожили сие заповедное жилище, открывавшееся только для *Панахана*; вопреки обычной простоте *Джевоширцев*, жены *Панахана* носили чадру выходя в сопровождении евнухов и закутывали себе лицо, надевая сверх того на глаза шерстяную сетку, по обычаю Персиян» [6: I, 101–102].

Высокой степенью художественной выразительности отмечены батальные сцены романа. Примечательно то, что автор сознательно отходит здесь от стереотипной оценочной шкалы «герои – трусы». И те, и другие представители враждующих сторон изображены как отважные воины, чуждые малодушия и не ведающие страха. Военное столкновение воспринимаются как волевое соперничество, как героический поединок равных, где исход сражения заранее не известен. Однако драматизм ситуации определяется тем, что непримиримые враги – это соплеменники, представители одного народа и одной веры, и катастрофичность происходящего акцентирована в романе образом огненной стихии, непреодолимой, безжалостной и уничтожающей всё живое на своем пути: «Кровопролитие было ужасное. Неприятели, обезумев хватали оружие, бросались друг на друга и погибали сраженные кинжалами и саблями Варандинцов, или резали друг друга. В ту минуту молния, как будто содействуя успехам Джемшида, сверкнула над одним шалашом и зажгла оный. Страшный треск грома потряс окрестности и отразился в тысячных перекатах эхом гор. Огонь быстро охватил все шалаши, и при сем зареве Варандинцы истребляли своих неприятелей, как хищных зверей» [6: II, 23].

Особое место в тексте романа принадлежит различным этнографическим справкам, которые призваны познакомить русского читателя с бытом, традициями и нравами экзотических для него народов Закавказья. На фоне стремительно развивающегося авантюрного сюжета эти экскурсы в национальные культуры имеют не столько познавательные цели, сколько создают особую атмосферу иной жизни, уходящей корнями в глубокую древность, исполненной особого

сакрального смысла, чуждой нелепой вражды, необоснованной ненависти и суетной корысти. Примечателен в этом смысле эпизод из VI главы, в котором Джемшид рассказывает о своей женитьбе на Салге и в котором нашли отражение ритуальные элементы свадебного обряда джеванширцев: «По обычаю Джеванширцев, не допуская несколько приблизиться Салге, я бросил в нее яблоко, которое нарочно для сего держал в руке, и то было знаком к начатию игр. *Салга*, сидевшая на отличной лошади, пустилась как стрела, к своему жилищу, моя свита бросилась за нею, ее родственники упорствовали покровительствовать бежавшим, а мои старались схватить за узду лошадь *Салги*. После долгого сопротивления, один из моей свиты успел остановить ее; мы соединились, и со всею свитою отправились к моему дому. Когда доехали до моей землянки, я стал просить *Салгу* сойти с лошади, ко мне присоединились все родственники. Но женщины, сопровождавшие *Салгу*, уговаривали ее не исполнять сего. Было много спора для одного обряда. Наконец *Салга* сошла с лошади, я ее принял, ввел с торжеством в землянку» [6: I, 65–66].

Здесь важно отметить, что, наряду с изображающей речью безличного повествователя, весьма значительная часть текста представлена речью изображенной, т.е. высказываниями различных персонажных образов (внутренние и внешние монологи, диалоги, фрагментарные реплики и т.п.). Подобные высказывания могут достигать значительных объемов, как, например, в эпизоде сообщения Джемшидом подробностей истории своей жизни в стане джеванширцев, знакомства с Салгой и тайной женитьбы, которая изложена в IV–VI главах и занимает 34 страницы печатного текста [6: I, 38–72].

В речи персонажей явственно ощущается стремление писателя к индивидуализации образа говорящего, которая достигается лексико-стилистическими средствами и маркируется тематическим ореолом. Автор позволяет высказаться практически всем основным и второстепенным героям романа, и на пересечении их голосов возникают частные драматические коллизии, которые вплетаются в магистральное русло развития конфликта. Более того, речевые стратегии героев не только оказывают влияние на общую логику романного сюжета, но и определяют его ключевые событийные узлы. Так,

кровопролитное сражение, унесшее тысячи жизней отважных воинов Карабахского края, мотивировано в романе неспособностью выстроить диалог движимого оскорбленным чувством родовой чести сына Талашинского мелиха Гуссейна и разгневанного дерзкими речами собеседника Варандинского мелиха Шахназарова [6: I, 79–84]. А право на строительство и бессрочное владение крепостью Шушей представлено как результат коварного, но искусно организованного и умело разыгранного (при деятельном участии астролога Гассана) коммуникативного сценария Панахана, что способствовало его последующему возвышению [6: II, 33–35].

Множественность точек зрения на ключевые события романа, выражающаяся в речевой активности персонажей, в сочетании с условно «нейтральной» позицией повествователя, который становится на позицию независимого хроникера, способствует созданию объективной картины одного из числа кризисных моментов истории армянского народа и позволяет читателю самостоятельно выработать оценочные критерии его восприятия, осмыслить его причины, понять следствия. А художественная форма исторического романа с его авантурным сюжетом и красочной словесной живописью переводит этот процесс восприятия в поле этических и эстетических переживаний. Лишь в финальной части романа, избегая прямой оценочности, повествователь лаконично, но достаточно красноречиво подводит итоги многовековой истории карабахского меликства: потенциального правителя Варанды Джемшида и его любимое семейство уносит эпидемия чумы (пришедшая из Персидских областей!); хитроумный проходимец астролог Гассан казнен за очередную интригу, затеянную теперь уже против своего покровителя; Мелих Варандинский, всячески способствовавший возвышению Панахана и считавший его своим другом, очень быстро утрачивает свою независимость; а сын и наследник Панахана «еще с большим деспотизмом начал управлять Карабахом, не терпя ни малейшего противоречия» [6: II, 113]. И лишь с вхождением в состав Российской Империи Арцах обрел относительное спокойствие, но уже в статусе Карабахского ханства.

Возникает вопрос, какую же позицию по отношению к изображаемым событиям занимает сам автор? Следует предположить, что наиболее полно она нашла выражение в названии романа, где основание крепости Шуши квалифицировано как рубежное событие в драматической судьбе армянского народа, точная датировка (1752 год) подчёркивает историческую предопределенность этого события, а упоминание фигуры карабахского астролога отсылает к фактору внешних вероломных козней, повлиявших на это событие в условиях утраты внутринационального единства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альтишуллер М.Г.* Эпоха Вальтера Скотта в России. Исторический роман 1830-х годов. СПб: Академический проект, 1996. 336 с.
2. *Амирханян М.Д.* Платон Павлович Зубов и его роман «Карабахский астролог» // Зубов П.П. Карабахский астролог, или Основание крепости Шуши в 1752 году. Ереван: Лусабац, 2013. С. 4–12.
3. *Багратион-Мухранели И.Л.* Кавказ в русской массовой литературе XIX века // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2014. № 4. С. 26–34.
4. *Белинский В.Г.* Полное собрание сочинений: [в 13-ти т.]. Т. 1: Статьи и рецензии: Художественные произведения: 1829–1835 / [подготовка текста и коммент. В.С. Спиридонова]. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 574 с.
5. *Евсеева М.К.* Зубов Платон Павлович // Русские писатели, 1800–1917: Биографический словарь / гл. ред. П.А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия, 1992. Т. 2: Г–К. С. 361–362.
6. *Зубов П.П.* Карабахский астролог, или Основание крепости Шуши в 1752 году: исторический закавказский роман: ч. 1–2. М.: Унив. тип., 1834.
7. *Зубов П.П.* Карабахский астролог, или основание крепости Шуши в 1752 году. Ереван: Барцрагуйн дпротс, 1993. 128 с.

8. *Зубов П.П.* Персидская война в царствование императора Николая I: с приложением указов, приказов, рескриптов и грамот, подписанных императором. 3-е изд. М.: URSS: Ленанд, 2017. 265 с.
9. *[Майков В.Н.]*. Талисман или Кавказ, в последние годы царствования императрицы Екатерины II. Исторический роман в 2-х частях. Соч. Платона Зубова. Санктпетербург. 1847. В тип. Е. Фишера. В 8-ю д. л. 144 стр. // Отечественные записки. 1847. № 2. С. 92–95.
10. *Петров С.М.* Русский исторический роман XIX века. Изд. 2-е. М.: Худож. лит., 1984. 374 с.
11. *Ребеккини Д.* Русские исторические романы 30-х годов XIX века: библиографический указатель // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 416–433.

REFERENCES

1. *Al'tshuller M.G.* E'poxa Val'tera Skotta v Rossii. Istoricheskij roman 1830-x godov. Sankt-Peterburg: Akademicheskij proekt, 1996. 336 s.
2. *Amirxanyan M.D.* Platon Pavlovich Zubov i ego roman «Karabaxskij astrolog» // Zubov P.P. Karabaxskij astrolog, ili Osnovanie kreposti Shushi v 1752 godu. Erevan: Lusabacz, 2013. S. 4–12.
3. *Bagration-Muxraneli I.L.* Kavkaz v russkoj massovoj literature XIX veka // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki. 2014. № 4. S. 26–34.
4. *Belinskij V.G.* Polnoe sobranie sochinenij: [v 13-ti t.]. T. 1: Stat'i i recenzii: Xudozhestvenny'e proizvedeniya: 1829–1835 / [podgot. teksta i komment. V.S. Spiridonova]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1953. 574 s.
5. *Evseeva M.K.* Zubov Platon Pavlovich // Russkie pisateli, 1800–1917: Biograficheskij slovar' / gl. red. P.A. Nikolaev. Moscow: Bol'shaya rossijskaya e'nciklopediya, 1992. T. 2: G–K. S. 361–362.
6. *Zubov P.P.* Karabaxskij astrolog, ili Osnovanie kreposti Shushi v 1752 godu: istoricheskij zakavkazskij roman: ch. 1–2. Moscow: Univ. tip., 1834.

7. *Zubov P.P.* Karabaxskij astrolog, ili osnovanie kreposti Shushi v 1752 godu. Erevan: Barczragujn dprocz, 1993. 128 s.
8. *Zubov P.P.* Persidskaya vojna v czarstvovanie imperatora Nikolaya I: s prilozheniem ukazov, prikazov, reskriptov i gramot, podpisanny'x imperatorom. 3-e izd. Moscow: URSS: Lenand, 2017. 265 s.
9. [Majkov V.N.]. Talisman ili Kavkaz, v poslednie gody' czarstvovaniya imperatricy Ekateriny' II. Istoricheskij roman v 2-x chastyax. Soch. Platona Zubova. Sanktpeterburg. 1847. V tip. E. Fishera. V 8-yu d. l. 144 str. // Otechestvenny'e zapiski. 1847. № 2. S. 92–95.
10. *Petrov S.M.* Russkij istoricheskij roman XIX veka. Izd. 2-e. M.: Xudozh. lit., 1984. 374 s.
11. *Rebekkini D.* Russkie istoricheskie romany' 30-x godov XIX veka: bibliograficheskij ukazatel' // Novoe literaturnoe obozrenie. 1998. № 34. S. 416–433.

Приложение

Прижизненные издания П. П. Зубова

1. *Зубов П.П.* Картина последней войны России с Персией 1826–1828: С присовокуплением ист.-стат. обзора завоеванных городов и воспоминаний о Эривани. СПб.: тип. К. Вингебера, 1834. 138 с.
2. *Зубов П.П.* Шесть писем о Грузии и Кавказе, писанные в 1833 году Платоном Зубовым. М.: тип. Лазаревых ин-та вост. яз., 1834. 107 с.
3. *Зубов П.П.* Карабахский астролог, или Основание крепости Шуши в 1752 году: исторический закавказский роман: ч. 1–2. М. Унив. тип., 1834.
4. *Зубов П.П.* Прекрасная грузинка, или Нашествие Аги Магмет хана на Тифлис в 1795 году: исторический грузинский роман: [в 2 ч.]. М.: Тип. Лазаревых Ин-та вост. яз., 1834.
5. *Зубов П.П.* Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель в историческом, статистическом,

- этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Ч. 1–4. СПб.: тип. К. Вингебера, 1834–1835.
6. *Зубов П.П.* Подвиги русских воинов в странах кавказских, с 1800 по 1834 год: с присовокуплением биографий главнейше замечательных лиц, действовавших в первое тридцатитрехлетие русского владычества за Кавказом; Историческо-статистического описания мест, прославивших русское оружие в кавказских странах, 25 портретов, видов и планов сражений и общей карты Кавказского края: [в 2 т.]. СПб.: в Тип. Конрада Вингебера, 1835–1836.
 7. *Зубов П.П.* Живописная панорама всеобщей военной истории, издаваемая Платоном Зубовым. Т. 1: Взгляд на военное образование древних персов во время Кира: С описанием Тимбрейской битвы, пл. оной и 4 рис., изображающими нац. одежду и вооружение персов и египтян. СПб.: тип. К. Вингебера, 1836. 39 с.
 8. *Зубов П.П.* Персидская война в царствование императора Николая I. 2-е изд. СПб.: тип. К. Вингебера, 1837. 269 с.
 9. *Зубов П.П.* Подвиги русских на Кавказе: От принятия ген. Ермоловым гл. начальства над Кавказским краем до начала последней Персид. войны. 2-е изд. СПб.: тип. К. Вингебера, 1837. 316 с.
 10. *Зубов П.П.* Исторические анекдоты персидский государей: От самого основания Персид. монархии до наших времен. М.: тип. А. Евреинова, 1838. 150 с.
 11. *Зубов П.П.* Талисман, или Кавказ в последние годы царствования императрицы Екатерины II : Историч. роман: В 2-х ч. СПб.: тип. Е. Фишера, 1847.
 12. *Зубов П.П.* Стихотворения и русские солдатские песни в тысяча восемьсот пятьдесят четвертом году. СПб.: тип. Х. Валя, 1854. 24 с.
 13. *Зубов П.П.* Альбом патриотических стихотворений на нынешнюю войну. СПб.: Ф. Тертилова, 1854. 36 с.
 14. *Зубов П.П.* Вот это чисто по-русски! или Князь Бебутов под Карсом 24 июля 1854 года: [Стихотворение]. СПб.: тип. Штаба Отд. корпуса внутр. стражи, 1854. 8 с.

15. *Зубов П.П.* Незабвенной памяти генерал-адъютанта вице-адмирала Владимира Алексеевича Корнилова: [Стихотворение]. СПб.: тип. Экбертс, 1854. 5 с.
16. *Зубов П.П.* Герой Щеголев, юный питомец русской славы. Достопамятный его подвиг под Одессою против соединенного англо-французского флота в страстную субботу 10 апреля 1854 г.: [стихотворение]. СПб.: [Б.и.], 1854. 8 с.
17. *Зубов П.П.* Ай, ай, ай! вот попался невзначай: Песенка Пальмерстона, в сент. 1854 г.: С портр. Пальмерстона во весь рост. СПб.: тип. Экбертс, 1854. 8 с.
18. *Зубов П.П.* Битва русских с англичанами и французами на Инкерманских высотах близ Севастополя. 24 окт. 1854 г. СПб.: тип. 2 Отд. Собств. е. и. вел. канцелярии, ценз. 1854. 6 с.
19. *Зубов П.П.* Дети царя русского защитники веры и славной Родины: Рассказ старого русского инвалида добрым своим землякам: [В стихах]. [СПб.]: тип. Крыловской, 1854. 8 с.
20. *Зубов П.П.* Не уступим мы ни шагу, с нами бог! Вперед – ура!: Рус. воен. песня, напис. при известии о высадке французов в Крыму в сент. 1854 г. М.: тип. М. Смирновой, 1855. 18 с.
21. *Зубов П.П.* Тень певца во стане русских воинов над святынею Севастополя: [Стихотворение]. М.: тип. Ал. Семена, 1855. 8 с.
22. *Зубов П.П.* Славны бубны за горами, или Дундас у Кронштадта: [Стихотворение]. СПб.: тип. Королева и К°, 1855. 8 с.

**ԳԵՂԱՐՎԵՍՏԱԿԱՆ ՊԱՏՄՈՂԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՊՈԵՏԻԿԱՆ
Պ. Պ. ՉՈՒԲՈՎԻ «ՂԱՐԱԲԱՂՅԱՆ ԱՍՏՂԱԳՈՐԾԸ, ԿԱՍ
ՇՈՒՇԻԻ ԱՄՐՈՑԻ ՀԻՄՆԱԴՐՈՒՄԸ 1752 ԹՎԱԿԱՆԻՆ»
ՎԵՊՈՒՄ**

Դ. Վ. ԼԱՐԿՈՎԻՉ

**Սուրգուտի պետական մանկավարժական համալսարան
Սուրգուտ, Ռուսաստան**

Հոդվածում փորձ է արվում համապարփակ կերպով բնութագրել Պլատոն Չուբովի «Ղարաբաղյան աստղագործը, կամ Շուշիի

ամրոցի հիմնադրումը 1752 թվականին» (1834) պատմավեպում գեղարվեստական պատմողականության կազմակերպման սկզբունքները: Վալտեր Սքոթի վեպերից սկիզբ առնող և հիմնականում ազգային պատմական նյութի վրա կենտրոնացած ներքին ժանրային ավանդույթի ֆոնի վրա Չուբովի աշխատանքը ընթերցողին հղում է կատարում 18-րդ դարի կեսերի դրամատիկ իրադարձություններին, որոնք կապված են Արցախի տարածքում գտնվող հայկական մելիքությունների ներքին բախումների հետ: Հեղինակը վեպի հերոսներին ներկայացնում է էթիկական դինամիկայի տեսանկյունից, նրանք արժեքաբանորեն երկիմաստ են, իրավիճակային և հոգեբանականորեն մոտիվացված, ինչը վկայում է գրողի ստեղծագործության վրա ռեալիստական միտումների ազդեցության մասին: Վեպի հիմնական իրադարձությունների վերաբերյալ տեսակետների բազմազանությունը, որը արտահայտվում է հերոսների խոսքային գործունեության մեջ, անկախ ժամանակագրի դիրք գրավող պատմողի պայմանականորեն «չեզոք» դիրքորոշման հետ համատեղ, նպաստում է հայ ժողովրդի պատմության ճգնաժամային պահերից մեկի օբյեկտիվ պատկերի ստեղծմանը և թույլ է տալիս ընթերցողին ինքնուրույն մշակել դրա ընկալման գնահատման չափանիշներ:

Բանալի բառեր՝ 1830-ականների ռուսական գրականություն, պատմական վեպ, կովկասյան թեմա, Վալտեր Սքոթի ավանդույթ, գեղարվեստական պատում, Պլատոն Պալիովիչ Չուբով, «Ղարաբաղի աստղագուշակը կամ Շուշիի ամրոցի հիմնադրումը 1752 թվականին», Ղարաբաղի պատմություն:

POETICS OF ARTISTIC NARRATIVE IN THE NOVEL BY P. P. ZUBOV

“THE KARABAKH ASTROLOGER, OR THE FOUNDATION OF THE SHUSHI FORTRESS IN 1752”

D. V. LARKOVICH

Surgut State Pedagogical University
Surgut, Russia

The article is an attempt to comprehensively characterize the principles of organizing the artistic narrative in the historical novel by Platon Zubov “The Karabakh Astrologer, or the Foundation of the Shushi Fortress in 1752” (1834). Against the background of the domestic genre tradition, dating back to the novels of Walter Scott and focusing mainly on national historical material, Zubov’s work refers the reader to the dramatic events of the mid-18th century associated with the internecine strife of the Armenian melikdoms located in the territory of Artsakh. The author presents the characters of the novel from the perspective of ethical dynamics, they are axiologically ambiguous, situationally and psychologically motivated, which indicates the influence of realistic tendencies on the writer’s work. The multiplicity of points of view on the key events of the novel, expressed in the speech activity of the characters, in combination with the conditionally “neutral” position of the narrator, who takes the position of an independent chronicler, contributes to the creation of an objective picture of one of the crisis moments in the history of the Armenian people and allows the reader to independently develop evaluative criteria for its perception.

Key words: *Russian literature of the 1830s, historical novel, Caucasian theme, Walter Scott tradition, artistic narrative, Platon Pavlovich Zubov, “The Karabakh Astrologer, or the Foundation of the Shushi Fortress in 1752”, history of Karabakh.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 10 июня 2024 г., подписана к печати в № 1.CXX (120) 2025 30.06.2025.

«СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА» КАК СУДЬБА РОДИНЫ (откровение Михаила Шолохова)

Михаилу Давидовичу Амирханяну посвящается

В. В. МАДОЯН

**Ереванский университет международных отношений
«Ан.Ширакаци»**

v.madoyan@rambler.ru

В статье рассматривается связь между судьбой героя рассказа М.Шолохова и судьбой нашей бывшей великой страны в период Великой Отечественной. Показано, что в образе одной личности Шолохов воплотил образ Родины, которая, как и Соколов, оказалась в адском огне провалов и удач, утрат и успехов, которые вместе сковали тот феномен, который называется Победой. В связи со сменой политических ориентаций в нашем обществе предпринимаются попытки поставить под сомнение политическую и художественную правду рассказа, однако Победа советского народа – единственная Правда, – реальность, в которую только и можно верить. Это Победа страны, и удалась она потому, что состояла страна, в основном, из Соколовых. Рассказ написан с таким художественным мастерством и идеологическим порывом, что оставляет впечатление большого эпического произведения.

Ключевые слова: Шолохов, «Судьба человека», Родина, патриотизм, победа.

Откровения выдающихся писателей зачастую становятся историческими предвидениями, и к таким предвидениям относится знаменитый рассказ М. Шолохова «Судьба человека». И о рассказе,

и о Шолохове написаны сотни больших и маленьких литературоведческих эссе, в основном, в советскую эпоху, в то время как эпопея рыночной экономики требует сосредоточиться на деньгах и прибыли, забыв о родине, героизме и героях. Более того, широко распространилась в постсоветской печати (особенно в горбачевские годы) выражение «Если диктатор кричит: «Родина!», его диктатура в опасности». Но к чему призывает «демократия», когда в опасности родина? А с последним феноменом мы сталкиваемся на всем постсоветском пространстве. С судьбой родины, в которой миллионы человеческих судеб.

Согласно сюжетным перипетиям, рассказ – о человеке уникальной участи, которая водит его по лезвию бритвы от крайней бедности к среднему состоянию, от войны и плена к освобождению, от освобождения к потере семьи, от потери семьи к «воскрешению» сына, от последнего к его гибели, и наконец – к усыновлению бездомного мальчика, заменившего ему весь мир. Надо иметь железную волю, чтобы выдержать эти испытания. И советское литературоведение никогда не жалело эпитеты для характеристики главного героя. Соколов ... «благородная бездонная тоска, неистребимое жизнелюбие, поразительная мощь его натуры. Соколову присуще глубокое понимание святой правоты борьбы нашего народа против лютого врага. Он хорошо знал, ради чего воевал – ради свободы родины, ее счастья и процветания» [5, с. 141].

На виду всегда ученые и писатели, которые «шагают в ногу со временем», отражая в своих произведениях идеологию существующей власти. Смена власти ведет к смене их творческого кредо, и Соколов теперь у кого-то оказывается вне жизненной правды [6], хотя правдой является Победа. М.А. Шолохову надо было показать Победу. Одну на всю страну. И добывали ее Соколовы, а не герои А.И. Солженицына¹, а коль уж надо было показать Победу, стало

¹ А.И. Солженицын был бы прав по-своему, если б перестройка, за которую он ратовал, не привела к катастрофе великой страны, а в перспективе, может быть, и всего человечества. Нужно писать правду, – и ту, что о сталинских зверствах, но одна правда не должна перечеркивать другую. Примечательно, что 8 сентября 1967 года, ругательски ругая Солженицына и его пьесу «Пир победителей» (о вступлении советских войск в Восточную Пруссию), М.А. Шолохов напишет: «О

быть, надо было показать тех, кто ее добывал. Соколов не только главный герой рассказа. Он – главный герой войны. Правда – наша Победа! Правда перестает быть правдой, если становится неправдоподобной.

Это Соколов – как личность.

Но Соколов прежде всего олицетворяет свою родину, состоящую из миллионов таких Соколовых, которые все вместе и есть единый образ великого Советского Союза. Образ вырастает до уровня символа – как национальный герб, как флаг, развевающийся на башне неприступной крепости. И тут возникает проблема определения понятия образа страны. Что это такое? «Энциклопедия русской жизни» («Евгений Онегин») А.С. Пушкина, киноэпопея «Освобождение», трилогия К. Симонова? На наш взгляд, это то, в чем (ком) отражается суть народа. И это может быть и энциклопедия, и киноэпопея, и трилогия, и, конечно, личность, охватывающая в себе определенную эпоху, особенно – героическую. «Судьба человека» – единственный рассказ в мире, который нельзя читать без восторга и ... без слез на глазах!

Почему Соколов – образ Родины? Потому что в нем ее история и идеология. Он пережил страшный голод, охвативший страну после ее революционного «разгрома»: выжил, потому что батрачил на кулаков. Не надо забывать, что кулаки, с которыми Сталин призывал бороться, порождение революции. Соколов и не рассуждает, нужна была или не нужна была революция. Он тяжело вспоминает утрату родителей и сестры, которые, не будь революции, не умерли бы от

содержании и говорить нечего. Все командиры, русские и украинец, либо законченные подлецы, либо колеблющиеся и ни во что не верящие люди. Как же при таких условиях батарея, в которой служил Солженицын, дошла до Кенигсберга? Или только персональными усилиями автора?». Насколько весомей прозвучало бы заявление: «Я сам видел, как всё там было! А было всё не так!» ... В ... секретном письме в секретариат Союза писателей СССР Шолохов ... квалифицировал А.И. Солженицына как «злобного сумасшедшего, потерявшего контроль над разумом», «открытого и злобного антисоветского человека». От такого всего можно ожидать ...» [1, с. 196].

голода. В его воспоминании о них – ужасная горечь, которую автор передает с уникальным мастерством:

В голодный двадцать второй год подался на Кубань, ишачить на кулаков, потому и уцелел. А отец с матерью и сестренкой дома померли от голода. Остался один. Родни — хоть шаром покати, — нигде, никого, ни одной души.

После Гражданской войны и интервенции в СССР началась мирная жизнь, позволившая Соколову обзавестись семьей и хозяйством. Нужно сконцентрироваться на его рассказе о восхищении женой, детьми, о самокритичном отношении к самому себе, чтобы провести параллель между личностью и страной. Не каждый в СССР (да и сама страна!), конечно, оказался столь благоразумным, как герой Шолохова, отказавшийся от водки и прочих ненужных «удовольствий», ибо семья стала «числом порядочная», но из голода и разрухи поднялась вся держава, которая тоже стала «числом порядочная». Значит, Соколовых было больше, чем не-Соколовых.

Останавливаясь на этом периоде жизни главного героя, хочется подчеркнуть его отношение к жене, любовь к которой он пронес через всю свою жизнь. Невольно напрашивается параллель с любовью Григория Мелехова к Аксинье («Тихий Дон»), но это другой уровень отношений. Если Мелехов любил Аксинью ради ее красоты, Андрей в своей жене любит ее сущность (он-то «не со стороны на нее глядел»), что уже было характерно для его времени:

Вскоро женился. Жена воспитывалась в детском доме. Сиротка. Хорошая попалась мне девка! Смирная, веселая, угодливая и умница, не мне чета. Она с детства узнала, почем фунт лиха стоит, может, это и сказалось на ее характере. Со стороны глядеть — не так уж она была из себя видная, но ведь я-то не со стороны на нее глядел, а в упор. И не было для меня красивее и желанней ее, не было на свете и не будет!

И тут война. Любое описание начала войны, будь то в произведениях «классика военного романа» К.Симонова, в повестях Б.Полевого, К.Паустовского и др., можно сопоставить с восприятием его Андреем Соколовым. Сегодня, в связи с утратой глубоких патриотических ценностей, война не воспринимается большинством граждан

как сверхтрагедия, которую нужно остановить, может быть, даже ценою собственной жизни. Если даже обратиться к престарелым родственникам, то окажется, что почти каждый пятый в Великую Отечественную отправился на фронт добровольно, осознавая, что родина на всех одна. И для Соколова, и для большинства наших граждан участие в военных действиях воспринималось как долг, обязанность. И это в каждом действии, в каждой реплике, сформулированной, конечно, опять-таки с большим мастерством:

Командир нашей автороты спрашивает: «Проскочишь, Соколов?» А тут и спрашивать нечего было. Там товарищи мои, может, погибают, а я тут чухаться буду? «Какой разговор! — отвечаю ему. — Я должен проскочить, и баста!» «Ну, — говорит, — дуй! Жми на всю железку!»

Условия содержания в концлагере описаны как ужасные. Столь же ужасными были условия, в которых жила оккупированная часть страны. И тут не надо спорить, страна ли жила в таких же условиях, как Соколов, или Соколов жил в плену в таких же условиях, как страна. Следует подчеркнуть, что и неоккупированная часть родины «не смыкала очей», работая на фронт, на Победу – «под каблуком» сталинских репрессий (!). Вся страна работала и сражалась, хотя были и иные «герои», которым адресована реплика Соколова:

Трудно, дескать, ему, тяжело, того и гляди убьют. И вот он, сука в штанах, жалуется, сочувствия ищет, слюнявится, а того не хочет понять, что этим разнесчастным бабенкам и детишкам не слаже нашего в тылу приходилось. Вся держава на них оперлась! Какие же это плечи нашим женщинам и детишкам надо было иметь, чтобы под такой тяжестью не согнуться? А вот не согнулись, выстояли! А такой хлюст, мокрая душонка, напишет жалостное письмо — и трудящую женщину, как рюхой под ноги. Она после этого письма, горемыка, и руки опустит, и работа ей не в работу.

Особенность художественного мышления Шолохова в «говорящих» зарисовках, в физических движениях, как у акмеистов в поэзии, в воле и правде, как у настоящих героев. «Те тоже рассмеялись, стульями задвигали, поворачиваются ко мне мордами и уже, замечаю, как-то иначе на меня поглядывают, вроде помягче», — пишет

автор, фокусируя внимание читателя на заинтригованности лагерного начальства отказом Соколова закусить после второго стакана.

Высоко поднял комендант свои белые брови, спрашивает: «Что же не закусываешь, русс Иван? Не стесняйся!» А я ему свое: «Извините, герр комендант, я и после второго стакана не привык закусывать». Надул он щеки, фыркнул, а потом как захохочет и сквозь смех что-то быстро говорит по-немецки: видно, переводит мои слова друзьям.

Так же заинтригованы были иностранные специалисты, видевшие массовый героизм советского народа на фронте и в тылу.

О бедах, которые выпали на долю Соколова, как и о его мечтах о послевоенной мирной жизни, можно прочитать на страницах всех газет и журналов военной поры, да и потом довольно долго – и поры послевоенной. Их можно воспринять только как желание простого человека жить мирно, в кругу своей семьи, счастливо пережить все возрасты своего существования. И любой отец счастлив, если сын его «обштопал»!

...И вот уже пишет, что получил звание капитана, командует батареей «сорокапяток», имеет шесть орденов и медали. Словом, обштопал родителя со всех концов. И опять я возгордился им ужасно! Как ни крути, а мой родной сын — капитан и командир батареи, это не шутка! Да еще при таких орденах. Это ничего, что отец его на «студебеккере» снаряды возит и прочее военное имущество. Отцово дело отжитое, а у него, у капитана, все впереди.

И начались у меня по ночам стариковские мечтания: как война кончится, как я сына женю и сам при молодых жить буду, плотничать и внучат нянчить. Словом, всякая такая стариковская штука.

Автор подчеркивает связь героя со страной во всех внутренних монологах Соколова, почему и его отказ пить за победу немецкого оружия выглядит совершенно правдоподобно. И здесь еще раз следует подчеркнуть духовную связь героя со своей родиной и задаться вопросом, а есть ли у страны свой характер, проявляющийся в ее духовности, – в той, которой нас завораживает герой рассматриваемого нами произведения.

Духовность – духовное состояние страны. Духовность включает политическую психологию, историю, литературу, искусство, мораль, нравственность, обусловленные также религиозными постулатами. Духовная характеристика общества – это определение тех начал, на которых зиждется его политическая психология и культура. Духовность проявляется в критических ситуациях, в которых оказывается личность или страна. А нравственная и политическая духовность советского общества была вне сомнений, пусть даже не совсем осознаваемая или вбитая с детства постоянной «коммунистической» муштрой. "Нравственные и умственные особенности, совокупность коих образует духовный склад народа, представляют равнодействующую всего его прошлого, наследие всех его предков. Эта совокупность и составляет то, что называется национальным характером", – писал М. Драгомиров [Цит. по: 2, с. 3]. Эту духовность можно назвать и национальной идеей, на которой зиждется настоящее и будущее любой страны и нации. «Национальная идея, понимаемая в смысле национальной справедливости, во имя которой защищаются и освобождаются народности слабые и угнетенные, имеет высокое нравственное значение и заслуживает всякого уважения и симпатии», – констатировал Вл. Соловьев [Цит. по: 4, с. 18]. Национальная идея и сейчас обрабатывается как в умах ученых России, так и в умах ученых нашей страны. И в каждой стране она разная, поскольку каждая страна ставит и решает задачи под силу. Учет равновесия сил и национальной идеи обязателен. В противном случае катастрофа неминуема, причем катастрофа, обусловленная внутренними, а не внешними причинами. Не могу, несмотря на нелюбовь к длинным цитатам, не привести следующие строки:

«Главная причина наших неудач» (здесь и далее в цитате жирным шрифтом выделено автором. - В.М.).

Но во времена испытаний (война, смута и т.п.) **значение национального самосознания резко возрастает**. Это можно показать на примере подготовки Японии к войне с Россией (речь о войне 1905 г. - В.М.). Свидетель той поры **Е.Васильев** пишет в «Военном сборнике»: «Мы настойчиво отгоняли от себя кровавый призрак войны,

стараясь поймать неуловимую тень вечного мира... Вот где надо искать главную причину наших неудач... **А пока мы погружались в мирную нирвану, наши соседи беспрепятственно готовились к войне...** Вот если бы мы были твердо убеждены, что война, несмотря на свою отвратительную внешность, все же неизбежна, что к ней надо всегда быть готовым, то **никакие войны нам не были бы страшны**, хотя бы потому, что не были бы неожиданными, как теперь; тогда **мы всякую неудачу встретили бы со светлым умом и бодрым духом**, не было бы той растерянности в обществе, которая замечается теперь». *Васильев Е. Война как общественное явление // Военный сборник. - 1906. - № 3. - С. 77. Аналогичная ситуации имела место и при подготовке к 1-й мировой войне [Цит. по: 2., с. 16].*

Символично, что автор особо акцентирует боли героя в сердце. А не потому ли оно болит, что руководство страны не подготовилось к войне, почему и, конечно, болит сердце у всей страны? Действительно, ей бы «поршня ... менять»! И не только ей!

Погружаясь в характер центрального героя рассказа, можно выделить главную специфическую черту, напрямую сопоставимую с характером нашей бывшей великой державы. Это прежде всего преданность Отчизне. Из всех солдат, с которыми пришлось сталкиваться Соколову, предателем оказался только один, задушенный им в церкви. Это – в рассказе. Будь их больше, не стояла бы в первые дни гитлеровского нападения месяцами непокоренной Брестская крепость. Не будь высокой веры в величие своей родины, не было бы у людей желания «днем и ночью стоять у мартеновских печей». Вот почему страна, как и ее герой, выстояла и вышла победителем, одухотворенная и оптимистичная.

Другой великий писатель той же эпохи Э.Хемингуэй, хотя и принадлежал к «когорте победителей», описал свой мир в духе пессимистической драмы, поскольку его общество держалось на других духовных началах: основанных на долларе, в то время как наша духовность основывалась на патриотизме.

Трудно сказать, какое из произведений следует определять в пику другому: «Судьбу человека» или «Старик и море», но последнее

больше о безысходности бытия и трактуется как бессмысленность воли. А ведь всему судьба! Соколов также мог погибнуть, и это тоже было бы художественной правдой, но автор писал эпический рассказ, и в нем страна, обезумевшая от навалившегося не нее горя, не могла погибнуть, ибо герои не умирают, как не умер А. Соколов, ставший символом советского солдата и всей страны. По справедливому замечанию современной критики, «...Шолохов не просто соединил эпическое начало с трагическим, он соединил эпос с трагедией по силе конфликта, по необычайной привлекательности героя ... Стержневые философско-обобщающие идеи рассказа введены в сами события жизни главного героя...» [3, с. 43]. Это – жизнь под огнем, которая вызывает у читателя искренне патриотические чувства. И в этом не трагедия [6], а величие русского гения.

Что такое Соколов? Идея? Концепт, как любят в настоящее время говорить растерянные ученые? Фантазия? Ремарка прошлого? Или призыв в будущее? Видимо, последнее, если у нас ... будет будущее!

ЛИТЕРАТУРА

1. Зеев Б.-С. Литературный котлован. Проект «Писатель Шолохов». М.: РГГУ, 2005. С. 180-200.
2. Каменев А.И. Духовный характер России. – URL: <http://militera.lib.ru/science/kamenev3/index.html> или <http://artofwar.ru>. – Дата обращения – 05.05.2025.
3. Котовчихина Н.Д. Эпическая проза М.А. Шолохова в русском литературном процессе XX века. – АДД, М.: МГОПУ им. М.А. Шолохова, 2005. – 50 с.
4. Никольский В.И. О русском национальном самосознании. Очерк. – СПб., 1907. С. 3-45.
5. Огнёв А.В. Михаил Шолохов и наше время. Тверь, 1996. – 176 с.
6. Петелин В.В. Жизнь Шолохова: трагедия русского гения. М.: Центрполиграф, 2002. – 893 с.
7. Шолохов М.А. Судьба человека. М.: Молодая гвардия, 1984. – 18 с.

REFERENCES

1. Zeev B.-S. Literaturnyj kotlovan. Proekt «Pisatel' Šolohov». RGGU, 2005, s. 180-200.
2. Kamenev A.I. Duhovnyj harakter Rossii. URL: <http://militera.lib.ru/science/kamenev3/index.html> ili <http://artofwar.ru>. – Data obrašeniâ – 05.05.2025.
3. Kotovčihina N.D. Épičeskaâ proza M.A. Šolohova v russkom literaturnom processe XX veka. – ADD, M.: MGOPU im. M.A. Šolohova, 2005. – 50 s.
4. Nikol'skij V.I. O russkom nacional'nom samosoznanii. Očerki. - SPb., 1907. - S. 3-45.
5. Ognëv A.V. Mihail Šolohov i naše vremâ. Tver', 1996. – 176 s.
6. Petelin V.V. Žizn' Šolohova: tragediâ russkogo geniâ. M.: Centrpoligraf, 2002. – 893 c.
7. Šolohov M.A. Sud'ba čeloveka. M.: Molodaâ gvardiâ, 1984. – 18 s

ՄԱՐԴՈՒ ԾԱԿԱՏԱԳԻՐԸ ԻԲՐԵՎ ԵՐԿՐԻ ԾԱԿԱՏԱԳԻՐ (ՄԻԽԱՅԻԼ ԾՈՒՈՒՆՈՎԻ ՀԱՅՏՆՈՒԹՅՈՒՆԸ)

Վ. Վ. ՄԱՐԴՈՅԱՆ

«Ան. Ծիրակացի» միջազգային հարաբերությունների համալսարան

Հոգվածում քննարկվում է Մ. Ծոլոխովի պատմվածքի հերոսի ճակատագրի և մեր նախկին մեծ երկրի ճակատագրի միջև կապը Հայրենական Մեծ պատերազմի ժամանակ: Ցույց է տրված, որ մեկ անձի պատկերով Ծոլոխովը մարմնավորել է հայրենիքի կերպարը, որը, ինչպես Սոկրովը, հայտնվել էր ձախողումների և հաջողությունների, կորուստների և ձեռքբերումների դժոխային կրակի մեջ, որոնք միասին կոփեցին այն երևույթը, որը կոչվում է Հաղթանակ: Մեր հասարակության մեջ քաղաքական կողմնորոշումների փոփոխության հետ կապված փորձեր են արվում կասկածի տակ դնել պատմվածքի քաղաքական և գեղարվեստական ճշմարտությունը, սակայն սովետական ժողովրդի Հաղթանակը

միակ ճշմարտությունն է, իրականություն, և միայն դրան կարելի է հավատալ: Սա երկրի Հաղթանակն է, և այն հաջողվեց, քանի որ երկիրը հիմնականում բաղկացած էր Սոկոլովներից: Պատմվածքը գրված է գեղարվեստական այնպիսի վարպետությամբ և գաղափարական բեկումով, որ թողնում է մեծ էպիկական ստեղծագործության տպավորություն:

Բանալի բառեր. Շոլոխով, "Մարդու նակատագիրը", հայրենիք, հայրենասիրություն, հաղթանակ:

"THE FATE OF MAN" AS THE FATE OF THE MOTHERLAND (THE REVELATION OF M. SHOLOKHOV)

V. V. MADOYAN

An. Shirakatsi-University of International Relations

The article examines the connection between the fate of the hero of M. Sholokhov's story and the fate of our former great country during the Great Patriotic War. It's shown that in the image of one person, Sholokhov embodied the image of the Motherland, which, like Sokolov, found itself in a hellfire of failures and successes, losses and progress, which together carve out the phenomenon called Victory. Due to the change of political orientations in our society, attempts are being made to question the political and artistic truth of the story, but the Victory of the Soviet people is the only Truth, a reality that can only be believed. This is a victory of the country, and it was a success because the country basically consisted from Sokolovs. The story is written with such artistic skill and ideological impulse that it leaves the impression of a great epic work.

Key words: Sholokhov, "The Fate of man", Homeland, patriotism, victory.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 11 июня 2024 г., подписана к печати в № 1.CXX (120) 2025 30.06.2025.

ГОЛУБИНЫЕ ИСТОРИИ В ТВОРЧЕСТВЕ ВААНА ТОТОВЕНЦА И ВАСИЛИЯ БОРАХВОСТОВА

Э. Д. МЕЛЕНЕВСКАЯ,
Независимый исследователь, РФ
melvelina@yandex.ru

Проводится параллель между писателями Вааном Тотовенцем (1893-1938?) и Василием Борахвостовым (1905-1988), которые знакомы не были, и Тотовенц, скорее всего, даже не знал о существовании Борахвостова, меж тем как тот отрецензировал в журнале «Красная новь» первую переведенную на русский язык книгу Тотовенца, «Жизнь на древне-римской дороге» (1931). Независимо от различий между культурами, армянской и казацкой, обнаруживается тематическая перекличка в творчестве этих писателей, связанная с широко распространенной тогда страстью к разведению голубей.

Ключевые слова: Тотовенц, Борахвостов, литература тридцатых, голубятничество.

*Памяти Михаила Давидовича Амирханяна,
без которого многое бы, включая эту статью,
не случилось.*

Василий Никитич Борахвостов (1905–1988), писатель очень средней руки, был одним из лучших по Москве бильярдистов, и, надо полагать, знал, что как на бильярдном столе шарик, сталкиваясь с множеством прочих, меняет направление движения и свое, и других, так и человек, стронутый с места чьей-то руководящей и порой небрежной рукой, преобразовывает чью-то судьбу. Искра, иссеченная одним из самых мимолетных контактов в жизни Борахвостова, причем контакта не личного, а опосредованного — предмет данной статьи, тщетная попытка постичь «подробности и сюжетные перспективы высшего замысла» [10: 38].

На старших курсах филологического отделения Московского университета Борахвостова направили на практику в журнал «Красная новь» (1921–1942), первый созданный после революции «толстый» литературный журнал. Там молодому автору предложили отрецензировать для раздела «Критика и библиография» несколько свежих книг разного направления, и вот — бильярдный шар покатился! — в число их вошла и книжечка Ваана Тотовенца «Жизнь на древней римской дороге», в 1931 г. вышедшая в Москве в издательстве ГИХЛ. Перевод неведомого И.К., предисловие так же неведомого А.Тер-Мартirosяна. Всего 110 страниц, две повести, первая о жизни того армянского поселения, в котором прошло детство писателя, вторая — о жизни армян в Нью-Йорке, которую ему также довелось наблюдать.

Ваан Тотовенц (1893–1938?) родился в местечке Мезире, в той части Великой Армении, что после всех разделов оказалась территорией Османской Турции (ныне город Элязыг). Начальное образование получил на родине, потом странствовал: Греция, Италия, Франция и, наконец, США. С 1912 г. Тотовенц — студент Висконсинского университета в Мадисоне, где слушал лекции сразу на трех факультетах: историческом, литературном и философском. Во время Первой мировой добровольцем воевал на Кавказском фронте, служил секретарем полководца Андраника Озаяна, редактировал газету «Айастан». Поверив в советский проект, в 1922 г. приехал в Армению уже с большим жизненным опытом, состоявшимся писателем, автором романов «Доктор Бурбонян» (1921) и «В бурю» (1922). На родине пишет трехтомную эпопею «Баку» на историко-революционную тему.

Эти биографические данные почерпнуты из статьи А. Макинцян [6], посыл которой в том, чтобы доказать, что Тотовенц — художник советский. Необходимость в таких доказательствах — на момент написания статьи, в 1970 г., — была вызвана тем, что «тонкий художник», «один из лучших представителей армянской советской литературы» все еще нуждался в реабилитации: Тотовенц попал под молот сталинских репрессий и погиб то ли в 1937 г., то ли годом позже (данные разнятся). В ереванском музее Мартироса Сарьяна

выставлен его портрет 1933 г. сангиной, дошедший до нас благодаря тому, что хранился в семье художника, — ведь те портреты замученных армянских писателей и поэтов, что числились за государственными музеями, было предписано уничтожить (впрочем, Сарьян и сам многое сжег). Замечательно сильный портрет, хотя сангине не передать яркую синеву глаз писателя, которую отмечают мемуаристы.

Как же отозвался в «Красной нови» 26-летний Борахвостов на лирические откровения 34-летнего Тотовенца, на книгу, в которую «он вложил всего себя, всю свою мечтательную душу, свое горячее, доброе сердце, которая навсегда останется лучшим памятником ему в сердцах всех, кто любил его» [1: 352]? Вот заключительная часть рецензии: «Жизнь на древне-римской дороге», как ее рисует автор, так и осталась такой же седой, заплесневшей и древней, как и находилась во времена римского права — нет никаких сдвигов в сторону новой культуры, неуклонно развивающейся благодаря советской власти, давшей возможность всем национальностям развивать свой язык, литературу и хозяйство. Ничего этого в книге не показано. Автору пора глубоко задуматься над своими творческими путями, ведущими не вперед, по дороге пролетарской литературы к показу новых форм социалистического труда и оздоровленного быта, а назад, по древне-римской дороге». [2: 161–162].

Трескучий приговор вопиет к редакции. Поучающий тон заставляет задуматься, откуда столько апломба. Однако, получив из фонда РГБ тоненькое издание 1931 года, понимаешь, что рецензия Борахвостова — предельно опрошенный и усиленный «политической трескотней» пересказ предисловия А.Тер-Мартirosяна к «Жизни на древне-римской дороге». Начинается предисловие, и само по себе от тогдашних веяний не свободное, так: «В произведениях молодого армянского прозаика Ваана Тотовенца сочетаются две линии армянской культуры — западно-армянская и восточно-армянская, с присущими этим линиям литературными наречиями» [11: 3].

Зачин этот Борахвостов «улучшает» гиперболами: «во всех его произведениях довольно выпукло намечаются две линии, две

совершенно различных части, из которых сложилась национальная культура Армении» — и метафорами: «вторая часть национальной культуры, восточно-армянская, идет непосредственно от Армении, находившейся *под железным сапогом царской России*» [2: 161]. Или вот пассаж Тер-Мартirosяна про составляющие армянского литературного языка, «наречия»: «Литература западных армян (по причине влияния на нее западно-европейской литературы. — Э.М.) была менее оригинальна и значительно уступала в этом отношении восточно-армянской, развивавшейся под влиянием русской литературы. Зато западно-армянский литературный язык, развиваясь на более старой языковой культуре, на основе иного — константинопольского — наречия, возвращенный под влиянием европейских языков, преимущественно французского, отразил в себе необычайно выпренный, несколько витиеватый, но в целом красивый, звучный и образный язык культурных верхов» [11: 3–4]. Рассуждение это Борахвостов сокращает таким образом: «Эти культуры сочетаются в произведениях Ваана Тотовенца своими литературными наречиями, выросшими и получившими развитие в специфических социально-бытовых условиях народности, угнетаемой с одной стороны режимом царской России, с другой — не менее жестокой политикой турецкого султана» [2: 161]. Вульгаризация как прием.

Тигран Ахумян пишет в воспоминаниях, что Тотовенц, «начиненный до краев здоровым жизнелюбием», никогда не соглашался с тем, что «критика послужила ему на пользу. Может быть, он и мог бы сказать такое, будь эта критика дружелюбна по тону и тактична, но разве в те годы была у нас такая критика? Основной ее тон наичаще всего был разносный, орудием же воздействия на писателя была оглобля» [1: 348].

Некоторым утешением Тотовенцу (если бы еще знать, что он читал по-русски!) мог бы стать отзыв К.Г. Локса (1889–1956) в «Новом мире», где акценты расставлены иначе, урезонивая даже и А. Тер-Мартirosяна. Тот упрекнул Тотовенца в том, что он — «наблюдатель, лирически взволнованный художник, понимающий проведенную историей грань, но не идущий далее обычных сентенций».

«Не говоря уж о непонятности выражения “обычная сентенция”, — отвечает ему К. Локс, — для начала приходится отметить, что Тотовенц как художник больше и шире этой характеристики. В первой повести, несмотря на импрессионистическую манеру письма, красочный быт полуфеодальной турецкой провинции выступает в очертаниях сильных и выразительных. В отличие от гурманствующих эстетов Лоти¹ или Фаррера² Тотовенц изображает экзотику турецкого быта изнутри, интимно, во всей ее обнаженности. Мелочи домашней жизни и торговой улицы, образ отца, крупного чиновника, мальчишки-беспризорника, «турецкий святой» — все это дано хотя и в мягком, любовном освещении, но само собой сообщает определенное впечатление, не нуждающееся в “сентенциях”» [5: 307].

Итак, опосредованный контакт незнакомых между собой авторов состоялся, не доставив радости никому. С Тотовенцем понятно, но и для Борахвостова опыт оказался провальным. Ни в последующих номерах «Красной нови», ни в других изданиях рецензий Борахвостова больше не встретишь. Очевидно, что простодушная его рьяность успеха ему не принесла. Фиаско Борахвостова как рецензента зафиксировано в ходе обсуждения его рассказов, в 1932 г. Проведенного редакцией «Молодой гвардии», когда литературный критик Григорий Бровман (1907–1984) предварил свое высказывание словами: «Борахвостов начал свою литературную деятельность как критик. Если эту его деятельность, как явно неудачную, сейчас во внимание не принять, то мы будем иметь дело с молодым прозаиком, автором двух-трех огоньковских книжек и ряда рассказов в журналах» [4: 156].

Вот и мы обратимся к В. Борахвостову как к прозаику — перед Первым съездом писателей (1934) им опубликовано в центральной

¹ Пьер Лоти, настоящее имя Луи Мари-Жюльен Вио (1850–1923) — французский офицер флота и писатель, известный колониальными романами из жизни экзотических стран.

² Клод Фаррер, настоящее имя Фредерик Шарль Эдуар Баргон (1876–1957) — французский писатель, лауреат Гонкуровской премии (1905) за роман «Цивилизованные».

прессе до двух десятков рассказов, — поскольку встречей на страницах «Красной нови» история эта не ограничилась, продолжившись тематической перекличкой, объясняемой, видимо, повсеместной распространенностью такого явления, как голубятничество.

Перекличка эта открывается, когда читаешь «Жизнь на старой римской дороге» в издании 1970 г. (оно выложено в интернет, и, уточню еще раз, русское издание 1931 г. в переводе И.К. называлось «Жизнь на древне-римской дороге», а издание 1970 г., в переводе А. Сагратяна, — «Жизнь на старой римской дороге»). Могло ли быть, чтобы Борахвостов не прочел книгу, которую рецензировал? (По тексту рецензии вполне допустимо рассудить, что могло). Меж тем последняя новелла там посвящена голубятнику Акопу и полному драматизма описанию голубятничества как особой черты местной жизни. Мог ли Борахвостов не вспомнить об этом, публикуя через три года, в 1934 г., свою новеллу «Голубиная любовь», в которой рассказывается о всепоглощающей любви к голубям царицынских жителей? Борахвостов, напомним, казак родом из Царицына, и даже район, в котором он вырос, именно потому носил название «Голубинка».

Оказалось мог. Как выяснилось при сверке с изданием «Жизни на древне-римской дороге» 1931 г., новеллы про голубей в нем нет. То ли сам автор так решил, то ли редактор ГИХЛа, не дрогнув, сократил повесть вдвое: в первом издании в ней 65 страниц, а во втором, в «Жизни на старой римской дороге» 1970 г., — 111. И даже концовки повести разные, с иным наполнением.

Издание ГИХЛ 1931 г.:

«Я написал и закончил эту историю утра моей жизни, но для чего написал — не знаю.

Что получилось из этого рассказа — не могу сказать.

Это только прошлое, и больше ничего.

Старая, запыленная и пожелтевшая книга, если хотите» [12: 65].

Издательство «Художественная литература», 1970 г., перевод А. Сагратяна:

«В той древней стране, где я рос, солнце горит, как раскаленный шар, ручьи журчат, не переводя дыхания, встают светозарные утра и опускаются огнекрылые закаты, в синем небе плывет серебряная чаша, полная свеженадоенного молока, деревья устремляются в небо, тихо шепчутся цветы.

Только я хотел бы отдохнуть, склонить свою усталую голову на синий мрамор тех небес и услышать песню, которой внемяют деревья, ручьи и звезды» [13: 118].

Свою голубиную историю Тотовенц начинает с неожиданного признания:

«Держать голубей считалось у нас самым унижительным занятием.

Старики говорили: «Голубь — тварь невинная, но в нем смерть».

Увидев на крыше голубя, мать в страхе крестилась:
— Голубь на крыше!..

В нашем городе, если кто хотел оскорбить человека, называл его голубятником» [13: 108].

Приходится допустить, что из множества символических значений, за тысячелетия присвоенных голубю всеми мыслимыми религиями, именно погребальная его ипостась внедрилась в бытование земляков Тотовенца как предрассудок, представление о том, что голубь — предвестник смерти и зримый образ отлетевшей от тела души.

«Детям все эти предрассудки были непонятны.

В церкви миро капало из клюва золотой голубки.

Голубку славили как символ невинности во всех песнях.

Детство — это невинность». [13: 108].

Однако ж страсти, бушующие вокруг, неоспоримо свидетельствуют о том, что голубь — птица прельстительная, «обворожительная», она манит, вызывает нестерпимый, греховный зуд собой обладать. «Мной владело одно желание — остаться без родителей, стать круглым сиротой, чтобы гонять голубей. <...> Мне и во сне снились голуби Акопа. Они садились мне на голову, плечи, руки, и я жадно вслушивался в их воркованье, я прыгал, плясал, по они улетали, я ласкал их, прижимал к груди, целовал, прятал за пазуху» [13: 109].

Следует развернутое, поэтически-чувственное описание. «Есть голуби с темно-синим отливом в белую крапинку, и еще — цвета дымного пламени, цвета последних лучей заката и багряно-красные, как осенний лист. <...> Почему же голубь — это смерть? Я так и не сумел понять эту загадку»

И тут же рассказывает, что голубятники вечно враждовали, «сманивать друг у друга голубей — в этом была вся прелесть их увлекательного дела. <...> Вражда переходила из поколения в поколение, страшная обида не забывалась». Доходило до поножовщины, до крови. «Вот почему старики говорили, что голубь — тварь невинная, но в нем смерть» [13: 110].

История цирюльника Акопа расцвечена картинками самозабвенной его страсти, беззаветной преданности голубям. Вот он бросает только что намыленного до глаз клиента, потому что шкодливые мальчишки под руку ему сообщают, что у голубки соперника вылупились птенцы. Вот, переступив через упавшую без чувств жену, идет с клинком на обидчика. У него дочь-красавица, но поскольку голубятничество считается в городе делом презренным, тень позора больно задевает и дочь: шансов выйти замуж «прилично», то есть не за голубятника, у нее нет. Даже в школе учитель — уж казалось бы! — попрекает ее отцовскими голубями.

В этом патриархальном мире с его «злыми законами», когда пришлось-таки выбирать между неодолимой страстью и судьбой дочери, Акоп, останься в нем хоть доля практичности, мог бы продать своих голубей — породистая пара стоила столько, что можно было год жить безбедно. Но нет, Акопу расчет чужд, он выбирает иной выход, куда более мелодраматичный. Не в силах представить, как его голуби будут вылетать из чужой голубятни, он решается их зарезать:

«Я услышал крик жены Акопа и взобрался на нашу крышу. Сбежались соседи.

Нам всем казалось, что Акоп бьет жену, и дочь пытается спасти мать.

— Вай, чтоб твоей дочери...

А голубятник, в слезах прижав единственную дочь к обгаренной голубиной кровью груди, шептал:

— Голубка моя белоснежная... Всех красавцев моих принесу тебе в жертву...» [13: 117].

История выморочная и вневременная, хоть в средневековье, хоть в «Декамерон», тогда как новелла Борахвостова, по сути, столь же малоправдоподобная, с точки зрения привязки к требованиям дня на момент публикации — значительно злободневней.

Вышедшая впервые в «Знамени» в 1933 г., «Голубиная любовь» годом позже вошла в брошюрку «В комнате пахнет дыней» из «Библиотеки “Огонька”», составленную из двух новелл, и далее, в 1936-м, дала название сборнику рассказов, выпущенному Сталинградским краевым издательством.

Сюжет рассказа, с некоторыми отступлениями (усилена «пролетарскость») автобиографический, построен на том, что вся жизнь в Царицыне вертится вокруг голубей. Общественное мнение ничего предосудительного в этом занятии не находит («Водил голубей даже городской голова. Но на крышу лазить стеснялся. Он посылал туда дворника, а сам руководил «шуганьем» со двора»). Сильный пол поголовно страстные голубятники, а женщины бессловесны.

Зачин рассказа библейский, дидактически-торжественный, возможно, навеянный Бабелем, в подражании которому Борахвостова упрекал его наставник Л.В. Никулин. У Бабея, к тому же, есть рассказ «История моей голубятни» (1925), однако это вещь такой эпической мощи, что разумней, в этом ряду, оставить ее в стороне.

«И не было разницы между голубятней и домом.

Там и тут жили тесно и грязно, скучно и тоскливо. Там и тут ложились спать и просыпались очень рано. Там и тут рождалась и умирали.

Да и смерть даже была одинакова. Мало кто умирал спокойно, лежа в своем логовище. То подстрелят, то зарежут или прошибут голову камнем. А иногда просто искромсают в куски: одних — кошка, других — машина, не защищенная предохранителем.

Люди перемешались с голубями настолько, что, казалось, не народ разводит голубей, а голуби разводят народ. И этот народ ухаживает за голубями, как раб» [3: 34].

Казалось, что важней голубей в жизни горожан ничего не было. С них начиналось даже всякое завещание: «Мохнатого трубача и сизую голубку, которая с белой отметинкой на лбу, оставляю Кольке. Синешалого чужака с белой голубкой, у которой на ноге повязана синяя тряпочка, — Ваське. Две пары зобатых турманов, что куплены мной на масляной, дайте в приданое Зинке. А остальных голубей завещаю старшему сыну Павлу. Ему же оставляю хату и заботы о семье...» [3: 35].

Но, подбавляет интриги Борахвостов, «только казалось, что голуби — единственная цель жизни этой людской мелкоты». Нет, говорит он, голуби — это «своего рода игра», и эта игра — разжигающий страсти спорт, заполняющая душевную пустоту причуда — судя по процитированной выше последней воле, замещала смысл жизни. Обитавшие под одной крышей — или даже в одной комнате — дед, отец и сыновья, каждый имел по собственной голубятне, и все они, как и у Тотовенца, были соперники и болезненно завидовали друг другу. «Родня родней, а голуби — врозь» [3: 37].

Но вот в сюжет вторгается идеология, классовая борьба. В гражданскую, «когда к городу подступал Деникин, <...> отец и старший брат ушли вместе со всем заводом на фронт» [3: 38]. «Вместе со всем», заметим гиперболу, в едином порыве. Советская власть — вот что поважней голубей, тонко и политически грамотно намекает писатель. Расставание далось нелегко. Отец и брат «прощались с голубями дольше, чем с матерью. Она только и знала, что плакала, и пихала в сумки все, что попадет под руку: хлеб, носки, табак, носовые платки, деревянные ложки...». Оба, отец и брат, поручают своих голубей герою рассказа, Ваське, счастливому тем, что все три голубятни теперь — его. Стиль общения между братьями таков:

«—Смотри, стерва! Если прогоняешь хоть одного, вернись с фронта, — башку оторву!

Потом, немного помолчав, тихо добавил:
— А не вернись — твои будут» [3: 40].

И, не прощаясь, «как это было принято у нас на Голубинке, ушел из дому большими шагами». Отец же, уходя, прямо на землю у ворот вытряхнул из вещмешка все, что напихала туда мать, кроме деревянной ложки и хлеба. Невозможно не отметить эту грубость нравов, за которой, имплицитно Борахвостов, скрываются нежные души. Щадя себя, не попрощались с родными и другие рабочие, у которых большие семьи. «Чтобы не слышать рева детей и отговоров жен, они решили тайно уйти на фронт». Переночевав в семье Васьки, они отдают его матери свои получки, чтобы та передала их женам.

Война подошла ближе, начались обстрелы, «На небе слышался сухой треск. Потом появилась белая роза взрыва и медленно начала вянуть. Снаряды падали где-то около вокзала, перелетая через нас, и во время взрыва казалось, что город разламывается пополам» [3: 41].

Мальчишки, тем не менее, скоро принялись снова наперебой гонять голубей. Те со временем тоже привыкли к военному шуму. «И когда голубь, сраженный пулей или осколком шрапнели, падал вниз, все думали, что это турман продолжает свой очередной трюк. Так думали голуби и так думали люди.

И только когда голубь шлёпался об крышу, и, хлопая безвольными крыльями, скатывался вниз, когда на тёплых солнечных досках выявлялось рубиновая струйка крови, только тогда все понимали, что это война. Бои под городом усиливались» (Там же: 43).

«По улице часто стали встречаться похороны.

За гробом шел священник в полном облачении с кадилом и рядом с ним местный духовой оркестр. Когда поп кончал свою «Вечную память», оркестр начинал «Марсельезу» или «Вы жертвою пали».

Отец и мать убитого рабочего приглашали попа, а товарищи — оркестр. Поп, чтобы не потерять заработка, соглашался на такое сотрудничество. Только он не допускал оркестров в церковь.

Но когда хоронили матроса, то оркестр по настоянию товарищей покойного играл и в церкви» [3: 44].

Поразительны эти подробности сейчас, сквозь линзу толщиной в век. Даже если присочинены, поразительны независимо от достоинств самого текста.

Город пал. Перед отступлением отец не зашел домой, чтобы, опять же, «не расстраиваться», а брат, забежав, «отобрал лучших голубей, посадил их в лёгкую, деревянную клетку и привязал её к своей спине как ранец.

— Васька, — сказал он мне, — эти голуби по одному будут возвращаться домой. Ты снимай с лапок записки и относи их Власу Черепанову, что живёт у кладбища за железнодорожным мостом, знаешь?

— Знаю, — ответил я» [Там же].

Так и вышло, что, сообщаясь с помощью голубей, красные сумели скоординировать свои действия и взять город.

«Но второй день после занятия города белыми прилетел синешалый «мохнач». Я снял с его лапки записку и отнёс её Власу.

В эту же ночь кто-то взорвал железнодорожный мост через реку, и бронепоезда белых не могли выйти из города. А на завтра ночью заговорились нефтяные баки.

Потом прилетел белоголовый турман — и ночью загорелись пакгаузы.

Затем через неделю вернулся мохноногий «Шалун», и в ту ночь стали наступать наши, а внутри города поднялось вооруженное восстание.

Наутро отец с братом пили чай уже дома.

А я гонял голубей» [3: 45].

Встретились и раскатились по бильярдному сукну шары, встретились и разлетелись по «воздушным путям» литературы голуби, выпущенные двумя писателями-современниками, представителями двух цивилизаций, двух патриархальных культур, крайне отличных одна от другой, но объединенных границами советской империи.

Несколько слов о дальнейшей судьбе В. Н. Борахвостова, являвшего собой пример того, как советская власть пыталась вырастить рабоче-крестьянскую интеллигенцию. Достигнув своего пика в тридцатых, в дальнейшем он печатался мало. Корреспондентом армейской газеты прошел войну. Ему дана была долгая жизнь [6; 7; 8]. Зарабатывая игрой на бильярде, он не переставал усердно и безуспешно писать. Ранние его рассказы все-таки ценны тем, что полны

примет времени — то трогательных, то забавных, то одиозных. «Голубиная любовь», написанная пафосно, но без свойственного ему переизбытка метафор, в этом смысле дополняется пылким лиризмом голубинового эпизода «Жизни на старой римской дороге», книги загубленного советской властью подлинного интеллигента Ваана Тотовенца, которую Борахвостову волею судеб выпало отрецензировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахумян Т.С. Ваан Тотовенц // Литературные статьи и воспоминания. Ереван, Айастан, 1966. С. 344–353.
2. Борахвостов В. Ваан Тотовенц. «Жизнь на древне-римской дороге» // Красная новь. 1931. № 12. С. 161–162.
3. Борахвостов В. Голубиная любовь // В комнате пахнет дыней. М., Библиотека «Огонек», 1934. С. 34–45.
4. Жак и др. Обсуждаем творчество В. Борахвостова // Молодая гвардия. 1934. № 6. С. 155–158.
5. Локс К. Ваан Тотовенц. Жизнь на древне-римской дороге // Новый мир. 1931. № 9. С. 307.
6. Макинцян А. Ваан Тотовенц // Тотовенц, Ваан. Повести и рассказы / Пер. с арм. М., Худож. лит., 1970. 242–245 с.
7. Меленевская Э.Д. Казус Борахвостова: Опыт интернет-разысканий // Вопросы литературы. 2016. № 1. С. 329–352.
8. Меленевская Э.Д. Василий Борахвостов: «...и снова стал работать писателем». Эскиз к биографии // «Неужели кто-то вспомнил, что мы были...» Забытые писатели: Сб. науч. статей / Сост. и ред. Э.Ф. Шафранская. СПб.: Свое издательство, 2019. С. 172–184.
9. Меленевская Э.Д. «Обложкой к врагу»: Воинский опыт писателя Борахвостова // Знамя. 2020. № 8. С. 329–352.
10. Анна Ахматова: последние годы. Рассказывают Виктор Кривулин, Владимир Муравьев, Томас Венцлова / Сост., коммент. О.Е. Рубинчик. СПб.: Невский Диалект, 2001. 222 с.

11. *Тер-Мартirosян А.* // Тотовенц, Ваан. Жизнь на древне-римской дороге / Пер. с арм. И.К.; Предисл. А. Тер-Мартirosяна. М., Л., ГИХЛ, 1931. С.3–6.
12. *Тотовенц Ваан.* Жизнь на древне-римской дороге / Пер. с арм. И.К.; Предисл. А. Тер-Мартirosяна. М., Л., ГИХЛ, 1931. 110 с.
13. *Тотовенц Ваан.* Повести и рассказы. / Пер. с арм. А. Сагратяна; Послесл. А. Макинцяна. М., Худож. лит., 1970. 247 с.

REFERENCES

1. *Ahumyan T.S. Vaan Totovents* // *Literaturnye stat'i i vospominaniya*. [Literary articles and memoirs]. Erevan, Ajastan Publ., 1966, pp. 344–353.
2. *Borahvostov V. Vaan Totovents. «Zhizn' na drevne-rimskoj doroge»* [Life on the ancient Roman road]. *Krasnaya nov'*. 1931, № 12, pp. 161–162.
3. *Borahvostov V. Golubinaya lyubov'* [Pigeon love]. In: *V komnate pahnet dynej* [The room smells of melon] . М., Biblioteka «Ogonek», 1934, pp. 34–45.
4. *Zhak i dr. Obsuzhdaem tvorchestvo V. Borahvostova* [Discussing the works of V. Borakhvostov]. *Molodaya gvardiya*. 1934, № 6, pp. 155–158.
5. *Loks K. Vaan Totovents. Zhizn' na drevne-rimskoj doroge* [Life on the ancient Roman road]. *Novyj mir*. 1931, № 9, p.307.
6. *Makincyan A. Vaan Totovents*. In: *Totovents, Vaan. Povesti i rasskazy* [Novels and short stories]. Per. s arm. Moscow, Hudozh. lit., 1970, pp. 242–245.
7. *Melenevskaya E.D. Kazus Borahvostova: Opyt internet-razyskanij* [Borakhvostov's case: Internet search experience]. *Voprosy literatury*. 2016, № 1, pp. 329–352.
8. *Melenevskaya E.D. Vasilij Borahvostov: «...i snova stal rabotat' pisatelem»*. *Eskiz k biografii* [“...started working as a writer again”. Biography sketch] In: “*Neuzheli kto-to vspomnil, chto my byli...*” *Zabytye pisateli*» [“Did someone really remember that we were...” Forgotten writers]. *Sb. nauch. statej / Sost. i red. E.F. Shafranskaya*. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo, 2019, pp. 172–184.

9. *Melenevskaya E.D.* Oblozhkoj k vragu»: Voinskij opyt pisatelya Borahvostova [Facing the enemy: The military experience of the writer Borakhvostov]. *Znamya*, 2020, № 8, pp. 329–352.
10. Anna Ahmatova: poslednie gody. Rasskazyvayut Viktor Krivulin, Vladimir Murav'ev, Tomas Venclova [Ahmatova's last years in memoirs] / Sost., komment. O.E. Rubinchik. St. Petersburg, Nevskij Dialekt Publ., 2001. 222 pp.
11. *Ter-Martirosyan A.* Predislovie. In: Totovents, Vaan. Zhizn' na drevne-rimskoj doroge [Life on the ancient Roman road]. Per. s arm. I.K.; Predisl. A. Ter-Martirosyana. Moscow, Leningrad, GIHL, 1931, pp.3–6.
12. *Totovents Vaan.* Zhizn' na drevne-rimskoj doroge / Per. s arm. I.K.; Predisl. A. Ter-Martirosyana. Moscow, Leningrad, GIHL, 1931, 110 pp.
13. *Totovents Vaan.* Povesti i rasskazy [Novels and short stories] Per. s arm. A. Sagratyana; Poslesl. A. Makincyana. Moscow, Hudozh. lit., 1970, 247 pp.

**ԱՂԱՎՆԻՆԵՐԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՎԱՀԱՆ
ԹՈՌՈՎԵՆՅԻ ԵՎ ՎԱՍԻԼԻ ԲՈՐԱԽՎՈՍՏՈՎԻ
ՍՏԵՂԾԱԳՈՐԾՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐՈՒՄ**

Է. Դ. ՄԵԼԵՆԵՎՍԿԱՅԱ

Անկախ հետազոտող, Ռուսաստանի Դաշնություն

Չուգահեռ է տարվում գրողներ Վահան Թորոպենցի (1893-1938?) և Վասիլի Բորախվոստովի (1905-1988) միջև, ովքեր ծանոթ չէին, և Թորոպենցը, ամենայն հավանականությամբ, նույնիսկ չգիտեր Բորախվոստովների գոյության մասին, մինչդեռ վերջինս պատահաբար գրախոսել է Թորոպենցի առաջին ռուսերեն թարգմանված գիրքը՝ «Կյանքը հին հռոմեական ճանապարհին» (1931), «Կրասնայա նով» գրական ամսագրում: Անկախ հայկական և կազակական մշակույթների միջև եղած տարբերությունից, այս գրողների իրար հետ կապ չունեցող ստեղծագործություններում կա

թեմատիկ համընկնում, որն արտահայտվում է աղավնի բուծման նկատմամբ մի ժամանակ ամենուրեք տարածված կրթի խորը քնարական նկարագրությամբ:

Բանալի բառեր՝ Թոթովենց, Բորախվոստով, երեսունականների գրականություն, աղավնիների բուծում և պահպանում:

PIGEON STORIES IN THE WORKS OF VAHAN TOTOVENTS AND VASILY BORAKHVOSTOV

E. D. MELENEVSKAYA

Independent researcher, Russian Federation

A parallel is drawn between the writers Vahan Totovents (1893-1938?) and Vasily Borakhvostov (1905-1988), who were not acquainted, and Totovents, most likely, did not even know about the Borakhvostov existence, while the latter happened to review the first Totovents' book translated into Russian, *Life on the Ancient Roman Road* (1931), in the literary magazine *Krasnaya Nov'*. Regardless of the difference between the Armenian and Cossack cultures, there is a thematic overlap in the unrelated work of these writers, expressed in a deeply lyrical description of the passion for pigeon breeding that was once widespread everywhere.

Key words: Totovents, Borakhvostov, literature of the thirties, pigeon breeding.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 19 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В «ПОВЕСТИ О ДРАКУЛЕ»: ЧТО ЗНАЧИТ ЗЛОМУДР?

А. М. РАНЧИН

МГУ им. М. В. Ломоносова / ИНИОН РАН
aranchin@mail.ru

В статье рассматривается авторская позиция в одном из самых оригинальных и загадочных памятников древнерусской литературы – «Повести о Дракуле» (конец XV века), посвященной знаменитому валашскому правителю. Отношение автора к герою трактовалось учеными по-разному: как бесспорное осуждение, как неоднозначная оценка, как апология. В центре внимания – определение валашского властителя *зломудр*. Доказывается, что эта лексема – калька с греческого, традиционно характеризовавшая еретиков – указывает на извращенность ума, на дьявольскую природу деяний Дракулы. В основе его поступков лежат гордыня, упоение жестокостью и стремление подчинить все и всех своей власти. Авторская оценка героя «Повести» должна быть признана однозначно негативной.

Ключевые слова: *«Повесть о Дракуле», авторская позиция, образ героя, «зломудрие» Дракулы и еретики.*

Светлой памяти Михаила Давидовича Амирханяна с благодарностью посвящает автор эту статью.

Созданная в конце XV века «Повесть о Дракуле» – одно из самых интересных и оригинальных произведений древнерусской словесности. Нетривиален образ ее героя – «мунтянского» (валашского, румынского) воеводы Дракулы, чей исторический прототип – правитель Валахии Влад III. С одной стороны, он могущественный

властитель, не без успеха воевавший за свою землю против иноверной Турции, и носитель суровой справедливости, жестокими карами уничтоживший в стране кражи и разбои; с другой – садист, абсолютно чуждый милосердию и приправляющий творимые казни черным юмором, ради возвращения к власти отрекшийся от православной веры.

В самом начале памятника приводится значение прозвания Дракулы ‘дьявол’ и герою дается определение *зломудр*, ближе к концу текста сообщается об отречении его от православной веры и переходе в католичество, в заключении сообщается об утрате сыновьями после смерти отца прав на валашский престол, что, очевидно, должно восприниматься как Божие наказание за его грехи. Вступление в тексте содержит однозначно негативную оценку героя. Однако его ядро – повествование о деяниях валашского правителя – на первый взгляд лишено такой очевидной семантики, что для древнерусской словесности совсем не характерно. Показательно, что Н.М. Карамзин, одним из первых обративший внимание на «Повесть о Дракуле», заметил: «Дракула <...> представлен гонителем всякой неправды, обманов, воровства и свирепым кровопийцею»; «[и]скоренив злодеев, сей Воевода казнил и за самые малые вины»; «[а]втор мог бы заключить сию сказку прекрасным нравоучением, но не сделал того, оставляя читателям судить о *Философии* Дракулы, который лечил подданных от злодейства, пороков, слабостей, нищеты и болезней одним лекарством: смертию!» [7, с. 230, 231] (курсив в оригинале).

За более чем два века изучения повесть интерпретировалась и как обличение жестокого деспота (С.П. Шевырев [24, с. 115], А.А. Зимин [4, с. 414]), и как частичная апология если не самого персонажа, то методов, им используемых (Я.С. Лурье [15, с. 3–85, особенно с. 56–58; 11, с.229–231; 12, с.107–108, 138, 141; 13, с. 508–509], М.А. Юсим [25, с. 201–203], А.Н. Ужанков [23], М.П. Одесский [14, с. 18], А.В. Каравашкин [7, с. 378–379]), и даже как оправдание Дракулы (А.А. Исаков и В.Ю. Неупокоева [6], О.Н. Талмазан [21; 22]). Автор этих строк относится к сторонникам первой точки зрения; обстоятельный разбор аргументов сторон и подробное обоснование собственной позиции содержатся в моих более ранних статьях [16; 17; 18].

В одной из них я допустил ошибку [16, с. 102–103], доверившись утверждению М.П. Одесского, что лексема *зломудр*, с помощью которой автор «Повести о Дракуле» характеризует своего персонажа, является неологизмом, сочиненным древнерусским книжником. По мнению исследователя, «соблазнительно гипотетически предположить, что <...> русский книжник XV в., прибегая к неологизму “зломудрый” <...> стремился перевести слово “*malignus*” (ср. румынское прилагательное “*malitios*”). Контекстуальные реализации этого рокового слова подразумевают компоненты значения, которые принципиально важны для реконструкции представлений о Дракуле его современников. А именно, лукавый, способный на злые выходки, затем – дьявольский, сатанинский (см. “злой дух”, т.е. собственно “Диаволь”) и, наконец, колкий, остроумный. И в самом деле, рассказы о жизни Дракулы изобилуют исполненными черного юмора анекдотами – его жестокими деяниями и мрачно-ироническими афоризмами, т.е. эпитет “зломудръ” – если считать его переводом – эмбрионально содержит в себе основные идеи и композицию русского “Сказания о Дракуле”» [14, с. 12].

Между тем, как указал мне А.А. Наширбанов, за что приношу ему искреннюю благодарность, в одном из словарей древнерусского языка встречается лексема *зломоудрыи*, причем зафиксировано 7 ее употреблений. Значение ее определяется как ‘рассуждающий, мыслящий ложно, в противоречии с догматами веры’. Примеры приводятся исключительно из переводной церковной книжности: «сиде зломудрыи нестории повелѣваше» из Рязанской Кормчей книги 1284 года и «такѡ премѣнимсѧ w(t) зломоудрыхъ члвкъ оучения льстиваго. и прилѣпимсѧ боносець оцѣ поути» и «w(t) того оутолъстѣють оумъ нашъ плотнымъ и растлѣннымъ смыслоу. иже въскормихомъ обычаемъ злымъ. преданиемъ развращенныхъ и зломудрыхъ члвкъ» (оба примера – из «Пандектов» Никона Черногорца); лексема представляет собой кальку с греческого *κακοφρόν* [19, с. 417], в древнегреческом языке означающего ‘злонамеренный, безрассудный, омрачающий ум’. Контекст употребления слова в переводной древнерусской книжности связан с догматами, с их извращением и характеризует еретиков. Контекст

первой из приведенных цитат таков. Перед этим речь идет об учении другого ересиарха, Ария, далее, сразу после «повелѣваше», следует: «тѣмъ ї присно <...> бїю мѣрь марию не бїю дерзаше гл҃блаті н° х҃бродицю» [9, л. 10в], то есть сообщается об отрицании Несторием догмата о богочеловечестве Иисуса Христа, о соединении в его лице двух природ.

Таким образом, традиция употребления лексемы *зломудрыи* побуждает видеть и в ее использовании в «Повести о Дракуле» указание на сходство строя мыслей Дракулы с ересью. Приведем этот фрагмент: «Бысь в Мунтянской земли греческыя веры христианин воевода именем Дракула влашеским языком, а нашим диавол. Толико зломудр, яко же по имени его, тако и житие его» [15, с. 117, л. 204–204 об.] (текст Древнейшего вида Кирилловской редакции).

Я.С. Лурье понимал определение *зломудр* так: автор «рисовал дьявольское “зломудрие” мунтянского воеводы – сочетание изощренной жестокости с остроумием». По мнению ученого, «сюжет “Повести о Дракуле” <...> неоднозначен – он не может быть сведен к какому-либо определенному выводу или поучению. Дракула совершает бесчисленные злодеяния, сжигает нищих, казнит монахов, женщин, мастеров, прятавших его сокровища, и обедает среди кольев, на которых разлагаются “трупия мертвых человек”. Но он же ведет борьбу с турками, борьбу героическую и несомненно вызывающую одобрение читателя, и погибает в этой борьбе, ненавидит “зло”, уничтожает воровство и устанавливает в своем государстве справедливый и нелицеприятный суд, от которого не могут откупиться ни богатый, ни знатный. <...> ...”Повесть о Дракуле” была не публицистическим, а беллетристическим памятником: автор его не высказывал поэтому своей оценки героя в прямой форме, а рисовал образ этого героя, образ, не подымавшийся до уровня характера, однако обладавший определенной характерностью. Дракула – не абстрактный злодей и уж никак не абстрактный мудрый правитель. Он веселое чудовище, испытывающее свои жертвы, некое подобие сказочного Тома–Тима–Тота или Рюмпельштильца. Необычный с точки зрения традиций житийной или героической воинской

повести, образ Дракулы был зато близок к <...> фигурам переводной беллетристики. Мудр и жесток был Китоврас в “Соломоне и Китоврасе”; теми же свойствами отличался Ихниллат в “Стефаните и Ихниллате”. Самооправдания Дракулы по поводу убийства нищих или казни послов во многом напоминали софизмы Ихниллата во время суда над ним. Сюжет “Повести о Дракуле” принадлежал к типу сюжетов, который мы определили <...> как многозначный. Такое построение сюжета было характерно для многих памятников беллетристики позднего средневековья и Возрождения, авторы которых противопоставляли однозначному феодально-рыцарскому идеалу “протест реальности”» [11, с. 229–231].

Однако, если исходить из принятого употребления слова *зломудр*, и семантику этой лексемы, и авторскую позицию в «Повести о Дракуле» следует понимать совсем иначе. Если злая мысль – частный, отдельный плод ума, то мудрость – постоянное свойство человека. «Злая мудрость» неизменно направляет на совершение зла, на пребывание во зле, под властью дьявола. Но в чем сущность этой «злой мудрости»? Конечно, не в садистской жестокости, не в черном юморе Дракулы – это не более чем ее частные, отдельные проявления. «Злая мудрость» – сатанинская, а грех Сатаны – в высокоумии, в гордыне, в попытке занять в бытии место Бога. В Послании к Римлянам апостола Павла есть слова: «Не превозносись, но бойся» (Рим. 11: 20). В греческом оригинале вместо «не превозносись» употреблен глагол, более точно переводимый на русский язык как «не высокоумствуй», в Вульгате эта фраза звучит так: «*poli altum sapere, sed time*» – «не мудствуй высоко, но бойся». В славянском тексте: «не высоко мудръствуи, но боися» [26, с. 1795]. Как справедливо заметил итальянский историк и антрополог Карло Гинзбург, слово «мудрствовать» у апостола Павла здесь имеет моральное, а не интеллектуальное значение, «предостережение против духовной гордыни» [12, с. 133–134]. Нравственная максима, сформулированная апостолом Павлом, естественно, относится к мотивам-топосам христианской книжности. Осуждение гордыни – один из лейтмотивов Священного Писания. Речение из ветхозаветной Книги Премудрость Иисуса сына Сирахова содержится в одной из самых

ранних восточнославянских рукописей – Изборнике 1076 года: «Не възнеси себе – да не отпадеш, и наведеш на душу свою бештьстие <...>». Здесь же в «Наказании Исихия, пресвитера Иерусалимского» говорится: «Подобаеть быти всякому хрьстьянину сьмѣрену <...>: Бежи величанья, о человекѣ, аште и великъ еси: еда Бога отъмештющта ся, тебе обряштеш? Люби сьмѣреие, аште и великъ еси, да въ днь ськончанья възвышенъ будеш» [2, с. 444, 438].

Слово *зломудр*, очевидно, было понят далеко не всеми редакторами-переписчиками «Повести». Уваровский вид Румянцевской редакции содержит новое чтение – замену: «злосердит вельми» (чтение одного списка) или «злосерд» (чтения трех списков). Чтение Хохловского вида Румянцевской редакции: «не милостив», Барсовский вид заменяет «зломудр» на «житием злосерд вельми». Сводная редакция содержит чтение «злосерд» [15, с. 162, 172, 159, 179]. Злое (обуреваемое греховными страстями) сердце было для книжников понятнее, чем злой ум. Перевод «жесток и мудр», предложенный О.В. Твороговым [3, с. 461], безусловно неудачен: он разрывает единое понятие-определение на два не зависящих друг от друга. Лучше всего оставить это слово без перевода.

В чем сходство позиции Дракулы с ересью? Дракула притязает на место Господа, считая себя вправе судить всех и вся. Однако функция валашского властителя – исключительно карательная. Людей за их прегрешения карают бесы в аду. Валашский воевода казнит здесь, на земле, причем не всегда справедливо.

В «Повести» сказано: «И толико ненавидя во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу, или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет жив» [15, с. 118, л. 206об.–207]. Чем объяснить эту ненависть воплощенного зла к злу, творимому другими? Можно предположить, что стремлением к абсолютной, тотальной власти, к полному контролю над своими подданными. Причем смертной казнью караются и грехи (прелюбодеяния женщин) или прегрешения (леность жены, не сшившей мужу новой рубахи), которые, по современному автору «Повести» законодательству, не подлежали уголовному преследованию и тем более лишению жизни.

Дракула не знает милосердия, как не ведают его бесы. Его дьявольская натура проявляется и в создании ситуаций искушения: у «кладезя» он оставляет золотую чашу, из которой могли бы напиться путники, и никто не решается «ту чару взять» [15, с. 118, л. 207] – что это, если не провокация воровства. Возвращая украденный мешок с деньгами иноземному купцу, валашский воевода добавляет одну лишнюю монету, проверяя хозяина денег на честность – и тем самым тоже вводя его в искушение. Двум католическим монахам, пришедшим к нему за милостыней, Дракула показывает «округ двора множество бесчисленное людей на колех и на колесех» и по очереди спрашивает их: «Добро ли тако сътворих, и како ти суть, иже на колии?» [15, с. 119, л. 208]. Причины, по которым были преданы смерти все эти люди, остаются вопрошаемым неизвестными. Чернеца, посчитавшего казненных мучениками, Дракула лишает жизни, а признавшего правоту властителя награждает. Таким образом валашский правитель создает еще одну провокацию. Тем самым Дракула поступает подобно тем, о ком сурово высказался Христос: «а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской. Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. 18: 6–7).

В безмерной гордыне (не оказавших ему должных почестей Дракула казнит), в посягательстве на власть, присущую Богу, в наслаждении страданиями других, в отсутствии милосердия герой подобен дьяволу: его прозвище, трактуемое автором повести как 'дьявол', соответствует его сущности и поступкам. Жестокости, творимые валашским правителем, очевидно, истолковываются книжником как следствие извращенного представления о правах и обязанностях власти, как результат подмены Бога как высшего начала дьяволом. Поэтому к Дракуле и прилагается определение, традиционно относившееся к еретикам. Стирание границ между божественным и дьявольским есть род ереси.

Правда, однокоренное к *злогоудрыи/зломудрыи* составное прилагательное *злогоудрыни* употреблялось не только в значении

‘рассуждающий, мыслящий ложно, в противоречии с догматами веры’, но и в более узком значении, описываемом как ‘злонамеренный’ [19, с. 418] или ‘изощренный в злобе, злокозненный, хитрый’ [20, с. 26], а существительное *злогоудрьк* имело смысл не только ‘ложное рассуждение, учение, противоречащее догматам веры’, но и ‘злой замысел’ [19, с. 417]. Употребление в тексте «Повести о Дракуле» наречия меры и степени *толико* как будто бы более уместно в одном словосочетании с прилагательным *зломудр* именно в последнем значении, поскольку ересь в отличие от злонамеренности и хитрости не предполагает степеней и градаций. Однако поступки Дракулы отнюдь не всегда являются злокозненными и хитрыми. Но они представляют собой именно выражение извращенного ума.

Таким образом, анализ семантики, присущей слову *зломудр* – определению Дракулы свидетельствует об однозначно негативном отношении автора к своему герою. Оригинальность «Повести» заключается не в неоднозначной оценке персонажа, а в отсутствии интерпретации его конкретных поступков: читатель должен сам истолковать их, соотнеся с общей характеристикой Дракулы в начале произведения. Интересно, что как раз на рубеже XV–XVI веков, примерно в то самое время, когда была написана «Повесть о Дракуле», «Пандекты» Никона Черногорца, в которых этой лексемой характеризуются еретики, стали предметом внимательного изучения со стороны древнерусских книжников – православных полемистов Иосифа Волоцкого и Вассиана Патрикеева [1, с. 146; 10, с. 241]. Использование автором «Повести о Дракуле» лексемы, традиционно прилагавшей к еретикам, является одним из аргументов против идеи А.А. Исакова и В.Ю. Неупокоевой [6], обнаруживающих этом памятнике отражение идей русских религиозных вольнодумцев конца XV столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архангельский А.С.* К изучению древнерусской литературы: очерки и исследования А.С. Архангельского. Творения отцов

- церкви в древнерусской письменности. – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1888. – 146 с.
2. Библиотека литературы Древней Руси. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 2: XI–XII века. – 556 с.
 3. Библиотека литературы Древней Руси. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 7: Вторая половина XV века. – 581 с.
 4. Гинзбург К. Верх и низ. Тема запретного знания в XVI–XVII веках // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: морфология и история. Сб. ст. / пер. с итал. и послесл. С.Л. Козлова. – М.: Новое изд-во, 2004. – С.133–158.
 5. Зимин А.А. Иван Пересветов и его современники: очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 498 с.
 6. Исаков А.А., Неупокоева В.Ю. Философские и социально-политические идеи русских еретиков конца XV века в «Сказании о Дракуле-воеводе» // Молодой ученый. 2015. № 2 (82). – С. 639–642.
 7. Каравашкин А.В. Литературный обычай Древней Руси. – М.: РОССПЭН, 2011. – 544 с.
 8. Карамзин Н.М. История государства Российского. 2-е изд., испр. – СПб.: Типография Н. Греча, 1819. – Т. 7. – 235+106 с.
 9. Кормчая Рязанская 1284 года. – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург); Ф.п.П.1; URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/kormchaya-serbskoy-redakcii>. Дата обращения: 11.05.2025.
 10. Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века / отв. ред. Д.С. Лихачев. – М.Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 532 с.
 11. Лурье Я.С. Литература в период образования единого Русского государства. Элементы Возрождения в русской литературе. Середина XV – XVI век // История русской литературы: в 4 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. – Т.1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. – С.185–290.

12. Лурье Я.С. Русские современники Возрождения: книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. – Л.: Наука, Ленингр. отд, 1988. – 161 с.
13. Лурье Я.С., Григоренко А.Ю. Курицын Федор Васильевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л.: Наука, 1988. – Вып. 2: (XIV – вторая половина XVI в.). – Ч. 1: А–К / отв. ред. Д.С. Лихачев. С. 504–510.
14. Одесский М. Явление вампира // Стокер Б. Дракула: [роман] / пер. с англ., примеч. Т. Красавченко. – М.: Энигма, 2007. – С. 7–56.
15. Повесть о Дракуле / исслед. и подгот. текстов Я.С. Лурье. – М.; Л.: Наука, 1964. – 213 с.
16. Ранчин А.М. «Повесть о Дракуле» и представление о добродетельном и «злом» государе в древнерусской книжности [начало] // Россия XXI. 2017. № 2. – С. 94–121.
17. Ранчин А.М. «Повесть о Дракуле» и представление о добродетельном и «злом» государе в древнерусской книжности [окончание] // Россия XXI. 2017. № 3. – С. 66–97.
18. Ранчин А.М. К вопросу об интерпретации древнерусской «Повести о Дракуле» // Литературоведческий журнал. 2024. № 2 (64). – С. 70–93.
19. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 / гл. ред. Р.И. Аванесов. – М.: Русский язык, 1990. – Т. 3: (добродетельно - изжечиса). – 511 с.
20. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1979. – Вып. 6: (ЗИПУНЪ – ИЯНУАРИЙ) / гл. ред. С.Г. Бархударов. – 360 с.
21. Талмазан О. Авторский вымысел в «Сказании о Дракуле воеводе» // Философский полилог: международный центр изучения русской философии. 2018. Вып. 3. – С. 151–176.
22. Талмазан О. Притча о двух монахах в «Сказании о Дракуле воеводе» // Идентичность на перекрестке культур: язык, литература, образование: сб. научных статей / отв. ред. и сост. Н. Иванич. – СПб.: Алетейя, 2023. – С. 41–52.

23. *Ужанков А.Н.* Лекция 15. Сказание о Дракуле Воеводе. Повесть о Дмитрие Басарге // URL: <https://get-tune.cc/song/5209829-a.n.-uzhankov/63991259-lekciya-15.-skazanie-odrakule-voevode.-povest-o-dmitrii-basarge/>. Дата обращения: 12.01.2017.
24. [*Шевырев С.П.*] История русской словесности. Лекции Степана Шевырева, ординарного академика и профессора. – М.: Типография Бахметева, 1860. – Часть четвертая, содержащая XV-е столетие и начало XVI-го. – 198 с.
25. *Юсим М.А.* Макиавелли. Мораль, политика, фортуна: Этика Макиавелли в России. – М.: Канон+, 2011. – 669 с.
26. Острозька Библия / опрацював та приготував до друку ерм. архимандрит др. Рафаїл (Роман Турконяк). – Київ; Львів: Українське Біблійне товариство; Благодійний фонд «Книга», 2006. – 1957 с.

REFERENCES

1. [*Arhangel'skij A.S.*] K izucheniyu drevnerusskoj literatury: Ocherki i issledovaniya A.S. Arhangel'skogo. Tvoreniya otcov cerkvi v drevnerusskoj pis'mennosti. – SPb.: Tipografiya V.S. Balasheva, 1888. – 146 s.
2. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. – SPb.: Nauka, 1999. – T.2: XI–XII veka. – 556 s.
3. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. – SPb.: Nauka, 1999. – T.7: Vtoraya polovina XV veka. – 581 s.
4. *Ginzburg K.* Verh i niz. Tema zapretnogo znaniya v XVI–XVII vekah // *Ginzburg K.* Mify – emblemy – primety: Morfologiya i istoriya. Sb. st. / per. s ital. i poslesl. S.L. Kozlova. – M.: Novoe izd-vo, 2004. – S.133–158.
5. *Zimin A.A.* Ivan Peresvetov i ego sovremenniki: ocherki po istorii russkoj obshchestvenno-politicheskoy mysli serediny XVI veka. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1958. – 498 s.
6. *Isakov A.A., Neupokoeva V.Yu.* Filosofskie i social'no-politicheskie idei russkih eretikov konca XV veka v «Skazanii o Drakule-voevode» // *Molodoj uchenyj.* 2015. № 2 (82). – S. 639–642.

7. Karavashkin A.V. Literaturnyj obyčaj Drevnej Rusi. – M.: ROSSPEN, 2011. – 544 s.
8. Karamzin N.M. Istoriya gosudarstva Rossijskogo. 2-e izd., ispr. – SPb.: Tipografiya N. Grecha, 1819. T.7. – 235+106 s.
9. Kormchaya Ryazanskaya 1284 goda. – Rossijskaya nacional'naya biblioteka (Sankt-Peterburg); F.p.II.1; URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/kormchaya-serbskoy-redakcii>. Data obrashcheniya: 11.05.2025.
10. Lur'e Ya.S. Ideologicheskaya bor'ba v russkoj publicistike konca XV – nachala XVI veka / otv. red. D.S. Lihachev. – M.L.: Izd-vo AN SSSR, 1960. – 532 s.
11. Lur'e Ya.S. Literatura v period obrazovaniya edinogo Russkogo gosudarstva. Elementy Vozrozhdeniya v russkoj literature. Seredina XV – XVI vek // Istoriya russkoj literatury: v 4 t. – L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1980. – T.1: Drevnerusskaya literatura. Literatura XVIII veka. – S.185–290.
12. Lur'e Ya.S. Russkie sovremenniki Vozrozhdeniya: Knigopisec Efrosin. D'yak Fedor Kuricyn. – L.: Nauka, Leningr. otd, 1988. – 161 s.
13. Lur'e Ya.C., Grigorenko A.Yu. Kuricyn Fedor Vasil'evich // Slovar' knizhnikov I knizhnosti Drevnej Rusi. – L.: Nauka, 1988. – Vyp.2 (XIV – vtoraya polovina XVI v.). Ch.1: A–K / otv. red. D.S.Lihachev. S. 504–510.
14. Odesskij M. Yavlenie vampira // Stoker B. Drakula: [roman] / per. s angl., primech. T. Krasavchenko. – M.: Enigma, 2007. – S.7–56.
15. Povest' o Drakule / issled. i podgot. tekstov Ya.S. Lur'e. – M.; L.: Nauka, 1964. – 213 s.
16. Ranchin A.M. «Povest' o Drakule» i predstavlenie o dobrodetel'nom i «zlom» gosudare v drevnerusskoj knizhnosti [nachalo] // Rossiya XXI. 2017. № 2. – S. 94–121.
17. Ranchin A.M. «Povest' o Drakule» i predstavlenie o dobrodetel'nom i «zlom» gosudare v drevnerusskoj knizhnosti [okonchanie] // Rossiya XXI. 2017. № 3. – S. 66–97.
18. Ranchin A.M. K voprosu ob interpretacii drevnerusskoj «Povesti o Drakule» // Literaturovedcheskij zhurnal. 2024. № 2(64). – S. 70–93.

19. Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): v 10 / gl. red. R.I. Avanesov. – M.: Russkij yazyk, 1990. – T. 3: (dobrodětel'no - izzhechisА). – 511 s.
20. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. – M.: Nauka, 1979. – Vyp. 6: (ZIPUN" – IYaNUARIJ) / gl. red. S.G. Barhudarov. – 360 s.
21. *Talmazan O.* Avtorskij vymysel v «Skazanii o Drakule voevode» // Filosofskij polilog: mezhdunarodnyj centr izucheniya russkoj filosofii. 2018. Vyp. 3. – S. 151–176.
22. *Talmazan O.* Pritcha o dvuh monahah v «Skazanii o Drakule voevode» // Identichnost' na perekrestke kul'tur: yazyk, literatura, obrazovanie: sb. nauchnyh statej / otv. red. i sost. N. Ivanich. – SPb.: Aletejya, 2023. – S. 41–52.
23. *Uzhankov A.N.* Lekciya 15. Skazanie o Drakule Voevode. Povest' o Dmitrii Basarge // URL: <https://get-tune.cc/song/5209829-a.n.-uzhankov/63991259-lekciya-15.-skazanie-odrakule-voevode.-povest-o-dmitrii-basarge/>. Data obrashcheniya: 12.01.2017.
24. [Shevyrev S.P.] Istoriya russkoj slovesnosti. Lekcii Stepana Shevyreva, ordinarnogo akademika i professora. – M.: Tipografiya Bahmeteva, 1860. – Chast' chetvertaya, sodержashchaya XV-e stoletie i nachalo XVI-go. – 198 s.
25. *Yusim M.A.* Makiavelli. Moral', politika, fortuna: Etika Makiavelli v Rossii. – M.: Kanon+, 2011. 669 s.
26. Ostroz'ka Bibliya / opracyuvav ta prigotoviv do druku erm. arhimandrit dr. Rafaïl (Roman Turkonyak). – Kiïv; L'viv: Ukraïn'ske Biblijne tovaristvo; Blagodijnij fond «Kniga», 2006. – 1957 s.

ՀԵՂԻՆԱԿԻ ԴԻՐՔՈՐՈՇՄԱՆ ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՐՋ «ԴՐԱԿՈՒԼԱՅԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆԸ» ԳՐՔՈՒՄ. ԻՆՉ Է ՆՇԱՆԱԿՈՒՄ ՉԱՐ ԻՄԱՍՏՈՒՆԸ

Ա. Մ. ՌԱՆՉԻՆ

**Լոմոնոսովի անվան Մոսկվայի պետական համալսարան
/ ռուսական գիտությունների ակադեմիայի հասարակական
գիտությունների գիտական տեղեկատվության ինստիտուտ**

Հոդվածում քննարկվում է հեղինակի դիրքորոշումը հին ռուսական գրականության ամենաօրիգինալ և խորհրդավոր հուշարձաններից մեկում՝ «Դրակուլայի պատմությունը» (15-րդ դարի վերջ), որը նվիրված է հայտնի վալախյան կառավարչին: Հեղինակի վերաբերմունքը հերոսի նկատմամբ գիտնականների կողմից մեկնաբանվել է տարբեր ձևերով՝ որպես անվիճելի դատապարտում, որպես երկիմաստ գնահատական, որպես ներողություն: Ուշադրության կենտրոնում է վալախյան կառավարչի չարամիտ սահմանումը: Ապացուցված է, որ այս լեքսեման՝ հունարենից վերցված հետք է, որը ավանդաբար բնութագրում է հերետիկոսներին, ցույց է տալիս մտքի այլասերվածությունը, Դրակուլայի արարքների դիվային բնույթը: Նրա գործողությունները հիմնված են հպարտության, դաժանությամբ հարբածության և ամեն ինչ ու բոլորին իր իշխանությանը ենթարկելու ցանկության վրա: Հեղինակի գնահատականը «Պատմության» հերոսի վերաբերյալ պետք է ճանաչվի որպես միանշանակ բացասական:

Բանալի բառեր՝ «Դրակուլայի պատմությունը», հեղինակի դիրքորոշումը, հերոսի կերպարը, Դրակուլայի «չար իմաստությունը» և հերետիկոսները:

ON THE QUESTION OF THE AUTHOR'S POSITION IN “THE TALE OF DRACULA”: WHAT DOES *EVIL-WISE* MEAN?

A. M. RANCHIN

Lomonosov moscow state university

/institute of scientific information for social sciences of the russian
academy of sciences

The article examines the author's position in one of the most original and mysterious monuments of Old Russian literature – “The Tale of Dracula” (late 15th century), dedicated to the famous Wallachian ruler. The author's attitude to the hero has been interpreted by scholars in different ways: as an indisputable condemnation, as an ambiguous assessment, as an apology. The focus is on the definition of the Wallachian ruler as evil-minded. It is proven that this lexeme - a tracing from Greek, traditionally characterizing heretics – indicates the perversion of the mind, the devilish nature of Dracula's deeds. His actions are based on pride, intoxication with cruelty and the desire to subjugate everything and everyone to his power. The author's assessment of the hero of the “Tale” should be recognized as unequivocally negative.

Key words: *“The Tale of Dracula”, the author's position, the image of the hero, Dracula's “evil wisdom” and heretics.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 19 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

**ДИАЛОГ А. П. ЧЕХОВА С А. С. ПУШКИНЫМ:
ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**

*Посвящается светлой памяти
профессора Михаила Давидовича Амирханяна*

О. В. СПАЧИЛЬ
spachil.olga0@gmail.com

В. В. КАТЕРМИНА
katermina_v@mail.ru

**Кубанский государственный университет,
Краснодар, РФ**

Статья исследует интертекстуальный диалог А.П. Чехова с А.С. Пушкиным, акцентируя роль пушкинских цитат, реминисценций и мотивов в чеховских произведениях. На материале рассказов «Чёрный монах», «Дуэль» и «Огни» раскрывается, как А.П. Чехов трансформирует пушкинские образы, углубляя психологизм и философскую проблематику. Особое внимание уделяется функциям интертекста: от иронии до смыслопорождения. Доказывается, что пушкинские аллюзии расширяют семантику чеховских текстов, связывая их с традициями русской классики. Работа вносит вклад в изучение преемственности в литературе XIX века.

Ключевые слова: *интертекстуальность, А.С. Пушкин, А.П. Чехов, рассказ «Черный монах», повесть «Дуэль», повесть «Огни».*

ВВЕДЕНИЕ

В научном исследовании художественного «диалога» А.П. Чехова с А.С. Пушкиным уже сформировались определённые методы анализа взаимодействия двух знаковых фигур золотой цепи русской литературы – от изучения прямых отсылок до сравнительного анализа их поэтики, но ряд вопросов остаётся малоисследованным. В частности, недостаточно внимания уделяется тому, как именно чеховские произведения воспринимают и трансформируют пушкинские мотивы, а также какую роль играет пушкинская образность в отдельных текстах А.П. Чехова. Углублённое изучение этих аспектов представляется необходимым и актуальным.

В данной работе диалог двух писателей будет рассматриваться нами на уровне цитат – пушкинские цитаты в чеховских произведениях являются одним из средств выражения интертекстуальных связей, выполняя «важнейшую конструктивную роль: за ними открывается глубокое освоение А.П. Чеховым сюжетно-тематической структуры, идеи и – шире – художественной философии А.С. Пушкина. Цитирование стихотворных строк из произведений А.С. Пушкина может создавать параллель к основному сюжету, иногда использование фрагментов из пушкинской поэзии служит для формирования эмоционального фона, а также представляет ироническую игру с пушкинскими цитатами» [18: С. 7].

Изучение художественного текста в последнее время все чаще проводится в рамках теории интертекстуальности. Этой проблемой занимаются все разделы филологии, как лингвистического, так и литературоведческого циклов. Такая широта и многоаспектность данного понятия объясняются, прежде всего, тем, что «интертекстуальность является одной из важнейших стратегий текстопостроения в современной литературе. Кроме того, интертекстуальность – чрезвычайно многогранное явление, исследование которого невозможно в рамках отдельной науки. В первую очередь, интертекстуальность является объектом исследования литературоведения и лингвистики» [3].

Интертекстуальность сегодня — одна из важнейших категорий гуманитарных наук. Как отмечает М.В. Терских [24: С. 70], это «одна

из самых актуальных и востребованных областей гуманитарного знания», особенно в условиях современного информационного пространства, которое напоминает мозаику или центон, состоящий из цитат. Интертекстуальность отражает принципы современного мышления, где текст воспринимается как динамичная система с множественностью смыслов.

К исследованию интертекстуальности **как универсальной категории художественного текста** обращались как зарубежные (Ж. Деррида, М. Риффатер, Ж. Женетт, Х. Блум, Н. Пьегре Гро и др.), так и отечественные исследователи (Ю.С. Степанов, И.П. Смирнов, И.П. Ильин, Г.К. Косиков, А.К. Жолковский, Р.Д. Тименчик, С.Т. Золян, Б.С. Ямпольский, И.В. Арнольд, Н.А. Фатеева, Н.А. Кузьмина, Г.В. Денисов и др.).

По словам И.В. Арнольд, интертекстуальностью – это «включение в текст целых других текстов с иным субъектом речи либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [2: С. 351]. Н.А. Фатеева считает, что «благодаря интертексту данный текст вводится в более широкий культурно-литературный контекст. Межтекстовые связи создают вертикальный контекст произведения, в связи с чем он приобретает неоднородность смысла» [24: С. 37]. Интертекстуальными включениями в текст авторского произведения становятся «цитаты разного рода (атрибутированные и неатрибутированные, точные и неточные); обращение к тексту-предшественнику может быть как графически выделенным, закавыченным, так и неявным, функционирующим в виде реминисценции» [7: С. 74]. Следует учитывать и прагматический аспект интертекстуальности. Как подчёркивает Н.А. Фатеева [24: С. 39], «функции интертекста в каждом тексте определяются исключительно через “я” его автора, поскольку введение интертекстуального отношения – это прежде всего попытка метатекстового переосмысления претекста с целью извлечения нового смысла из “своего” текста». Таким образом, интертекст выступает не просто как заимствование, а как сознательная стратегия автора, направленная на смыслопорождение через диалог с предшественными текстами.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЧЕХОВСКОЙ ПУШКИНИАНЫ

А.С. Пушкин по праву отмечен как наиболее цитируемый А. П. Чеховым писатель [8; 13; 15; 20]. Наиболее всеобъемлющая общая черта, характерная для творчества и А.С. Пушкина, и А.П. Чехова – это искусство стилизации, т. е. их умение воспроизводить в различных формах стиль чужого слова: «Одним из провозвестников для писателей XX века в искусстве стилизации был Чехов. Пушкин и Чехов – два берега “литературной реки” XIX века. Глубинно они сходны своей стилевой методологией, видением действительности в двойном ракурсе: не только непосредственно, но и опосредованно, через “литературно-стилистические призмы”, с помощью которых создаются их неповторимые художественные миры» [14: С. 8].

«Чёрный монах» (1894). Высокой является узнаваемость реминисценций, представленных собственными именами, в том числе именами известных литературных персонажей. Присутствие А.С. Пушкина в рассказе «Чёрный монах» подчеркивает имя дочери владельца сада Тани. Это имя в других терминах можно назвать интекст-цитатным [3: С. 12], благодаря имени осуществляется взаимодействие с пушкинским романом в стихах. «Татьяна» – это не просто имя, а семиотически нагруженный символ, аккумулирующий целый пласт культурных смыслов и функционирует как культурный код, узнаваемый в русской литературе.

В самом начале первой главы, когда утомленный, с расстроенными нервами магистр Андрей Васильич Коврин еще только предчувствует возможность романа с Таней Песоцкой, и эта мысль его умиляет и смешит, «он нагнулся к милому, озабоченному лицу и запел тихо: “Онегин, я скрывать не стану, / Безумно я люблю Татьяну...”» [С VIII, 230].

Эта строка из арии Гремина в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин» подчеркивает прецедентность имени дочери владельца сада Тани. Это имя теперь связывается в тексте с именем пушкинской героини. Образ Татьяны Лариной соотносится с образом Тани Песоцкой не только благодаря русскому имени римского происхождения,

но и благодаря некой опосредованной связи с черным монахом. Строки, описывающие суеверные страхи Татьяны Лариной, содержат несколько примет, пугавших героиню. «Когда случалось где-нибудь / Ей встретить черного монаха / Иль быстрый заяц меж полей / Перебегал дорогу ей, / Не зная, что начать со страха, / Предчувствий горестных полна, / Ждала несчастья уж она» [Пушкин 1964, 101–102].

Известно суеверное отношение и самого А.С. Пушкина к людям в священническом облачении, переходящим дорогу. Это предубеждение-примета также зафиксирована в пословицах русского народа, собранных В. И. Далем: «Встретил попа – не хорош выход. Поп, монах дорогу перешел» [6: С. 309].

Объяснить предубеждение людей против словосочетания «черный монах» и страхи, связанные с появлением такой фигуры, возможно, рассмотрев своеобразие данной семантической ситуации. Нстойчивое присутствие прилагательного «черный» в словосочетании «черный монах» призвано подчеркнуть в коннотативном значении слова семы «страшный», «угрожающий», «зловещий», «скрывающий ужасную тайну» и т. п. Таким образом, наличие определенных предубеждений в народной среде против черных монахов выглядит вполне оправданным. В русской народной традиции, как и в традициях многих европейских и азиатских народов, черный цвет ассоциируется с «темными силами, смертью и загробным миром» [30: С. 47; 11]. И хотя это представление о черном цвете менялось на протяжении обозримой истории человечества [19], тем не менее негативные коннотации остаются доминантными вплоть до середины XX в.

В русской литературе, в особенности в произведениях А.С. Пушкина, которыми зачитывался писатель [4], мы находим образы монахов-соблазнитель, что не могло пройти мимо внимания Антона Павловича. Готовя трагедию «Борис Годунов» к печати, А.С. Пушкин исключил две сцены («Ограда монастырская» и «Уборная Марины»), Сцена «Ограда монастырская» давала образ какого-то «злого чернеца», по совету которого Григорий и принимает на себя имя убитого царевича. «Упоминание о “злом чернеце” Пушкин нашел у Карамзина <...> Из этого сообщения, по-видимому, и возник

замысел. Резко отличная от всех других по стиховому размеру, эта сцена в корне противоречила и всей социально-исторической концепции пушкинской трагедии» [5: 157–160]. Несомненной точкой схождения между двумя писателями является перекличка «между черным человеком пушкинского Моцарта и черным монахом чеховского героя» [Катаев 1998: 5]. «Человек, одетый в черном», неотступно преследует Моцарта («Моцарт и Сальери»): «Мне день и ночь покоя не дает / Мой черный человек. За мною всюду / Как тень он гонится. Вот и теперь / Мне кажется, он с нами сам-третей / Сидит» [Пушкин 1964: 365]. Сходным образом по мере развития сюжета рассказа, черный монах издали постепенно вплотную приближается к Коврину и оказывается посреди комнаты, в которой умирает магистр.

Вернемся к пушкинским цитатам в рассказе «Черный монах». Следующая цитата взята из поэмы А.С. Пушкина «Полтава» (1828). Озабоченный судьбой своего детища, своего прекрасного сада, Егор Семеныч Песоцкий с горьким чувством делится с магистром Ковриным своими переживаниями: «У Песоцкого, говорят, яблоки с голову, и Песоцкий, говорят, садом себе состояние нажил. Одним словом, богат и славен Кочубей» (С VIII, 236). Последующая судьба Егора Семеныча является столь же трагичной, как и судьба пушкинского персонажа, который прошел путь от состоятельного и знатного землевладельца к мученической кончине. Сравнение отца Тани с Кочубеем в контексте всего рассказа воспринимается как предвосхищение трагичной судьбы Егора Семеныча Песоцкого: дочь и ее избранник знали друг друга с детства, а после брака муж дочери, пусть и невольно, становится причиной смерти отца / тестя и гибели сада. Напомним, что герой пушкинской поэмы своим прототипом имел реальное историческое лицо – Василия Леонтьевича Кочубея (ок. 1640–1708), украинского государственного и военного деятеля. Судьба В.Л. Кочубея положена в основу одноименного образа Кочубея в «Полтаве», его жизнь заканчивается пытками, после которых он был обезглавлен зятем по приказу Петра I. Беда в семью Кочубея, как и в дом Песоцкого, пришла через дочь Матрену (Марию у Пушкина) [12: С. 465–466].

Сходным образом интерпретирует цитату из «Полтавы» Е.А. Яблоков, обращая внимание на «актуальный как в пушкинской поэме, так и в чеховском рассказе мотив “похищения” дочери, сопряженный с темой предательства» [31: С. 14]. Сожительство Мазепы и Марии представлено в «Полтаве» как кровосмесительное: крестный отец не может по православным канонам вступить в брак с крестницей. Аналогичным образом «отношения между Ковриным и Таней, заложенные с детства, закономерно носят братско-сестринский характер – поэтому брак между ними в самом деле не лишен “инцестуозного” элемента [31: С. 14].

Пушкинские мотивы рассказа «Черный монах» выходят за пределы рассмотренных цитат. К мотивам следует отнести мотив сумасшествия, присутствующий в «Пиковой даме», явление Германну призрака покойной графини, которое является результатом его психического состояния. Аналогично Черному монаху («Я существую в твоём воображении» (С VIII, 241))¹ призрак графини – продукт воображения Германа, его расстроенных нервов, отражение его внутренних конфликтов и страхов. Сходен и трагичный финал обоих героев, доверившихся своим галлюцинациям.

«Дуэль» (1891). Особым случаем интертекста становится заглавие, являющееся цитатой или реминисценцией. Если «заглавие содержит в себе программу литературного произведения и ключ к его пониманию» [24: С. 138], то заглавие-цитата задействует и смыслы прецедентного текста, заставляя читателя искать параллели и точки совпадения двух произведений и их авторов.

Название повести «Дуэль» само по себе отсылает к «Выстрелу» А.С. Пушкина. Тема дуэли, вопросы чести, мотивы ревности и соперничества перекликаются с пушкинской повестью. Сильвио помешали осуществить задуманное. Вбежавшая жена графа сыграла ту же «партию», что и Савельич. Л. Карасев отмечает, что приход графини «скорее не помешал, а помог Сильвио поступить именно

¹ Произведения А.П. Чехова цитируются по Полному собранию сочинений и писем в 30 т. М., 1974–1983. В тексте статьи в круглых скобках указаны С – сочинения, П – письма, римской цифрой – том, арабской – страница.

так, как он поступил. Это была та минута, когда Сильвио получил шанс по-новому оценить ситуацию» жажда мести перегорела, изжила себя» [9: С. 267]. Выстрел фон Корена исполнен зеркально по отношению к выстрелу Сильвио: вроде бы не собираясь стрелять в Лаевского (перед дуэлью он говорит Самойленку уклончиво: «а я, должно быть, и совсем стрелять не буду»), он, как и Сильвио, как будто передумывает в последний момент, но передумывает в противоположную сторону, то есть в сторону убийства.

А.Г. Головачева отмечает «Дуэль» как одну из наиболее литературных чеховских повестей, наполненную «книжными аллюзиями разного рода, и явными цитатами, и скрытыми реминисценциями» [4: С. 36]. К XVII главе повести взят эпиграф из пушкинского «Воспоминания»: «Строки пушкинской элегии – очевидный авторский комментарий к тому нравственному перелому, который происходит с Лаевским» [4: С. 37]. В прошлом студент филологического факультета, Иван Андреич Лаевский мнит себя духовным преемником пушкинского персонажа и частенько принимается нести «длинную галиматью об Онегине» (С VII, 370).

Еще один персонаж повести зоолог фон Корен внешне очень напоминает самого А.С. Пушкина: он становится перед зеркалом и рассматривает «свое смуглое лицо, большой лоб и черные, курчавые, как у негра волосы, и свою рубаху из тусклого ситца с крупными цветами» (С VII, 367). Усиливает сходство фон Корена с поэтом еще и его интерес к пистолету в дорогой оправе, из которого он целится в портрет князя Воронцова. Тщательное исследование А.Г. Головачевой аргументированно доказывает, что пласт пушкинских аллюзий и намеков порождает новые связи и новые смыслы. Использование интертекстуальных элементов позволяло писателю осуществлять интеграцию актуального нравственно-культурного опыта современности в диахроническую перспективу исторического развития и универсальные экзистенциальные категории.

«Огни» (1888). «Имя Пушкина, строки и образы из его произведений появляется в первых же произведениях Чехова. Персонажи его ранних рассказов упоминают Пушкина, цитируют его, ссылаются на великого поэта, клянутся им, божатся его именем» [15: С. 58]. С

годами эта ситуация в поэтике А.П. Чехова не меняется. В качестве яркого примера подобного цитирования можно назвать повесть А.П. Чехова «Огни». Цитата из поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник» (1833), нацарапанная каким-то местным мечтателем Кроссом (С VII, 113), вводит тему маленького человека, его хрупкости перед лицом стихии и грандиозных замыслов деспота. Далее читаем у Чехова: «Кросс, вероятно, очень маленький и незначительный человечек, так сильно почувствовал свое ничтожество, что дал волю перочинному ножу и изобразил свое имя глубокими, вершковыми буквами» (С VII, 114). К этому же смысловому полю «маленького человека» тяготеет и образ инженера Ананьева. Оставшись один на один с грандиозным морским ландшафтом, «поддавшись атмосфере “укромного уголка”, он расписывается на одной из колонн беседки и тем самым “машинально” причисляет себя к категории “маленьких, незначительных” людей» [17: С. 34].

Величественная строка «На берегу пустынных волн стоял он дум великих полн», открывающая вступление к поэме, звучит одновременно как тема освоения природы, подчинения хаоса человеку: рождение Петербурга, рождение железной дороги. Но стихия не подчиняется человеческой воле: губительным наводнением, или подавляющим человека простором, демонстрирует свое могущество.

Ананьев в своем рассказе о неблагоприятном поступке с Кисочкой использует еще одну пушкинскую цитату: «Дела давно минувших дней, преданья старины глубокой» (С VII, 117). Во второй песне поэмы «Руслан и Людмила» (1820) эти строки предваряют рассказ о злом карлике Черноморе, его коварстве и борьбе с богатырями. Эти строки задают тон былинного повествования, но несмотря на возвышенный тон, поэма полна иронии, и этот эпический зачин может восприниматься как игровая стилизация. В повести «Огни» студент фон Штенберг, перед которым и исповедуется, и одновременно проповедует Ананьев, не воспринимает его всерьез и слушает его «с тем снисходительным равнодушием, с каким кадеты старших классов слушают расходившегося добряка-батюку» (С VII, 117). Патетика пушкинских цитат, вкладываемых в уста «маленького человека», который предпринимает попытки осмыслить и оценить

глобальные, непостижимые для него явления действительности, а также поучать окружающих, служит художественным средством для подчеркивания тщетности и комической несостоятельности подобных претензий. Авторская интенция в отношении персонажей достигает максимальной смысловой концентрации в рефренной фразе повествователя-доктора: «Ничего не разберешь на этом свете!» (С VII, 140), – чья двукратная репликация трансформирует высказывание в иронический лейтмотив, подчеркивающий онтологическую неразрешимость антиномии между микрокосмом персонажей и макрокосмом миропорядка. Художественная антропология текста утверждает принцип субъективной познаваемости бытия: подлинное постижение реальности возможно исключительно через призму личного опыта, обретаемого ценой глубоких страданий и душевных мук, что отражает экзистенциальный характер человеческого познания.

В творчестве А.С. Пушкина и А.П. Чехова судьбы персонажей демонстрируют противоположные векторы развития: если Евгений, чьи идиллические иллюзии подвергаются беспощадному разрушению, погружается в хаос безумия, то Ананьев, пережив глубокое потрясение, отказывается от трагического мировоззрения и обретает новую, этически ориентированную систему ценностей. Однако в обоих случаях сознание героев обнаруживает свою ограниченность, поскольку оказывается неспособным интегрировать многогранные аспекты человеческого существования. «Позиция авторов, Пушкина и Чехова, предполагает сопряженность вопросов онтологии и этики, – тот высший синтез, который недоступен их героям» [17: С. 37].

ВЫВОДЫ И ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Инкорпорация пушкинских мотивов придаёт чеховскому повествованию, внешне лаконичному и лишённому стилистических украшений, свойства полифоничности и семантической многозначности. Актуализируя широкий спектр проблем – от психологии человека до экзистенциальных категорий жизни, болезни и смерти, эти интертекстуальные связи углубляют художественную динамику текстов. Многочисленные параллели между произведениями А.П. Чехова и

творчеством А.С. Пушкина, выявляют устойчивую преемственность образов и тем. Это даёт основания рассматривать эволюцию русской литературы как целостный процесс, что подтверждается известной оценкой Л.Н. Толстого: «Чехов – это Пушкин в прозе» [16: С. 579].

Творчество А.П. Чехова занимает особое место в литературном процессе, что во многом обусловлено его интертекстуальными связями с произведениями его современников и предшественников. За последние тридцать лет в научный оборот введены сборники статей и монографии, посвящённые его диалогу с французской литературой [30], а также творчеством А.С. Пушкина [29], Ф.М. Достоевского [10; 27], И.С. Тургенева [1], У. Шекспира [28]. «Однако, – как отмечает И.Н. Сухих, – представление о тотальной изученности Чехова – иллюзия» [22: С. 15].

ЛИТЕРАТУРА

1. А.П. Чехов и И.С. Тургенев: Сборник статей по материалам Международной научной конференции Шестые Скафтымовские чтения: к 200-летию со дня рождения И.С. Тургенева (Москва, 8–10 ноября 2018 года). М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2020. 424 с.
2. Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 448 с.
3. Гаврикова Ю.С. Интертекстуальность англоязычных антиутопий: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2012. 20 с.
4. Головачёва А.Г. Антон Чехов, писатель и читатель. М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2023. 344 с.
5. Городецкий Б.П. Драматургия Пушкина. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1953. 356 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3. М.: «Терра» – «Тerra», 1995. 556 с.
7. Жданова А.В. Особенности проявления интертекстуальности в публицистическом тексте // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. Том 157, кн. 4, 2015. С. 72–85.

8. *Иванова Н.Ф.* К поэтике чеховской прозы (Три романа на стихи А.С. Пушкина) // *Чеховиана: Чехов и Пушкин.* Москва: Наука, 1998. С. 106–112.
9. *Карасев Л. В.* Достоевский и Чехов: неочевидные смысловые структуры. Москва: Издательский Дом ЯСК, 2016. 336 с
10. *Кибальник С.А.* Чехов и русская классика: проблемы интертекста. СПб.: ИД «Петрополис», 2015. 314 с.
11. *Кондратенко А.А.* Черный и белый цвета в славянских дохристианских верованиях о божестве смерти (к постановке вопроса) // *Наука и образование сегодня.* 2019. №8 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chernyy-i-belyy-tsveta-v-slavvyanskih-dohristianskih-verovaniyah-o-bozhestve-smerti-k-postanovke-voprosa> (дата обращения: 16.01.2025).
12. Кочубей // *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: В 86 т.* Т. 16. СПб: Тип. Акционерн. о-ва Брокгауз – Ефрон, 1895. С. 445–446.
13. *Кошелев В.А.* Онегинский «миф» в прозе Чехова // *Чеховиана: Чехов и Пушкин.* М.: Наука, 1998. С. 147–154.
14. *Кубасов А.В.* Проза А.П. Чехова: искусство стилизации. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1998. 399 с.
15. *Кузичева А.П.* Пушкинские цитаты в произведениях Чехова // *Чеховиана: Чехов и Пушкин.* М.: Наука, 1998. С. 54–66.
16. *Лазаревский Б.А.* А. П. Чехов // *А. П. Чехов в воспоминаниях современников.* М.: Худож. лит., 1986. С. 567–582.
17. *Литовченко М.В.* Интертекстуальные аспекты повести А.П. Чехова «Огни» и «Медный всадник» А.С. Пушкина // *Сибирский филологический журнал.* 2007. № 2. С. 34–37.
18. *Литовченко М.В.* Пушкинская традиция в прозе А.П. Чехова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2007. 23 с.
19. *Пастуро М.* Черный. История цвета // *Пер. с фр. Н. Кулик.* М.: Новое литературное обозрение, 2017, 186 с.
20. *Петровская Н.И.* Эстетические функции пушкинской цитаты в повести А. П. Чехова «Огни» // *Чеховские чтения в Таганроге: 50 лет: антология: в 2 ч.* Ч. 1. Таганрог: Изд-во Таганрог. Гос. пед. ин-та имени А.П. Чехова, 2013. С. 423–425.

21. *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: в 10 т. М.: Изд-во АН СССР, 1962–1965.
22. *Сухих И.Н.* Проблемы поэтики А. Чехова. Л.: Ленинградский университет, 1987. 185 с. URL: <http://chehov-lit.ru/chehov/kritika/suhih-problemy-poetiki-chehova/vvedenie.htm> (дата обращения: 09.05.2025)
23. *Терских М.В.* Инструменты интертекстуальности в дискурсе социальной рекламы // Научный диалог. 2017. № 9. С. 69–80. DOI: 10.24224/2227-1295 2017-9-69-80.
24. *Фатеева Н.А.* Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 280 с.
25. *Чехов А.П.* Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974-1983.
26. Чехов и Достоевский. По материалам Четвертых международных Скафтымовских чтений (Саратов, 3-5 октября 2016 года): сборник научных работ. Москва: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2017. 544 с.
27. Чехов и Шекспир. По материалам XXXVI-й международной научно-практической конференции «Чеховские чтения в Ялте» (Ялта, 20-24 апреля 2015 г.). М.: ГЦТМ им. А.А. Бахрушина, 2016. 416 с.
28. Чеховиана: Чехов и Пушкин. Москва: Наука, 1998. 332 с.
29. Чеховиана: Чехов и Франция. Москва: Наука, 1992. 280 с.
30. *Чжэн Вэньсюань.* Роль черного цвета в русской, французской и китайской мифологии и фольклоре: исторический аспект // Genesis: исторические исследования. 2024. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-chernogo-tsveta-v-russkoy-frantsuzskoy-i-kitayskoy-mifologii-i-folklore-istoricheskiy-aspekt> (дата обращения: 16.01.2025).
31. *Яблоков Е.А.* «...Засел у меня в голове этот рассказ» («Черный монах» в творчестве М. А. Булгакова) // А.П. Чехов и мировая культура: к 150-летию со дня рождения писателя. Ростов н/Д: НМЦ «Логос», 2009. С. 5–2.

REFERENCES

1. A.P. Chekhov i I.S. Turgenev: Sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii Shestyie Skaftymovskiye chteniya: k 200-letiyu so dnya rozhdeniya I.S. Turgeneva (Moskva, 8–10 noyabrya 2018 goda). M.: GTSTM im. A.A. Bakhrushina, 2020. 424 s.
2. *Arnol'd I.V.* Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'. M.: LIBROKOM, 2010. 448 s.
3. *Gavrikova Yu.S.* Intertekstual'nost' angloyazychnykh antiutopiy: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Voronezh, 2012. 20 s.
4. *Golovachova A.G.* Anton Chekhov, pisatel' i chitatel'. M.: GTSTM im. A.A. Bakhrushina, 2023. 344 s.
5. *Gorodetskiy B.P.* Dramaturgiya Pushkina. M.; L.: Izd. AN SSSR, 1953. 356 s.
6. *Dal' V.I.* Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t. T. 3. M.: «Terra» – «Terra», 1995. 556 s.
7. *Zhdanova A.V.* Osobennosti proyavleniya intertekstual'nosti v publitsisticheskom tekste // Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki. Tom 157, kn. 4, 2015. S. 72–85.
8. *Ivanova N.F.* K poetike chekhovskoy prozy (Tri romansa na stikhi A.S. Pushkina) // Chekhoviana: Chekhov i Pushkin. Moskva: Nauka, 1998. S. 106–112.
9. *Karasev L.V.* Dostoyevskiy i Chekhov: neochevidnyye smyslovyye struktury. Moskva: Izdatel'skiy Dom YASK, 2016. 336 s.
10. *Kibal'nik S.A.* Chekhov i russkaya klassika: problemy interteksta. SPb.: ID «Petropolis», 2015. 314 s.
11. *Kondratenko A.A.* Chernyy i belyy tsveta v slavyanskikh dokhristianskikh verovaniyakh o bozhestve smerti (k postanovke voprosa) // Nauka i obrazovaniye segodnya. 2019. №8 (43). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chernyy-i-belyy-tsveta-v-slavyanskikh-dokhristianskikh-verovaniyakh-o-bozhestve-smerti-k-postanovke-voprosa> (data obrashcheniya: 16.01.2025).
12. Kochubey // Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Yefrona: V 86 t. T. 16. SPb: Tip. Aktsionern. o-va Brokgauz – Yefron, 1895. S. 445–446.

13. *Koshelev V.A.* Oneginskiy «mif» v proze Chekhova // *Chekhoviana: Chekhov i Pushkin*. M.: Nauka, 1998. S. 147–154.
14. *Kubasov A.V.* Proza A.P. Chekhova: iskusstvo stilizatsii. Yekaterinburg: Ural. gos. ped. un-t, 1998. 399 s.
15. *Kuzicheva A.P.* Pushkinskiye tsitaty v proizvedeniyakh Chekhova // *Chekhoviana: Chekhov i Pushkin*. M.: Nauka, 1998. S. 54–66.
16. *Lazarevskiy B.A.* A. P. Chekhov // A. P. Chekhov v vospominaniyakh sovremennikov. M.: Khudozh. lit., 1986. S. 567–582.
17. *Litovchenko M.V.* Intertekstual'nyye aspekty povesti A.P. Chekhova «Ogni» i «Mednyy vsadnik» A.S. Pushkina // *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal*. 2007. № 2. S. 34–37.
18. *Litovchenko M.V.* Pushkinskaya traditsiya v proze A.P. Chekhova: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kemerovo, 2007. 23 s.
19. *Pasturo M.* Chernyy. Istoriya tsveta // *Per. s fr. N. Kulik*. M.: Novoye literaturnoye obozreniye, 2017, 186 s.
20. *Petrovskaya N.I.* Esteticheskiye funktsii pushkinskoy tsitaty v povesti A. P. Chekhova «Ogni» // *Chekhovskiye chteniya v Taganroge: 50 let: antologiya: v 2 ch. CH. 1. Taganrog: Izd-vo Taganrog. Gos. ped. in-ta imeni A.P. Chekhova*, 2013. S. 423–425.
21. *Pushkin A.S.* Polnoye sobraniye sochineniy: v 10 t. M.: Izd-vo AN SSSR, 1962–1965.
22. *Sukhikh I.N.* Problemy poetiki A. Chekhova. L.: Leningradskiy universitet, 1987. 185 c. URL: <http://chehov-lit.ru/chehov/kritika/suhik-problemy-poetiki-chehova/vvedenie.htm> (data obrashcheniya: 09.05.2025)
23. *Terskikh M.V.* Instrumenty intertekstual'nosti v diskurse sotsial'noy reklamy // *Nauchnyy dialog*. 2017. № 9. S. 69–80. DOI: 10.24224/2227-1295 2017-9-69-80.
24. *Fateyeva N.A.* Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti. M.: LIBROKOM, 2012. 280 s.
25. *Chekhov A.P.* Polnoye sobraniye sochineniy i pisem: V 30 t. M.: Nauka, 1974-1983.
26. Chekhov i Dostoyevskiy. Po materialam Chetvertykh mezhdunarodnykh Skaftymovskikh chteniy (Saratov, 3-5 oktyabrya

- 2016 goda): sbornik nauchnykh rabot. Moskva: GTSTM im. A.A. Bakhrushina, 2017. 544 s.
27. Chekhov i Shekspir. Po materialam XXXVI-y mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Chekhovskiye chteniya v Yalte» (Yalta, 20-24 aprelya 2015 g.). M.: GTSTM im. A.A. Bakhrushina, 2016. 416 s.
28. Chekhoviana: Chekhov i Pushkin. Moskva: Nauka, 1998. 332 s.
29. Chekhoviana: Chekhov i Frantsiya. Moskva: Nauka, 1992. 280 s.
30. *Chzhen Ven'syuan'*. Rol' chernogo tsveta v russkoy, frantsuzskoy i kitayskoy mifologii i fol'klore: istoricheskiy aspekt // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. 2024. №5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-chernogo-tsveta-v-russkoy-frantsuzskoy-i-kitayskoy-mifologii-i-folklore-istoricheskiy-aspekt> (data obrashcheniya: 16.01.2025).
31. Yablokov Ye.A. «...Zasel u menya v golove etot rasskaz» («Chernyy monakh» v tvorchestve M. A. Bulgakova) // A.P. Chekhov i mirovaya kul'tura: k 150-letiyu so dnya rozhdeniya pisatelya. Rostov n/D: NMTS «Logos», 2009. S. 5–2.

ՉԵԽՈՎԻ ԵՎ ՊՈԼՇԿԻՆԻ ՄԻՋԵՎ ԵՐԿԽՈՍՈՒԹՅՈՒՆ. ՄԻՋՏԵՔՍՏԱՅԻՆ ԱՍՊԵԿՏ

**Օ. Վ. ՍՊԱԶԻԼ
Վ. Վ. ԿԱՏԵՐՄԻՆԱ**

Կուրանի պետական համալսարան, Ռուսաստան

Հոդվածում ուսումնասիրվում է Ա.Պ. Չեխովի և Ա.Ս. Պոլշկինի միջև միջտեքստային երկխոսությունը՝ ընդգծելով Պոլշկինի մեջբերումների, հիշողությունների և մոտիվների դերը Չեխովի ստեղծագործություններում: «Սև վանականը», «Մենամարտը» և «Լույսերը» պատմվածքների միջոցով ուսումնասիրությունը ցույց է տալիս, թե ինչպես է Չեխովը վերափոխում Պոլշկինի պատկերները՝ հոգեբանական խորությունն ու փիլիսոփայական բարդությունը բարձրացնելու համար: Հատուկ ուշադրություն է դարձվում

միջտեքստի գործառույթներին՝ իրոնիայից մինչև նոր իմաստների ստեղծում: Հոդվածում պնդվում է, որ Պուշկինի ակնարկները ընդլայնում են Չեխովի տեքստերի իմաստաբանությունը՝ դրանք կապելով ռուս դասականների ավանդույթների հետ: Աշխատանքը նպաստում է 19-րդ դարի գրականության մեջ շարունակականության ուսումնասիրությանը:

Բանալի բառեր՝ միջտեքստայինություն, Ա.Ս. Պուշկին, Ա.Պ. Չեխով, «Սև վանականը» պատմվածք, «Մենամարտ» վիպակ, «Լույսեր» պատմվածք:

DIALOGUE BETWEEN CHEKHOV AND PUSHKIN: INTERTEXTUAL ASPECT

O. V. SPACHIL,

V. V. KATERMINA

Kuban State University, Krasnodar, Russian Federation

The article examines the intertextual dialogue between A.P. Chekhov and A.S. Pushkin, emphasizing the role of Pushkin's quotes, reminiscences and motifs in Chekhov's works. Using the stories "The Black Monk", "The Duel" and "Lights", the study demonstrates how Chekhov transforms Pushkin's images to enhance psychological depth and philosophical complexity. Particular attention is paid to the functions of intertext: from irony to generation of new meanings. The paper argues that Pushkin's allusions expand the semantics of Chekhov's texts, anchoring them with the traditions of Russian classics. The work contributes to the study of continuity in 19th-century literature.

Key words: intertextuality, A.S. Pushkin, A.P. Chekhov, story "The Black Monk", novella "Duel", novella "Lights"

Информация о статье: статья поступила в редакцию 19 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

**«ЛЮБИТЬ АРМЕНИЮ ПО-РУССКИ...»
(Армения в творчестве Виктора Коноплева)**

Л. Р. ФАРАМАЗЯН

Ереванский государственный университет

flaralara@mail.ru

В статье рассматриваются поэтические и прозаические тексты русского писателя, журналиста и общественного деятеля Виктора Коноплева, посвященные Армении, а также его деятельность на ниве укрепления российско-армянских культурных связей.

***Ключевые слова:** стихотворения и проза Виктора Коноплева об Армении, его деятельность по укреплению российско-армянских культурных связей.*

***Светлой памяти профессора
Михаила Давидовича Амирханяна,
внесшего неоценимый вклад в деятельность общества
дружбы «Армения-Россия», написавшего и издавшего книги о
русско-армянских литературных связях.***

Замечательную традицию русских поэтов, влюбившихся в Армению и воспевших ее в своих стихотворениях, в XXI веке продолжил нижегородский писатель, журналист, общественный деятель, дипломант конкурса «Золотое перо Руси» 2006 года Виктор Коноплев. Его стихи были включены Михаилом Давидовичем Амирханяном в книгу «Армения в зеркале русской поэзии».

Читателей всегда волнует вопрос, как произошла первая встреча, будь то реальная или виртуальная, того или иного писателя с Арменией. В своей статье «Армения как состояние любви» (кстати, так называется и сборник стихов автора) Коноплев философски размышляет об этом: «Видимо, Господу было угодно послать ветры с вершин

Арарата за тысячи километров в маленький городок в тот момент, когда мои родители задумывали создать меня. И я сам охотно верю в это, ибо на себе ощутил притягательную силу и духовный подъем в миг, когда впервые увидел Арарат...» [2: 67].

Первый раз русский поэт посетил Армению и Арцах в 2008 году по приглашению арцахского журналиста, писателя и участника Первой арцахской войны Ашота Бегларяна, с которым Коноплев познакомился двумя годами раньше в рамках работы над интернет-проектом «Среда обитания». Знакомство это перешло в крепкую дружбу двух творческих личностей, а также в создание на сайте раздела о Нагорном Карабахе. От Ашота Коноплев получил первую информацию об Арцахе, заинтересовался и стал изучать историю и культуру этого древнего края. Русский поэт признался, что почувствовал энергетическую связь не только с Ашотом, но и с Арцахом. Творческим же воплощением всего этого стало проникновенное стихотворение «Прикосновение к Арцаху».

Коноплев посетил Армению и Арцах, а своими впечатлениями поделился в очерке «Шесть дней в раю». Сравнивая Армению с раем, Коноплев желает подчеркнуть библейскую древность страны. Недалеком в стихотворном тексте «Зов Армении» читаем:

И на рассвете старец Арарат

Благословляет древний мир потомков Ноя.

К образу Арарата, являющимся, бесспорно, одним из основных символов Армении, обращались в своих «армянских текстах» все русские собратья по перу Виктора Коноплева. Для Коноплева Арарат – пристанище Ноева ковчега и колыбель человечества, армяне же – потомки Ноя. Библейская священная гора так очаровала поэта, что он признается: «Лечу я зренье видом Арарата». Виктор Коноплев, возможно, подобно Осипу Мандельштаму, выработал в себе «шестое – «араратское» – чувство, чувство притяжения горой» [3: 58]. И когда он разлучен с волшебной и величественной горой, та приходит к нему в сновиденьях: «Опять во сне я видел Арарат», «Во сне я снова видел Арарат». Это стихотворение Коноплева вызвало у меня аллюзию на «Стихи, посвященные Левону Мкртчяну» Михаила

Дудина, где есть такие удивительные строки: «Сквозь сон во сне Левона / Я вижу Арарат» [1: 1].

Стихотворение «Небо Армении», давшее название последней книге Коноплева, начинается следующими строками:

Небо Армении – мой третий глаз
Цвета любви с горьким вкусом полыни.

Поэт желает подчеркнуть, что именно в Армении ему удалось прозреть, духовным взором постичь прошлое, настоящее и будущее:

Небо Армении – книга времен,
В ней я прочел об истоках и смыслах...

После первой поездки последовали следующие, так как Виктор Коноплев уже не мог быть долго в разлуке с Арменией и Арцахом: «Армении зов слышу в сердце я», «Внедренный ген армянского пространства / Спокойно жить мне не дает на свете». Поэт уверен, что для него «Армения - подарок бытия!» Продолжая в том же ключе, Коноплев, обращаясь к нашей стране, вопрошает: «Чем заслужил я этот дар / Быть очарованным тобою?...» Все тут любо ему, даже воздух Армении, который он наделяет эпитетами «ароматный, родной, благодатный», «сладкий, как нектар».

Изучая полюбившуюся страну, шедевры ее культуры, погружаясь в атмосферу ее исторического прошлого, знакомясь с современными армянами, поэт радуется, что ему открылась целая бездна нового, неведомого дотоле, но при этом замечает: «Контужен знаньем, как волной взрывною». Коноплев желает постичь все ипостаси, глубинные и экзистенциальные пласты жизни Армении и ее народа, разгадать феномен армянской души:

Братаюсь я с Чаренцем и Эмином,
Молюсь Спасителю в песках Дер Зора,
Объять хочу своим духовным взором
Загадочную душу армянина.

Русский поэт так сроднился с Арменией, так проникся ее духом, что эта страна стала частичкой его бытия, предметом размышлений и желаний:

Хочу вдыхать свободный ветер гор
И тосковать с дудуком Гаспаряна.

Поэт, взглядываясь своим «духовным взором» в армянские письмены, созданные Маштоцем, приходит к следующему заключению: «Изучая алфавит, я вижу в изгибах линий его неиссякаемый запас идей и креативности. Это подсознательное стремление творчески мыслить и жить порождает в армянской среде массу талантливых и самодостаточных людей» [2: 69]. Коноплев глубоко и всесторонне изучил проблему создания армянского алфавита и написал статью «Язык, избавленный от смерти» (заметки о происхождении армянского языка). Он всесторонне рассматривает все бытующие версии создания армянской письменности, приводит цитаты из трудов как армянских авторов (Корюна, Егише, Мовсеса Хоренаци, Николая Эмина), так и зарубежных (Страбона, Н.Я. Марра) и др.

Вслушиваясь в армянские слова, поэт очень полюбил «джан» («Есть магия в тенистом слове «джан»...»)

В 2011 году стихотворение Коноплева «Любить Армению по-русски» было включено в учебник русского языка старшей школы Армении. Это стихотворение, ставшее хрестоматийным, любимым и часто цитируемым в среде армян, как школьников, так и читателей постарше, состоит из шести строф, первые строки которых начинаются анафорой, совпадающей с названием произведения. Основные послылы стихотворного текста – всеобъемлющая любовь («Когда любовь есть, беды нипочем!»), желание оторваться, абстрагироваться от сиюминутного, наносного и подчас фальшивого («Законы суеты добром поправ, / Иметь кавказский дух и русский нрав.»), признание в том, что Армению любит равнозначно своей родине («И выбирать родителей из стран: / Россию-мать! Отца же – Айастан!»)

Последнее четверостишие, подчеркивающее, что русские и армяне – это братья во Христе, словно пронизано светом христианской веры и благословением:

Любить Армению по-русски – без причин,
Лететь душой в святой Эчмиадзин.
Неся в себе спасение Креста,
С благословением жить Господа Христа.

Русский поэт не раз в своих произведениях обращается к христианским основам жизни армян, месту религии в их жизни. Так,

лирический герой стихотворения «Скрипка Господа» видит лик ангела над Масисом «в небе лазурном» и слышит звуки скрипки («Вместе с радостью скорбная нота...»). И понимает, что в этой музыке отражена вера народа, которая уже много веков сохраняет его, народа, душу:

Сколько раз рвали струны у скрипки,
Но она под охраной Христа.
– Знай, мой друг, – молвил Ангел с улыбкой, –
Скрипка Господа – наш Айастан...

Стихотворение «Карс», датированное 2012 годом, Виктор Коноплев предваряет следующей исторической справкой: «В своем «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» А. С. Пушкин тепло отзывается об армянской семье, которая приютила его в Карсе, и упоминает лишь одно имя младшего члена семьи – Артемия». И уже сквозь призму слов «солнца русской поэзии», а также знания трагических страниц армянской истории Коноплев воспринимает этот некогда армянский город. Многое изменилось со времен посещения Карса Пушкиным, прошло ведь почти два века: «Другое время и другой народ...». Русскому поэту XXI века, воспринимающему близко к сердцу раны Армении, больно смотреть на то, что осталось от когда-то армянского города («Армянский Карс покрылся мерзлотой»):

Иду я к церкви, только там мечеть,
Иду домой, но дом уже не мой!
Здесь, в старой крепости, застыла смерть –
Надсмотрщик над украденной страной.

Далее лирический герой стихотворения, желает, подобно Пушкину, найти постой, но дверь ему открывает не Артемий, то есть не армянин...

Многие строки из стихов Виктора Коноплева об Армении и Арцахе воспринимаются читателями как афоризмы: «Любить Армению по-русски», «Армения – подарок бытия», «Арцах, как Амура стрела», «Не ставь в жизни точку, не видя Армении», «Масис и Сис не горы – обелиски» и др.

Виктор Коноплев внес и продолжает вносить большой вклад в дело укрепления российско-армянских связей, продвижения вопроса признания Геноцида армян и признания НКР. Так, пригласил в группу «Мы за признание Геноцида армян», модератором которой является он, более 15 тысяч участников из разных стран и разных национальностей. В 2011 году российским телевидением был снят фильм из цикла «На языке сердца» о дружбе Коноплева и армянской общины Нижнего Новгорода. А в результате совместной деятельности русского поэта и нижегородских армян был создан сайт «Нижегородские армяне», а также сайт «Армяне в мире», на котором Виктор Коноплев развернул просветительскую деятельность, знакомя читателей с достоверной информацией о России, Армении, Арцахе и Диаспоре. Естественно, что русский поэт и общественный деятель попал в так называемый «Черный список» МВД Азербайджана. Бурную деятельность развивал Виктор Коноплев и в Арцахе, где он побывал более 20 раз, в частности, участвовал в «Днях русского слова», «Днях Микаэла Таривердиева», организовывал конкурс школьных сочинений «Арцах, я люблю тебя!».

Сразу после Апрельской войны 2016 года Коноплев взял отпуск, поехал в свой излюбленный Арцах отснял серию репортажей, которые в итоге вылились в фильм «Арцах непокоренный». Позже из этой серии он создал фильмы про Дадиванк и Амарас. Коноплев является автором литературного русского перевода Государственного гимна НКР. Тема Арцаха в творчестве Виктора Коноплева заслуживает отдельной статьи, поэтому ограничимся стихами об Армении.

Его перу принадлежат и переводы из армянской поэзии, в частности, стихотворение Рафаэла Патканяна «Дай Господь нам в Новый год», стихотворение арцахского поэта Роберта Есяна, посвященное Левону Айрапетяну «Звезда надежды», и др.

Так повелось, что Армения всегда на любовь деятелей культуры других стран к себе отвечала взаимностью и благодарностью. Не стал исключением и Виктор Коноплев.

В 2012 году в энциклопедии «Хайазг» была размещена статья о нем в разделе «Друзья армянского народа». За свою деятельность Виктор Коноплев был награжден грамотой Министерства диаспоры

РА (2010), медалью «40 лет Арцахскому государственному университету» (2011), медалью Материнское напутствие» Союза родственников погибших азамартиков (2012), юбилейной медалью «10 лет Союзу армян России» (2014), медалью «25-летие Карабахского национально-освободительного движения» (2014), государственной наградой Республики Арцах – медалью «Благодарность» (2019).

ЛИТЕРАТУРА

1. Дудин М. Земля обетованная. Ереван: Издательство «Хорурдаин грох», 1989. – 408 с.
2. Коноплев В. Небо Армении . М.: Издательство «Книжный мир», 2024. – 82 с.
3. Мандельштам О. Стихотворения. Проза. Записные книжки. Ереван: Издательство «Хорурдаин грох», 1989. – 384 с.

REFERENCES

1. Dudin M. Zemlja obetovannaja. Yerevan: Izdatelstvo «Khorurdain grokh», 1989. – 408 s.
2. Konoplev V. Nebo Armenii. M.: Izdatelstvo «Knignyj mir», 2024. – 82 s.
3. Mandelshtam O. Stikhotvorenija. Proza. Zapisnye knigki. Yerevan: Izdatelstvo «Khorurdain grokh», 1989. – 384 s.

«ՄԻՐԵԼ ՀԱՅԱՍՏԱՆԸ ՌՈՒՄԱՎԱՐԻ»

(Հայաստանը Վիկտոր Կոնոպլովի տեղագործություններում)

Լ. Ռ. ՖԱՐԱՄԱԶՅԱՆ

Երևանի պետական համալսարան

Հոդվածում դիտարկվում են ռուս գրող, լրագրող և հասարակական գործիչ Վիկտոր Կոնոպլովի՝ Հայաստանին նվիրված չափածո և արձակ տեքստերը, ինչպես նաև ռուս-հայկական մշակութային կապերի ամրապնդման ասպարեզում նրա գործունեությունը:

Բանալի բառեր. Վիկտոր Կոնոպլովի՝ Հայաստանին նվիրված չափածոն և սրձակը, նրա գործունեությունը ռուս-հայկական մշակութային կապերի ամրապնդման գործում:

**LOVING ARMENIA IN RUSSIAN...
(Armenia in the works of Victor Konoplev)**

L. R. FARAMAZYAN
Yerevan State University

The article examines the poetic and prose texts of the Russian writer, journalist and public figure Victor Konoplev, dedicated to Armenia, as well as his activities in the field of strengthening Russian-Armenian cultural ties.

Key words: *poems and prose by Victor Konoplev about Armenia, his activities to strengthen Russian-Armenian cultural ties.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 26 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120) 2025 30.06.2025.

АРМЯНСКИЕ БУКВЫ

*Памяти Михаила Давидовича Амирханяна***Э. Ф. ШАФРАНСКАЯ****РУДН****ORCID ID: 0000-0002-4462-5710****shafranskayaef@mail.ru****Ш. Р. КЕШФИДИНОВ****МГПУ****ORCID ID: 0000-0003-3293-3393****keshfidinov-shevket@rambler.ru**

В предлагаемом материале авторы статьи сфокусированы на паттерне армянского текста – армянских буквах и их создателе Месропе Маштоце. На основе поэтических текстов О. Мандельштама, М. Матусовского, П. Вегина, М. Фридмана, прозаических – Ю. Карабчиевского, А. Битова, научных – С. Муравьева, Г. Кубатьяна воссоздана рецептивная практика букв армянского алфавита и мифологизированной личности Месропа Маштоца.

Ключевые слова: *Месроп Маштоц, буквы, армянский текст, армянский алфавит, русская литература.*

Великий поэт Средневековья Джафар Рудаки из романа А. Волося «Возвращение в Панджруд» рассуждает:

«Слова – одно.

Буквы – совсем другое.

Слово прозвучало – и исчезло.

Конечно, оно осталось в памяти... но память недолговечна. Рот закрылся – слова нет. Уже звучат новые слова, теснятся, сменяют друг друга, чтобы так же исчезнуть.

А если слово написано, его можно прочесть. Раз прочесть, два... десять... сколько нужно. Написанное слово долговечно.

В написанное слово можно вдуматься. Вот зачем нужны буквы: чтобы можно было вдуматься» [4, с. 546–547].

Великим памятником армянской культуры предстают буквы армянского алфавита. В метатексте культуры буквы наделены космогонической коннотацией, как, например, в романе «Кысь» Татьяны Толстой, где собирание нового мира, космоса из хаоса начинается с букв. В повести-притче «Глиняные буквы, плывущие яблоки» Сухбата Афлатуни, сюжетный мотив утраты букв, их поиска и возрождения выстроен как исторический палимпсест: утрата букв древнего алфавита приводит жизнь села к апокалиптическому рубежу. Персонажи повести не безграмотны, они умеют читать и писать, но они пользуются чужими буквами, чужим языком, не всегда понятным, не отвечающим органике их истории и культуры. «Алейг, Яхиль, Сардош, Марафлион, Вараам... <...> Юрудж, Шафхор, Барфаид, Осс, Кижжир, Юприхам, Форфур...» [1, с. 5] – эти найденные в сюжете Афлатуни буквы, конечно, вымышленные, но они реальны для сюжета, они символизируют не только забытый алфавит. Их обретение много важнее: с их помощью жители села вспоминают свою утраченную историю и культуру, и, возможно, найденные буквы повернут их жизнь к лучшему – надежда на это появляется в финале повести, когда появляется вода, спасающая их от смерти, и исчезает Председатель, их душитель и мучитель.

Буквы в картине мира армян – реального и художественного – играют именно такую роль, тождественную приведенным выше литературным примерам.

Характерный факт: центральный проспект армянской столицы в XX веке носил имя Ленина (в известной степени – советского «тотема») – с 1950-х и до 1990 года. А прежде, с 1920-х, – Сталина. Эти имена, безусловно, в космогонической картине советского мира были сакральными, однако с 1991 года из *культурных героев* они в

одночасье превратились в *трикстеров*. Сам проспект остался – изменилось его название: главной городской локации присвоено имя Месропа Маштоца, создателя армянского алфавита, армянских букв.

Вряд ли в какой другой столице мира главная улица посвящена создателю букв – а в Ереване именно так: армянские буквы – главный паттерн самоидентификации армянского народа.

«Тайна Месропа Маштоца» – так названа статья специалиста-античника Сергея Муравьева, опубликованная в «Литературной Армении» в 1985 году [10] (ее вариант перепечатан в «Армянском гуманитарном вестнике» в 2012 году [11]). Маштоц, живший на стыке IV–V веков, считался изобретателем графем, армянских букв. За столь долгий срок его имя не могло не обрести мифологические черты, обрасти интригующими деталями, что естественно. Но они нисколько не умаляют значения этой личности и его деяния. С. Муравьев путем сопоставления и реконструкции пришел к выводу, что Маштоц, в детстве обученный греческой грамоте [10, с. 84], не изобрел армянские графемы сызнова, а приспособил буквы греческого алфавита (через посредство «Данииловых писем») для армянского, а недостающие для армянских звуков буквы изобрел в той же системе.

С опорой на сведения из «Жития Маштоца» Корюна (сер. V в.), «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци (2-я пол. V в.) – учеников Маштоца, а также при помощи свидетельств историков Лазаря Парбеци (кон. V в.), Давида Харкаци (VII в.), Самуила Анеци (X в.), Степаноса Таронци Асолика (XI в.), Киракоса Гандзакеци (XIII в.), Вардана Великого (XIII в.) – С. Муравьев создает такой нарратив:

«Месроп Маштоц, получивший в юности греческое образование и служивший впоследствии секретарем при царском дворе, принимает монашество и уходит проповедовать христианство среди еще многочисленного языческого населения Армении. Его миссионерская деятельность наталкивается на труднопреодолимое препятствие: отсутствие книг Священного писания на армянском языке (приходилось переводить “с листа” греческие и сирийские книги). Так возникает идея перевести Библию на армянский язык. Но для этого требуется армянская письменность, хотя в обиходе такой не было, однако, возможно, ходили какие-то слухи о ее существовании.

Во всяком случае Месроп отправляется к католикосу Сааку Партеву с предложением организовать поиск армянских букв. Царь Врамшапук <...> сообщает Сааку и Месропу, что там (в Месопотамии) некий священник Абел обещал ему *“приспособить к армянскому языку письма, расположенные родственником его, (сирийским) епископом Даниилом”* (Мовсес). По настоянию Саака и Маштоца, царь отправляет некоего Вахрича Хадуни к Абелю, тот ведет его к Даниилу, Даниил знакомит их с письмами, причем кто-то из них располагает эти буквы *“по порядку греческого (алфавита)”* (Мовсес).

Получив *“Данииловы письма”* <...> Саак и Маштоц *“попросили еще у царя малых детей, дабы иметь возможность применить (на деле) письма. И когда многие из них усвоили, приказал (царь) повсюду обучать этими же (письменами). Тем самым блаженный (Маштоц) был удостоен прекрасного звания вардапета. Около двух лет он занимался преподаванием и вел (занятия) этими же письмами”* (Корюн). Имеются сведения, что Саак и Маштоц тут же *“стали переводить на армянский язык все Священное писание”* (Киракос). Однако через некоторое время они убеждаются, что *“эти письма недостаточны, чтобы выразить все syllables (т. е. звуки) армянского языка”*. <...> Месроп отправляется в Месопотамию прямо к Даниилу, а затем, *“не найдя у него ничего более прежнего”* (Мовсес), продолжает свои безуспешные поиски в Эдессе и Самосате. Там на отчаявшегося Месропа нисходит благодать, и некая *“десница”* являет ему буквы армянского алфавита» [11, с. 37–39].

(Так же, как Месроп, отправившийся на поиски букв, идет искать исчезнувшие буквы учитель из упомянутой выше повести Сухбата Афлатуни; см.: [1].)

Месроп Маштоц с его находкой-изобретением занял свою нишу в картине мира армян. Сакрализация и мифологизация имени и деяния Маштоца настолько мощные, что это не могло быть незамеченным путешествующими русскими поэтами. О.Э. Мандельштам одним из первых обращает внимание на форму армянских букв, провоцирующих на сравнения: *«Где буквы – кузнечные клещи / И каждое слово – скоба...»* [8, с. 151]. Далее – М.Л. Матусовский пишет стихи

«Тридцать шесть знаков» о тридцати шести армянских буквах, которые в сознании поэта предстают поэтическими образами, в них можно прочесть бытовой или исторический нарратив армянской жизни: *подкова на счастье, склонившая ветви плачущая ива, крутой поворот дороги в неизвестность, армянский стрелок, подсвечник с двумя свечами, два горных речных потока, певучая дека арфы, сверкнувшая на солнце змея, жар-птица, вставший на колени монах, потайной ход с древней аточной перемычкой, окно монастырской башни* и еще ряд сравнений, которые лирический герой будет искать и воплощать в своих стихах, и все это – «золотой алфавит Маштоца» [9, с. 320].

Не вопреки теории С. Муравьева, а в соответствии с поэтической рецепцией армянские буквы в стихах поэта П.В. Вегина предстают фиксацией «жестов и движения людей», ведь «люди – это азбука в движении» [3, с. 11]. Одна из букв – *путник, припадающий к ручью*, другая – *кузнец*, «в его клещах подкова / еще горячая, и рядом – конь: / он не подкован, он еще не буква». Следующая – *два винодела, ногами давящие виноград*; еще – *мать согбенная над сыном убиенным*. Есть буквы – *пляшущие, сидящие в раздумье*; есть *пекарь, пахарь*, есть буква – *бык...* [3, с. 11–12]. Но нет буквы, *на палача похожей*, – «такими буквами писать – какое счастье!» – заключает стихотворение П.В. Вегин. Так армянские буквы в рецептивной русско-поэтической практике становятся паттерном Армении, армянского текста.

«Этот алфавит был создан гениальным человеком с поразительным чувством родины – был создан однажды и навсегда, – он совершенен. Тот человек был подобен богу в дни творения. Создав алфавит, он начертал первую фразу: <...> *Познай мудрость, проникни в слова гениев*.

Начертав (именно не написав, не нарисовав), он обнаружил, что не хватает одной буквы. Тогда он создал и эту букву. И с тех пор стоит армянский алфавит.

Для меня нет ничего убедительней такой истории. Можно выдумать человека и можно выдумать букву, но нельзя выдумать, что человеку не хватило одной буквы. Это могло только быть. Значит,

был и такой человек. Он не легенда. Он такой же факт, как этот алфавит. Имя его Месроп Маштоц. Я бы поставил Маштоцу памятник в виде той последней буквы...» [2, с. 170], – пишет прозаик Андрей Битов, впечатленный поездкой в Армению и, в частности, одним из ее достояний.

И поэт Борис Слуцкий «увидел» такой памятник:

На скалах диких и отвесных,

На каменном краю земли

<...>

Я видел памятник алфавиту,

Единственный, быть может, в мире.

На камне были буквы вырублены,

Еще не ставшие словами... [12, с. 34].

Слуцкий продолжает русскую поэтическую традицию – сравнивать армянские буквы с деталями быта и природы, одушевляя и метафоризируя внешний облик букв: они выглядят подобно *веточкам и муравьям, и страницам, подобным пчелиным роям* [12, с. 34].

Критик и литературовед Георгий Кубатьян, раскрывая загадку очарованности Слуцкого Арменией (который бывал во многих советских республиках, но только Армении посвятил цикл стихотворений), поясняет, что же мог увидеть Слуцкий, когда написал о памятнике национальному алфавиту: «...трудно сказать, какой именно памятник имеется в виду. Широко известный сегодня комплекс обособленных скульптурных изображений тридцати шести Месроповых букв на склонах Арагаца близ села Арташаван воздвигнут в 2005 году (проект архитектора Дж. Торосяна). Видимо, речь идет о памятнике Месропу Маштоцу работы Григора Чубара перед входом в Матенадаран. Правой рукой создатель алфавита показывает ученику на поставленную чуть в стороне стелу с высеченными на ней по порядку буквами. Поскольку стела с алфавитом стоит как бы сама по себе, наособицу, она воспринимается как отдельный памятник. И мысль, очевидная, но никому не приходившая в голову, что вечной памяти достоин не только человек, но и творение его рук, – эта мысль

поразила поэта. <...> Недаром у Ованеса Шираза есть стихотворение, где утверждается: армяне, мол, не выстояли бы, не будь у них писмен Маштоца; в финале тридцать шесть букв названы тридцатью шестью богами, стоящими на страже народа» [7, с. 245].

Кубатьян обращает внимание на переключку Слуцкого с Мандельштамом, в восприятии которого Армения «лежит “на окраине мира” – на границе европейской (и – шире – иудеохристианской) цивилизации. У Слуцкого сказано вроде бы куда более привычно – на краю земли. Край земли, край света вообще-то значит – очень далеко, но в контексте стихов (словесность, алфавит, рукописи) обретает специфическое культурно-историческое наполнение» [7, с. 245].

Армяне! Ваши души выражены

В той *надписи* старинной – вами [12, с. 34] (курсив наш. – *Авт.*).

Эта надпись – та самая, о которой упомянул Андрей Битов. Она аналогична строчкам из ветхозаветных Притчей Соломоновых. Именно она высечена на стеле Г. Чубара.

Писатель Юрий Карабчиевский в травелоге «Тоска по Армении», написанном в советские 70-е годы, тоскует и сетует по поводу того, как на глазах исчезает Армения, исчезает ее самобытность, вливаясь в серость и единообразие советской эстетики. Беседуя с армянским писателем Грантом Матевосяном, рассказчик Карабчиевского узнает об армянском бедствии: «Детей стараются отдавать только в русские школы, потому что это облегчает дальнейшую учебу и все последующее продвижение. Все равно ведь они в быту разговаривают по-армянски и, значит, будут знать два языка. На самом деле получается наоборот. В русских школах преподают с армянским акцентом, а в быту не читают и не пишут по-армянски, и люди выходят в конце концов полуграмотные, не приобщенные ни к тому, ни к другому, по сути – люди без языка» [6, с. 264]. Далее процесс изживания армянской грамотности внедрялся уже во «взрослой» жизни: будучи в командировке в научном учреждении Еревана, рассказчик не нашел ни одной печатной машинки с армянским шрифтом. «Русский шрифт! И опять русский! “Что вы, что вы, – машет рукой Норик, – армянская машинка – это редкость. Есть, есть, не могу сказать, но крайне редко.

Да и зачем? Все делопроизводство – только по-русски”. Я пытаюсь поймать в его голосе досаду, но там ее нет, одна констатация» [6, с. 193].

В этом длинном временном противостоянии победили армянские буквы. В современной Армении существует ритуал – посвящение учащихся начальной школы в образовательный процесс: или у могилы Маштоца, или у памятника Маштоцу напротив Матенадарана. Один из наших информантов пишет: *«Помню, мои дети – да, проходили посвящение там, в Ошакане, на его могиле. Но в конце учебного года в первом классе. <...> Я как продукт советской школы, русской, ничего такого не помню. Думаю, что многое зависит от дирекции и/или учителя начального звена. Есть еще одно обязательное в первом классе по плану мероприятие – посещение Матенадарана»*. И наблюдение русской путешественницы по Армении, писательницы Ирины Горюновой: *«Часовня с могилой Месропа Маштоца является одним из наиболее посещаемых мест в Армении. Каждый год, в сентябре, многочисленные первоклассники учат первую букву армянского алфавита именно в этой церкви: после торжественной клятвы, у его могилы»* [5, с. 63].

Суть культурно-литературного феномена «локальный текст» (армянский в том числе) выражена корпусом разнородных паттернов – представлений о месте, присутствующих в метатекстуальном культурном поле. Особенность «армянского текста» в том, что этот конструкт возник в большей степени в рецептивных практиках русской литературы. Транслируемые, повторяемые устно и письменно паттерны – в своей совокупности и есть армянский текст, который стал набирать обороты в XX веке, в эпоху миграций, эскапизма, путешествий.

В стихотворении современного поэта Михаила Фридмана лирический герой грустит о том, что никак не посетит Армению, перечисляя самые главные армянские достопримечательности – в регистре *не*: не увидит, не попробует, не услышит. Не поучаствует в национальном празднике Вардавар, не отведаст долмы, не станцует Шалахо, не посетит армянские монастыри Эчмиадзин, Гегардаванк, Хор Вирап; не насладится древними окрестностями Эребуни и Урарту, не

полюбуется на Арарат и Севан, не восхитится языческим храмом Гарни... Зато у него, лежащего на диване, есть возможность, дегустируя коньяк, выпить за Маштоца: «За Месропа, за Маштоца – / Пухом будь, земля, ему!» [13, с. 247]. В этом полушутливом тексте собран воедино почти весь армянский текст русской словесности, то есть комплект паттернов, которые выступают строительным материалом этого «здания» – армянского текста. Заметим, что «цементирующим» паттерном выступает Месроп Маштоц, создатель армянских букв.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афлатуни С.* Глиняные буквы, плывущие яблоки: Повести. М.: Эксмо, 2020. 384 с.
2. *Битов А.* Уроки Армении // А. Битов. Образ жизни: Повести. М.: Молодая гвардия, 1972. С. 165–285.
3. *Вегин П.В.* Каменные колокола: Сборник. Ереван: Хорурдаин грох, 1989. 231 с.
4. *Волос А.Г.* Возвращение в Панджруд: Роман. М.: ОГИ, 2013. 640 с.
5. *Горюнова И.* Армянский дневник. Цавд танем. М.: РИПОЛ классик, 2015. 204 с.
6. *Карабчиевский Ю.* Тоска по Армении // Ю. Карабчиевский. Тоска по дому: Роман, повести. М.: Слово, 1991. С. 185–296.
7. *Кубатьян Г.* Одна из двух ипостасей. Армянская тема в поэзии Бориса Слуцкого // Дружба народов. 2019. № 6. С. 238–249.
8. *Мандельштам О.Э.* Собр. соч.: В 4 т. М.: ТЕРРА, 1991. Т. 1. 684 с.
9. *Матусовский М.Л.* Стихотворения. Песни. М.: Художественная литература, 1986. 405 с.
10. *Муравьев С.Н.* Тайна Месропа Маштоца // Литературная Армения. 1985. № 2. С. 83–102.
11. *Муравьев С.Н.* От протосистемы Данииловых писем до месроповского алфавита // Армянский гуманитарный вестник. 2012. № 4. С. 35–64.
12. *Слуцкий Б.* Стихи // Литературная Армения. 1987. № 11. С. 33–35.

13. *Фридман М.Ф.* Всемогущее нельзя: Концерт для одиночества с оркестром. М.: Перо, 2018. 384 с.

REFERENCES

1. Aflatuni S. *Glinjanye bukvy, plyvushhie jabloki: Povesti*. Moscow: Eksmo Publ., 2020. 384 p. (In Russ.)
2. Bitov A. *Uroki Armenii // A. Bitov. Obraz zhizni: Povesti*. Moscow, Molodaja gvardija Publ., 1972, pp. 165–285. (In Russ.)
3. Vegin P.V. *Kamennye kolokola: Sbornik*. Erevan, Horurdain groh Publ., 1989. 231 p. (In Russ.)
4. Volos A.G. *Vozvrashhenie v Pandzhrud: Roman*. Moscow, OGI Publ., 2013. 640 p. (In Russ.)
5. Gorjunova I. *Armjanskij dnevnik. Cavd tanem*. Moscow, RIPOL klassik Publ., 2015. 204 p. (In Russ.)
6. Karabchievskij Ju. *Toska po Armenii. Ju. Karabchievskij. Toska po domu: Roman, povesti*. Moscow, Slovo Publ., 1991, pp. 185–296. (In Russ.)
7. Kubat'jan G. *Oдна из двух ipostasej. Armjanskaja tema v poezii Borisa Sluckogo. Druzhba narodov*, 2019, no. 6, pp. 238–249. (In Russ.)
8. Mandel'shtam O.E. *Sobranie sochinenij: v 4 t.* Moscow, TERRA Publ., 1991, vol. 1. 684 p. (In Russ.)
9. Matusovskij M.L. *Stihotvorenija. Pesni*. Moscow, Hudozhestvennaja literatura Publ., 1986. 405 p. (In Russ.)
10. Murav'ev S.N. *Tajna Mesropa Mashtoca. Literaturnaja Armeniya*, 1985, no. 2, pp. 83–102. (In Russ.)
11. Murav'ev S.N. *Ot protosistemy Daniilovyh pis'men do mesropovskogo alfavita. Armjanskij humanitarnyj vestnik*, 2012, no. 4, pp. 35–64. (In Russ.)
12. Sluckij B. *Stihi. Literaturnaja Armeniya*, 1987, no. 11, pp. 33–35. (In Russ.)
13. *Fridman M.F.* *Vsemogushhee nel'zja: Koncert dlja odinochestva s orkestrom*. Moscow, Pero Publ., 2018. 384 p. (In Russ.)

ՀԱՅԵՐԵՆ ՏԱՌԵՐԸ

Է. Ֆ. ՇԱՖՐԱՆՍԿԱՅԱ

ՌՌԻԴՆ / Ռուսաստանի ժողովուրդների բարեկամության
համալսարան

Շ. Ռ. ԿԵՇԳԻԴԻՆՈՎ

Մոսկվայի քաղաքային մանկավարժական համալսարան

Առաջարկվող նյութում հողվածի հեղինակները կենտրոնանում են հայերեն տեքստի օրինաչափության վրա՝ հայկական տառերի և դրանց ստեղծող Մեսրոպ Մաշտոցը: Ուսումնասիրությունը վերստեղծում է հայկական այբուբենի տառերի ընկալման պրակտիկան և Մեսրոպ Մաշտոցի դիցաբանական անհատականությունը՝ հիմնվելով Օ.Մանդելշտամի, Մ.Մատուսովսկու, Պ.Վեգինի, Մ.Ֆրիդմանի բանաստեղծական տեքստերի, Յու.Կարաբչիկսկու, Ա.Բիտովի արձակ տեքստերի, Ս.Սուրավյովի, Գ.Կուբատյանի գիտական տեքստերի վրա: ***Բանալի բառեր՝ Մեսրոպ Մաշտոց, տառեր, հայկական տեքստ, հայկական այբուբեն, ռուսական գրականություն:***

ARMENIAN LETTERS

E. F. SHAFRANSKAYA

RUDN

SH. R. KESHFIDINOV

Moscow City University

In the proposed material, the authors of the article focus on the pattern of the Armenian text: Armenian letters and their creator Mesrop Mashtots. The study recreates the receptive practice of the letters of the Armenian alphabet and the mythologized personality of Mesrop Mashtots on the

basis of poetic texts by O. Mandelstam, M. Matusovsky, P. Vegin, M. Fridman, prose texts by Yu. Karabchievsky, A. Bitov, scientific texts by S. Muravyov, G. Kubatian.

Key words: *Mesrop Mashtots, letters, Armenian text, Armenian alphabet, Russian literature.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 20 апреля 2025 г., подписана к печати в № 1.СХХ (120) 2025 30.06.2025.

ЛИНГВИСТИКА

ЭКСТРЕМИЗАЦИЯ И ЕДИНИЦЫ ЯЗЫКА

*Посвящается светлой памяти
профессора Михаила Давидовича Амирханяна*

А. В. АКОПЯН

Ереванский государственный университет

ORCID ID: 0009-0008-1609-5485

anush.hakobyan@ysu.am

hakobyananoush@yahoo.com

В статье исследуется один из обобщенных и гибких аппаратов выражения семантики минимальной или максимальной степени определения характерных признаков и свойств тех или иных объектов и явлений. Целесообразность применения этого термина расширяет границы изучения референции суждений, что позволяет выявить механизм семантического сближения высказываний разной сложности. Экстремизация значения является способностью языковой системы отображать не только наличие или отсутствие качества, но и его степень на шкале интенсивности до предельных значений минимума – выражения крайнего снижения признака или максимума – выражения крайнего усиления. В работе рассмотрена проведенная нами уровневая иерархическая метатаксномическая кластеризация с выделенными тагматическим, синтагматическим, протасематическим, симпротасематическим и текстематическим языковыми уровнями, единицами которых, соответственно, являются тагмы, синтагмы, простые сентенции, сложные сентенции и текстемы. Исследование, проведенное на богатом иллюстративном материале из русской классической литературы, показывает, что с повышением языкового уровня значительно увеличивается конкретизация семантики экстремизации единицы уровня.

Ключевые слова: *минимизация, максимизация, экстремизация, иерархия, языковые уровни, единицы языка, шкала интенсивности.*

Введение. Одним из универсальных семантических механизмов естественного языка является выражение крайней минимальной или максимальной степени признаков, свойств и характеристик тех или иных объектов или явлений. Для определения семантики меры различных характерных признаков, выявления и исследования взаимосвязей и взаимоотношений единиц языковых конструкций считаем более целесообразным наряду с терминами *минимизация* и *максимизация* использование обобщающего термина *экстремизация*, которым подчеркивается существование в языке особых средств и механизмов, вытягивающих оценочные значения к предельным границам [1, 2, 3]. Такая экстремизация значения представляет собой способность языковой системы отображать не только наличие или отсутствие качества, но и его степень на шкале интенсивности, количества или выраженности, вплоть до предельных значений минимума – выражения крайнего снижения признака или максимума – выражения крайнего усиления [4, 6]. Минимизация отражает стремление к наименьшему количественному, качественному, временному, модальному и другому значению, а максимизация указывает на достижение верхней границы этих признаков. Часто такая экстремизация может иметь эмоционально-оценочную или гиперболическую окраску.

Двухполюсная или биполярная градация интенсивности имеет два крайних значения, но между ними могут быть и промежуточные степени, которые предполагают приближение значения к *наинизшей* – *низшей* – *высшей* – *наивысшей* точкам (*низу*, *вершине*) оценочного спектра. Симметричная шкала экстремизации без промежуточных степеней, выражающая наивысшую и наинизшую степени признака, в естественном языке передается, к примеру, антонимичными парами *наибольшее* – *наименьшее*, *самая большая* – *самая маленькая величина* или *высшая* – *низшая степень*.

Он испытывал к ней наибольшее уважение, какое только мог питать мужчина к женщине. (Л.Толстой. Анна Каренина)

Он не делал и наименьшего движения, чтобы изменить свою жизнь. (И.Гончаров. Обломов)

Значениями минимизации и максимизации передаются, как было отмечено, количественные, качественные, временные и другие характеристики предметов и явлений и их взаимосвязи, однако, при этом они могут принимать промежуточное или среднее значение между экстремальными. В частности, слова *наполовину, отчасти, частично, не совсем, не полностью, более или менее, в некоторой степени* и др. могут принимать среднее значение.

Он сидел на стуле, наклонившись вперед и опираясь обеими руками на палку, с бледным лицом, с губами, наполовину открытыми, и с глазами, уставившимися в одну точку. (Ф.Достоевский. *Преступление и наказание*)

Здесь семантика слова *наполовину* указывает на незавершенность действия, промежуточное состояние между экстремизациями *закрыт* и *открыт*, чем усиливается впечатление растерянности, отрешенности героя. О многосоставности выбора и его неполной мотивации, ограниченную долю каждой из множества причин, противоречивое состояние, неполное согласие, сочетающее принятие и внутренний протест субъекта возможно передать словами *отчасти* и *частично*.

Отчасти под влиянием ее слов, отчасти под действием внутреннего недовольства, он решил уехать из Москвы. (Л.Толстой. *Война и мир*)

Частично он соглашался с доводами Штольца, но внутренне все еще сопротивлялся переменам. (И.Гончаров. *Обломов*)

Невозможность принятия героем своей внутренней правоты, являющегося типичным чеховским приемом "человека на грани самооправдания", выражена фразой *не совсем*.

Он почувствовал, что не совсем прав, но оправдать себя словами не мог. (А.Чехов. *Дама с собачкой*)

Баланс между спокойствием и тревогой, неустойчивое состояние возможно выразить словами *более или менее*, а фразой *не полностью* возможно указать на ограниченное когнитивное восприятие и невозможность до конца понять чужое чувство.

Он чувствовал себя более или менее спокойно, но знал, что это спокойствие временное. (И.Тургенев. *Отцы и дети*)

Иван слушал рассказ, не полностью понимая все смыслы, но уловив главное – боль, спрятанную под словами. (Ф.Достоевский. Братья Карамазовы)

В следующем высказывании фразой *в некоторой степени* также демонстрируется частичная, неполная эмоция, чувство.

В некоторой степени он был очарован ее решительностью, но и опасался этой силы. (Л.Толстой. Анна Каренина)

Из приведенных примеров следует, что средняя степень в шкале интенсивности экстремизации указывает на приблизительную оценку действия, его ограниченность некоторыми контекстуальными рамками, неполное, частичное или долевое участие.

При исследовании языковых объектов нами была проведена уровневая иерархическая метатаксономическая кластеризация с использованием некоторых применяемых в субстанциональной лингвистике терминов, в результате чего были упорядочены и выделены следующие языковые уровни: низший – тагматический, промежуточные – синтагматический, протасематический и симпротасематический, высший – тектематический. Единицами тагматического уровня являются основные структурно-семантические единицы языка – тагмы (слова), синтагматического уровня – синтагмы (словосочетания), протасемаутического уровня – простые предложения (простые предложения), симпротасематического уровня – сложные предложения (сложные предложения), тектематического уровня – тексты (отрезки текста, объединенные общим смысловым содержанием) [1: С. 205].

Основная часть.

Единицы всех пяти приведенных уровней языка могут выражать явное или скрытое значение минимизации или максимизации качественных и количественных характеристик некоторых предметов и явлений. На каждом уровне будет выделено два типа *стержневых* с точки зрения экстремизации различных языковых единиц: *стержневые со значением минимизации* и *стержневые со значением максимизации*. Основные выделенные единицы, близкие по своему смыслу и

выступающие как носители конкретного значения минимума или максимума, в свою очередь, обрастая рядом слов, в дальнейшем будут являться базой для построения стержневых единиц более высоких уровней.

Тагматический уровень. На этом уровне стержневыми единицами со значением минимизации могут быть служебные и знаменательные слова, маркирующие ослабление, низшую границу:

лишь, только, едва, еле, еле-еле, чуть, чуть-чуть, без, минимум, упадок, крах, дно, ноль, капля, миг, угаснуть, истощиться, ничтожный, микроскопический, слабейший, иссякший, низший и др.

Со значением максимизации стержневыми единицами этого уровня могут быть служебные и знаменательные слова, маркирующие усиление, высшую границу:

даже, все, уж, так, до, максимум, пик, кульминация, апогей, вершина, чаша, капля, зенит, расцвет, достигнуть, исчерпать, чрезвычайно, всецело, напроць, глобально, абсолютный, безграничный, величайший, огромный, безмерный, высший и др.

Отметим, что на тагматическом уровне определение минимизации или максимизации значения является сложной и неоднозначно решаемой задачей, поскольку только в контексте можно точно определить принадлежность той или иной единицы этого уровня к определенной точке шкалы [5]. Семантическая функция экстремума одной и той же лексемы может быть *диаметрально противоположна* и зависеть от контекста.

Ни капли жалости не было в его взгляде. (И.Тургенев. *Отцы и дети*)
В каждой капле ее слез – было море страдания. (Ф.Достоевский. *Преступление и наказание*)

Синтагматический уровень. На этом уровне стержневыми единицами со значением минимизации могут быть словосочетания, маркирующие крайнее снижение, нижний предел:

упадок сил, крах надежд, социальное дно, ноль внимания, капля в море, ни малейшего сомнения, чуть-чуть живой, едва теплый, почти незаметный, на последнем издыхании, ни единого звука и др.

Со значением максимизации стержневыми единицами этого уровня могут быть словосочетания, маркирующие максимальное усиление, высший предел:

пик активности, кульминация событий, апогей славы, вершина мастерства, в зените славы, расцвет таланта, абсолютный покой, безграничная любовь, до предела натянутый, в высшей степени, точка кипения, накал страстей и др.

В большинстве случаев стержневыми единицами синтагматического уровня могут быть те словосочетания, в которых присутствуют стержневые тагмы с соответствующим значением экстремума. Заметим, что на синтагматическом уровне семантическая функция экстремума словосочетания также может быть диаметрально противоположна и зависеть от контекста.

Протасематический уровень. На этом уровне стержневыми единицами со значением минимизации могут быть простые предложения, выражающие значение уменьшения признака до предельного минимума и содержащие стержневые минимизирующие тагмы.

Едва заметная улыбка тронула его губы. (Л.Толстой. Анна Каренина)

В комнате было чуть-чуть света от огарка свечи. (Ф.Достоевский. Идиот)

Он говорил еле слышно. (И.Бунин. Темные аллеи)

Со значением максимизации стержневыми единицами этого уровня могут быть простые предложения, выражающие значение максимального усиления, доведения признака до высшего предела и содержащие стержневые максимизирующие тагмы.

Широкая степь раскинулась перед ним без конца и края. (М.Лермонтов. Герой нашего времени)

Швабрин был самый храбрый из всей команды. (А.Пушкин. Капитанская дочка)

Это был совершенный хаос красок и звуков. (А.Блок. Петербург)

Симпротасематический уровень. В зависимости от наличия тех или иных значений экстремизации единицы симпротасематического уровня могут иметь семантику трех типов:

значение минимизации, значение максимизации и минимаксное (смешанное) значение.

На этом уровне стержневыми единицами со значением минимизации могут быть сложные предложения, в которых контекстуально выражена привязка к крайней нижней точке шкалы признака, и они содержат соответствующие стержневые единицы более низших уровней.

Он поднял глаза, и лишь тогда, когда тень едва-едва шевельнулась на стене, понял, что уже утро. (А.Чехов. Дом с мезонином)

Хотя бы одна искра тепла мелькнула в ее взгляде, и почти вся прежняя обида растаяла. (И.Тургенев. Отцы и дети)

Пока часы отбивали последние удары, в зале не слышалось ни звука – так сильно всех сковало ожидание. (А.Островский. Гроза)

Со значением максимизации стержневыми единицами этого уровня могут быть сложные предложения, в которых контекстуально выражено максимальное усиление, высший предел. Эти высказывания содержат соответствующие стержневые единицы более низших уровней.

Когда грянул первый раскат грома, лес задрожал до самых корней, и казалось, будто сама земля гибнет. (Л.Толстой. Война и мир)

Он любил ее так, что ни одно слово не могло вместить этой силы, и потому молчал. (И.Тургенев. Дворянское гнездо)

Как только заря охватила небо пурпуром, река вспыхнула огнем, и весь мир сделался одним сияющим пламенем. (А.Куприн. Олеся)

Следующее предложение характерно одновременным наличием предельных точек экстремума, т.е. имеет минимаксное значение, что выражается предельным минимумом внешней активности, нулевой физической реакцией и внутренним напряжением, доведенным до высшего предела.

Он ничего не делал – ни малейшего движения, ни слабого намека на волю; и при этом в его душе происходила борьба – тяжелая, до последней капли сил, внутренняя, беззвучная, но страшная. (И.Гончаров. Обломов)

Текстематический уровень. На этом уровне стержневыми единицами являются текстемы, которые содержат соответствующие

стержневые единицы низших уровней. Текстемы, аналогично единицам предыдущего симпротасематического уровня, могут иметь *значение минимизации, значение максимизации и минимаксное значение*. Это зависит от доминирующей семантики определенной степени экстремизации составляющих предложений.

Текстемы со значением минимизации.

В этой коморке едва помещался узенький диван-коротышка, не было ни стола, ни шкафа, лишь маленький стул стоял подле окна. Казалось, чуть-чуть еще – и стены сойдутся. Воздуха почти не оставалось; тяжелая, стоячая духота давила, как если бы из комнаты выкачали последние глотки кислорода. Даже свет просачивался скудно, освещая одним-единственным пятном мятый подголовник. (Ф.Достоевский. Преступление и наказание)

В этой текстеме со значением минимизации, построенной на кумуляции маркеров *едва, лишь, чуть-чуть, почти не, последний, скудно, один-единственный*, создается эффект крайнего недостатка пространства, света и воздуха.

Сон обвалился на нее как тончайшая паутина: едва-едва чувствительный, но все-таки непобедимый. Клонилась голова, ресницы едва прикасались к щекам, звук шагов еле-еле доходил до сознания. Стоило бы закрыть глаза хотя бы на секунду – и наступало забытие. Ни звука, ни движения – вся вселенная, казалось, исчезла, оставив лишь микроскопическую искру бодрствования где-то в глубине. (А.Чехов. Спать хочется)

Здесь минимизация развернута стержневыми единицами низших уровней *тончайшая, едва-едва, еле-еле, хотя бы на секунду, микроскопический*, сводя ощущение бодрствования почти что к нулевому уровню.

Текстемы со значением максимизации.

Гул батарей становился все сильнее и громче, каждый новый залп перекрывал предыдущий, а потом вдруг грянул такой раскат, будто сама земля разверзлась. Поле покрывалось сплошным дымом, и Ростову казалось, что все существо мира сосредоточилось в одном-единственном, безмерно напряженном звуке. Сердце забило

так, как никогда прежде – до предела боли. Он чувствовал, что еще миг – и это напряжение достигнет последней черты возможного. (Л.Толстой. *Война и мир*)

В этой текстеме максимизация выражена стержневыми тагмами и синтагмами *все сильнее, каждый новый, такой, сама земля, все, мир, в одном-единственном, безмерно, до предела, так, как никогда прежде, последняя черта.*

Он любил ее так, как, казалось, не может любить ни один смертный. Все струны его души были напряжены до крайнего звона; чувства налились до краев, и каждая мысль, каждый вздох, каждое биение сердца тянуло его к единственной цели – быть с ней. И чем острее становилось это хотение, тем сильнее он ощущал себя беспомощным перед величием любви, достигшей высшей точки. (И.Тургенев. *Дворянское гнездо*)

Здесь кумулятивные гиперболы *так, не может ни один, все струны, до крайнего звона, до краев, единственный, достигший высшей точки* подчеркивают экстремум чувства.

Заключение. Изучение проявления значения экстремизации на разных уровнях языка выявляет ее иерархический характер: языковые единицы со значением экстремизации высших уровней содержат соответствующие единицы предыдущих уровней. Это свидетельствует о тесной внутриуровневой и межуровневой семантической взаимосвязи.

Во многих языковых высказываниях наблюдается проявление тех или иных количественно–качественных значений максимизации или минимизации, демонстрирующих довольно тонкий механизм семантического сближения единиц различных формальных и содержательных уровней, уточняют и расширяют границы изучения референции высказываний. Следует отметить, что прямо или косвенно выраженное значение экстремума признака сообщаемого является существенным и дополнительным фактором в вопросах референции, поскольку понятия минимума и максимума носят относительный характер. Границы максимума и минимума могут быть размытыми, поэтому без дополнительного контекстуального подтверждения

определить их затруднительно. Результаты исследований показывают, что с повышением языкового уровня значительно увеличивается конкретизация семантики минимизации или максимизации единицы уровня.

Исследование средств минимизации и максимизации раскрывает когнитивные алгоритмы обработки границ семантики единиц всех языковых уровней, помогает при переводе и интерпретации текстов, построении семантических и стилистических моделей, важных для типологического изучения языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акопян А.В.* Таксономия языковых конструкций (*и, или, если*). Монография. Ереван, Изд. ЕГУ, 2025. – 306 стр.
2. *Акопян А.В.* Минимизация и максимизация в уступительных конструкциях // IV Международная научная конференция. Язык и культура, общество. Москва, 2007. – С. 98.
3. *Акопян А.В.* Значения экстремизации в языковых высказываниях // Альманах современной науки и образования. Тамбов, Грамота, 2017, № 7 (120). С. 8-10.
4. *Kennedy C.* Vagueness and grammar: the semantics of relative and absolute gradable adjectives. *Linguistics and Philosophy*, 2007, 30(1). – P. 1-45.
5. *Morzycki M.* Adjectival extremeness: degree modification and contextually restricted scales. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2012, 30 – P. 567-609.
6. *Paradis C.* Adjectives and boundedness. *Cognitive Linguistics*, 2001, 12(1). – P. 47-65.

REFERENCES

1. *Akopyan A.V.* Taksonomiya yazykovykh konstrukcij (*i, ili, esli*). Monografiya. Erevan, Izd. EGU, 2025. – 306 str.

2. Akopyan A.V. Minimizaciya i maksimizaciya v ustupitel'nyh konstrukciyah // IV Mezhdunarodnaya nauchnaya konferenciya Yazyk i kul'tura, obshchestvo. Moskva, 2007. – S. 98.
3. Akopyan A.V. Znacheniya ekstremizacii v yazykovykh vyskazyvaniyah // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya. Tambov, Gramota, 2017, № 7 (120). – S. 8-10.
4. Kennedy C. Vagueness and grammar: the semantics of relative and absolute gradable adjectives. Linguistics and Philosophy, 2007, 30(1). – P. 1-45.
5. Morzycki M. Adjectival extremeness: degree modification and contextually restricted scales. Natural Language and Linguistic Theory, 2012, 30 – P. 567-609.
6. Paradis C. Adjectives and boundedness. Cognitive Linguistics, 2001, 12(1). – P. 47-65.

ԷԶՍՏՐԵՄԱՅՈՒՄՆ ՈՒ ԼԵԶՎԻ ՄԻԱՎՈՐՆԵՐՈՂ

Ա. Վ. ՀԱԿՈԲՅԱՆ

Երևանի պետական համալսարան

Հոդվածում ուսումնասիրվում է լեզվաբանական այն ընդհանրացված և ճկուն համակարգերից մեկը, որը նախատեսված է տարբեր օբյեկտների և երևույթների բնորոշ հատկանիշների և հատկությունների նվազագույն կամ առավելագույն աստիճանի իմաստի արտահայտմանը: Որակական, քանակական, ժամանակային և այլ բնութագրիչների գնահատողական իմաստաբանության տեսանկյունից առաջարկվում է օգտագործել էքստրեմացում տերմինը, որն ընդգրկում է թե՛ մինիմացումը, թե՛ մաքսիմացումը: Այս տերմինի կիրառման նպատակահարմարությունը ընդլայնում է դատողությունների ռեֆերենցիայի ուսումնասիրության սահմանները, ինչը հնարավորություն է տալիս բացահայտելու տարբեր բարդության արտահայտությունների իմաստաբանական մոտեցման մեխանիզմները: Էքստրեմացումը ներկայացնում է լեզվական համակարգի այն

կարողությունը, որով հնարավոր է արտահայտել ոչ միայն հատկանիշի առկայությունը կամ բացակայությունը, այլ նաև դրա աստիճանը՝ ինտենսիվության սանդղակի վրա՝ մինչև մինիմումի՝ հատկանիշի ծայրահեղ թուլացման կամ մաքսիմումի՝ ծայրահեղ ուժեղացման մակարդակ: Մինիմացումն արտացոլում է ձգտումը՝ նվազագույն սահմանին հասնելու, իսկ մաքսիմացումն՝ հատկանիշների առավելագույն աստիճանին: Նշվում է, որ ինտենսիվության սանդղակը կարող է լինել երկբևեռ, սիմետրիկ կամ բազմաբևեռ՝ ներառելով գնահատողական սպեկտրի միջանկյալ աստիճաններ: Այդ միջանկյալ աստիճանը ցույց է տալիս գործողության մոտավոր գնահատումը, դրա սահմանափակվածությունը որոշ համատեքստային շրջանակներով կամ մասնակի, թերի մասնակցությունը: Աշխատությունում վերլուծվում է մեր կողմից իրականացված մակարդակային ստորակարգային մետատաքսոնոմիկ կլաստերացումը՝ տարանջատված հետևյալ լեզվական մակարդակներով՝ տազմատիկ, սինտազմատիկ, պրոտաստեմատիկ, սիմպրոտաստեմատիկ և տեքստեմատիկ: Նրանց համապատասխան միավորներն են՝ տազմաները, սինտազմաները, պարզ սենտենցիաները, բարդ սենտենցիաները և տեքստեմները: Այս բոլոր մակարդակների միավորները կարող են արտահայտել մինիմացման կամ մաքսիմացման բացահայտ կամ թաքնված իմաստներ: Յուրաքանչյուր մակարդակում առանձնացված են առանցքային միավորներ, որոնք կրում են նվազագույնի կամ առավելագույնի կոնկրետ իմաստ: Էքստրեմացման դրսևորման ստորակարգային բնույթը ցույց է տալիս, որ բարձր մակարդակի միավորներում ներառված են ստորին մակարդակների համապատասխան միավորները: Նշվում է, որ հատկանիշի էքստրեմալ իմաստի՝ ուղղակի կամ անուղղակի արտահայտումը կարևոր և լրացուցիչ գործոն է դատողությունների ռեֆերենցիայի հարցում: Քանի որ մինիմումի և մաքսիմումի հասկացությունները հարաբերական բնույթ ունեն, առանց համատեքստային լրացուցիչ հղման դրանց սահմանների ճշգրտումը հաճախ դժվար է: Ուսումնասիրությունը, հիմնված ռուսական դասական գրականու-

թյան հարուստ օրինակային նյութի վրա, ցույց է տալիս, որ յուրաքանչյուր լեզվական մակարդակի բարձրացման հետ համարժեքորեն աճում է յուրաքանչյուր լեզվի միավորի էքստրենացման իմաստի հստակեցումը:

Բանալի բառեր՝ մինիմացում, մաքսիմացում, էքստրենացում, ստորակարգ, լեզվական մակարդակներ, լեզվի միավորներ, ինտենսիվության սանդղակ:

EXTREMIZATION AND UNITS OF LANGUAGE

A. V. HAKOBYAN

Yerevan State University

The article explores one of the generalized and flexible frameworks for expressing the semantics of the minimal or maximal degree of defining characteristic features and properties of various objects and phenomena. From the perspective of evaluative semantics of qualitative, quantitative, temporal and other characteristics, it is proposed to use the term *extremization*, which encompasses both *minimization* and *maximization*. The appropriateness of applying this term expands the scope of studying the referential function of judgments, enabling the identification of semantic convergence mechanisms in utterances of varying complexity. Extremization of meaning is the ability of a language system to represent not only the presence or absence of a quality, but also its degree on the scale of intensity, up to the extreme values of minimum – expressing the lowest reduction of a trait and maximum – expressing the highest intensification. Minimization reflects the tendency toward the lowest limit, whereas maximization indicates reaching the upper boundary of a feature. It is noted that the intensity scale may be bipolar, symmetrical, or multipolar, including intermediate degrees within an evaluative spectrum. The intermediate level in this intensity scale reflects an approximate evaluation of action, limited by contextual boundaries and suggests partial, incomplete, or fractional involvement. The study examines a level-based hierarchical metataxonomic clustering we developed, identifying five

language levels: tagmatic, syntagmatic, protasematic, simprotasematic and textematic, whose respective units are tagmas, syntagmas, simple sentences, complex sentences and textemes. Units at all these levels may express explicit or implicit meanings of minimization or maximization. At each level, core units are identified as carriers of concrete meanings of minimum or maximum. The manifestation of extremization at different language levels reveals its hierarchical nature, indicating that linguistic units with extremization at higher levels contain corresponding units from lower levels. It is emphasized that the explicitly or implicitly expressed extremal value of a reported feature serves as an essential and additional factor in issues of referentiality. Since the concepts of minimum and maximum are relative in nature, it is often difficult to define their boundaries without additional contextual support. The study, based on rich illustrative material from classical Russian literature, shows that as the language level increases, the semantic specificity of the extremization of a unit grows significantly.

Key words: *minimization, maximization, extremization, hierarchy, language levels, linguistic units, intensity scale.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 29 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ВОПРОСОВ В АВТОРСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ

*Светлой памяти Амирханяна Михаила Давидовича,
прекрасного человека и прекрасного филолога*

Н. И. МАРТИРЯН

ЕГУ

ORCID: 0000-0002-8955-3861

naira.martiryan@ysu.am

В настоящей статье на примерах из русской художественной прозы рассматривается типология вопроса в традиционном аспекте и его коммуникативных свойств. Изучение коммуникативных свойств вопросительного предложения в тексте авторского повествования дало основание для выделения трех его основных языковых функций, реализующихся в процессе речи: собственно-коммуникативной, экспрессивной и модальной.

Ключевые слова: авторское повествование, вопросительное предложение, коммуникативность, модальность, экспрессивность

Множество подходов к изучению вопроса в лингвистике, а также множество классификаций вопроса продолжают оставаться актуальными и в наши дни, несмотря на огромное количество исследований. «Русская грамматика – 80» подразделяет вопросительные предложения по функционально-семантическим типам на основе их первичных и вторичных функций [см. 5: 394]. Падучева вопросительные предложения также делит на три группы: 1) общие; 2) альтернативные; 3) специальные, взяв за основу синтаксическую структуру [3: 236].

Как правило, вопросительность считают наиболее присущей диалогическим формам. Но следует отметить, «что вопросительность присуща и монологической речи (одним только примером здесь могут послужить риторические вопросы), и процессу мышления (в качестве вопросов «к себе», в так называемой

«внутренней» речи). Правильно заданный вопрос — уже большой шаг по направлению к ответу. Вопрос помогает сфокусировать, сосредоточить мысль, придать ей более четкую форму, сформулировать суждение, а ряд вопросов помогает сделать умозаключение (ср. известную тактику «подвода» слушающего к некоторому умозаключению с помощью ряда искусно поставленных вопросов)» [4].

Мы являемся сторонниками точки зрения, которая считает необходимой рассматривать вопросительные предложения в вопросо-ответном единстве, уделяя равное внимание как вопросной части, так и ответной.

По мнению Н.Ю. Шведовой, весьма распространено в авторском повествовании «...внесение в монологическое повествование вопросо-ответного единства в его целостной, невидоизмененной форме как средства, развертывающего повествование и включающего читателя в ход мысли пишущего; при этом сохраняется общая структура такого единства и его интонационная схема» [7: 140-141].

Как известно, «в своих первичных функциях вопрос направлен на поиск информации, т. е. на получение ответа» [5: 394]. В вопросо-ответных конструкциях эти функции основаны на разных критериях. По мнению Н.И. Голубевой-Монаткиной, «вопросу свойственна энтропия, ответ же энтропию снимает, содержит информацию. Максимум энтропии содержится в собственно вопросах, они характеризуют максимальную информационную потребность спрашивающего» [1: 131]. Вопросительное предложение, проявляя в монологическом тексте структурную относительно самостоятельность, не может быть по значению независимым от других составляющих, в частности, от ответа, так как, участвуя в построении целого, является средством выражения связных мыслей, особенно в составе вопросо-ответного комплекса.

В зависимости от характера и объема ожидаемой ответной информации вопросительные предложения в вопросо-ответном

комплексе делятся на три категории: альтернативные, общевопросительные и частновопросительные, или специальные.

Ответ на альтернативный вопрос – это выбор одной из альтернатив, содержащихся в вопросе:

«Он вспотел от этих бесплодных, мучительных дум или просто жарко было в комнате? Было темно и тихо, от натопленной печи веяло нагонявшим бессонницу жаром» (Ю.Трифонов, «Студенты»).

Ответ на общий вопрос – это либо утвердительное, либо отрицательное предложение:

«Любил ли я деда? Не знаю. Не берусь судить о таком сложном чувстве, не под силу мне это. Но в тот счастливый миг, когда, не обрезав подпуска пешней, потянул и вытянул дед огромного поселенца на лед и сам в изнеможении сел тут же, я обожал деда, я готов был его обнять, расцеловать и не знаю, что еще делать» (В.Астафьев, «Последний поклон»).

Предложение бывает оформлено при помощи частиц *ли, разве, неужели*, а также с помощью вопросительной интонации.

«Сеть наводнена одними психически ненормальными людьми? Да, возможно, их процент там немалый. Но на самом деле нет никаких «психов из Интернета», «сексуальных маньяков Сети» и «извращенцев из киберпространства». Это не какие-то мифические мутанты. Пользователи Сети – мы с вами» (С.Минаев, «ДУХLESS. Повесть о ненастоящем человеке»).

Ответ на специальный (частный) вопрос – предложение, которое отвечает на вопрос о каком-либо факте, субъекте, состоянии, признаке, тех или других обстоятельствах. Основанием для подобного разграничения служит тот факт, что все вопросительные предложения содержат запрос информации, направленный к позиции одного из членов предложения.

Субъектный: «Кто сегодня поет старинные русские песни? Старые деревенские старухи да участники всевозможных самодеятельных коллективов» (Ф.Абрамов. «Дом»).

«Кто живет на покосе зимой? Зайцы живут, лисы живут. И медведи живут» (В. Астафьев, «Последний поклон»).

Предикативный: «Что же он делал в субботу? В субботу он топил баню. Все. Больше ничего» (В.Шукшин, «Алеша Бесконвойный»).

«Что делал он в эти последние свои часы? Прежде всего переоделся, по привычке аккуратно повесил в шкаф свой городской костюм, потом принес дров, чтобы протопить печь. Ел яблоки» (Ю.Казаков, «Во сне ты горько плакал»).

Атрибутивный: «Интересно, какой у нее был голос? Нежный, мягкий, вкрадчивый, с хрипотцой и грудным прерывистым смехом» (А.Мардань, «Отдельная история»).

«Какая же кровь у рыбы? Тоже красная. Рыбья. Холодная» (В.Астафьев, «Царь-рыба»).

Объектный: «Что я видел в детстве и в отрочестве? Только нужду, одну нужду. Нужду родителей, нужду крестьян, рабочих» (Ю.Трифонов, «Нетерпение»).

«О чем же это рассказывала мне музыка? Про обоз? Про мертвую маму? Про девочку, у которой сохнет рука?» (В.Астафьев. «Последний поклон»)

Обстоятельный:

- Обстоятельство места

«Где я впервые увидел ее фигуру? Ах, да, в черной дыре ворот, когда я приехал с Севера. Тогда ее фигура поразила меня. Потом я любовался ею в Колонном зале и в Консерватории. Потом на школьном балу...» (Ю.Казаков, «Голубое и зеленое»).

«Откуда только они таскают ругательства? Детский сад, не иначе (ланкастерская система взаимного общения)» (И.Грекова, «Кафедра»).

«Куда они отдают столько душевной и физической энергии? Буквально на ветер» (Ю.Трифонов, «Студенты»).

- Обстоятельство времени

«Сколько времени продолжалась эта пытка? Сколько ломало и выворачивало Григория? Час? Десять минут? Два часа?» (Ф.Абрамов, «Дом»)

«И вот сколько лет с тех пор пор прошло? Двадцать? Двадцать два?» (Ф.Абрамов, «Дом»)

- **Обстоятельство образа действия**

«Как она узнала о хлебе? Нюхом? Колдовством?» (В.Тендряков, «Хлеб для собаки»)

«Как приходит тревога в дом? Плачем малыша, которого напугало красное, словно налитое кровью, закатное солнце» (А.Лиханов, «Детская библиотека»).

- **Обстоятельство причины**

«Почему, отчего не оборонялись немцы по эту сторону реки, а подались в голоземье, забрались в овраги и решили прорываться оттуда? У войны свой особый норов, своя какая-то арифметика» (В.Астафьев, «Пастух и пастушка»).

«Отчего невесело, тоскливо смотрит деревянный конь со своей высоты? Оттого что остался один во всем Пекашине? Один из всего бывшего деревянного стада?» (Абрамов, «Дом»)

- **Обстоятельство цели**

«Зачем? За что? Какой в этом смысл? И вообще какой смысл во всем этом? В таком вот побоище? Чтобы еще раз доказать превосходство человека над человеком?» (В.Астафьев, «Пастух и пастушка»)

«Зачем она пошла берегом? Чтобы речной свежести вдохнуть? Чтобы людям на глаза не попадаться?» (Ф.Абрамов, «Дом»)

- **Обстоятельство меры и степени**

«А много ли в жизни хотелось узнать и увидеть Васютке? Много. Узнает? Выберется ли из тайги?» (В.Астафьев, «Васюткино озеро»)
«Сколько лет ему было тогда? Да уже очень порядочно» (Ю.Трифонов, «Другая жизнь»).

В ответной части вопросо-ответного комплекса содержатся компонент или компоненты, непосредственно отвечающие на вопросительное ядро иницирующей части – специального вопроса – и прямо коррелирующие с ним. Ответное предложение содержит запрашиваемую информацию, отличную от простого подтверждения или отрицания, и, как мы видели выше, может быть выражено любым формально-структурным типом предложения.

Вопросительное предложение в монологической (авторской) речи, как и в диалоге, может выступать в своем основном значении – значении собственно вопроса, что чаще всего и происходит. Однако

употребление вопросительного предложения в монологе предполагает иную цель, чем в диалоге. В диалогической речи вопрос задается с целью получить дополнительную информацию от собеседника, в монологической речи цель вопроса – привлечь внимание читателя к авторскому повествованию. Для настоящей статьи важна функция и значения вопросительного предложения в авторском повествовании. На основании существующих в лингвистике взглядов можно в целом утверждать, что содержательным признаком и общим коммуникативным заданием вопросительного предложения является запрос об информации. В качестве же наиболее типичных содержательных признаков вопросительных предложений, можно назвать, в частности, три: функция выражения желания спрашивающего получить сведения вместе с выражением просьбы удовлетворить его желание; функция сообщения содержания того, на чем сконцентрирован интерес говорящего; функция указания перспективы ответа [см. 6: 56]. Все эти функции реализуются в функционировании языка, в текстах вообще, тогда как в авторской речи, правомерно предполагать реализацию в основном двух последних функций: здесь не может быть прямой постановки вопроса из желания получить конкретные сведения в ответе, т.е. первая функция осуществляется опосредованно.

Включение вопросительного предложения в авторский текст предполагает реализацию той цели, с которой связывает автор монолога его употребление в рамках данного текста. Таким образом, в монологической(авторской) речи, помимо первичной собственно коммуникативной функции, направленной на поиск неизвестного, вопросительные предложения реализуют вторичные функции, экспрессивную и модальную, которые возникают в процессе речи вследствие нейтрализации и транспозиции собственно вопросительного значения, что указывает на производный характер названных функций. [см. 2: 113]

Вопросительные предложения являются особыми компонентами монологической речи, которые включаются в нее по условиям ком-

муникации. Появляясь в тексте монологической речи, они в силу своих формально-структурных особенностей нарушают линейную последовательность предложений авторского повествования и тем самым выделяются среди других компонентов текста, что позволяет использовать вопросы в условиях монологического общения не только и не столько для выяснения неизвестного, а в основном для выполнения следующих, вторичных, задач: привлечение внимания к сообщаемому, усиление художественной выразительности и экспрессивности текста, выражение отношения к описываемым событиям, явлениям, фактам, воздействие на эмоции читателя и т.д.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Голубева-Монаткина Н.И.* Классификационное исследование вопросов и ответов диалогической речи// Вопросы языкознания. 1991. № 1.
2. *Карашулакова М.Ж.* Коммуникативные функции вопросительных предложений в монологической речи // Вестник КазНУ. Серия филологическая. № 3 (137). 2012.
3. *Падучева Е.В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Наука, 1985.
4. *Ремизова С.А.* Вопросительность в диалоге: Специфика речевых реализаций; на материале английского, немецкого и русского языков. Автореф. дисс... канд. филол.наук. Краснодар, 2001. [Электронный ресурс] // URL: <http://31f.ru/dissertation/615-dissertaciya-voprositelnost-v-dialogicheskom-obshhenii-forma-i-soderzhanie.html>
5. *Русская грамматика. Т.2. Синтаксис.* М.: Наука, 1982.
6. *Фирбас Я.* Функции вопроса в процессе коммуникации // Вопросы языкознания. 1972. № 2.
7. *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису разговорной речи. М.: Изд-во АН СССР, 1960.

REFERENCES

1. Golubeva-Monatkina N.I. Klassifikatsionnoye issledovaniye voprosov i otvetov dialogicheskoy rechi// Voprosy yazykoznaneya. 1991. № 1.
2. Karashulakova M.Zh. Kommunikativnyye funktsii voprositel'nykh predlozheniy v monologicheskoy rechi // Vestnik KazNU. Seriya filologicheskaya. № 3 (137). 2012.
3. Paducheva Ye.V. Vyskazyvaniye i yego sootnesennost' s deystvitel'nost'yu (Referentsial'nyye aspekty semantiki mestoimeniy). M.: Nauka, 1985.
4. Remizova S.A. Voprositel'nost' v dialogue: Spetsifika rechevykh reali-zatsiy; na materiale angliyskogo, nemetskogo i russkogo yazykov. Avtoref. diss... kand. filol.nauk. Krasnodar, 2001. [Elektronnyy resurs] // URL: <http://31f.ru/dissertation/615-dissertaciya-voprositelnost-v-dialogicheskom-obshhenii-forma-i-soderzhanie.html>
5. Russkaya grammatika. T.2. Sintaksis. M.: Nauka, 1982.
6. Firbas Ya. Funktsii voprosa v protsesse kommunikatsii // Voprosy yazykoznaneya. 1972. № 2.
7. Shvedova N.Yu. Ocherki po sintaksisu razgovornoy rechi. M.: Izd-vo AN SSSR, 1960

ՀԱՐՑԵՐԻ ՖՈՒՆԿՑԻՈՆԱԼ-ԻՄԱՏԱԿԱՆ ՏԻՊԵՐԸ ՀԵՂԻՆԱԿԻ ԽՈՍՔՈՒՄ

Ն. Ի. ՄԱՐՏԻՐՅԱՆ Երեվանի պետական համալսարան

Այս հոդվածում, ռուսական գեղարվեստական գրականության օրինակների միջոցով, դիտարկվում է հարցականի տիպաբանությունը ավանդական առումով և դրա հաղորդակցական հատկությունները: Հեղինակի խոսքում հարցական

նախադասության հաղորդակցական հատկությունների ուսումնասիրությունը հիմք հանդիսացավ խոսքի գործընթացում իրականացվող դրա երեք հիմնական լեզվական գործառույթները բացահայտելու համար՝ հաղորդակցական, արտահայտչական և մոդալ:

***Բանալի բառեր՝** հեղինակի խոսքում, հարցական նախադասություն, հաղորդակցականություն, եղանակավորում, արտահայտչականություն:*

FUNCTIONAL-SEMANTIC TYPES OF QUESTIONS IN THE AUTHOR'S NARRATIVE

N. I. MARTIRYAN

Yerevan state university

In this article, using examples from Russian fiction, the typology of the question in the traditional aspect and its communicative properties is considered. The study of the communicative properties of the interrogative sentence in the text of the author's narrative provided the basis for identifying its three main linguistic functions realized in the process of speech: communicative, expressive and modal.

Key words: *author's narrative, interrogative sentence, communicativeness, modality, expressiveness.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 1 июня 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ЛЕКСИКОГРАФИИ КАК ВЕЯНИЕ ВРЕМЕНИ

*Памяти дорогого Михаила Давидовича Амирханяна
посвящается*

И. Р. САРКИСЯН

Российско-Армянский университет

ORCID: [0000-0002-4377-1601](https://orcid.org/0000-0002-4377-1601)

innasargsyan@gmail.com

inna.r.sargsyan@rau.am

В статье рассматривается сдвиг парадигмы в лексикографической практике от традиционного описательного подхода к антропоцентрическому. Особое внимание уделяется роли личности носителя языка, прагматике, культурологическому и когнитивному контексту в процессе создания словаря. Обосновывается необходимость ориентации лексикографии на потребности современного пользователя, а также раскрываются основные принципы антропоцентрической лексикографии.

Ключевые слова: лексикография, антропоцентрический подход, гендерно-ориентированная информация, языковая личность, пользователь словаря, развитие личности, словарный запас.

Современная лингвистика всё более отчетливо демонстрирует антропоцентрическую направленность: язык рассматривается не как автономная система, а как часть человеческой когниции, коммуникации и культуры. Это влияние не могло не отразиться на лексикографии – дисциплине, основной задачей которой является систематизация и представление лексического богатства языка. Если в

традиционной лексикографии преобладал структурно-описательный подход, то сегодня всё больше внимания уделяется человеку – как создателю, носителю и пользователю языка.

Антропоцентризм в лингвистике утверждает, что язык формируется и функционирует в тесной связи с мышлением, восприятием и культурным опытом человека. Когнитивная лингвистика, прагма-лингвистика и лингвокультурология стали основой для переосмысления задач словаря. Лексикография, следуя за этими направлениями, пересматривает:

- **объект описания** (лексема не как изолированная единица, а как носитель смыслов, связанных с опытом человека),
- **структуру словарной статьи** (введение компонентов, отражающих прагматическую и социокультурную информацию),
- **цель описания** (ориентация на удобство и потребности конечного пользователя).

Ранее доминировали дескриптивные модели, в которых внимание уделялось дефиниции, грамматическим признакам, этимологии. Сегодня лексикография расширяет свою функциональность:

- включаются **коннотативные и культурные смыслы**,
- раскрывается **языковая картина мира**,
- даются **примеры употребления**, извлечённые из реальных текстов и корпусов,
- учитываются **прагматические параметры**: уместность, частотность, вариативность и жанровая привязка.

Примером служат такие словари, как *«Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля»* (в своём роде ранний пример «народоцентрической» лексикографии), современные *лингвокультурологические словари*, а также интерактивные словари с элементами обратной связи от пользователя.

В данном ракурсе описание культурных символов и концептов, существенных для межкультурного диалога, в том числе и в сопоставительном аспекте, приобретает первостепенную значимость. В связи с этим представляется необходимым включать в современный словарь основные коннотативные значения лексических единиц, ассоциативные и стилистические особенности вокабул и важнейшие

социокультурные характеристики слова. В словарной статье культурно-коннотируемой единицы должны присутствовать стилистические пометы, маркеры сочетаемости и, в некоторых случаях, этимологическая справка. Такое расширение информации может внести существенный вклад в решение проблемы подбора межъязыковых эквивалентов со своеобразной лексико-грамматической сочетаемостью и социолингвистическими коннотациями, обусловленными различиями в социокультурной среде разных языковых представителей.

Наиболее перспективным направлением в современной учебной лексикографии является теоретическая разработка основ антропоцентрической лексикографии и антропоцентрического словаря. Любая наука развивается по пути внутренней дифференциации и интеграции с другими науками, причем указанные процессы могут происходить одновременно. В последнее время антропоцентрический подход становится общим научным принципом решения наиболее актуальных проблем в различных областях исследовательской деятельности. Антропоцентризм определяет новый этап развития современной науки и методики в целом.

С позиций антропоцентризма в лингвистике, методике и в лексикографии основное внимание уделяется не собственно языковой системе, а языковой личности, человеку, который становится центром языковой действительности. Антропоцентризм современного языкознания открывает возможность приблизиться к такому описанию языка, которое восстанавливает единство языка с его носителем.

Современный словарь создается не только *о языке*, но и *для человека*:

- Словари адаптируются под **разные типы пользователей**: школьников, инофонов, специалистов.
- Предпочтение отдается **электронным и мультимедийным форматам**, где можно представить визуальные, аудиальные и гипертекстовые связи.
- Повышенное внимание к **контексту использования слова** способствует лучшему пониманию значений и оттенков смысла.

Таким образом, словарь становится не просто справочником, а **инструментом познания культуры, средством социализации, помощником в межкультурной коммуникации.**

Введение в лексикографию категории “языковая личность” позволяет решить проблему приближения словарных материалов к нуждам и потребностям личности. В лексикографии под языковой личностью понимается пользователь словаря. Структура языковой личности включает в себя три уровня: вербально-грамматический, когнитивный и прагматический. Каждый из уровней характеризуется определенным набором “единиц и отношений, которые коррелируют с единицами и отношениями, традиционно используемыми при изучении языка как системы” [1].

Антропоцентрический подход заставляет лексикографов соотносить свою научную деятельность не только с ответами на вопросы, для чего создаются словари и как их создают, но и с новой проблемой – как воспринимаются материалы словаря пользователем. Встает вопрос о создании словарей, способных отражать механизм владения языком. Так, по мнению Ю.Н. Караулова, антропоцентрические словари должны быть ориентированы на показ усредненного словарного запаса и правил его использования средним носителем языка как отдельной языковой личностью. Таким образом, в лексикографии наряду с традиционным созданием системно ориентированных словарей формируется новая задача создания антропо-ориентированных словарей. Системно-ориентированные словари отражают лексико-семантическую систему языка, в идеале – всю языковую структуру. А антропоцентрические словари, по мнению Ю.Н. Караулова, должны быть ориентированы на показ усредненного словарного запаса и правил его использования средним носителем языка как отдельной языковой личностью. Первые имеют справочно-просветительское предназначение, а «вторые – установку на обучение, на активное владение языком и поддержание знаний и нем, его эффективное использование» [2].

Несмотря на очевидные преимущества антропоцентрического подхода, его реализация сопряжена с рядом трудностей:

- усложнение структуры словарной статьи,

- необходимость привлечения междисциплинарных знаний (этнология, психология, социолингвистика),
- повышенные требования к корпусной базе и цифровым инструментам анализа.

Тем не менее, именно антропоцентризм способен вывести лексикографию за пределы описательной дисциплины и превратить её в область, тесно связанную с обучением, культурой и цифровой гуманитаристикой.

Встает проблема определения места антропоцентрического словаря в системе словарей. Представляется, что антропоцентрический словарь должен занять промежуточное место между учебным и общим словарем, поскольку между ними есть существенные различия, заключающиеся в том, что в учебном словаре отражен принцип компрессии и минимизации языка. Учебная лексикография формирует языковую личность, а антропоцентрическая лексикография должна словарными средствами обеспечить развитие языковой личности.

Учебные словарные статьи могут быть представлены профессионально-ориентированных учебниках и учебных пособиях в виде предтекстовых или послетекстовых словарных статей, обеспечивающих адекватное понимание проходимого научного (адаптированного или неадаптированного) научного текста. Что касается антропоцентрического словаря, то его удобнее всего представить пользователю в электронном виде на цифровом носителе.

Данные, полученные в результате лингвистических гендерных исследований [1, 3, 4, 5, 6], позволяют не только расширить рамки, в которых рассматриваются и описываются языковые единицы, их функционирование и взаимодействие в различных сферах человеческого бытия, но и поместить человека в особый социальный контекст, в котором его личность репрезентируется в собственной когнитивной области и ориентируется в ней в соответствии с культурно-обусловленными, экзистенциальными и общественно значимыми характеристиками. Принципы гендерного подхода к изучению языка вполне соответствуют положениям, изложенным в новых теориях лексикографического описания языковых единиц, их

лексикографическому портретированию [7]. Эти концепции подразумевают наиболее полное и адекватное описание языковых единиц и включение в словарные статьи экстралингвистической информации, способствующей правильному пониманию и употреблению данных единиц в речи.

Таким образом, возникают предпосылки для становления и развития новых областей научного знания, в рамках которых систематизируется и наращивается материал для лексикографии – новые подходы, концепции, методы и принципы фиксации и кодирования составляющих знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и социокультурных факторов. В частности, это лингвистическая гендерология, получившая статус самостоятельного лингвистического направления, и гендерный подход к изучению языка, конструируемый в лингвофило-софском, лингвокультурном и лингвопрагматическом аспектах.

Данные концепции лексикографического описания языковых единиц соответствуют сущности интегрального описания языка, т.е. согласованному описанию грамматики и лексики, а также позволяют учитывать «человеческий» или антропный фактор в описании языковых единиц, рассматривая человека не только как субъекта, но и как объекта по отношению к языку. Это обосновывает необходимость и важность описания гендерно-обусловленной информации (ГОИ) в словарях, что расширяет теоретический и эмпирический потенциал лексикографии и вносит вклад в расширение проблемы «человек в словаре».

Активный интегральный системный словарь или словарь лексикографических портретов отвечает современным требованиям и в идеале содержит полную информацию о языковой единице, нужную не только для ее адекватного понимания в любом контексте, но и для ее правильного употребления в речи. Такой словарь содержит меньшее количество лексикографических единиц по сравнению с традиционным словарем, но отличается объемом представленной информации и детальностью ее разработки. Лексикографический портрет языковой единицы иллюстрирует новый взгляд на содержание словарной статьи.

Таким образом, антропоцентрический подход в лексикографии отражает ключевые тенденции современной гуманитарной мысли – поворот к человеку, его опыту, потребностям и языковой личности. Будущее лексикографии связано с гибкими, мультимодальными, пользовательски ориентированными словарями, в которых лексика предстает как часть живой языковой и культурной практики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Кирилина А.В.* Гендерные исследования в зарубежной и российской лингвистике (Философский и методологический аспекты) // *Общественные науки и современность*. 2000. № 4. С. 138-143.
2. *Караулов Ю.Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. 366 с.
3. *Кирилина А.В.* Развитие гендерных исследований в лингвистике // *Филологические науки*, 1998. № 2. С. 7, 51-58.
4. *Ольшанский И.Г.* Гендерные исследования как одно из направлений социолингвистики // *Проблемы социолингвистики и многоязычия*. 1997. № 1. С. 22-34.
5. Женщины, познание и реальность: Исследование по феминистской философии. М.: Российская политическая энциклопедия, 2005. 440 с.
6. *Васькова О.А.* Гендер как предмет лексикографического описания: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 117 с.
7. *Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа. “Языки русской культуры”. Восточная литература. РАН, 1995. 766 с.

REFERENCES

1. Kirilina A.V. Gendernyye issledovaniya v zarubezhnoy i rossiyskoy lingvistike (Filosofskiy i metodologicheskiy aspekty) // Obshchestvennyye nauki i sovremennost'. 2000. № 4. S. 138-143.
2. Karaulov Yu.N. Lingvisticheskoye konstruirovaniye i tezaus literaturnogo yazyka. M.: Nauka, 1981. 366 s.
3. Kirilina A.V. Razvitiye gendernykh issledovaniy v lingvistike // Filologicheskiye nauki, 1998. № 2. S. 7, 51-58.
4. Ol'shanskiy I.G. Gendernyye issledovaniya kak odno iz napravleniy sotsiolingvistiki // Problemy sotsiolingvistiki i mnogoyazychiya. 1997. № 1. S. 22-34.
5. Zhenshchiny, poznaniye i real'nost': Issledovaniye po feministской filosofii. M.: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya, 2005. 440 s.
6. Vas'kova O.A. Gender kak predmet leksikograficheskogo opisaniya: Dis. ... kand. filol. nauk. M., 2006. 117 s.
7. Apresyan Yu.D. Izbrannyye trudy. T. 2: Integral'noye opisaniye yazyka i sistemnaya leksikografiya. M.: Shkola. "Yazyki russkoy kul'tury". Vostochnaya literatura. RAN, 1995. 766 s

ՄԱՐԴԱԿԵՆՏՐՈՆ ՄՈՏԵՑՈՒՄ ԲԱՌԱՐԱՆԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆԸ՝ ՈՐՊԵՍ ԺԱՄԱՆԱԿԻ ՄԻՏՈՒՄ

Ի. Ռ. ՄԱՐԳՍՅԱՆ

Հայ-Ռուսական համալսարան

Հոդվածում դիտարկվում է բառարանագիտական պրակտիկայում պարադիգմի փոփոխությունը ավանդական նկարագրական մոտեցումից դեպի մարդակենտրոնին: Բառարանի ստեղծման գործընթացում հատուկ ուշադրություն է դարձվում անհատականության դերին, պրագմատիկային, մշակութաբանական և ճանաչողական համատեքստերին: Հիմնավորվում է բառարանագիտության մեջ կողմնորոշելու անհրաժեշտությունը՝ համապատասխան ժամանակակից օգտագործողի կարիքներին, ինչպես նաև

բացահայտվում են մարդակենտրոն բառարանագիտության հիմնական սկզբունքները:

Բանալի բառեր. բառարանագիտություն, մարդակենտրոն մոտեցում, գենդերային կողմնորոշված տեղեկատվություն, լեզվական անհատականություն, բառարան օգտագործող, անձի զարգացում, բառապաշար:

ANTHROPOCENTRIC APPROACH TO LEXICOGRAPHY AS A TIME TREND

I.R. SARGSYAN

Russian-Armenian University

The article examines the paradigm shift in lexicographic practice from the traditional descriptive approach to the anthropocentric one. Special attention is paid to the role of a native speaker's personality, pragmatics, cultural and cognitive context in the process of creating a dictionary. The necessity of lexicography orientation to the needs of a modern user is substantiated, and the basic principles of anthropocentric lexicography are revealed.

Key words: *lexicography, anthropocentric approach, gender-oriented information, linguistic personality, dictionary user, personality development, vocabulary.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 30 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

АРМЯНСКАЯ И РУССКАЯ СЕМЬЯ V-XVII ВЕКОВ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИКО–КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ

Неутомимому профессору М. Д. Амирханяну посвящается

М. З. ОВАКИМЯН

ГУ им. В. Я. Брюсова

m.ovak@yandex.ru

В статье исследуется семья как институт в целом и патриархальная семья в частности, проводится сопоставительный историко–культурологический анализ понятия *семья-патриархальная семья*- в армянской и русской культурах, характерные признаки патриархата, влияние христианской религии на патриархальную семью, правовые нормы семейного поведения, роль и место мужчины и женщины в семье, взаимоотношения между супругами, родственниками, детьми, объясняется роль семейных традиций, совместного труда, уважение старшего поколения, воспитание детей, которые отражаются в пословичном фонде двух народов.

Ключевые слова: *семья, патриархальная семья, семейные традиции, родительство, воспитание детей, совместный труд, семейные взаимоотношения, наследственное право, фольклор, поговорка, пословица.*

Язык, культура и общество неразрывно связаны и взаимозависимы. Вся ценную информацию об истории и жизнедеятельности народа язык аккумулирует в себе и формирует национальный характер, менталитет и эту информацию передает из поколения в поколение, отражаясь в фольклоре: в сказках, песнях, пословицах и поговорках и др.

В.А. Маслова отмечает, что в лингвокультурологии должны рассматриваться лишь те пословицы и поговорки, природа и функционирование которых тесно связано с историей, культурой и бытом

конкретного народа [16, с. 43]. Пословичный менталитет – это не менталитет пословицы, а отраженный в ней менталитет народа, точнее, определенных социальных групп народа [18, с. 24] и представлений одного народа о другом. Ценностные системы народов могут быть не только сходны, но и иметь различительные особенности. О сходстве и общности культур, отраженных в устном народном творчестве у разных народов писали в свое время П.Лафарг, А.Т. Ганалаян и др. исследователи, объясняя это явление «в основном схожестью условий жизни трудоспособного населения, или же общностью условий труда, пройденного исторического пути развития, общественно-экономических формаций, схожестью укоренившегося жизненного опыта, мировосприятия, психологии и быта» [5, с. 39] или тем, что произведения фольклора «передавались от народа к народу, или составляли часть их духовного достояния, которым они обладали сообща до своего разделения» [14, с. 55]. Сходства и различия в пословичном фонде разных языковых культур – это отражение исторического пути развития, во время которого каждый народ познает себя и окружающий мир, но вне зависимости от этноса, общечеловеческая природа мировосприятия в основе своей одинакова.

Первоначальный замысел данной статьи заключался в проведении сопоставительного анализа пословиц о семейных отношениях (концепт *муж-жена*) в армянской и русской лингвокультурах для выявления сходных и различительных элементов проявления национального характера и менталитета двух народов. Однако в ходе работы возникла необходимость освещения причин сходства и различий значений пословиц русского и армянского языков. Эти народы не являются родственными в этническом плане и географически расположены довольно далеко друг от друга, но в плане духовного родства имеют много общего. По мнению исследователей истории культуры, культурологии, социологии и лингвокультурологии, в период становления и развития патриархальной семьи (V-XVIII вв.) наблюдается наивысший расцвет произведений фольклора, в том числе,

поговорок и пословиц, поэтому будем придерживаться сопоставительного подхода при анализе понятия *семья-патриархальная семья* в армянской и русской культурах.

Каждый народ по-своему воспринимает роль и место мужчины и женщины в обществе и семье. В семье отображаются специфические нравственные, социальные, национальные особенности во взаимоотношениях мужчины и женщины. Понятие *семья* в данном случае определяется как макроконцепт, который «выступает фактом культурного наследия, через него возможно увидеть значимые признаки национальной идентичности человека» [21]. Формирование ценностных категорий, мировосприятия, менталитета, национального характера народов начинается с становления ценностной системы патриархальной семьи, отражающимися в отношениях между членами этой семьи, в основе которой функционировали целый ряд более конкретных, по отношению к нему микроконцептов *мать, отец, дети, муж, жена*. «Национальную специфику концепта можно постичь только в сравнении с наполнением данного концепта в другой культуре» [4].

Развитие общества и межличностных отношений, легли в основу зарождения брачно-семейных связей и семьи, строящейся на союзе добровольном или по принуждению, или на основе договора между мужчиной и женщиной, т.е. мужем и женой.

По философскому словарю, «семья – вид социальной общности, важнейшая форма организации личного быта, основанная на супружеском союзе и родственных связях, т.е. на многосторонних отношениях между мужем и женой, родителями и детьми, братьями и сестрами и другими родственниками, живущими вместе и ведущими общее хозяйство. Ее типы и функции обусловлены характером существующих производственных отношений в целом, а также уровнем культурного развития общества» [25, с. 506]. Л.Б. Шнейдер отмечает: «Жизнь семьи детерминирована условиями развития конкретного общества. Эти условия определяют функции семьи и обобщены в юридических и моральных нормах, что, в свою очередь, сказывается на семейных позициях и ролях и преломляется в особенностях взаимоотношений в семье» [26, с. 23].

Одна из форм семьи – патриархальная семья, на базе которой, вернее из которой, в дальнейшем сформировались современные трехпоколенная – родители-дети-внуки и двухпоколенная, нуклеарная, так называемая «ядерная» – родители-дети-семьи.

Патриархальная семья(большая семья) возникла при патриархате (во главе семьи стоит мужчина) состоит из нескольких поколений кровных родственников, потомков одного отца, с их женами и детьми и иными принятыми в семью родными, ведущих совместное хозяйство [3], [10], где каждый член семьи имел определенный статус, с которыми связано было его поведение, опирающееся на обычаи и традиции родоплеменных отношений. С.И. Голод выделяет характерные признаки патриархата: «патрилинейность (счёт происхождения детей, родства и наследования по линии отца), патрилокальность (проживание жены в семье или доме мужа, выбор места проживания семьи мужем), моногамия (двуродительская семья), упорядоченные половые связи мужа с одной женщиной (женой) при единобрачии или упорядоченные половые связи мужа с несколькими жёнами при многожёнстве, сосредоточенность прав по распоряжению имуществом и экономической жизнью семьи в руках мужчины (домовладыки)» [6, с. 7]. Распад матриархата приводит к зарождению и укреплению патриархата, и осознанию происхождения членов рода от общего предка. Начинается переход к новой форме брака, моногамной (единобрачие), к прочному соединению мужчины и женщины, образующих вместе с их потомством особую общественную ячейку-семью. С этого же времени утверждается патриархальное поселение супругов: женщина, с выходом замуж, отрывается от своей семьи, навсегда переселяется в семью мужа и становится основной трудовой силой в домашнем хозяйстве этой новой для нее семьи [10, с. 79].

В основе патриархальной семьи – кровнородственные отношения, зависимость жены от мужа и жёсткое закрепление ролей под авторитарным управлением мужчины, когда, помимо других аспектов общественной жизни, мужчина также взял на себя ответственность за семью [6, с. 7]. *Птица опирается на крылья, человек – на*

родичей; Муж – голова, жена – душа (арм.) / С мужем – мужа, без мужа и того хуже, а вдовой да сиротой – хоть волком вой; Когда нет семьи, так и дома нет (рус.).

По В.А. Попову: «Род – это группа людей, имеющих одного предка. Род – это система кровных родственников по отцовской или материнской линии. У рода свои «инвариантные признаки: экзогамия, однолинейный счет родства, общий предок, символы единства» [21, с. 321]. Развитие и становление родо-племенных отношений в древней Армении и на Руси происходят схожим образом, несмотря на разницу временных этапов в их формировании.

Укреплению института патриархальной семьи способствовало принятие и широкое распространение христианства: в Армении в 301 г. в качестве государственной религии, а на Руси в 988 г. Армянская Апостольская церковь (ААЦ) после утраты Арменией государственности в 11 в., а окончательно в 13 в., взяла на себя функции государственной власти и стала центром духовной культуры и хранителем всего исторического наследия армянского народа в условиях длительной национально-освободительной борьбы. Принятие христианства на Руси сыграло ключевую роль в формировании российской государственности в XV в. С момента зарождения семейной общины (примерно 5-4 вв. до н.э.) до ее окончательного распада в начале XX столетия прошли тысячи лет.

У армян кровно-родственная группа называлась азг – *azg* – или *tohm* – *род*. Она по сути была большой патриархальной семьей, насчитывающей нескольких поколений (4-5) родственников по мужской линии от предка-основателя *азга*, имя которого становится общеазговым-общеродовым. При разделении большой семьи на ветви внутри азга, новые семьи продолжают сохранять между собой тесную связь различного характера и свое старое общеазговое название. Браки внутри *азга* считались нежелательными независимо от того, сколько поколений он насчитывал. Армянский азг был экзогамен [12, с. 25-67; 1, с. 309]. *Птица опирается на крылья, человек – на родичей (арм.)*. На Руси такие семьи имели или стремились иметь несколько сыновей (репродуктивная функция семьи). Сыновья были

опорой в хозяйственной деятельности и при необходимости выполняли функцию защиты в различных конфликтах, что послужило в большей степени единению русской родовой общины и формированию патриархальной русской семьи до становления государственности и принятия христианства, т.е до IX-X вв. Возникновение наследственного права, а после принятия христианства – законов наследования имущества, еще более укрепило патриархальную семью: наследование родителям устанавливалось по нисходящей линии прежде всего детьми и было закреплено в «Русской Правде» XIII столетия (до этого приоритет в наследовании имели агнаты и сестры) [8].

Первые сведения о древнеармянской семье и наследственном праве сохранились в трудах Ксенофонта (IV в. до н.э.) и Прокопия Кесарийского (V-VI вв.), в которых перечислены некоторые законы наследования по отцовской линии только мужчинами; о заключении браков путем купли-продажи, осуждаемые армянами, поскольку считались позором человеческой природы и унижением женского пола; о незначительном приданом. *Приданым жены в люди не выйдешь (арм.)*.

Сведения и различные факты об армянской большой патриархальной семье-гердастане-встречаются в трудах историков V в. Мовсеса Хоренаци, Фавстоса Бузанда, Овнана Мандакуни, Егише, Агатангелоса и др.

Католикос (глава ААЦ) Овнан Мандакуни (V в.) в конце V века упоминает большую семью из трех поколений. Он утверждает принцип «одна жена, один муж», который должен быть главой жены, ее законом и славой, проповедует верность между супругами. Католикос предупреждает, что ненависть к женщине – самоубийство, а ненависть к брату – убийство, что женщина не может быть полностью бесправной и что враждебное отношение мужа вызывает у нее аналогичное отвращение, воспитание же детей является перво-степенной задачей старших в семье. *Хороший сын строит, а непутёвый разрушает, Сын хорошего человека бездельником не станет (арм.)*. В XVII в. Закария Канакерци описал типичную большую патриархальную семью Акобджанянов из трех поколений из Карби,

в которой проживало более 30-ти человек. Он называет эту большую династию **гердастан тун** (*гердастан – род, тун – дом, дом рода*), а ее составные части **ынтаник** (дословно *общая крыша* — в значении *живущие под общей крышей*) семья. Аракел Даврижеци (17 в.) упоминает приблизительно такую же семью в Тигранакерте. «Гердастан — большая неразделенная семья (община), объединяющая под одной кровлей несколько поколений (5-6) родственников по прямой нисходящей и боковой линии: родителей, их взрослых женатых сыновей со своими детьми, внуками и нередко – правнуками» [1, с. 311]. Семья у армян обозначается также понятиями *оджах – очаг, тун – дом*, определяющими семью как родственную группу, пользующуюся общим очагом, *цух* – сходный по смыслу с русским словом *дым* – жилье. Литературная форма *ынкатик* применялась редко [15, с. 232; 1, с. 310].

О.А. Горохова отмечает, что к XVI веку православные нормы семейно-брачного поведения полностью утвердились на русской земле. Средневековая русская патриархальная семья была многодетной и включала в себя множество домочадцев, т.е. родственников по боковому родству и все они находились в подчинении главы семьи. В такой семье имущество супругов было общим, равнодолевым, в том числе и приданое женщины, которое сохранялось и передавалось наследникам. Имущественные права женщин на Руси были законодательно оформлены ее дееспособностью [7].

С XV и до начала XX вв. армянский гердастан имел стабильный состав: 15-50, редко до 80-ти человек; авторитарное руководство мужчины; правила, регулирующие отношения членов семьи, традиции; и обычное право, в котором все обязанности были разделены: внешняя работа на открытом воздухе – для мужчин, а внутренняя, в помещениях – для женщин [19]. Глава гердастана, **танутер** (буквально *хозяин дома*), патриарх дома, именуемый *nahapet, tan mes, tan glux* («голова семьи, старший дома») был безоговорочным лидером с неограниченными правами и собственником всего имущества гердастана, и его жена, домохозяйка, **тантикин** (хозяйка дома), опираясь на традиции, смогли сохранить крепость семьи, основу общества. Не допускалось при танутере говорить громко, сидеть, или

прерывать его речь. Мужчины садились за стол только после него по старшинству, женщины ели отдельно. Только тантикин имела право сидеть с мужчинами за столом. Танутер нарекал именем новорожденных, мог лишить наследства или изгнать из дома нерадивых членов семьи. По «Судебнику Мхитара Гоша» (Армянский Судебник конец XII – начало XIII в.), сохранявшимися в быту армян еще до начала XX в. [9], недвижимое имущество и землю наследовали в первую очередь агнаты. Женщина могла наследовать землю в трех случаях: дочь – инвалид при наличии братьев-наследников; дочь – единственная наследница; жена после смерти мужа, хотя права женщин-наследниц оговаривались рядом ограничений [1, с. 309], [15, с. 234]. О значении старшего в семье свидетельствует армянская пословица: *«Если дом имеет старшего, его почитай, если нет старшего, положи камень, и его почитай как старшего»*, *«Дом без старшего подобен развалившемуся сеннику»* (арм.) [12, с. 65].

Жена патриарха, тантикин, ведала домашними делами и воспитанием женщин, девушек и молодых невест: обучала их выпечке хлеба, кулинарии, приготовлению молочных продуктов и т.д. Все они были ей полностью подчинены. Без ее ведома и разрешения невестки и дочери не могли ничего предпринять. Символом ее власти была связка ключей от кладовой и право распределения продуктов. «Наряду с патриархом патриархальная семья возглавляется и его женой. Она ведает всеми женскими работами семейного хозяйства. Отголоски матриархальных порядков находят отражение в обладании властью «старшей» женщины и над молодыми мужчинами дома. Женщина надолго остается «хозяйкой дома» [10, с. 80]. Тантикин служила связующим звеном между поколениями, передавая женской половине весь свой опыт и знания о хозяйстве, об обычаях и истории семьи, о национальной культуре, воспитывала молодежь и поддерживала равновесие в семье, была главным советником патриарха и хранителем мира в доме. После ее смерти старшим помощником патриарха становилась жена старшего сына, которая полностью наследовала состояние и обязанности свекрови [2]. Главной ролью жены было материнство и воспитание детей. Беременная женщина и мать всегда были объектами поклонения у

армян, поскольку жена в семье воспитывала и прививала этническое самосознание. По словам Католикоса Хримян Айрика, благополучие дома зависело от женщины, и часто понятия *дом и жена* отождествлялись [15, с. 233]. *Пусть будет некрасивой, лишь бы хорошей женой была, Дом без жены что водяная мельница без воды (арм.)*. Моральное же положение бесплодной женщины было весьма тяжелым. *Не иметь ребенка все равно, что не иметь души (арм.)*.

В XVI веке сподвижник Ивана Грозного протопоп Сильвестр собрал воедино и отредактировал весь рукописный свод житейских законов в книгу «Домострой». Положения «Домостроя» касаются не только семейного уклада, но и быта вообще: как вести хозяйство, как ухаживать за скотом, как выстраивать взаимоотношения и т.д. В «Домострое» проводится четкая иерархическая связь: семья — государство.

Л.П. Найденова отмечает, что понятий «общество, семья» в книге нет, т.к. подразумевается, что семья и есть общество, а сама семья, как и у армян, именуется «домом», который огражден, как крепость, высоким забором от внешнего вмешательства. «Термина «семья» «Домострой» в современном его значении не знает. Он оперирует понятием «дом» как обозначением некоего единого хозяйственного, социального и психологического целого, члены которого находятся в отношениях господства — подчинения, но равно необходимы для нормальной жизни домашнего организма» [20, с. 140]. Информация о семейных делах и жизни дома была под строжайшим запретом: насмешки или осуждение общества были для мужа страшной бедой и позором. «Отметим, что в данном случае речь идет не о клевете или лжи, а о любой передаче информации, в том числе и точной. Указана и причина неодобрительного к ним отношения — слухи могут быть причиной ссоры с соседями или внутри семьи, а, кроме того, и способом челяди манипулировать своими хозяевами, приобретая таким образом влияние на внутрисемейные отношения» [20, с. 117]. *Сор из избы не выноси, а в угол смети, да в печке сожги, Стыд между родственниками не поделишь, он на всю семью падает(рус.)*. Главная роль в доме предназначалась не жене, а мужу, который считался в доме хозяином

подобно «государю», дом же был крепостью. Хозяин — «государь» дома, поэтому статус женатого человека в книге выше, чем статус одинокого. Слуги, челядь входят в понятие домочадцы». Именно по отношению к челяди в «Домострое» употребляется термин «семья» [24, с. 49]. *Не петь куре петухом, не быть бабе мужиком; Жена верховодит, так муж по соседям ходит (рус.).*

Жена в «Домострое», как и в армянском гердастане — хозяйка и «заступница» за детей и слуг перед строгим «государем», отвечающая за воспитание детей и семейную благотворительность — важный фактор духовной жизни, одобрявшейся церковью и обществом. Брак представляется христианским таинством, которому надлежит следовать «телесную чистоту» храня, поэтому роль жены и матери в «Домострое» высоко ценится точно так же, как и ее девственное состояние [20, с. 123]. Особый статус приобретала вдова с малолетними детьми в отсутствии свекра. Она пользовалась большим авторитетом не только в семье, но и у общины: в качестве хозяйки дома она проявляла редкую деловую хватку, но, когда подросший сын женился и приводил в дом невестку и статус главы семьи переходил к нему, хозяйкой в доме становилась молодая жена, что часто выражалось даже в изменении места вдовы за общим столом. В православии женщине вообще отводится особая роль [20, с. 124]. *Добрая жена венец своему мужу; Мир в семье женой держится; Не наряд жену красит, а домостройство; Красота приглядится, а щи не прихлебаются (рус.).*

В замужестве армянская женщина принимала родовое имя и сословное положение мужа и обязана были быть верной, терпеливой, преданной, безропотно исполнять все работы и почитать родителей и родственников мужа. Супружеская измена сурово наказывалось, вплоть до смерти. Если брат или муж неверной женщины убивал ее, общественное мнение всегда оправдывало их, а если муж терпел измену своей жены, то семья, весь род осквернялись, и часто такая проклятая семья покидала общину. Основными причинами для развода были бесплодие, болезни и одержимость демонами. *Семья без ребенка, что очаг без огня; И хочется, да не можетя; Кто вино пьет, у того родители плачут (арм.).*

После смерти мужа жена оставалась в его доме не менее года, а после годового траура, молодая женщина могла говорить о разводе. По «Судебнику» Мхитара Гоша (XII в.) после смерти мужчины, если не было завещания (в Армении существовало завещательное наследственное право), его мать, сестра и жена не наследовали, а лишь получали определенную долю от наследства. Если бы вдова рано вышла замуж, что было необычно, она бы лишилась имущественных прав [9].

Как и в гердастане, «государь» дома по «Домострою» выступает в роли наставника и кормильца, отвечающего за благополучие и здоровье всех членов семьи. Жена безропотно признавала старшинство мужа. Мужу полагалось утром завтракать с женой, а вечером наедине обсуждать домашнее хозяйство, учить ее праведной жизни и, если жена указаний не слушала, предписывалось ее наказывать. Впервые в русской реальности в «Домострое» говорится об физическом наказании жены, что не имело в виду избиение, а именно наказание за вину и ослушание при отсутствии раскаяния. Рекомендовалось наказывать и всех домочадцев для сохранения в семье добрых отношений только лишь тогда, когда устные наставления не действовали [20, с. 125]. *Где любовь да совет, там и рай, там и свет; а ссоры да споры там только лишь вздоры; В семье разлад, так и дому не рад (рус.).*

Домашний очаг у армян был священным, в сознании армян слова «семья» и «очаг» являются синонимами и часто используются для обозначения дома, домашнего хозяйства, а иногда и хозяйки. Обязанностью женщины было поддержание огня в домашнем очаге, а если гас семейный огонь или очаг, женщина недостойна была называться хозяйкой дома. Армянское выражение «Оджахэ шен мна» означает пожелание гостей данному дому: «Пусть очаг ваш процветает» (здесь *очаг-дом*). Смерть женщины сравнивалась с угасанием домашнего очага, что считалось большим несчастьем. *Жена умирает – дом сиротеет; Без мужа голова не покрыта, без жены дом не крыт; Без хозяйки и дом сирота (арм.).*

Женщина не имела никаких прав на имущество своего мужа, а также и на имущество детей, нажитых мужем во время их совместной жизни. Ее права были ограничены во всех областях жизни. По «Судебнику» Смбата Спарапета Гундстабля (военачальник, правовед XII в.), пока имеются наследники по мужской линии, наследники по женской линии исключаются [23]. Женщины в суде могли свидетельствовать только если количество женщин-свидетелей было в два раза больше и не в суде, а пересказав свои показания «стольким же мужчинам, которые, вернувшись в суд, будут свидетельствовать, и свидетельство их пусть будет принято» [9]. Свобода девушек до замужества была ограничена, девочкам не разрешалось участвовать в юношеских играх, в обществе они держались замкнуто и застенчиво. *Тебе, дочь, говорю, а ты, невеста, слушай; Дочь не останется в доме отца, хоть клади ее в золотую люльку; Дочь – стена для чужого дома (арм.)*. Полноправным членом общества женщина становилась лишь в старости. В знак уважения, когда мимо проходила пожилая женщина, молодые люди вставали и кланялись, прекращая всякие споры, когда она вмешивалась [19]. Платок многолетних женщин считался священным и знаком чести семьи. Его часто использовали для примирения враждующих сторон. Несмотря на замкнутость, женщины пользовались уважением в семье благодаря своей порядочности и трудолюбию. Хозяйке дома отводилась роль советника, ее уважали и слушались. Армяне считали отношение к женщинам «делом чести» [19, с. 38, 39], [2]. «Хозяйка дома и другие замужние женщины занимали более высокое положение в армянской патриархальной семье, чем их предки в римской или греческой семье. Хозяйка дома была полностью независима в домашних делах. В экономическом отношении она позиционировала себя как свободный человек и даже поддерживала мужа во многих вопросах. Он прислушивался к ее советам и слушал ее очень часто» [17, с. 101].

В день свадьбы для невесты вступал в силу древний обычай молчания – **ч'хосканутюн** (букв. «молчаливость», «неразговорчивость» в значении скромности, покорности невесты). Молодые невестки должны были соблюдать запреты в отношении старших

членов семьи, в особенности мужчин: свекра, старших деверей, а также посаженного отца – **к'авор**. «Сложилась особая речь при помощи знаков, которою пользовались невестки, обращаясь к старшим мужчинам» [15, с. 233].

Воспитание детей и внуков было в центре внимания танутера, тантикин и всех старших в доме. С шести-семилетнего возраста мальчики и девочки постепенно разобщались друг от друга и им прививали (соответственно полу) навыки нравственного воспитания и нормы поведения. С этого же времени они приобщались к труду [1, с. 315], их готовили и приучали к своим будущим социальным ролям: девочек к роли будущей матери и хозяйки, а мальчиков к роли хозяина, кормильца, воина. Девочка получала в доме отца традиционное воспитание. Обычай осуждал родителей за объятия и поцелуи своих детей в присутствии членов семьи [19]. *И хорошее и плохое у детей от отца и матери; Сын хорошего человека бездельником не станет; Кто не наказывает своих детей, тот будет наказан сам (арм.)*.

По «Домострою» венчальный брак включал множество условий: возраст жениха и невесты, запрет брака с иноверцами, с представителями различных социальных групп, вступление в брак не более двух раз в жизни (торжественный обряд венчания совершался только при первом браке), заключение брака с близкими по крови лицами менее, чем в шестом колене. Развод был редким, но возможным явлением: в низших слоях общества позволялось мужьям «пустить жену» к новому «мужу», с которым она открыто жила, поэтому тема «ропусков» и побочных семей не была крамольной вплоть до XVII века [7]. *Не женат — не человек; С мужем — нужна, без мужа и того хуже, а вдовой да сиротой — хоть волком вой; Хоть за старца, лишь бы в девках не остаться (рус.)*. Несмотря на ограничения, вступление в брак и создание семьи было необходимостью: ведение хозяйства требовало как мужских, так и женских рук [22]. *Когда нет семьи, так и дома нет; Земля без воды — мертва, человек без семьи — пустоцвет (рус.)*.

Как и в гердастане, по «Домострою» жена была обязана сама заниматься всей домашней работой, учить и воспитывать дочерей

(обучение сыновей — обязанность отца), контролировать слуг. В отличие от гердастана, все решения, связанные с «домовным строением», муж и жена должны были обсуждать ежедневно и наедине. Дочерям собирали приданое сразу после ее рождения. Отец сам выбирал супруга для дочери — из равных по материальному и социальному положению [13]. «Домострой» не советует главе семьи смеяться, играя с детьми, чтобы сохранить господство главы семьи с помощью строгости [13]. В армянском гердастане вопрос брака решал танутер вместе со старшими мужчинами дома. Браки заключались в основном по сговору старших в интересах семей, мнения жениха и невесты не спрашивали. *Лучше один слепой муж, чем семь деверей (арм.)*.

«Домострой» предписывал воспитывать и обучать детей приличному поведению, но при этом рекомендовались телесные наказания: бить разрешалось только мальчиков: *«Казни сына своего от юности его... если жезлом бьешь его, не умрет, но здоровее будет»*. Так воспитывали будущего воина и закаляли его характер. Девочек за провинности следовало лишь строго ругать [20]. *Не всё таской, ино и лаской. Любишь ребёнка — иногда поколоти. Неладны те ребятки, коих не журят ни батьки, ни матки (рус.)*.

В горных регионах Армении женщины были более самостоятельны, поскольку мужчины большую часть года были оторваны от семей, и женщины вынуждены были оперативно реагировать на различные проблемы, в том числе и в военно-политических ситуациях: пополняли ряды воюющих мужчин, активно участвовали в различных войнах, оборонялись от нападений и грабежей [19].

Остатки патриархальной семьи в Армении больше, чем в России сохранились до 60-х гг. XX столетия. Уже к середине 60-х годов наблюдается рост и распространение семьи, основанной на преемственности двух поколений.

Подводя итог, можно сказать, что «культурные ценности воспринимаются как своего рода идеалы, в соответствии с которыми человек, его поведение квалифицируется как «достойное/недостойное», заслуживающее положительной или отрицательной ценностной оценки в обществе, языке и культуре. Культурные

ценности вырабатываются на протяжении исторического пути, проходимого народом, который откладывается в социальной памяти и формирует ценности» [24, с. 214].

Понятие (макроконцепт) *семья* является актуальным для армянского и русского национального сознания и понимается одинаково: крепкая семья – крепкое общество. Слова *дом/тун, очаг/оджах* в значении *семья/ынтаник* воспринимались очень серьезно во всем обществе. Семья – это крепость, которую надо всячески оберегать и защищать. Климатические особенности и географическое положение двух стран отражаются в быте и восприятии дома и семьи в ассоциации с теплом. Неудивительно, что семья у армян ассоциируется с очагом-оджахом, а у русских с печью. Тепло от огня сравнивается с домашним теплом родных и близких людей. *У оджаха нет углов (арм.) / Семья – печка: как холодно – все к ней собираются (рус).*

Сходны у обоих народов и функции главы семьи: глава семьи — муж, отец, кормилец и защитник. Он – «государь» / танутер (хозяин дома) в собственном доме: в его подчинении находились жена, дети, все домочадцы и слуги. На нем лежала вся основная ответственность за материальное и духовное благополучие семьи. Он защитник семьи и жены. Муж-отец в армянской и русской культурах соотносится с функцией авторитарного главы семьи и воспитателя. Роль и место мужчины в армянской семье до сих пор более выражены, чем в русской семье: по традиционным нормам в армянских семьях главой считается мужчина, и последнее слово в решении семейных вопросов остается за ним.

Образ матери у двух народов воспринимается одинаково: мать – это самое дорогое, что есть у человека, символ родины, добра, заботы и ласки, хотя в воспитании детей не всё зависит от матери. Мать уважали и поклонялись ей: *Если для матери сделаешь яичницу даже на своей ладони, и тогда у нее будешь в долгу (арм.) / Родную мать никем не заменишь (рус.).*

Функции родителей — отца и матери — у обоих народов сходны: отец занимался воспитанием сыновей, а мать – дочерей, но в то же самое время, отец их контролировал.

В гердастане все проблемные вопросы единолично решал патриарх-танутер и лишь в редких случаях советовался с другими старейшинами и со своей женой-тантин. В русской патриархальной семье важные дела решались на семейных советах, где были даже малые дети. Для русского народа эталоном хорошей семьи стала семья дружная, живущая в любви и согласии, в ладу. Воспитанием в армянском гердастане кроме родителей занимались все старшие дома, тем самым обеспечивалась преемственность поколений. Разводов между родителями в армянской и русских семьях почти не было, поскольку венчальный брак не допускал этого.

В обеих культурах *жена* играла важную роль в семейной жизни. Хотя армянские женщины были более бесправными, чем мужчины, однако их уважали и они являлись объектом поклонения. В армянских источниках нет упоминания о телесных наказаниях женщин, в пословичном фонде также отсутствуют пословицы такого характера, однако маловероятно, что насилие по отношению к ним не применялось. В русской семье наказания жены поощрялось. *Люби жену как душу, а тряси как грушу (бей как шубу)*. И, несмотря на все ограничения и притеснения, жена в обеих культурах ценилась: ее любили и уважали: *Жена – душа мужа (арм.)*. / *Умная жена – как нищему сума: всё бережет (рус)*.

При сопоставлении основных значимых показателей патриархальной семьи в армянской и русской исторической действительности, несмотря на существенную временную разницу в формировании и развитии патриархальной семейной общины и большой патриархальной семьи в целом в Армении и на Руси, наблюдается больше сходств, чем различий. Наличие различительных признаков свидетельствует о проявлении национальной специфики, определяемой историческими, географическими, социокультурными особенностями, объективными законами общественно-исторического развития и особенностями восприятия христианской морали двух народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Армяне / Отв. ред. Л.М. Варданян, Г.С. Саркисян, А.Е. Тер-Саркисянц; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; Ин-т археологии и этнографии НАН РА. - М.: Наука, 2012. 648 с. (Народы и культуры).
2. Багдасарян Э. Армянская семья. Краткий историко-этнографический обзор. Центр армянских исследований. Изд. «Луйс» (на арм. языке). Торонто, 2016. 89 с.
3. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. А. М. Прохоров. — 2-е изд, перераб. и доп. — М.: Большая Российская энциклопедия; СПб.: Норинт, 2000. 1434 с.
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология (теория и методы). М.: РУДН, 1997. 331 с.
5. Ганалаян А.Т. Армянские пословицы. (На арм. языке). Ереван: Изд-во АН АрмССР, 1960. 508 с.
6. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1998. 252 с.
7. Горохова О.А. Русская семья X-XVII веков как объект историко-культурологического изучения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-semya-x-hvii-vekov-kak-obekt-istoriko-kulturologicheskogo-izucheniya>
8. Государство и право Киевской Руси (IX – первая половина XII в.). Тема 2. Русская Правда. URL: <https://raa.ru/wp-content/uploads/2021/07/>
9. Зурначян А.С. Судебник Мхитара Гоша как источник армянского права // Genesis: исторические исследования. 2015. № 2. С. 25-49. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.2.14027 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=14027
10. История культуры. Т. 1. Под редакцией П.Ф. Юдина, М.О. Косвена и П.И. Кушнера: Первобытная культура. Древнейшие цивилизации. Античный мир. Средневековье. М.: Изд. ОГИЗ – Госполитиздат, 1941. 840 с.
11. Карапетян Э.Т. Армянская семейная община. Ереван, 1958.
12. Карапетян Э.Т. Родственная группа азг у армян (вторая половина XIX — начало XX вв.). Ер., 1966. 309 с.

13. *Ковынева М.* Домострой: нормы семейной жизни на Руси. URL: <https://www.culture.ru/materials/256410/kak-muzhchina-dolzhen-zhit-po-domostroyu>
14. *Лафарг П.* Очерки по истории культуры [Текст] / Поль Лафарг; под ред. С.Шеввердина. 2-е изд. Москва, Ленинград: Московский рабочий [б. и.], 1928. 248 с.
15. *Лисициан С.Д.* Очерки этнографии дореволюционной Армении // КЭС, 1955. Т. 1. С. 182-264.
16. *Маслова В. А.* Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. -- М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
17. *Мегаворян Г.* Этнографическое и юридическое исследование армянской семьи и брака. Архив Армянской академии наук Республики Армения, ф. 102, с. 101.
18. *Мезенцева Е.С.* Пословичный фонд языка как фрагмент языкового сознания этноса // Вестник КазНУ. – 2005. – №2. – С. 23-26.
19. *Нагапетян Р.* Женщина в традиционной армянской семье (по этнографическим обычаям сасунцев) // Историко-филологический журнал, № 1 (на арм.языке). Издательство «Гитутюн», Ереван, 2009. С 71-87.
20. *Найденова Л. П.* Жизнь русского человека XVI–XVII веков (вера, семья, дела житейские). 2-е изд., испр. и доп. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 188 с.
21. *Попов В. А.* Концепты Род и Родовая организация: опыт переосмысления дефиниций // Сибирские исторические исследования. 2020. № 3. С. 230–242.
22. *Стаканчикова О.А.* Домострой. URL: https://tagilib.ru/readers/chto-pochitat/?ELEMENT_ID=142408
23. *Смбат Спарпет.* Судебник. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus9/Smbat_Sparapet_II/framepred.htm
24. *Телия В.Н.* Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.

- 25 Философский словарь. Под ред. И.Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Республика, 2001. 719 с.
- 26 Шнейдер Л.Б. Семейная психология: учебное пособие для вузов. 2-е изд. М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2006. 768 с. («Gaudeamus»)

REFERENCES

1. Armyane / Otv. red. L.M. Vardanyan, G.S. Sarkisyan, A.Ye. Ter-Sarkisyan; In-t etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaya RAN; In-t arkheologii i etnografii NAN RA. - M.: Nauka, 2012. 648 s. (Narody i kul'tury).
2. Bagdasaryan E. Armyanskaya sem'ya. Kratkiy istoriko-etnograficheskiy obzor. Tsentr armyanskikh issledovaniy. Izd. «Luys» (na arm. yazyke). Toronto, 2016. 89 s.
3. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' / Gl. red. A. M. Prokhorov. — 2-ye izd, pererab. i dop. — M.: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya; SPb.: Norint, 2000. 1434 s.
4. Vorob'yev V. V. Lingvokul'turologiya (teoriya i metody). M.: RUDN, 1997. 331 s.
5. Ganalanyan A.T. Armyanskiye poslovitsy. (Na arm.yazyke). Yerevan: Izd-vo AN ArmSSR, 1960. 508 s.
6. Golod S.I. Sem'ya i brak: istoriko-sotsiologicheskii analiz. SPb.: TOO TK "Petropolis", 1998. 252 s.
7. Gorokhova O.A. Russkaya sem'ya X-XVII vekov kak ob'yekt istoriko-kul'turologicheskogo izucheniya. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/russkaya-semya-x-hvii-vekov-kak-obekt-istoriko-kulturologicheskogo-izucheniya>
8. Gosudarstvo i pravo Kiyevskoy Rusi (IKH – pervaya polovina XII v.). Tema 2. Russkaya Pravda. URL: <https://raa.ru/wp-content/uploads/2021/07/>
9. Zurnachyan A.S. Sudebnik Mkhitar Gosha kak istochnik armyanskogo prava // Genesis: istoricheskiye issledovaniya. 2015. № 2. S. 25-49. DOI: 10.7256/2409-868X.2015.2.14027 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=14027

10. Istoriya kul'tury. T. 1. Pod redaktsiyey P.F. Yudina, M.O. Kosvena i P.I. Kushnera: Pervobytnaya kul'tura. Drevneyshiye tsivilizatsii. Antichnyy mir. Srednevekov'ye. M.: Izd. OGIZ – Gospolitizdat, 1941. 840 c.
11. *Karapetyan E.T.* Armyanskaya semeynaya obshchina. Yerevan, 1958.
12. *Karapetyan E.T.* Rodstvennaya gruppa azg u armyan (vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.). Yer., 1966. 309 c.
13. *Kovyneva M.* Domostroy: normy semeynoy zhizni na Rusi. URL: <https://www.culture.ru/materials/256410/kak-muzhchina-dolzhen-zhit-po-domostroyu>
14. *Lafarg P.* Ocherki po istorii kul'tury [Tekst] / Pol' Lafarg; pod red. S.Sheverdina. 2-ye izd. Moskva, Leningrad: Moskovskiy rabochiy [b. i.], 1928. 248 c.
15. *Lisitsian S.D.* Ocherki etnografii dorevolutsionnoy Armenii // KES, 1955. T. 1. S. 182-264.
16. *Maslova V. A.* Lingvokul'turologiya: Ucheb. posobiye dlya stud. vyssh. ucheb. zavedeniy. -- M.: Izdatel'skiy tsentr «Akademiya», 2001. 208 c.
17. *Megavoryan G.* Etnograficheskoye i yuridicheskoye issledovaniye armyanskoy sem'i i braka. Arkhiv Armyanskoy akademii nauk Respubliki Armeniya, f. 102, s. 101.
18. *Mezentseva Ye.S.* Poslovichnyy fond yazyka kak fragment yazykovogo soznaniya etnosa // Vestnik KazNU. – 2005. – №2. – S. 23-26.
19. *Nagapetyan R.* Zhenshchina v traditsionnoy armyanskoy sem'ye (po etnograficheskim obychayam sasuntsev) // Istoriko-filologicheskyy zhurnal, № 1 (na arm.yazyke). Izdatel'stvo «Gitutyun», Yerevan, 2009. С 71-87.
20. *Naydenova L. P.* Zhizn' russkogo cheloveka XVI–XVII vekov (vera, sem'ya, dela zHITEYSKIYE). 2-ye izd., ispr. i dop. Moskva; Berlin: Direkt-Media, 2020. 188 c.
21. *Popov V. A.* Kontsepty Rod i Rodovaya organizatsiya: opyt pereosmysleniya definitsiy // Sibirskiy istoricheskiy issledovaniya. 2020. № 3. S. 230–242.
22. *Stakanchikova O.A.* Domostroy. URL: https://tagilib.ru/readers/cht-pochitat/?ELEMENT_ID=142408

23. Smbat Sparapet. Sudebnik. URL: [https://www.vostlit.info/Texts/rus9/Smbat Sparapet II/framepred.htm](https://www.vostlit.info/Texts/rus9/Smbat_Sparapet_II/framepred.htm)
24. Teliya V.N. Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty. M.: Shkola «YAzyki russkoy kul'tury», 1996. 288 c.
25. Filosofskij slovar'. Pod red. I.T. Frolova. 7-ye izd., pererab. i dop. M.: Respublika, 2001. 719 c.
26. Shneyder L.B. Semeynaya psikhologiya: uchebnoye posobiye dlya vuzov. 2-ye izd. M.: Akademicheskij Proyekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga, 2006. 768 c. («Gaudeamus»)

V-XVII-րդ դարերի ՀԱՅ ԵՎ ՌՈՒՄ ԸՆՏԱՆԻՔՆԵՐԸ ՈՐՊԵՍ ՊԱՏՄԱՄՇԱԿՈՒԹԱՅԻՆ ՈՒՍՈՒՄՆԱՍԻՐՈՒԹՅԱՆ ՕԲՅԵԿՏ

Մ. Չ. ՕՎԱԿԻՄՅԱՆ

Վ. Յա. Բրյուսովի անվան պետական համալսարան

Հոդվածում ուսումնասիրվում է ընտանիքը որպես ինստիտուտ ընդհանրապես և հայրապետական ընտանիքը, մասնավորապես, իրականացվում է ընտանիք – հայրապետական ընտանիք հասկացության համեմատական պատմամշակութաբանական վերլուծություն հայկական և ռուսական մշակույթներում, պատրիարքության բնութագրական առանձնահատկությունները, քրիստոնեական կրոնի ազդեցությունը հայրապետական ընտանիքի վրա, ընտանեկան վարքի իրավական նորմերը, ընտանիքում տղամարդու և կնոջ դերն ու տեղը, ամուսինների, հարազատների, երեխաների միջև փոխհարաբերությունները, բացատրվում են ընտանեկան ավանդույթների դերը, համատեղ աշխատանքը, ավագ սերնդի հարգանքը, երեխաների դաստիարակությունը, որոնք արտացոլվում են երկու ժողովուրդների ասացվածքային ֆոնդում:

Բանալի բառեր. ընտանիք, հայրապետական ընտանիք, ընտանեկան ավանդույթներ, ծնողավարություն/ ծնողություն, երեխաների դաստիարակություն, համատեղ աշխատանք, ընտանեկան հարաբերություններ, ժառանգական իրավունք, բանահյուսություն, առած:

**ARMENIAN AND RUSSIAN FAMILIES OF THE V-XVII
CENTURIES
AS AN OBJECT OF HISTORICAL AND CULTUROLOGICAL
STUDY**

M. Z. OVAKIMYAN

V. Ya. Bryusov State University

The article examines the family as an institution in general and the patriarchal family in particular, provides a comparative historical and cultural analysis of the concept of family – patriarchal family – in Armenian and Russian cultures, the characteristic features of patriarchy, the influence of the Christian religion on the patriarchal family, the legal norms of family behavior, the role and place of men and women in the family, the relationship between spouses relatives and children explain the role of family traditions, joint work, respect for the older generation, and child rearing, which are reflected in the proverbial fund of the two peoples.
Key words: *family, patriarchal family, family traditions, parenting, raising children, joint work, family relationships, inheritance law, folklore, proverb.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 29 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

СОПОСТАВИТЕЛЬНАЯ ТИПОЛОГИЯ

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВАРИАНТНОСТИ ЭМОТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКОМ И АРМЯНСКОМ ЯЗЫКАХ

Посвящается памяти Михаила Давидовича Амирханяна

М. Д. КЕСАЯН
Ереванский государственный университет

marinakesayan@mail.ru

Статья посвящена одной из важнейших проблем фразеологии – проблеме разграничения фразеологических вариантов и фразеологических синонимов. Известно, что некоторые фразеологизмы выступают в постоянном лексико-грамматическом составе, в то время как другие используются в виде нескольких равнозначных вариантов. Этот факт вызывает множество споров в среде фразеологов. Главный вопрос, который возникает в этой связи, – что считать фразеологическим вариантом, а что синонимом.

Ключевые слова: фразеологизм, вариантность фразеологизмов, фразеологические синонимы, компонент фразеологизма, лексическая замена, лексическое варьирование, взаимозамена компонентов.

Тема вариантности – одна из самых востребованных в области фразеологии, поскольку соотношение вариантности и устойчивости – сущностная характеристика фразеологизмов как воспроизводимых языковых выражений. Наша цель – на материале фразеологизмов эмоционально-экспрессивного характера выделить виды вариантности в составе фразеологизма, описать узуальный и окказиональный характер изменений, определить границы между вариантами и синонимами.

Одной из важнейших проблем, стоящих перед фразеологией, является вопрос о разграничении фразеологических синонимов и

фразеологических вариантов. Одни фразеологизмы выступают в постоянном лексико-грамматическом составе (*души не чаять, без памяти, гусей дразнить, шарашкина контора, ноль внимания и т.д.*), другие функционируют в виде нескольких равноправных вариантов (*от < всей > души, из-под < самого > носа, трепать [портить] нервы, надуть губы (зубки), быть бельмом в [на] глазу и т. д.*). И факт наличия в языке большого количества фразеологизмов, сходных по семантике, но различающихся лексико-грамматическим оформлением, вызывает острые дискуссии. Главный вопрос, стоящий перед практической фразеологией, – что считать вариантами, а что синонимами того или иного оборота. Понятие варианта фразеологизма обычно дается на фоне тождества его целостного значения или образа. Большинство ученых вслед за Н.В. Шанским признает, что “варианты фразеологического оборота – это его лексико-грамматические разновидности, тождественные ему по значению и степени семантической слитности” [7; 50]. Однако несогласия возникают, когда начинается определение типов варьирования.

Исследуя эту проблему, А.И. Молотков говорит, что явление вариантности компонентов фразеологизма – особенность его формы. Проявляясь по-разному, оно иногда захватывает только отдельные компоненты фразеологизма, иногда же распространяется на все. В принципе каждый компонент фразеологизма может варьироваться. Соответственно этому сами варианты будут разными. Он предлагает дифференцировать следующие типы варьирования [4; 217-220].

1. Варьирование компонентов по форме. Сюда входят две подгруппы:

а) фонетические и орфографические взаимозамены компонентов

- < живого > лица нет/нету – (*երեսին գույն չմնալ/չլինել, գույնը գցել, գույնը ւշտի ծեփ դառնալ, երեսը կտալի/մեռելի գույն ւտինալ*);

-дохнуть/дыхнуть негде/нельзя – (*սուղ գցելու տեղ չկա, կանգ-նելու տեղ չկա, շունչդ կտրվում է*);

б) морфологические взаимозамены компонентов

- свести/сводить счета – (*հաշիվ մաքրել/տեսնել, հաշիվը վերջացնել, հաշիվները մաքրել/փակել /պարզել, վրեժխնդիր լինել, վրեժ լուծել*)

-открывать Америку/Америку – (*Ամերիկա գտնել / հայտնաբերել, գյուտ անել*)

- и горя [горюшка] мало – (*հոգը չէ, վեջը չէ, պեսքը չէ*)

- сбросить со счетов/со счета – (*հաշվից հանել, այլևս բանի տեղ չդնել/չգցել*).

2. Варьирование компонентов по составу. Здесь также выделяются две подгруппы:

а) вариантные ряды, в которых между компонентами отсутствует генетически семантическая близость

- душа [сердце] болит – (*հոգին տանջվել, սիրտը ցավալ, մեկի ցավը բաշել, բուռն չտանել, հոգի տալ*)

- трепать [портить] нервы – (*շարժարել, ջղեր քայքայել, հոգու հետ խաղալ, սիրտը ուռնել*)

- свернуть [сломать] шею [голову, башку] – (*գլուխը/քիթը/կողերը ջարդել, աչքերը հանել, կողերը համրել*)

б) вариантные ряды, в которых отмечается семантическая близость

- точить [вострить] зубы – (*առաւ/առաւները/ճանկերը սրել*)

- родиться в рубашке [сорочке] – (*բախտավոր/բարի աստղի տակ ծնվել, վրան գալի մազ ունենալ*)

- мышинная возня [суета] – (*ձեռ ու ոտ ընկնել, իրար անցնել*)

Таким образом, основными типами фразеологического варьирования являются формальные трансформации и лексические замены компонентов фразеологизмов. Такую классификацию фразеологических вариантов признает большинство исследователей. Формальное варьирование компонентов фразеологизма определяется фактом генетической общности слова и фразеологического компонента, поэтому виды варьирования компонента аналогичны видам варьирования лексем. В живой речи можно записать все виды таких вариантов – от акцентологических и фонетических до синтаксических. Морфологические варианты фразеологических единиц обычно сводятся к двум типам – парадигматическому и словообразовательному. В первом случае

изменения компонентов наблюдаются в пределах парадигмы исходных слов: *глаза разбегаются / разбежались, показывать пальцем (пальцами), скажи (скажите) пожалуйста и т.д.* Второй тип – варианты, обусловленные модификациями словообразовательных формантов: *пальцы/пальчики оближешь, сходить/сойти с ума, лезть / ползть в бутылку, попадать / попасть на зубок (зуб) и т.п.*

Лексическое варьирование фразеологического оборота констатируется многими исследователями. Однако в новейших работах можно найти решительный отказ от трактовки лексических замен как вариантности и стремления рассматривать это явление как фразеологическую синонимию. Весьма определенно в этом плане мнение А.М. Бабкина, считающего понятие “фразеологический синоним” неоспоримым, а “фразеологический вариант” – спорным в применении к случаям лексической замены компонентов фразеологизма [2; 84-85].

Н.М. Шанский выделяет три типа фразеологических вариантов:

- 1) фразеологизмы, содержащие семантически пустые компоненты, без которых фразеологизм может функционировать (*гроша ломаного [медного] не стоит - гроша не стоит, быть не в духе - не в духе, проглядеть все глаза - проглядеть глаза, грош цена в базарный день – грош цена, трепать [портить] себе нервы, трепать [портить] нервы*);
- 2) фразеологизмы, содержащие слова, различающиеся грамматически (*показывать пальцем / пальцами, точить зубы / зуб, не сметь дохнуть / дыхнуть, лезть / ползть в бутылку*);
- 3) фразеологизмы, отличающиеся один от другого как полная и сокращенная разновидности (*голова < голова идет/пошла > кругом, <держать> руки по швам, как гора с плеч < свалилась>*).

Фразеологические обороты, имеющие в своем составе общие члены, сходные по значению, Н.М. Шанский рекомендует считать “дублетными синонимами” [7; 55]. Таким образом, обороты типа *от всего сердца - от всей души, спустить шкуру – содрать шкуру, едва ноги носят – еле ноги носят, прятать глаза – прятать*

взгляд, кусок в горло не идет – кусок в глотку не идет и т.п. признаются синонимами-дублетами.

Точку зрения, согласно которой лексические замены во фразеологических оборотах ведут к образованию синонимов, а не вариантов, пытается теоретически обосновать и А.И. Федоров. Замена компонента фразеологизма, по его мнению, меняет характер образного представления последнего, его оценочную и стилистическую окраску [5; 56].

В.М. Мокиенко, напротив, полагает, что такая трактовка значительно обедняет понятие фразеологического варианта и чрезмерно расширяет понятие фразеологического синонима. Основной посыл, приводящий исследователей к отрицанию лексической вариантности фразеологизма, не может быть признан объективным. Лексическая замена компонентов далеко не всегда меняет образ, характер фразеологизма. Нередко могут заменяться слова – синонимы, обеспечивающие стабильность образного представления, причем круг этих слов, особенно в живой речи, весьма широк. Довольно часто замена компонентов проходит в тематическом круге лексики, обеспечивающем относительную тождественность образного представления:

- *намылить шею (голову)* – [qɪnɪhɪr ɪʃɪnɪʃ/ɪʃɪʃ, qɪhɪhɪ ɪʃɪʃ ʃɔbɪ, qɪhɪhɪ ʒɪhɪ ɪʃɪʃ ʃɔbɪ/ʃɔʃɪʃɪ, hɪʃɪhɪg qɪʃ, ɛnɪʃɪn ʃɪnɪ, nɪ /ɛnɪʃɪn ɛnɪʃɪʃɪn ɪnɪʃɪnɪʃ/ɪnɪnɪg ʃɪhɪ ɛnɪʃɪʃɪʃɪhɪ ɪnɪʃɪnɪʃ/hɪnɪ hɪʃɪʃɪhɪhɪ ɪʃɪhɪ qɪʃ, ʒɪhɪ ɔɪr qɪgɪ, hɪhɪr ʃɪhɪʃɪ, gɪhɪr ɪnɪʃɪʃ]

- *скребет на душе (на сердце)* – [ɪhɪhɪr ɛnɪʃɪʃ, ɪhɪhɪr ɪhɪhɪr - ɪhɪhɪr ɪhɪhɪʃ, ɪhɪhɪg ɪhɪhɪn ɪhɪʃɪʃ].

Трудно не признать структурно-семантическую близость, почти тождественность оборотов подобного типа. Отказ от определения их как лексических вариантов фразеологизма приведет их к смешению с фразеологическими синонимами. Мокиенко также отмечает, что “лексическое варьирование – это собственно фразеологическое варьирование, трансформация раздельнооформленной, но семантически цельной единицы”. Основными признаками варианта фразеологизма Мокиенко считает единство внутренней мотивировки, образа фразеологического оборота и относительную

тождественность синтаксической конструкции, в рамках которой проходят лексические замены. Благодаря этим условиям “лексические замены в вариантах фразеологических единиц носят строго закономерный, системный характер” [3; 31-33].

В Энциклопедии “Русский язык” вопрос о вариантах освещён кратко, но вполне определённо. Авторы энциклопедии считают, что в структуре большинства фразеологизмов-идиом выделяются константные (постоянные) и переменные элементы. Константные элементы образуют основу тождества единицы, переменные элементы создают возможность варьирования. Вариантность фразеологизмов-идиом выражается в видоизменении элементов, соотносимых с единицами разных уровней: лексико-семантического, синтаксического, морфологического, словообразовательного и фонетического, а также в изменении количества лексических компонентов, не нарушающих тождества фразеологической единицы [8; 382].

Как показывают наблюдения, фразеологизмы являются единицами очень подвижными и изменчивыми, постоянно готовыми к своему обновлению и переходу из одного состояния в другое. Явление вариативности, понимаемое широко, как любое изменение, терпимое единицей в речевой деятельности, представлено во фразеологии достаточно заметно и ярко. При этом изменение ФЕ может происходить как стихийный акт (непреднамеренное преобразование, возникающее спонтанно в процессе речи и потому не осознаваемое речепроизводителем) или же находиться под контролем говорящего (программируемое изменение, создаваемое осознанно и целенаправленно). Варьирование ФЕ может иметь как узуальный (языковой), так и окказиональный (индивидуальный, контекстуальный) характер. Жестких границ между стандартными (узуальными) и нестандартными (окказиональными) вариантами нет.

Наши наблюдения также показывают, что вариантность формы фразеологической единицы связана:

1. с разграничением уровней варьирования – фонетическая, словообразовательная, морфологическая, синтаксическая и лексическая вариантность;

2. с усечением компонентного состава ФЕ – количественная (квантитативная) вариантность;
3. с количеством варьируемых компонентов – двучленная/многочленная вариантность.

Вариативность может касаться любого компонента фразеологизма и всегда затрагивает структуру единицы. Чем больше компонентов входит в состав ФЕ, тем больше может быть вариантов, основанных на полисемии, омонимии, синонимии, антонимии либо на стилистической окраске единицы.

Также как и в русской, в армянской фразеологии вариантность как лексико-семантическое явление имеет много спорных вопросов, связанных с проблемой разграничения вариантов и синонимов.

Значительная часть армянских ФЕ, наряду с основными своими формами, имеет также различные варианты. Е.У. Геворгян выделяет три типа вариантов: морфологические, лексические и синтаксические [1; 108-113].

В случаях, когда один из компонентов фразеологизма употребляется в разных падежных формах, мы имеем дело с морфологическими вариантами:

ձեռից գալ – ձեռքով գալ
աչքին գալ – աչքով ընկնել
ձեռք ու ոտք ընկնել – ձեռքի ու ոտքի ընկնել

В случае с лексическими вариантами один из компонентов фразеологизма заменяется синонимом, нередко его диалектной или просторечной формой:

ձեռքը հուլալ – փեռքը կիւլ
աւաժը չլանին դնել – աւաժը պարանին դնել
գլուխը փեշը դնել – գլուխը փեշի տակ դնել

Наконец, в синтаксических вариантах фразеологизма может иметь место изменение порядка слов:

գելի գլխին ավետարան կարդալ – գլխին գելի ավետարան կարդալ

Во всех перечисленных случаях вариантность в армянских фразеологизмах опять же не приводит к возникновению нового значения, а это, в свою очередь, позволяет считать их вариантами, а не синонимами.

Таким образом, явление вариантности, присущее как русской, так и армянской фразеологии, вызывает много спорных вопросов, но самый главный из них – вопрос разграничения вариантов и синонимов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Գևորգյան Ե.Հ. Հայերենի դարձվածքները*. Երևան, 1969, 136 է, է.108-113:
2. *Бабкин А.В.* Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., Наука, 1970, 264 с.
3. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1989, 287 с. С. 31-33.
4. *Молотков А.И.* Основы фразеологии русского языка. Л.: Наука, 1977, 284 с.
5. *Федоров А.И.* Развитие русской фразеологии во второй половине XVIII - начале XIX века. Новосибирск: Наука, 1973. 168 с.
6. Фразеологический словарь русского языка. Под ред. А.И. Молоткова. М.: Русский язык, 1986.
7. *Шанский Н.В.* Фразеология современного русского языка. Учебное пособие для вузов. М.: Высшая школа, 1985. 160 с.
8. Энциклопедия „Русский язык”. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.

REFERENCES

1. *Gevorgyan E.H.* Hayereni dardzvacknere. Yerevan, 1969. 136 s. S. 108-113.
2. *Babkin A.M.* Russkaya frazeologiya, eyo razvitiye i ictochniki. L.: Nauka, 1970. 264 s.
3. *Mokienko V.M.* Slavyanskaya filologiya. Visshaya shkola, 1989.
4. *Molotkov A.I.* Osnovi frazeologii russkogo yazika. L.: Nauka, 1977. 287 s.

5. Fyodorov A.I. Razvitiye . russkoy frazeologii vo vtoroy polovine XVIII – nachale XIX veka. Novosibirsk: Nauka, 1973. 168 s.
6. Frazelogicheskiy slovar russkogo yazika. Pod red. A.I. Molotkova. M.: Russkiy yazik, 1986.
7. Shanskiy N.V. Frazelogiya sovremennogo russkogo yazika. M.: Vysshaya shkola, 1985. 160 s.
8. Enciklopediya “Russkiy yazik”. M.: Sovetskaya enciklopediya, 1979. 432 s.

ՌՈՒՍԵՐԵՆ ԵՎ ՀԱՅԵՐԵՆ ԼԵՉՈՒՆԵՐՈՒՄ ՉԳԱՅՄՈՒՆՔԱՅԻՆ ԴԱՐՉՎԱԾՔՆԵՐԻ ՏԱՐԲԵՐԱԿԱՄԱՆ ՈՐՈՇ ԱՍՊԵԿՏՆԵՐ

Մ. Դ. ԿԵՍԱՅԱՆ
Երևանի պետական համալսարան

Հոդվածը նվիրված է դարձվածաբանության կարևորագույն խնդիրներից մեկին՝ դարձվածքային հոմանիշների և դարձվածքային տարբերակների սահմանազատմանը: Հայտնի է, որ որոշ դարձվածքները հանդես են գալիս մշտական բառաբերականական կազմով, մինչ դեռ մյուսները՝ գործում են մի քանի հավասարագոր տարբերակների տեսքով: Այդ փաստի առկայությունը սուր բանավեճերի տեղիք է տալիս: Գլխավոր հարցը, որ առաջանում է գործնական դարձվածաբանության առջև այն է, թե ինչը համարել այս կամ այն դարձվածքի տարբերակ, իսկ ինչը՝ հոմանիշ:

Բանալի բառեր՝ դարձվածաբանություն, դարձվածքային հոմանիշներ, դարձվածքային տարբերակներ, բառաբերականական կազմ:

SOME ASPECTS OF THE VARIATION OF EMOTIVE PHRASEOLOGICAL UNITS IN THE RUSSIAN AND ARMENIAN LANGUAGES

M. D. KESAYAN
Yerevan State University

The article is dedicated to one of the most important problems of phraseology – the problem of distinguishing between phraseological variants and phraseological synonyms. It is known that some phraseological units appear in a constant lexicogrammatical structure, while others are used in the form of several equivalent variants. This fact causes a lot of controversy among phraseologists. The main question that arises in this regard is what is considered a phraseological variant and what is a synonym.

Key words: *phraseology, phraseological variants, phraseological synonyms, equivalent variants.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 30 апреля 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120) 2025 30.06.2025.

МЕТОДИКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ОБУЧЕНИЯ

ПРИНЦИП ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ УРОКОВ РКИ В ПОДГОТОВКЕ СПЕЦИАЛИСТОВ КАК ДОМИНИРУЮЩЕЕ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

*Доктору филологических наук, профессору
Михаилу Давидовичу Амирханяну посвящается*

В. Л. АВЕДЯН
ЕГМУ им. Мхитара Гераци
avedova.vlada@mail.ru

Профессионально ориентированное обучение русскому языку как иностранному является целенаправленным и структурированным архитектурным процессом, в котором учитываются цели, содержание, формы, методы и средства обучения, направленные на подготовку учащихся к их будущей профессии. Данный подход нацелен на решение задач, связанных с формированием профессионально-коммуникативных умений и навыков студентов. В конечном итоге, результатом такого обучения становится развитие профессионально-коммуникативной компетенции у выпускников вузов, что позволяет последним успешно справляться с разного рода вызовами в условиях многообразного поликультурного и полиязычного окружения.

Ключевые слова: профессионализация образования, профессионально-ориентированные уроки РКИ, система высшего образования, подготовка будущих специалистов, профессиональная коммуникация.

О непреходящей актуальности проблемы профессионализации образования свидетельствует сама история развития системы выс-

шего образования [Матевосян 2002; Мелик-Нубарова 2003; Стефанская 1989, Амелина 2014, Эрганова 2007; Мелик-Нубарова 2003, Саркисян 2008, 2009, 2010 и мн. др.]. Как отмечает Т.М. Балыхина, обучение в вузах не может не быть ориентированным на профессиональную деятельность [1: 5-11]. Восприятие высшего образования претерпевало периодические изменения с момента основания самого данного института. В этом смысле под высшим образованием зачастую подразумевалась подготовка к научной деятельности, овладение конкретной профессией, приобретение высших знаний. Что касается вопроса профессионального обучения русскому языку как иностранному, то последний оказывается в центре внимания соответствующих специалистов, начиная с 50-х годов прошлого века.

Отметим, что на начальном этапе развития методики преподавания РКИ акцентировались в основном лексические ее аспекты, однако более поздние исследования уверенно продемонстрировали, что каждый отдельно взятый профиль требует особого подхода к языковой подготовке. Сказанное означает, что исходная посылка подобных рассуждений сводится к тому, что профессиональная деятельность в лингвистическом аспекте сводится, среди прочего, также и к дифференциации функциональных стилей языка.

В 70–80-ых годах в теории преподавания иностранных языков начинает доминировать идея о необходимости развития навыков общения в учебно-профессиональной среде (как было отмечено выше, ранее приоритетным считалось обучение чтению и пониманию смысла текста, а также лексический аспект обучения языку). Именно в указанный период методику преподавания РКИ прочно вошло понятие «профессиональное общение». Последнее при этом понималось в качестве сложного архитектурного явления, требующего интенсификации исследований не только в области лингводидактики, но также социолингвистики и психологии.

Постепенное смещение теоретических акцентов и производное от последнего формирование новых задач и целей обучения привело также и к необходимости переосмысления целого ряда вопросов

доктринального характера. Актуализировалась проблема текста, понимаемого в качестве единицы обучения, возникла необходимость в дополнительном изучении данной единицы и определения ее статуса в рамках общего методического инструментария. Параллельно начался процесс поиска способы оптимизации обучения языку специальности. Как следствие сформировалось восприятие текста как «высшей коммуникативной единицы» организации учебного материала на продвинутом этапе обучения [4: 4; Основы научной речи 2003 и др.]. Это способствовало расширению методических функций и привело к тому, что само изучение текстов научного стиля речи перестало ограничиваться исключительно лексико-грамматическим анализом. Методическая наука начала развиваться в направлении структурно-смыслового подхода, что привело к расширению традиционной типологии научных текстов [4; 6].

Отныне основным объектом изучения ученых становятся форма, содержание и организационные составляющие процесса обучения с учетом профессиональных потребностей студентов. Практическая направленность обучения и акцент на овладение языком как средством коммуникации привели к разработке комплекса коммуникативных упражнений [11], применению технических средств обучения [13]. Одновременно возникла необходимость также и в публикации наглядных учебных материалов. Итак, основной тенденцией в развитии методики РКИ в упомянутый период становится стремление к обучению коммуникативным навыкам при опоре на коммуникативный материал, задействуемый на всех уровнях обучения, начиная с вводно-фонетического курса и заканчивая подготовкой к изучению языка специальности (Митрофанова О.Д., Мисири Г. С. и др.).

Как отмечает в этой связи Г.С. Мисири, если раньше задача овладения языком специальности сводилась к формированию навыков чтения специальной литературы, то в 80-е годы сформировался новый, подход, заключающийся в том, что обучающийся должен уметь «правильно и обстоятельно выражать свои мысли, делать доклады, обмениваться мнениями и участвовать в дискуссиях по вопросам своей будущей специальности» [5: 41].

Начиная с 90-х годов, принцип профессиональной ориентации в подготовке специалистов становится доминирующим общетеоретическим положением (Балыхина Т.М., Васильева Т.В., Добровольская В.В., Клобукова Л.П., Костомаров В.Г., Левина М.М., Метс Н.А., Михалкина И.В., Романова Н.Н., Стефанская А.В., Сурыгин А.И., Фарисенкова Л.В. и другие). В центре научного внимания отныне находятся вопросы, связанные с расширением методического обеспечения профессионально ориентированного обучения как в количественном, так и в качественном смысле. Данный подход неизбежно подразумевал увеличение числа пособий для студентов конкретных специальностей, а также разработку профессионально ориентированных словарей, учебных фильмов, компьютерных программ и прочих материалов. Главной целью изучения русского языка как иностранного (РКИ) на неязыковых факультетах вузов в указанный период становится использование языка, понимаемого в качестве эффективного средства общения между специалистами из разных стран. Как следствие все языковые навыки (чтение, говорение, письмо, аудирование) оказываются подчинены данной цели. В этой связи А.И. Сурыгин справедливо отмечает, что «<...> подготовка иностранных учащихся с учетом их будущей специальности является начальной ступенью профессионального образования» [12: 26].

В последние годы в теории и практике преподавания иностранного языка, в том числе РКИ, доминирует также и понимание языка как средства обеспечения общения в общей парадигме диалога культур и цивилизаций современного мира [Бим И.Л., Гальскова Н.Д., Мильруд 1986, Миролубов 2005, Пассов 2000, Сафонова 2008, Тер-Минасова 2008 и др.]. По мнению Л.К. Сальной, первостепенную роль отныне играет профессиональная и познавательная значимость языка, а это, в свою очередь, неизбежно приводит к акцентированию социальной функции обучения [9: 56]. В этой плоскости иностранный (русский) язык рассматривается, в том числе, как фактор, имеющий решающее стратегическое значение в процессе формирования профессиональной идентичности, а также социализации выпускников вузов и их постоянного профессионального развития.

Претворение в жизнь концепции профессионально ориентированного обучения иностранному (русскому) языку предполагает необходимость учитывать как традиционные дидактические и методические принципы, так и подходы, опирающиеся на современные исследования. К последним стоит отнести воспитание международно-ориентированной личности, гуманистическое развитие обучаемых через иностранный, в нашем случае, русский язык в контексте диалога культур [10], а также принципы проблемности, междисциплинарной взаимосвязи и взаимодополняемости [2] и другие.

Таким образом, профессионально ориентированное обучение русскому языку как иностранному является целенаправленным и структурированным архитектурным процессом, в котором учитываются цели, содержание, формы, методы и средства обучения, направленные на подготовку учащихся к их будущей профессии. Данный подход нацелен на решение задач, связанных с формированием профессионально-коммуникативных умений и навыков студентов. В конечном итоге, результатом такого обучения становится развитие профессионально-коммуникативной компетенции у выпускников вузов, что позволяет последним успешно справляться с разного рода вызовами в условиях многообразного поликультурного и полиязычного окружения.

В современном мире неуклонно возрастают требования к подготовке военнослужащих, особое внимание уделяется качеству образования будущих офицеров. В этом контексте значение русского языка в профессиональной деятельности будущих военнослужащих-армян, в частности военнослужащих авиационной отрасли, трудно переоценить. Исходя из этого, обучение русскому языку как иностранному курсантов военной академии осуществляется с учетом особенностей будущей профессии курсантов. Приоритетным при этом становится профессионально-ориентированный подход к обучению русскому языку, в основе которого лежит профессионально-ориентированное обучение с учетом потребностей учащихся в изучении русского языка, а потребности диктуются особенностями будущей профессиональной деятельности [8: 114].

Профессионально-ориентированное обучение зиждется на принципах коммуникативного подхода, который предполагает соответствие учебных материалов и заданий специфике будущей профессии курсантов, а также сочетание языковых и профессиональных навыков. Как отмечает А.Н. Щукин, «овладение средствами изучаемого языка (его лексикой, грамматикой, фонетической системой) – это лишь одна из сторон изучения иностранного языка. Главное – для чего эти средства будут использоваться» [13: 6].

Современная методическая наука предполагает выделение следующего перечня целевых дифференциальных признаков профессионально-ориентированного обучения языку:

- *формирование языковой и межкультурной компетенции;*
- *развитие навыков профессиональной коммуникации;*
- *готовность выполнить профессиональные задачи на русском языке.*

Профессионально-ориентированный подход к обучению русскому языку, в свою очередь **предполагает** объединение русского языка с профилирующими дисциплинами, умение, применяя знания, полученные при опоре на межпредметные дисциплины, использовать русский язык в целях получения профессиональных знаний.

В том, что касается целевых установок, профессионально-ориентированный подход нацелен на **решение следующих задач:**

- *освоение профессиональной лексики и грамматических структур,*
- *развитие навыков устной и письменной речи в области будущей профессии,*
- *обучение анализу и синтезу информации в рамках профессиональной деятельности.*

В современной методической науке доминирует точка зрения, согласно которой формирование профессиональных компетенций представляет собой актуальную проблему при подготовке специалистов любой сферы: «<...> профессионализация содержания языкового обучения имеет глубокое лингвометодическое обоснование в связи с тем, что ориентация образовательного процесса на будущие коммуникативные потребности специалиста заметно повышает мотивацию изучения предмета» [7: 167].

Наряду с вышесказанным иностранный язык рассматривается также и в качестве стратегически значимого инструмента формирования профессиональной ориентации будущих специалистов. Согласно данной точке зрения изучение языкового материала, ориентированного на профессию, создает взаимосвязь между желанием учащегося приобрести специальные знания и успешностью изучения языка [3: 4]. По мнению Гальсковой, иностранный язык служит эффективным средством профессиональной и социальной адаптации в неязыковых вузах. Для реализации этого потенциала изучаемого языка автор выделяет несколько ключевых предусловий:

- *ясная постановка целей иноязычной речевой активности;*
- *социальная и профессиональная направленность этой активности;*
- *удовлетворенность учащихся в процессе решения конкретных задач;*
- *развитие у обучаемых способности к креативному подходу при решении частных вопросов;*
- *создание положительного психологического климата в учебной группе.*

Изучение иностранного языка в рамках профессионально-ориентированной концепции не должно являться самоцелью. Иностранный язык в данном случае должен представлять собой когнитивный инструмент, посредством которого становится возможным повышение образовательного и – шире – интеллектуального ценза в рамках определенной специальности. С учетом данной трактовки изучаемого языка, а также учитывая специфику будущей специальности студента, работа организуется по следующим основным направлениям:

- *работа с профессиональными текстами;*
- *изучение специализированных тем для улучшения устной речи;*
- *освоение лексического минимума по данной специальности;*
- *разработка преподавателями учебных пособий с целью активировать грамматический и лексический материала у студентов [8:61].*

Профессионально ориентированное обучение русскому языку как иностранному, таким образом, является целенаправленным и структурированным архитектурным процессом, в котором учитываются цели, содержание, формы, методы и средства обучения, системное единство которых нацелено на подготовку учащихся к их будущей профессии. В рамках данного подхода возможно достичь эффективного решения задач, связанных с формированием и развитием профессионально-коммуникативных умений и навыков студентов. В конечном итоге, результатом подобного обучения становится развитие профессионально-коммуникативной компетенции будущих специалистов в той или иной области деятельности. Наличие упомянутых компетенций способно обеспечить успешное развитие и функционирование в условиях поликультурного и полиязычного окружения.

Таким образом, определив профессиональную ориентацию уроков РКИ, считаем необходимым проводить тщательный лингвистический анализ специальных текстов, используемых в ходе обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Балыхина Т.М.* Методика обучения русскому языку как иностранному в контексте стратегий и перспектив развития высшей школы // Изучение русского языка как иностранного в современных условиях: межвуз. сб. науч.-метод. ст. / Т. М. Балыхина; отв. ред. В. Д. Горянский. – Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2006. – С. 5–11.
2. *Бим И.Л.* Личностно-ориентированный подход — основная стратегия обновления школы // Иностранные языки в школе. 2002. № 2. — С. 11-15
3. *Гальскова Н.Д.* Современная методика обучения иностранному языку: Пособие для учителя. М.: АРКТИ-Глосса, 2000. – 165 с.
4. *Клобукова Л.П.* Обучение языку специальности: Учебное пособие / Л. П. Клобукова. М.: МГУ, 1987. – 79 с.
5. *Мисири Г.С.* Использование наглядности на начальном этапе обучения: Слуховая и зрительно-слуховая наглядность. М.: Русский язык, 1981. 144 с.

6. *Мотина Е.И.* Язык и специальность: лингвометодические основы обучения русскому языку студентов-нефилологов / Е.И. Мотина. - М.: Русский язык, 1988. – 176 с.
7. *Новикова М.Л.* Инновационная парадигма образовательного процесса и ее роль в унификации и совершенствовании процесса преподавания //Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования. Языки и специальность». 2012, № 3. – С. 165–173.
8. *Образцов П.И., Ахулкова А.И., Черниченко О.Ф.* Проектирование и конструирование профессионально-ориентированной технологии обучения. Орел, 2005. – 61 с.
9. *Сальная Л.К.* Обучение профессионально ориентированному иноязычному общению: монография /Л. К. Сальная; ред. И.А. Цатурова. –Таганрог: ТТИ ЮФУ, 2009. – 198 с.
10. *Сафонова В.В., Россинская А.Н.* Коммуникативно-речевая, культуроведческая и когнитивная направленность процесса стандартизации языкового образования в России, США и Канаде // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. – С. 137-155.
11. *Сосенко Э.Ю.* Коммуникативные подготовительные упражнения. М., 1979. –136 с.
12. *Сурыгин А.И.* Основы теории обучения на неродном для учащихся языке. – СПб.: Издательство «Златоуст», 2000. – 233 с.
13. *Щукин А.Н.* Методика преподавания русского языка как иностранного. М.: Высшая школа, 2003. — 409 с.

REFERENCES

1. *Balykhina T. M.* Methodology of teaching Russian as a foreign language in the context of strategies and prospects for the development of higher education /T. M. Balykhina// Learning Russian as a foreign language in modern conditions: Interuniversity collection of scientific and methodological articles/T. M. Balykhina; ed. by V. D. Goryansky. Rostov-on-Don: NMC Logos, 2006. pp. 5-11.
2. *Bim I.L.* Personality-oriented approach is the main strategy for school renewal // Foreign languages at school. 2002. No. 2. pp.11-15

3. *Galskova N.D.* Modern methods of teaching a foreign language: A teacher's guide. Moscow: ARKTI-Glossa Publ., 2000, 165 p.
4. *Klobukova L. P.* Teaching a language specialty: A textbook / L. P. Klobukova. Moscow: MSU, 1987. 79 p.
5. *Misiri G.S.* The use of visual aids at the initial stage of learning: Auditory and visual-auditory visual aids. Moscow, Russian language, 1981, 144 p.
6. *Motina E. I.* Language and Russian Russian language specialty: linguistic and methodological foundations of teaching Russian to non-philological students / E. I. Motina, Moscow: Russkiy yazyk Publ., 1988, 176 p. (in Russian).
7. *Novikova M.L.* The innovative paradigm of the educational process and its role in the unification and improvement of the teaching process //Bulletin of the RUDN University. The series "Questions of education. Languages and specialty". 2012, No. 3. pp. 165-173, pp.167.
8. *Obraztsov P.I., Akhulkova A.I., Chernichenko O.F.* Design and construction of professionally oriented learning technology. Orel, 2005. – 61 p.
9. *Salnaya L.K.* Teaching professionally oriented foreign language communication: a monograph /L. K. Salnaya; ed. by I.A. Tsaturov. – Taganrog: TTI SFU, 2009. – 198 p.
10. *Safonova V.V., Rossinskaya A.N.* Communicative, speech, cultural and cognitive orientation of the standardization process of language education in Russia, the USA and Canada. Bulletin of Moscow State University, Ser. 19. Linguistics and Intercultural Communication. 2008. No. 2. pp. 137-155.
11. *Sosenko E.Y.* Communicative preparatory exercises. Moscow, 1979. 136 p.
12. *Surygin A.I.* Fundamentals of the theory of teaching in a non-native language for students. St. Petersburg: Zlatoust Publishing House, 2000. 233 p.
13. *Shchukin A.N.* Methods of teaching Russian as a foreign language. Moscow: Vysshaya shkola Publ., 2003, 409 p.

**ՄԱՍՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ԿՈՂՄՆՈՐՈՇՄԱՆ ՄԿՁԲՈՒՆՔԸ ՈՐՊԵՍ
ԳԵՐԱԿՇՈՌՂ ԸՆԴՀԱՆՈՒՐ ՏԵՍԱԿԱՆ ԴՐՈՒՅԹ ՌՕԼ-ի
ԴԱՍԵՐԻՆ ՄԱՍՆԱԳԵՏՆԵՐԻ ՊԱՏՐԱՍՏՄԱՆ
ԳՈՐԾԸՆԹԱՑՈՒՄ**

Վ. Լ. ԱՎԵԴՅԱՆ

Մխիթար Հերացու անվան Երևանի բժշկական համալսարան

Մասնագիտորեն կողմնորոշված ՌՕԼ-ի ուսուցումը նպատակաուղղված և կառուցվածքային ճարտարապետական գործընթաց է, որտեղ հաշվի են առնվում ուսուցման նպատակները, բովանդակությունը, ձևերը, մեթոդներն ու միջոցները, որոնք ուղղված են սովորողներին պատրաստել իրենց ապագա մասնագիտությանը: Տվյալ մոտեցումը միտված է լուծել այն խնդիրները, որոնք առնչվում են ուսանողների մասնագիտական հաղորդակցական կարողությունների և հմտությունների ձևավորմանը: Վերջիվերջո, նման ուսուցման արդյունքը նպաստում է բուհերի շրջանավարտների մասնագիտական հաղորդակցական կոմպետենցիայի զարգացմանը, ինչը հնարավորություն է տալիս նրանց հաջողությամբ հաղթահարել բազմազան մարտահրավերներ բազմամշակութային և բազմալեզու միջավայրում:

Բանալի բառեր. *կրթության պրոֆեսիոնալացում, մասնագիտորեն կողմնորոշված ՌՕԼ դասեր, բարձրագույն կրթության համակարգ, ապագա մասնագետների պատրաստում, մասնագիտական հաղորդակցություն:*

THE PRINCIPLE OF PROFESSIONAL ORIENTATION OF RCT LESSONS IN THE TRAINING OF SPECIALISTS AS THE DOMINANT GENERAL THEORETICAL POSITION

V. L. AVEDYAN

Yerevan Medical University after Mkhitar Geratsi

Professionally oriented teaching of Russian as a foreign language is a purposeful and structured architectonic process that takes into account the goals, content, forms, methods and means of teaching aimed at preparing students for their future profession. This approach is aimed at solving problems related to the formation of professional and communicative skills of students. Ultimately, the result of such training is the development of professional and communicative competence among university graduates, which allows the latter to successfully cope with various kinds of challenges in a diverse multicultural and multilingual environment.

Keywords: *professionalization of education, professionally-oriented RFL, lessons, higher education system, training of future specialists, professional communication.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 10 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

СТАЦИОНАРНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ КАК ФЕНОМЕН ЯЗЫКА И ИХ УСВОЕНИЕ В АУДИТОРИИ

*Посвящается светлой памяти
профессора Михаила Давидовича Амирханяна*

Л. Б. МАТЕВОСЯН
Ереванский государственный университет

lianna.matevosyan@ysu.am

В статье рассматриваются стационарные предложения, типичные для русской разговорной речи и потому широко употребительные в языке современной драматургии, прямой речи персонажей прозаических произведений. Живая русская речь пестрит стационарными предложениями, так что их изучение важно для обучения русского языка как иностранного. Более того, обучение русской **связной** речи следует начинать, на наш взгляд, со стационарных предложений. Многие стационарные предложения служат основой для продуцирования речи. Стационарные предложения – воспроизводимые коммуникативные единицы, однако их можно варьировать – порождать креативные, оригинальные предложения, что будет способствовать развитию речи.

Ключевые слова: стационарные предложения, продуцирование речи, варьирование, обучение.

ВВЕДЕНИЕ

Уже в XX веке был очевиден повышенный интерес к устной разговорной речи (Е.А. Земская, О.А. Лаптева, О.Б. Сиротинина), к изучению целевых установок коммуникантов, к выявлению прагматических, ролевых факторов в процессе общения (А.А. Леонтьев),

к таким понятиям, как коммуникативные намерения, ожидания, эффекты (*интенции, иллокуции, перлокуции* – в терминах авторов «теории речевых актов» Т.П. Грайса, Дж.Л. Остина, Дж.Р. Серля), стратегии и тактики общения. В центре внимания лингвистов остаются составляющие акта коммуникации в рамках конкретных сфер и ситуаций общения. Доминирующим направлением современных лингвистических исследований остаётся антропоцентрическое направление.

Н.Д. Бурвикова, В.Г. Костомаров, Ю.Е. Прохоров, назвав XXI век в лингвистике «веком обостренного внимания к стереотипам», пишут: «Ведь стереотип облегчает коммуникацию, позволяя каждый раз заново не конструировать словосочетание или высказывание. Стереотипный язык противопоставляется эмоциональному языку и различим только на фоне последнего. Стереотипы, наконец, исчислимы. "Стереотипно" – не значит плохо. "Стереотипно" означает – быстро. Цель реализации стереотипов – затратив минимум языковых и поведенческих усилий, достигнуть нужного коммуникативного эффекта» [5, с. 5].

Стереотипны те высказывания, которые воспроизводятся в речи целиком и полностью, высказывания, которые имеются в виде готовых "речений" в мышлении и лексике, языковом запасе всех или большинства носителей языка. Отметим, многие из высказываний, которые сегодня пока оригинальны, завтра могут войти в "стереотипный" фонд русского языка. Регулятором выступают частотность и повторяемость тех или иных высказываний в речи.

Критерием стереотипности коммуникативных единиц являются *воспроизводимость, регулярная повторяемость* в речевой практике носителей русского языка. Фактором, отражающим воспроизводимость, регулярность, повторяемость стереотипных высказываний, выступает их высокая **ч а с т о т н о с т ь**:

- а) в разговорной речи;
- б) в языке современной русской художественной литературы, в частности драматургии и прямой речи персонажей прозы;
- в) с точки зрения информантов, владеющих русским литературным языком во всех его функциональных проявлениях [см.

описание и результаты проведенного нами социалингвистического эксперимента: 13, с. 26-27, 165-200; 14, с.27-28].

Все рождается, конечно, в речи. Противопоставлять речи язык сегодня уже неразумно, потому что это диалектическое единство.¹ Где начало? Очевидно, в речи.

Как только в процессе общения возникают стереотипные ситуации, – достаточно подробно описанные в наших монографиях [13; 14; 15; 16; 17; 18], – сразу же из уст говорящего "выскакивают" стереотипные высказывания: *Здравствуйте, я Ваша тетя; Ну да; Конечно; Нужны мне Ваши советы.* Основная особенность (дифференциальный признак) стереотипных высказываний – ч а с т о т н о с т ь их употребления в речи. Таким образом, наступает момент, когда количество "вынуждено" перейти в качество, когда данные коммуникативные единицы попадают в "словарь" – в систему, такую же как язык, – и речевые явления становятся фактом языка.

В процессе исторического развития языка принцип экономии конкурировал (и продолжает конкурировать) с принципом избыточности. Говорящий стремится к экономии произносительных и мыслительных усилий, а слушающий заинтересован в развертывании реплики говорящего, так как стремится затратить наименьшие усилия на восприятие и понимание. Принцип экономии, конкурирующий с принципом избыточности, связан, по наблюдениям Н.В. Черемисиной, с тенденцией к стандарту, ибо стандарт предполагает «ограничение разнообразия» [26, с. 154]. Человек и сегодня еще стремится зачастую выразить мысль стандартно, по стереотипам, по заданным алгоритмам. Поэтому в стандарте заинтересованы как говорящий, так и слушающий. Однако часто стандарт свидетельствует о бедности и шаблонности мысли и речи. Поэтому в практике речи следует придерживаться "золотой середины": найти то, что способствует и соответствует реализации принципа экономии, но в то же время не приводит к

¹ Уже в недрах Пражского лингвистического кружка была высказана мысль, что сосюрское противопоставление языка и речи – слишком жесткое, так же как и противопоставление синхронии и диахронии, – в реальной практике очень много переходных случаев, так что не следует это противопоставление абсолютизировать.

злоупотреблению стандартом. Разговорный стандарт соответствует узусу языка, вот почему его изучение представляет собой интерес. «Именно в узусе, складывающемся в масштабе всего литературного языка как результат взаимодействия индивидуальных, социальных, профессиональных, возрастных и иных речевых пристрастий и предпочтений, возникают некие точки расшатывания устойчивого состояния и риска его нарушения, некие линии разлома, затрагивающие и норму, и систему» [11, с. 345].

Тенденция к стандарту и противодействующая ей тенденция к увеличению разнообразия вместе с остальными постоянно действующими в языке закономерностями (тенденцией к аналитизму формальных структур – и к синтетизму; к экономии в парадигматике – и к избыточности; к интеграции средств языкового выражения – и к дифференциации) существовали во все времена.

Одним из проявлений тенденции к стандарту являются **стационарные предложения**, типичные для разговорной речи и потому широко употребительные в языке современной драматургии, прямой речи персонажей прозаических произведений. Так, например, в пьесе «Беги, беги, Вечерняя зоря» Эдуарда Володарского о весьма неординарной жизни талантливого математика и игрока всего содержится 2545 предложений-высказываний, из них 952 (т.е. $\approx 37,4\%$ всего текста пьесы) составляют предложения-формулы, разговорные штампы, так называемый разговорный стандарт, или стационарные предложения.

ПОНЯТИЕ "СТАЦИОНАРНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ"

В процессе вербального общения мы пользуемся высказываниями, которые не создаем каждый раз заново, а повторяем, воспроизводим. Например: *Как поживаете(-ешь)? Сколько вам (тебе) лет? Ты (Вы) кашу заварил(-и), ты (вы) и расхлебывай(-те).* Подобное повторение не носит характера цитирования, ибо высказывания эти не имеют автора, а являются общим достоянием народа. Такие высказывания воспроизводимы и, следовательно, входят в систему языка.

На существование в языке предложений, являющихся своего рода готовыми "формулами", обратили внимание еще Л.П. Якубинский [27, с. 93-194], А.М. Пешковский [21, с. 398-399], Е.Д. Поливанов [22, с. 59], О.Есперсен [7, с. 16-23], А.И. Смирницкий [23, с. 228-230]. В современной лингвистике такие предложения называют стационарными. «Стационарные предложения суть готовые, заранее данные единицы языка, характеризующиеся постоянством оформления и неизменностью лексического состава» [26, с. 67]. Поскольку они воспроизводимы и нередко идиоматичны, их называют иногда фразеологизированными [12, с. 151], нечленимыми предложениями [19]. Однако идиоматичностью, в том числе нечленимостью, обладают не все подобные предложения, и поэтому более удачным представляется термин **стационарные предложения**, данный А.М. Пешковским [21, с. 399].

Называя упомянутые воспроизводимые единицы языка предложениями, мы под термином "предложение" подразумеваем высказывание, ибо, реализуясь в определенной конситуации, данные коммуникативные единицы, то есть стационарные предложения, становясь единицами речевого акта, являются результатом речевого акта. «Высказывание, – пишет Н.И. Формановская, – на наш взгляд, является подлинно коммуникативной единицей, в отличие от предложения – единицы потенциально коммуникативной» [25, с. 442]. Более того, среди стационарных предложений есть и "коммуникаты", то есть высказывания, построенные не на основе структурной схемы.² Таким образом, под термином "предложение" мы имеем в виду "предложение-высказывание". В целях экономии мы называем их просто стационарными предложениями.

Стационарные предложения образуют различные функционально-семантические микросистемы (*речевой этикет, городские стереотипы, афористика, выражение различных эмоций, поддержание контакта* и др.), обнаружить полный состав которых еще предстоит. В настоящее время теоретически достаточно исследован речевой этикет, являющийся одной из микросистем устойчивых формул общения [см. об этом: 1; 2; 25]. Объектом же нашего рассмотрения

² Вопрос о структурной схеме предложения здесь не рассматривается.

является разговорный стандарт, то есть не только и не столько речевой этикет, сколько, по возможности, – полный список наиболее частотных разноситуативных стационарных предложений, живущих полнокровной жизнью в разговорной речи.

Мы исключили из объекта нашего рассмотрения литературные реминисценции, крылатые слова, хотя они тоже часть "стандарта" и не менее частотны в разговорной речи. Литературные реминисценции оказались в центре внимания известных ученых В.Г. Костомарова и Н.Д. Бурвиковой, которые дали им название **логоэпистемы** («(логос – греч. – слово; эпистема – греч. – знание), т.е. знание, хранимое в единице языка» [9, с. 253]. Их называют и **лингвокультуремами** (термин В.В.Воробьева, и, на наш взгляд, более удачный) [см.: 6].

Среди литературных реминисценций встречаются такие, которые часто повторяются в разговорной речи интеллигенции (и даже в рамках одного произведения), однако не стали достоянием всего общества. Ср.:

[Туманский:] ***Такова жизнь, и не нам ее осуждать.*** [Окаемов:] *Вот-вот! Как только необходимо оправдать натуру, сейчас изречение. "Такова жизнь", "Любви все возрасты покорны", "Сегодня ты, а завтра я"...* (А.Афиногенов, «Машенька».)

Предложение-высказывание ***Такова жизнь, и не нам ее осуждать***, хотя и повторяется в пьесе несколько раз, – вслед за Туманским произносят Виктор, Вера – нас не интересует, так как оно за пределы данной пьесы не вышло.³

Крылатые слова имеют иную, отличную от фразеологизмов-предложений, специфику, которую прекрасно раскрыл А.А. Потебня: они являются своеобразной моралью, вытекающей из произведения: «А ларчик просто открывался» (И.Крылов), или своеобразным его сжатием: «Как мало прожито, как много пережито!» (С.Надсон). Близка к крылатым словам речевая природа литературных штампов и клише, если в них не произошло тех

³ Имеется в виду вся реплика полностью – *Такова жизнь, и не нам ее осуждать*, ибо высказывание *Такова жизнь* – перевод с французского – вошло в фонд крылатых слов русского языка.

семантических сдвигов, которые характерны для фразеологизмов-идиом.

Стационарные предложения, будучи единицами языка в силу своей воспроизводимости, реализуются в реальном речепорождении и речевосприятии, соотносятся с ситуацией и содержательным контекстом.

Вслед за Е.С. Кубряковой мы считаем, что «речевая деятельность – это деятельность, в ходе которой используется язык. В основе речи лежит, однако, не столько употребление языка, сколько обращение к языку и его неиссякаемым возможностям» [10, с. 10]. Язык выступает «... не просто как выразитель уже готового, но как оформитель еще не определившегося» [3, с. 88]. По образному определению Э.Р. Атаяна, «речевой импульс вторгается в язык и – **хитрость речевого разума!** (выделено нами – Л.М.) – находит в нем ровно столько, сколько нужно для преодоления его собственной, языковой, косности для поднятия языка выше того, что он, казалось, может. Речь приводит в движение две системы: ограничений и высвобождений от них» [3, с. 88].

Стационарные предложения, как отмечалось выше, будучи единицами языка, целиком и полностью воспроизводятся в речи, однако "речевой импульс" вторгается и в систему стационарных предложений. Он разрушает их стандартность, варьирует их, обогащая и увеличивая фонд стационарных предложений – единиц языка, – «... этот фатальный выход языка за себя в речь – и в мир – оказывается по сути лишь его самоуглублением и самоутверждением в по праву завоеванных им доменах» [3, с. 89].

ВАРЬИРОВАНИЕ СТАЦИОНАРНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Человек, опираясь на стандарт как на ядро языковой системы в ряде стереотипных ситуаций, часто не только преобразует, но и разрушает стандарт, создавая новое. Стимулом является желание быть неповторимым, уникальным, не исчезнуть, не раствориться в рамках стереотипа, не потерять собственного лица. И тогда побеждает тенденция к экспрессии, к динамизму. Этим объясняется варьирование стационарных предложений. Оно может состоять в: 1)

опущении элемента из состава стационарного предложения; 2) **добавлении** какого-либо элемента в составе стационарного предложения; 3) **замене** одного элемента стационарного предложения другим [см.: 13, с. 118-128; 14, с. 123-132].

Варьирование стационарных предложений (опущение, добавление какого-либо элемента, замена одного элемента другим) может целиком и полностью либо частично изменять содержание высказывания (*лексическое варьирование*), может служить для дифференциации смысловых оттенков (*семантическое варьирование*), может придавать высказыванию эмоционально-экспрессивную окраску (*лексико-стилистическое варьирование*) и, наконец, может не изменять стационарное предложение ни в семантическом, ни в стилистическом плане (*лексико-синтаксические дублиеты*). Рассмотрим на примерах.

Опущение какого-либо элемента в составе стационарного предложения:

Поздравляю вас (Вас, тебя) с новосельем. —> С новосельем.

[Вера:] *Очень приятно. Поздравляю вас с новосельем. Вот.* (А.Вампилов, «Утиная охота».)

[Кушак (преподносит Галине цветы):] *С новосельем. Сердечно поздравляю.* (А.Вампилов, «Утиная охота».)

Хотя предикат *поздравляю* в предложении *Поздравляю вас с новосельем* является стержневым компонентом, его опущение не разрушает предложения, ибо он (его значение) имплицитно содержится в актанте. Поэтому стационарные предложения *С новосельем, С победой, С днем рождения* воспринимаются не как "осколки" полного высказывания, а как его варианты, равнозначные ему и равноправные с ним.

Стационарные предложения тематико-ситуативной группы (ТСГ) «Благодарность», такие как *Спасибо, Благодарю, Большое спасибо, Очень благодарен* и др., часто осложняются конструкцией *за + вин. п.* Это, вернее, не осложнение, а эксплицитное выражение того, за что благодарят (а благодарят всегда за что-либо), поэтому *благодарность за что* имплицитно содержится в высказываниях *Спасибо, Благодарю* и др. В высказываниях данной ТСГ возможно

опущение зависимого компонента и исключается опущение компонента стержневого, ибо без стержневого слова конструкция *За + вин. п.* приобретает другое значение, значение 'пожелания': *За дружбу, За твоё здоровье* и т.п.

За твоё здоровье. —> *Твоё здоровье.*

[Сарафанов:] *Я счастлив... Я просто счастлив.* [Сильва (Сарафанову):] *За вас, за вашу дружную семью!* [Бусыгин:] *Твоё здоровье, папаша.* [Сарафанов (в волнении):] *Спасибо, сынок.* (А.Вампилов, «Старший сын».)

[Виктор (подойдя к Маше):] *Мария! «Вернись, я все прощу, упрёки, подозрения...»* И как там далее поется. Словом, будем в новом году дружить по-новому. И если я начну хамить по-старому, ты меня беспощадно крой. *Твоё здоровье, Мария!* [Маша:] *Спасибо, Витя.* (А.Афиногенов, «Машенька».)

Подобное варьирование не изменяет стационарного предложения ни в семантическом, ни в стилистическом плане, это своеобразные лексико-синтаксические дублеты.

Варьирование может осуществляться и путем добавления какого-либо элемента в составе стационарного предложения.

Извини (-те). —> *Извини (-те) ещё раз.*

[Виктория:] *А то забирайте мой приемник, утром вернете.* [Потапов:] *Разрешите?* [Виктория:] *Забирайте.* [Потапов:] *Большое вам спасибо.* (Взял радиоприемник.) *Извините ещё раз, спокойной ночи.* (А.Вампилов, «Провинциальные анекдоты».)

Благодарю. —> *Ещё раз благодарю тебя (Вас, вас) за все, (что ты (Вы, вы) для меня сделал (-и).*

[Вера:] *Не буду дальше отвлекать вас своей болтовней. До свидания, милый Василий Иванович. Ещё раз благодарю вас за все, что вы для Маши сделали.* (А.Афиногенов, «Машенька».)

В приведенных выше высказываниях добавление элемента *ещё раз* не разрушает стандарта, а усиливает значение 'извинения' и 'благодарности'; значение 'счета', или количественное значение, здесь ослаблено — имеет место семантическое варьирование. В предложениях же *Большое вам (Вам, тебе) спасибо* (вариант *Большое спасибо*), *Благодарю вас (Вас, тебя)* (вариант *Благодарю*) это

добавление носит иной характер: лицо адресата выражено эксплицитно. В предложении *Благодарю вас (Вас, тебя) за все* эксплицируется то, за что благодарят – *за все*, что также не приводит к разрушению стационарного предложения. Другой пример семантического варьирования:

Извиняюсь. → *Дико извиняюсь.* → *Я дико извиняюсь.* [4, с. 181]

Или:

Как ваше (твое) имя? → *Как ваше (твое) имя, если не секрет?*

[Леонид:] *Как ваше имя, если не секрет?* [Маша:] Маша. (А.Афиногенов, «Машенька».)

Это лексико-стилистическое варьирование. Стилистическая маркированность подобных предложений обеспечивается характером взаимоотношения общающихся и их возрастной разницей.

Стационарные предложения часто осложняются различными частицами, частицы делают речь выразительной, экспрессивной. **Речь без частиц – обеднённая речь.** Частицы передают отношение говорящего к ситуации, к миру реальности. Частицы сообщают нечто дополнительное, эксплицитно не выражаемую «скрытую строку», т.е. несут в себе «мир дополнительной скрытой семантики» [20, с. 29]. В речи своей мы можем просто описывать окружающую нас действительность, а можем и обсуждать ее. Обсуждение мира реальности достигается высказываниями с частицами [см.: 20, с. 28]. Модальные частицы объединяет оценочное значение, «это слова, максимально ответственные за удачу (*happy conditions*) общения» [20, с. 14]. И так как тезис о принципиальной непереводемости частиц общепризнан, то «употребление частиц нужно *не усвоить, а освоить* (курсив наш – Л.М.)» [20, с. 10]. Именно освоить, ибо скрытая семантика частиц часто вытекает не из буквального состава высказывания, а определяется пресуппозицией.

Варьирование стереотипного высказывания может осуществляться путем замены одного элемента другим.

До свидания. → *До завтра.* → *До вечера.* → *До утра.*

Стационарные предложения *До завтра, До вечера, До утра* построены по модели предложения *До свидания*, т.е. по модели *До + род. п.:*

[Галина:] Плохо, что я тебя не собрала. Ты даже без плаща.
[Зилов:] Ничего, обойдусь ... (подходит к ней, поцеловал ее в щеку).
До свидания. (А.Вампилов, «Утиная охота».)

[Пашка:] Здрасьте. [Кашкина:] Добрый день... *До вечера.*
(Исчезает.) [Шаманов:] Счастливо. (А.Вампилов, «Прошлым летом в Чулимске».)

Очень признателен. → *Весьма признателен.* → *Крайне признателен.*

[Нина:] Да-да, мы теперь так любим молодые дарования, что зачастую безрассудно их портим. Скажу откровенно, Василий Иванович, меня задевает, когда родители раздувают маленькие таланты своих деток в большие претензии. [Окаемов (обрадованно):] Очень хорошо! Именно это я и хотел сказать. Легкая слава... хлопки... и пошло – раздуют, заласкают, и голоса нет. И жизнь испорчена... Хм... хм... *Крайне признателен*, что и вы так думаете. [Нина:] В таком случае я просто послушаю Машу и скажу откровенно, стоит ли ей заниматься. Согласны? [Окаемов:] То есть я всецело. *Весьма признателен.* (А.Афиногенов, «Машенька».)

Замена *очень* → *весьма* → *крайне* – семантическое варьирование стереотипного высказывания *Очень признателен*. Если слова *очень* и *весьма* – абсолютные синонимы, то слово *крайне* усиливает значение признательности/благодарности.

Наши наблюдения подтверждают борьбу противоположных тенденций на протяжении всего развития языка: тенденции к динамизму и – устойчивости; к стандарту и – экспрессии; к экономии и – избыточности. В конечном счете все эти тенденции определяются коммуникативной функцией. Варьирование стационарных предложений есть непосредственный продукт коммуникации. В целях коммуникации говорящий опускает или, наоборот, добавляет что-либо в стационарном предложении, заменяет одно слово другим (действует то тенденция к экономии, то тенденция к избыточности, а с этой парой диалектически связаны две другие пары противоборствующих тенденций – тенденции к устойчивости и динамизму, к стандарту и экспрессии). Однако **варьирование синтаксического состава и лексического наполнения стационарных предложений**

имеет предел, за которым наступает разрушение стандарта и рождается новое, по существу, оригинальное/креативное высказывание. Например:

[Валя (подмигнув):] Ладно. (Сергей и Виктор уходят.) *Прощай до утра*, лавочка! Ой, голова кружится, Лариска... (Прислонилась к двери.) Шумный сегодня день был с этой воблой... Устала я. (А.Арбузов, «Иркутская история».)

Высказывание *Прощай до утра* представляет собой сочетание слов, выражающих логически несовместимые понятия: *до утра* – расставание ненадолго и *прощай* – расставание надолго или навсегда. Данное высказывание нечастотно, нерегулярно, нестереотипно, нестационарно.

Варьирование стационарных предложений, вплоть до их разрушения и образования новых оригинальных высказываний, используется и в поэзии – для усиления образности и выразительности стиха. Ср.:

*Я листве этой каждый вечер
– До свидания! – говорю,
И когда ее утром встречу
За свидание благодарю.*

*Я тропе этой каждый вечер
– До свидания! – говорю,
И когда ее днем я встречу,
За подарок благодарю.*

*Я звезде этой каждый вечер
– До свидания! – говорю,
И когда ее снова встречу,
За надежду благодарю. (К.Кулиев)*

Повторение в конце каждой строфы высказываний *За свидание благодарю*, *За подарок благодарю*, *За надежду благодарю* (вариативная эпифора, основанная на повторении вариантов стационарного предложения *Благодарю*) делает стихотворение особенно выразительным, экспрессивным.

В.А. Каверин вспоминает, как, будучи студентом Института восточных языков, ему довелось услышать лекцию И.Ю. Крачковского о том, что арабы относятся к языку как к предмету искусства [см.: 8, с. 209]. Эта мысль для русской литературы не новая, достаточно вспомнить Н.С. Лескова и М.М. Зощенко. По свидетельству В.А. Каверина, детский поэт Е.А. Благинина осуществила эту мысль в разговорной речи. «Афоризмы душевной бодрости» – так называет сама поэтесса свою талантливую игру с русской разговорной речью [см.: 8], которую В.А. Каверин использовал в романе «Наука расставания».

В романе рассказывается история военного корреспондента на Северном флоте в годы Великой Отечественной войны. Секретарь редакции Нина Викторовна славилась своими «плодами житейской бодрости»:

– Доложила, – сказала Нина Викторовна, – молчит. Плохо дело! Придется повиниться. **Шиллера в мешке не утаишь.** (Ср.: **Шила в мешке не утаишь.**)

Раздался звонок. Нина Викторовна ушла в кабинет.

– **Береги челюсть смолоду,** – сказала она. – Вас!

(Ср.: **Береги честь смолоду.**)

На этот раз Нина Викторовна, возвращаясь из кабинета главного редактора, возвестила: **«Безрузвельтатно!»**

(Ср.: **Безрезультатно.**) (В. Каверин, Наука расставания.)

В разговорной речи русских встречаются предложения: **Детей бояться – в лес не ходить** [4, с. 48]. Ср.: **Волков бояться – в лес не ходить.**

Ученье – свет, а неученых тьма [4, с. 163]. Ср.: **Ученье – свет, а неученье – тьма.**

Этот перечень можно продолжить...⁴

⁴ Два профессора факультета славистики Грайфсвальдского университета, одного из старейших университетов Германии, опубликовали результаты своей работы последних 20-ти лет. Это, так называемый, словарь русских "антипословиц", где авторы говорят об активизации употребления пословиц, поговорок и крылатых выражений в современных публикациях и живой русской речи. В публицистике, в средствах массовой информации этот "жанр русского фольклора" расцвел. Вот несколько примеров: *Одна голова хорошо, а с мозгами лучше; Не в деньгах*

ВОПРОСЫ И ЗАДАНИЯ

1. Чем ознаменовалось начало XXI века?
2. Назовите доминирующее направление в современной лингвистике.
3. Почему Н.Д.Бурвикова, В.Г.Костомаров, Ю.Е.Прохоров называют XXI век в лингвистике «веком обостренного внимания к стереотипам»?
4. Как вы понимаете противоборство принципа экономии и избыточности в языке?
5. Перечислите критерии определения стереотипности коммуникативных единиц.

счастье, а в бабках; Пиво без водки – деньги на ветер; Век живи – век лечись; Мой дядя самых честных грабил; Почём вы, девушки, красивых любите? Не мотай на ус то, что тебе вешают на уши; Чем дальше в лес, тем больше интерес; Не зная бродя – пропусти вперёд товарища; На безрыбье и сам раком станешь; Язык до киллера доведёт; Первый сын – комом; На халяву и укус сладок; Бесплатный сыр бывает только в мышеловке; Богатые тоже плачут; Не стой, где попало – попадет еще раз; <...> Такая нам досталась доля – нам не прожить без алкоголя! Тиха украинская ночь, но сало лучше перепрятать; Не понял сам – не дай понять другому; Лучшие места под солнцем обычно у тех, кто держится в тени; Нет повести печальнее на свете, чем загорать в бронежилете. Или призыв для живущих за границей: Любите Родину, мать вашу; Граждане! Летайте самолетами Аэрофлота; Спешите! Их осталось немного; Лучшие с Петровым на Майорке, чем с майором на Петровке; Жизнь человеку дается один раз, и в основном случайно... Если дым стелется по земле – вернись и выключи утюг, если поднимается столбом – можешь уже не возвращаться; Хорошо не там, где нас нет, а где и никогда и не было!; Когда в семье одна жена, она вырастает эгоисткой; Не так страшен русский танк, как его пьяный экипаж; Жизнь, конечно, не удалась, а в остальном все нормально; Извините, что я говорю, когда вы перебиваете; Больной пошел на поправку, но не дошел...; Глупые женятся, а умные выходят замуж; Женщина не воробей, залетит – не прокормишь; Мало знать себе цену – надо еще пользоваться спросом; Береги Родину – отдыхай за границей; Все идет хорошо, только мимо...; Ностальгия – это когда хочется вернуться, а некуда; В историю войти трудно, но легко вляпаться; Пришел – спасибо, ушел – большое спасибо...; Если вам долго не звонят родственники или друзья, значит у них все хорошо [из Интернета: FB, страница Anatoli Berditchevski, 3 февраля 2022 г. Город Вена, Австрия // <https://web.facebook.com/aberditchevski>].

6. Назовите тенденцию, противодействующую тенденции к стандарту.
7. Кто и почему заинтересован в стандарте? Дайте определение стационарных предложений.
8. Перечислите коммуникативные единицы, от которых следует отграничивать стационарные предложения.
9. Что значит варьирование стационарных предложений?
10. Какова цель варьирования стационарного предложения говорящим?
11. Каким бывает варьирование стационарных предложений? Приведите примеры на каждый тип.

1. Выделите стационарные предложения, разыграйте их в диалоге:

Встретимся завтра; Ты кашу заварил, ты и расхлебывай; Я не смогу тебе помочь; Хватит валять дурака; Приходи – обсудим; Не поминайте лихом; Она, бесспорно, хороша; Держи карман шире; Ты, как всегда, прав; Я справлюсь; Игра не стоит свеч; Посмотри в окно; Легок на помине; Радуйтесь; Возьми(-те) себя в руки; Ты сможешь справиться сам.

2. По типу предложения *Нет чтобы помолчать* со значением ‘неодобрения по поводу неосуществления того, что было бы целесообразно’ постройте ряд аналогичных предложений с тем же типовым значением, но каждый раз с новым конкретным содержанием.

3. По типу предложения *Тожe мне друг!* со значением ‘негативной оценки’ постройте ряд аналогичных предложений с тем же типовым значением, но каждый раз с новым конкретным содержанием.

4. По типу предложения *Что за шум?* со значением ‘непонимания-неодобрения’ постройте ряд аналогичных

предложений с тем же типовым значением, но каждый раз с новым конкретным содержанием.

5. По типу предложения *Перестань паясничать* со значением ‘непонимания-неодобрения’ постройте ряд аналогичных предложений с тем же типовым значением, но каждый раз с новым конкретным содержанием.

6. Замените им. п. имени сущ. в стационарном предложении *Да здравствует солнце!* стандартными и нестандартными распространителями.

7. Восстановите прототип ниже данных высказываний:

Одна голова хорошо, а с мозгами лучше;

Не в деньгах счастье, а в бабках;

Пиво без водки – деньги на ветер;

Век живи – век лечись;

Мой дядя самых честных грабил;

Почём вы, девушки, красивых любите?

Не мотай на ус то, что тебе вешают на уши;

Чем дальше в лес, тем больше интерес;

Не зная бродя – пропусти вперёд товарища;

На безрыбье и сам раком станешь;

Язык до киллера доведёт;

Первый сын – комом;

Не стой, где попало – попадет еще раз;

Такая нам досталась доля – нам не прожить без алкоголя!

Тиха украинская ночь, но сало лучше перепрятать;

Не понял сам – не дай понять другому;

Лучшие места под солнцем обычно у тех, кто держится в тени;

Нет повести печальнее на свете, чем загорать в бронежилете.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акишина А.А., Камогава К.* Сравнительный анализ русского и японского речевого этикета // Лингвострановедческий аспект преподавания русского языка иностранцам. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1974.
2. *Акишина А.А., Формановская Н.И.* Русской речевой этикет: Пособие для студентов-иностранцев. – 3-е изд., испр. - М.: Русской язык, 1983.
3. *Атаян Э.Р.* Ситуативная характеристика языковой деятельности человека // Вестник Ереванского университета. – 1986. – № 3(57).
4. *Белянин В.П., Бутенко И.А.* Живая речь: Словарь разговорных выражений. – М.: ПАИМС, 1994.
5. *Бурвикова Н.Д., Костомаров В.Г., Прохоров Ю.Е.* Национально-культурные единицы общения в современном культурном пространстве – лингвометодический аспект // Русский язык в Армении. – 2003. – № 3.
6. *Воробьев В.В.* Лингвокультурология. – М.: Изд-во РУДН, 2008.
7. *Есперсен О.* Философия грамматики / Пер. с англ.; Под ред. Б.А.Ильина. – М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958.
8. *Каверин В.А.* Литератор: Дневники и письма. - М.: Советский писатель, 1988.
9. *Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.* Единицы семиотической системы русского языка как предмет описания и усвоения // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999 г.: Доклады и сообщения российских ученых. - М., 1999.
10. *Кубрякова Е.С.* Номинативный аспект речевой деятельности. – М.: Наука, 1986.
11. *Лаптева О.А.* Узус как арена языкового изменения // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста. – М.: Эдиториал УРСС, 2002.
12. *Лекант П.А.* Синтаксис простого предложения в современном русском языке. – М.: Высшая школа, 1974.
13. *Матевосян Л.Б.* Стационарные предложения в современном русском языке. – Ер.: Изд-во Ереванского ун-та, 1992.

14. Матевосян Л.Б. Стационарное предложение: от стандартного к оригинальному. – М.-Ереван: Институт языкознания РАН, Изд-во Ереванского ун-та, 2005.
15. Матевосян Л.Б. Языковое сознание. Стереотипный пласт. – М.-Ер.: Институт языкознания РАН, Авторское издание, 2007.
16. Матевосян Л.Б. Стереотипный пласт языкового сознания: от стандартного к оригинальному. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.
17. Матевосян Л.Б. Стереотипный пласт лингвокультурного сознания: рефлекс, или неосознанная необходимость. – Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012a.
18. Матевосян Л.Б. Русский разговорный стандарт: Авторский курс лекций. – Ер.: Изд-во Ереванского ун-та, 2022.
19. Меликян В.Ю. Актуальные вопросы синтаксиса русского языка: теория нечленимого предложения. – Ростов-н/Д: Изд-во Ростовского гос. пед. ун-та, 2002.
20. Николаева Т.М. Функция частиц в высказывании (На материале славянских языков). – М.: Наука, 1985.
21. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – 7-е изд. – М.: Учпедгиз, 1956.
22. Поливанов Е.Д. Статьи по общему языкознанию. Избранные работы. – М.: Наука, 1968.
23. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. – М.: Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1956.
24. Формановская Н.И. Функциональные и категориальные сущности устойчивых формул общения: Дисс. ... докт. филол. наук. – М., 1979.
25. Формановская Н.И. Коммуникативная лингвистика: поиск единиц // Русское слово в мировой культуре: Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2-х т. – Т. 1. – СПб.: Политехника, 2003.
26. Черемисина Н.В. Стационарные предложения как коллоквиальный феномен // Теория и практика описания разговорной речи. – Горький, 1982.

27. Якубинский Л.П. О диалогической речи // Русская речь. Труды фонетического института практического изучения языков: Сборник статей / Под ред. Л.В.Щербы. – Вып. 1. – Петербург, 1923.

REFERENCES

1. Akishina A.A., Kamogava K. Sravnitel'nyj analiz russkogo i yaponskogo rechevogo etiketa // Lingvostranovedcheskij aspekt prepodavaniya russkogo yazyka inostrancam. – M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1974.
2. Akishina A.A., Formanovskaya N.I. Russkoj rechevoj etiket: Posobie dlya studentov-inostrancev. – 3-e izd., ispr. – M.: Russkoj yazyk, 1983.
3. Atayan E.R. Situativnaya harakteristika yazykovoj deyatel'nosti cheloveka // Vestnik Erevanskogo universiteta. – 1986. – № 3(57).
4. Belyanin V.P., Butenko I.A. Zhivaya rech': Slovar' razgovornyh vyrazhenij. – M.: PAIMS, 1994.
5. Burvikova N.D., Kostomarov V.G., Prohorov YU.E. Nacional'no-kul'turnye edinicy obshcheniya v sovremennom kul'turnom prostranstve – lingvometodicheskij aspekt // Russkij yazyk v Armenii. – 2003. – № 3.
6. Vorob'ev V.V. Lingvokul'turologiya. – M.: Izd-vo RUDN, 2008.
7. Espersen O. Filosofiya grammatiki / Per. s angl.; Pod red. B.A.Il'ina. – M.: Izd-vo inostr. lit-ry, 1958.
8. Kaverin V.A. Literator: Dnevnik i pis'ma. – M.: Sovetskij pisatel', 1988.
9. Kostomarov V.G., Burvikova N.D. Edinicy semioticheskoy sistemy russkogo yazyka kak predmet opisaniya i usvoeniya // Materialy IH Kongressa MAPRYAL. Bratislava, 1999 g.: Doklady i soobshcheniya rossijskih uchenyh. – M., 1999.
10. Kubryakova E.S. Nominativnyj aspekt rechevoj deyatel'nosti. – M.: Nauka, 1986.
11. Lapteva O.A. Uzus kak arena yazykovogo izmeneniya // Kommunikativno-smyslovye parametry grammatiki i teksta. – M.: Editorial URSS, 2002.

12. *Lekant P.A.* Sintaksis prostogo predlozheniya v sovremennom russkom yazyke. – M.: Vysshaya shkola, 1974.
13. *Matevosyan L.B.* Stacionarnye predlozheniya v sovremennom russkom yazyke. – Er.: Izd-vo Erevanskogo un-ta, 1992.
14. *Matevosyan L.B.* Stacionarnoe predlozhenie: ot standartnogo k original'nomu. – M.-Erevan: Institut yazykoznaniya RAN, Izd-vo Erevanskogo un-ta, 2005.
15. *Matevosyan L.B.* YAzykovoe soznanie. Stereotipnyj plast. – M.-Er.: Institut yazykoznaniya RAN, Avtorskoe izdanie, 2007.
16. *Matevosyan L.B.* Stereotipnyj plast yazykovogo soznaniya: ot standartnogo k original'nomu. – Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.
17. *Matevosyan L.B.* Stereotipnyj plast lingvokul'turnogo soznaniya: refleks, ili neosoznannaya neobhodimost'. – Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012a.
18. *Matevosyan L.B.* Russkij razgovornyj standart: Avtorskij kurs lekciy. – Er.: Izd-vo Erevanskogo un-ta, 2022.
19. *Melikyan V.YU.* Aktual'nye voprosy sintaksisa russkogo yazyka: teoriya nechlenimogo predlozheniya. – Rostov-n/D: Izd-vo Rostovskogo gos. ped. un-ta, 2002.
20. *Nikolaeva T.M.* Funkciya chastic v vyskazyvanii (Na materiale slavyanskix yazykov). – M.: Nauka, 1985.
21. *Peshkovskij A.M.* Russkij sintaksis v nauchnom osveshchenii. – 7-e izd. – M.: Uchpedgiz, 1956.
22. *Polivanov E.D.* Stat'i po obshchemu yazykoznaniyu. Izbrannye raboty. – M.: Nauka, 1968.
23. *Smirnickij A.I.* Leksikologiya anglijskogo yazyka. – M.: Izd-vo lit-ry na inostr. yaz., 1956.
24. *Formanovskaya N.I.* Funkcional'nye i kategorial'nye sushchnosti ustojchivykh formul obshcheniya: Diss. ... dokt. filol. nauk. – M., 1979.
25. *Formanovskaya N.I.* Kommunikativnaya lingvistika: poisk edinic // Russkoe slovo v mirovoj kul'ture: Materialy H Kongressa MAPRYAL. Sankt-Peterburg, 30 iyunya – 5 iyulya 2003 g. Plenarnye zasedaniya: sbornik dokladov. V 2-h t. – T. 1. – SPb.: Politehnika, 2003.

26. Cheremisina N.V. Stacionarnye predlozheniya kak kollokvial'nyj fenomen // Teoriya i praktika opisaniya razgovornoj rechi. – Gor'kij, 1982.
27. Yakubinskij L.P. O dialogicheskoy rechi // Russkaya rech'. Trudy foneticheskogo instituta prakticheskogo izucheniya yazykov: Sbornik statej / Pod red. L.V.SHCHerby. – Vyp. 1. – Peterburg, 1923.

ԿԱՐԾՐԱՏԻՊ ՆԱԽԱԴԱՍՈՒԹՅՈՒՆՆԵՐԸ ՈՐՊԵՍ ԼԵԶՎԱԿԱՆ ԵՐԵՎՈՒՅԹ- ԵՎ ԴՐԱՆՅ ՅՈՒՐԱՅՈՒՄԸ ԼՍԱՐԱՆՈՒՄ

Լ. Բ. ՄԱԹԵՎՈՍՅԱՆ
Երևանի պետական համալսարան

Հոդվածը նվիրված է ռուսական խոսողական ստանդարտին բնորոշ կարծրատիպ նախադասություններին, որոնք օգտագործվում են ռուսական ժամանակակից դրամատուրգիայում, արձակ ստեղծագործությունների կերպարների ուղիղ խոսքում: Կենդանի ռուսական խոսքը ողողված է կարծրատիպ նախադասություններով, ուստի դրանց ուսումնասիրությունը կարևոր է ռուսերենը որպես օտար լեզու դասավանդելու համար: Ավելին, ռուսերենի համակապակցված խոսքի դասավանդումը, մեր կարծիքով, պետք է սկսել կարծրատիպ նախադասություններից:

Կարծրատիպ նախադասությունների մեծ մասը ծառայում է որպես խոսքի արտադրության հիմք: Կարծրատիպ նախադասությունները վերարտադրվող հաղորդակցական միավորներ են, բայց դրանք կարող են ենթարկվել բազմազան փոփոխությունների և կազմել ինքնատիպ նախադասություններ, ինչը կնպաստի ուսանողի/աշակերտի խոսքի զարգացմանը:

Բանալի բառեր՝ կարծրատիպ նախադասություններ, խոսքի զարգացում, դասավանդում:

STATIONARY SENTENCES AS A LANGUAGE PHENOMENON AND THEIR ACQUISITION BY LEARNER

L. B. MATEVOSYAN
Yerevan State Univeresity

The article examines stationary sentences, which are characteristic of Russian colloquial speech and, as a result, are widely used in cotemporary drama and the direct speech of characters in prose works. Living Russian speech abounds in stationary sentences, making their study important for teaching Russian as a foreign language. Moreover, in our view, instruction in coherent Russian speech should begin with stationary sentences.

Many stationary sentences serve as a foundation for speech production. They are reproducible communicative units, by they ca also be varied – allowing for the creation of creative, original utterances, which contributes to the development of speaking skills.

Key words: *stationary sentences, speech production, variation, learning and teaching.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 11 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОММУНИКАТИВНОГО МЕТОДА ПРИ ОБУЧЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИИ

Посвящается профессору Михаилу Давидовичу Амирханяну

М. А. МИДОЯН

Основная школа № 88 им. И. Леспсиуса

В статье рассматривается применение коммуникативного метода в обучении фразеологии на уроках русского языка, что способствует формированию и развитию коммуникативной компетенции учащихся. Особое внимание уделено деструктивным фразеологизмам, которые играют важную роль в отражении эмоциональной окраски речи и культурного контекста. Приведены примеры интерактивных методик, таких как ролевые игры, дискуссии, создание историй, анализ текстов, а также использование социальных сетей.

Ключевые слова: коммуникативный метод, фразеология, деструктивные фразеологизмы, коммуникативная компетенция, русский язык как иностранный (РКИ), интерактивные методики, языковая личность, ролевые игры, дискуссии, социальные сети, анализ текста.

На современном этапе обучения иностранному языку основной задачей является формирование иноязычной коммуникативной компетенции. Следовательно, и коммуникативный подход стал одним из главных методов обучения иностранным языкам.

На занятиях по русскому языку в армянских классах, где языком обучения является родной язык, коммуникативность является основной категорией методики преподавания русского языка. Как отмечает Е.И. Пассов, именно цель «обучать общению» является общепризнанным социальным заказом общества [5: 3]. Обучение должно строиться так, чтобы все учащиеся могли учиться. Один из

вариантов организации учебного процесса – использование педагогом в своей деятельности методов интерактивного обучения.

Согласно государственному Стандарту по русскому языку для общеобразовательных школ РА, «главная цель школьного образования – формирование творческой, разносторонне развитой личности, способной реализовывать творческий потенциал в динамичных социально-экономических условиях как в собственных жизненных интересах, так и в интересах общества» [6]. В методике преподавания русского языка как иностранного важным компонентом является формирование высокого уровня коммуникативной компетенции учащихся. Как утверждает Т.А. Бабаян, для расширения коммуникативной компетенции необходимо, в первую очередь, создать у учащихся практическое представление о том, для чего и в каких ситуациях в процессе общения им понадобится изученный материал, какова его функция в системе языка [1: 10-15]. Б.М. Есаджанян же отмечает, что когда учащийся чувствует, что фраза, предложение пригодится ему впоследствии, то материал этот запоминается легче и прочнее [3: 9-11].

Коммуникативная компетенция – это способность эффективно и уместно использовать язык в различных коммуникативных ситуациях. Она включает не только грамматические знания и словарный запас, но и понимание культурных, социально-прагматических и дискурсивных аспектов общения. Идея коммуникативной компетенции возникла в середине 20 века в связи с развитием лингвистики и теорий общения.

Коммуникативный подход активно используется в современных методиках преподавания иностранных языков, включая русский язык. Он включает интерактивные упражнения, ролевые игры, дискуссии и другие формы активного участия учащихся, способствующие развитию всех аспектов коммуникативной компетенции. В обучении русскому языку коммуникативная компетенция включает несколько компонентов:

- а) Лингвистическая компетенция,*
- б) Социолингвистическая компетенция,*
- в) Дискурсивная компетенция,*

- г) **Стратегическая компетенция,**
- д) **Социокультурная компетенция.**

Коммуникативная компетенция – одна из важнейших характеристик языковой личности, и она приобретается в результате естественной речевой деятельности и в результате специального обучения [4: 92-93]. Лингвистики Е.М. Бастрикова же определяет коммуникативную компетенцию как приобретённую способность к коммуникации, которую человеку необходимо постоянно развивать и совершенствовать [2]. Коммуникативная компетенция обеспечивает не только теоретическое усвоение языка, но и умение использовать его в реальных ситуациях общения, что является важным условием интеграции обучающихся в языковую среду и культуру.

Поскольку фразеологизмы являются неотъемлемой частью языка и играют важную роль в повседневном общении, следовательно, и в процессе обучения следует уделять им особое внимание. Нами выделено несколько методов обучения фразеологии на уроках русского языка, которое способствует развитию коммуникативной компетенции. И самыми наглядными примерами использования коммуникативного метода при обучении фразеологии, на наш взгляд, следующие:

1. Ролевая игра: Создайте ситуации, где учащиеся должны использовать фразеологизмы в реальной коммуникации.

Пример:

- **Ситуация:** Ученик играет роль друга, который пытается поддержать другого после провала на экзамене.
- **Задача:** Использовать фразеологизмы, например: *«Не вешай нос», «Не рви сердце из-за этого».*

2. Дискуссия или дебаты: Организуйте обсуждение с использованием фразеологизмов.

Пример темы: «Как вы понимаете выражение *“Втоптать в грязь”* или *«Обрезать крылья»*?

3. Интерактивные диалоги: Дайте ученикам задание составить короткие диалоги с использованием фразеологизмов.

4. Игры

Пример: Игра "Найди пару": На карточках пишутся фразеологизмы и их значения. Учащиеся должны сопоставить выражения с их интерпретацией. Пример: «*Оборвать крылья*» — «*Лишить вдохновения или возможности действовать*».

Игра "Закончи фразу": Преподаватель начинает фразеологизм («*Разбить...*» «*Сжечь...*»), а ученик должен его закончить («*...сердце*», «*мосты*»).

5. Создание историй: Попросите учащихся придумать или рассказать историю, используя несколько фразеологизмов.

6. Анализ текста: Используйте литературные или публицистические тексты, содержащие фразеологизмы.

Пример задания: Прочитайте рассказ и найдите фразеологизмы. Обсудите их значение и роль в тексте.

7. Социальные сети и сообщения: Создайте задание, где учащиеся пишут посты или сообщения с использованием фразеологизмов.

Коммуникативная компетенция является неотъемлемой частью современного образования, способствуя всестороннему развитию личности, интеграции в общество и успешной профессиональной деятельности. В преподавании русского как иностранного (РКИ) коммуникативный метод считается самым важным по нескольким причинам:

1. *Реальные языковые ситуации:* Коммуникативный метод ставит акцент на использование языка в реальных, повседневных ситуациях.

2. *Развитие всех языковых навыков:* Этот метод развивает не только грамматические и лексические знания, но и навыки говорения, слушания, чтения и письма, что обеспечивает всестороннее владение языком.

3. *Активное участие учащихся:* В процессе обучения применяются такие формы работы, как диалоги, ролевые игры и обсуждения, что обеспечивает активное включение учащихся в учебную деятельность и способствует более эффективному усвоению материала.

4. *Контекстуальное обучение*: Коммуникативный метод предполагает преподавание языка в контексте, благодаря чему обучающиеся получают возможность усвоить правила использования определенных лексических единиц и грамматические структуры в конкретных ситуациях общения.

5. *Учет индивидуальных потребностей*: Метод ориентирован на потребности и интересы учащихся.

6. *Естественность усвоения*: Обучение происходит в условиях, максимально приближенных к реальной жизни.

В итоге, коммуникативный метод способствует созданию языковой среды, где учащиеся могут практиковать язык в живом общении, что значительно ускоряет процесс обучения и делает его более продуктивным и увлекательным.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабаян Т.А.* Коммуникативная компетенция, как основа обучения. Русский язык в армянской школе. 1989, №5, с.10-15.
2. *Бастрикова Е.М.* Коммуникативная компетенция как лингводидактический феномен. Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект / Е.М. Бастрикова. Казан. гос. ун-т. Филол. ф-т. Казань, 2004. 348 с.
3. *Есаджянян Б.М.* Учить без принуждения. // Русский язык в армянской школе. 1989, № 1, с. 9-11.
4. *Львов М. Р.* Словарь-справочник по методике преподавания русского языка: Пособие для студентов педагогических вузов и колледжей / М.Р. Львов. – М.: Издательский центр "Академия"; Высшая школа, 1999. – 272 с.
5. *Пассов Е.И.* Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М., Русский язык, 1989, 276с., с.3, 12.
6. Стандарт и программа по русскому языку / Н.И. Таткало, Н.А. Байбуртян, Н.Г. Рафаелян, Л.Х. Милитосян, Г.А. Язычян. – Ереван: Тигран Мец, 2007. – 280 с.

REFERENCES

1. Babayan T.A. Kommunikativnaya kompetentsiya, kak osnova obucheniya. Russkiy yazyk v armyanskoy shkole. 1989, №5, s.10-15.
2. Bastrikova Ye.M. Kommunikativnaya kompetentsiya kak lingvodidakticheskiy fenomen. Russkaya i sopostavitel'naya filologiya: Lingvo-kul'turologicheskiy aspekt / Ye.M. Bastrikova. Kazan. gos. un-t. Filol. f-t. Kazan', 2004. 348 s.
3. Yesadzhanyan B.M. Uchit' bez prinuzhdeniya. // Russkiy yazyk v armyanskoy shkole. 1989, № 1, s. 9-11.
4. L'vov M.R. Slovar'-spravochnik po metodike prepodavaniya russkogo yazyka: Posobiye dlya studentov pedagogicheskikh vuzov i kolledzhey / M.R. L'vov. – M.: Izdatel'skiy tsentr "Akademiya"; Vysshaya shkola, 1999. – 272 s.
5. Passov Ye.I. Osnovy kommunikativnoy metodiki obucheniya ino-yazychnomu obshcheniyu. M., Russkiy yazyk, 1989, 276s., s.3, 12.
6. Standart i programma po russkomu yazyku / N.I. Tatkalov, N.A. Bayburtyan, N.G. Rafayelyan, L.Kh. Militosyan, G.A. Yazychyan. – Yerevan: Tigran Mets, 2007. – 280 s.

ՀԱՂՈՐԴԱԿՑՄԱՆ ՄԵԹՈԴԻ ԿԻՐԱԾՈՒՄԸ ԴԱՐՁՎԱԾՔՆԵՐԻ ՈՒՍՈՒՑՄԱՆ ՄԵՉ

Մ. Ա. ՄԻԴՈՅԱՆ

Յ. Լեփսիուսի անվ. № 88 հիմնական դպրոց

Հոդվածում դիտարկվում է հաղորդակցական մեթոդի կիրառումը ուսերենի դասերին դարձվածքների ուսուցման գործընթացում, ինչը նպաստում է սովորողների հաղորդակցական իրազեկության ձևավորմանը և զարգացմանը: Հատուկ ուշադրություն է դարձվում դեսարուկտիվ դարձվածքներին, որոնք կարևոր դեր ունեն խոսքի էմոցիոնալ երանգի և մշակութային համատեքստի արտացոլման մեջ: Ներկայացվում են ինտերակտիվ մեթոդների օրինակներ,

ինչպիսին են խաղերը, քննարկումները, պատմությունների ստեղծումը, տեքստերի վերլուծությունը, ինչպես նաև համացանցերի օգտագործումը:

Բանալի բառեր. *հաղորդակցական մեթոդ, դարձվածքաբանություն, դեասրուկտիվ դարձվածքներ, հաղորդակցական կոնպետենցիա, ռուսերենը որպես օտար լեզու (ՌՕԼ), ինտերակտիվ մեթոդներ, լեզվական անհատականություն, խաղեր, քննարկումներ, համացանցեր, տեքստի վերլուծություն:*

THE USE OF THE COMMUNICATIVE METHOD IN TEACHING PHRASEOLOGY

M. A. MIDOYAN

I. Lepsius Primary School № 88

The article examines the application of the communicative method in teaching phraseology in Russian language lessons, which contributes to the formation and development of students' communicative competence. Special attention is paid to destructive phraseological units, which play an important role in reflecting the emotional coloring of speech and cultural context. Examples of interactive techniques such as role-playing, discussions, storytelling, text analysis, and the use of social media are provided.

Key words: *communicative method, phraseology, destructive phraseological units, communicative competence, Russian as a foreign language (RFL), interactive techniques, linguistic personality, role-playing games, discussions, social networks, text analysis.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 20 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

ИЗУЧЕНИЕ РУССКОГО КАК ИНОСТРАННОГО (РКИ) В КИТАЕ

*Посвящается профессору
Михаилу Давидовичу Амирханяну*

ХАН МИНДЖИЕ

**Даляньский университет иностранных языков,
г. Далянь, Китайская Народная Республика**

tolik.boy.89@mail.ru

XXI век привнес ощутимые изменения в изучении РКИ в Китае, что отражает как изменения в международной политике и экономике, так и внутренние образовательные тенденции страны. Ожидается, что интерес к изучению русского языка продолжится по нарастающей динамике, что будет способствовать более глубокому и осознанному пониманию культуры и традиций России среди китайских студентов

***Ключевые слова:** изучение русского языка в Китае, интерес к русскому языку, новые программы по РКИ для студентов-китайцев, изучение культуры и традиций России в КНР.*

Изучение русского как иностранного (РКИ) в Китае в XXI столетии ознаменовалось несколькими знаменательными тенденциями и событиями, которые отражают как изменения в образовательной политике, так и развитие культурных и экономических связей между Китаем и Россией. Так, с начала XXI века наблюдается заметный рост интереса к изучению русского языка в КНР. Это связано с укреплением двусторонних отношений, а также с расширением сотрудничества в различных сферах, таких как экономика, наука, культура

и пр. [1]. Русский язык стал востребованным среди китайских студентов, желающих работать в международных компаниях и научных учреждениях.

В университетах КНР и языковых школах активно разрабатываются модернизированные программы по обучению РКИ. Ведущие университеты, такие как Пекинский университет (PKU), Фуданьский университет (Fudan), Чжэцзянский университет (ZJU), Университет Цинхуа (Tsinghua), Университет науки и технологий Китая (USTC), Шанхайский университет Цзяо Тонг (SJTU), Уханьский университет (WHU), Нанкинский университет (Nanjing University) и др. предлагают разнообразные курсы, включая подготовку к международным экзаменам и программы обмена. Многие учебные заведения Китая начали активное сотрудничество с российскими университетами.

В XXI веке в преподавании РКИ в Китае внедряются современные технологии и инновационные методики. Использование мультимедийных ресурсов, онлайн-курсов и мобильных приложений стало обычной практикой. Это позволяет сделать изучение РКИ более доступным и интерактивным. Культурные обмены и мероприятия, такие как фестивали русской культуры, выставки и концерты стали важной частью популяризации русского языка и культуры в Китае. Все это реально способствует созданию языковой среды и мотивации студентов. Акцент делается на развитие разговорных навыков, что соответствует потребностям учащихся, стремящихся использовать язык в реальной жизни.

Существует множество курсов по изучению русского языка для различных уровней подготовки. Некоторые китайские университеты предлагают программы обмена, что открывает перед студентами возможность погружения в языковую среду [2].

Несмотря на рост интереса к РКИ, изучение русского языка в Китае сталкивается с определенными вызовами. Конкуренция со стороны английского языка (а также других европейских языков), нехватка квалифицированных преподавателей и недостаточная материально-техническая база – вот основные проблемы, требующие незамедлительного решения.

Как было сказано выше, в Китае XXI век ознаменовался ростом интереса к русскому языку. Укрепление экономических, политических и культурных связей между двумя странами, а также развитие научного сотрудничества открывают новые возможности для студентов, изучающих русский язык. На сегодняшний день представляется актуальным адаптировать образовательные программы к современным требованиям и потребностям рынка труда.

Таким образом, XXI век принес ощутимые изменения в изучении РКИ в Китае, что отражает как изменения в международной политике и экономике, так и внутренние образовательные тенденции страны. Ожидается, что интерес к изучению русского языка продолжится по нарастающей динамике, что будет способствовать более глубокому и осознанному пониманию культуры и традиций России среди китайских студентов [3].

Распространение русского языка в Китае на современном этапе является важной частью образовательной политики и культурного обмена между двумя странами. Изучение РКИ китайскими студентами – это не только овладение лексико-грамматическими структурами, но и формирование навыков межкультурной коммуникации. И поскольку русский язык является средством взаимодействия между представителями разных культур, постольку его успешное освоение требует знания не только языковых норм, но и социально-культурных особенностей носителей языка.

Современный мир характеризуется глобализацией и интенсификацией межкультурных контактов. В связи с ростом экономического и образовательного сотрудничества между Китаем и Россией потребность в специалистах, владеющих русским языком и способных эффективно коммуницировать в многонациональной среде значительно увеличивается. Однако многие китайские студенты, изучающие РКИ, сталкиваются с трудностями в межкультурном взаимодействии из-за различий в менталитете, нормах общения и культурных традициях.

Изучение русского языка в Китае можно рассмотреть как в синхронном, так и в диахронном аспектах. Эти подходы помогут лучше

понять текущие тенденции, исторические контексты и эволюцию распространения русского языка в Китае [4, 5].

Синхронный анализ фокусируется на текущем состоянии изучения русского языка в Китае. Так, выше было представлено, что в КНР существует множество образовательных учреждений, где изучается русский язык. Ведущие университеты предлагают программы по русскому языку. Преподавание часто включает современные методы, такие как использование мультимедийных материалов и интерактивных технологий. В настоящее время акцент в преподавании русского языка делается на развитие разговорных навыков и коммуникативной компетенции. Это связано с потребностью студентов использовать язык в реальных ситуациях, например, в бизнесе, науке, туризме и т.д. Проведение культурных мероприятий, таких как русские фестивали, выставки и лекции, способствует популяризации русского языка. Эти мероприятия помогают студентам повысить мотивационный уровень изучения РКИ. Растущий интерес к русскому языку обусловлен также экономическим и культурным сотрудничеством между Китаем и Россией. Многие студенты изучают язык с целью трудоустройства в международных компаниях.

Диахронный анализ рассматривает исторические изменения и развитие изучения РКИ в Китае. Активное изучение русского языка в Китае началось в XIX веке, когда русские миссионеры и дипломаты начали взаимодействовать с китайскими интеллигентами. Первые курсы русского языка появились в рамках учебных заведений, связанных с дипломатической и торговой деятельностью. В 1950-1980-х годах, в период укрепления отношений между СССР и Китаем, русский язык стал обязательным предметом в школах и университетах. Это привело к значительному увеличению числа студентов, изучающих язык, а также к разработке многочисленных учебников и учебно-методических пособий. С начала 1990-х годов, после реформ Дэн Сяопина, изучение русского языка в Китае столкнулось с некоторыми трудностями. Тем не менее, в последние десятилетия наблюдается возобновление интереса к русскому языку. Так, в послед-

ние годы наблюдается увеличение числа курсов и программ по изучению русского языка. Существует множество онлайн-ресурсов и мобильных приложений, что делает изучение языка более доступным.

Изучение русского языка в Китае как в синхронном, так и в диахронном аспектах демонстрирует динамичное развитие, а также гибкую адаптацию к изменяющимся условиям. Мы считаем, что на современном этапе можно ожидать дальнейшего укрепления позиций русского языка в образовательном пространстве Китая. Открытие новых возможностей для студентов и дальнейшее развитие методических подходов могут способствовать увеличению интереса к русскому языку в будущем.

Разработанная нами методическая система предлагает в качестве лингвистической базы методики исследование именных частей речи русского и китайского языка в сопоставительном/контрастивном анализе. О сближении лингвистических исследований с методикой обучения иностранным языкам говорят многие ученые-методисты. Так, например, И.Р. Саркисян отмечает, что обычно при сопоставлении языков в общенаучном описании не учитывается специфика прикладного описания в целях преподавания языка. Переместив сопоставительные исследования в сферу учебного процесса, можно выделить контрастивную ценность грамматических категорий, что даст возможность определить зоны интерференции и транспозиции [6].

В современном языкознании особое внимание уделяется сравнению языков, что позволяет выявить как общие, так и специфические черты их структур. Одним из ключевых аспектов является анализ именных частей речи, которые играют важную роль в языковой системе и функционировании как русского, так и китайского языков.

Русский и китайский языки представляют собой два ярких примера флективного и изолированного типов языков. Рассматриваемые языки не только различаются по своим грамматическим характеристикам, но и отражают различные культурные и когнитивные традиции, что делает их сравнение особенно актуальным и интересным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чжан Синьсинь. Изучение русского языка в Китае как проблема межкультурного общения / Синьсинь Чжан, Юйсинь Чжан // Образование, наука, культура в современном мире: материалы Международной научной веб-конференции «Базовые идеи ЮНЕСКО в современном образовании, культуре и науке» (Москва, март 2013 г.) / Каф. ЮНЕСКО Российской акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации, Центр упр. и гос. службы Карлтонского ун-та (Канада). — Москва: Пашков дом, 2014. — С. 176—182.
2. Бутенко Л.И., Пань Х. Русский язык и русская литература в образовательном пространстве Китая // Лосевские чтения. Труды международной ежегодной научной конференции. — Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, 2015. — С. 214—220.
3. Русский язык в современном Китае: сб. науч.-метод. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф. (г. Хайлар, КНР, Институт русского языка и культуры Хулуьбуирского института, 2–5 октября 2015 г.). — Чита: ЗабГУ, 2015. — 167 с. — ISBN 978-5-9293-1503-9.
4. Голик М.Я. Русский язык в Китае: прошлое и настоящее // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 1-2 (55). – С. 108—110.
5. Чэнь Ц., Кондрашева Е.В. Русский язык в Китае: история, современность и перспективы // Материалы секционных заседаний 54-й студенческой научно-технической конференции ТОГУ 2014. — 2014. — С. 430—433.
6. Саркисян И.Р. Контрастивное описание языков в учебных целях. Международная научная конференция, посвященная 70-летию русистики в Армении и 30-летию факультета русской филологии ЕГУ. Ереван, 2007, с. 280-281.

REFERENCES

1. *Chzhan Sin'sin'*. Izucheniye russkogo yazyka v Kitaye kak prob–lema mezhkul'turnogo obshcheniya / Sin'sin' Chzhan, Yuysin' Chzhan // *Obrazovaniye, nauka, kul'tura v sovremennom mire: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy veb-konferentsii «Bazovyye idei YUNESKO v sovremennom obrazovanii, kul'ture i nauke»* (Moskva, mart 2013 g.) / Kaf. YUNESKO Rossiyskoy akad. nar. khoz-va i gos. sluzhby pri Prezidente Rossiyskoy Federatsii, Tsentr upr. i gos. sluzhby Karltonskogo un-ta (Kanada). — Moskva: Pashkov dom, 2014. — С. 176—182.
2. *Butenko L.I., Pan' KH.* Russkiy yazyk i russkaya literatura v obrazovatel'nom prostranstve Kitaya // *Losevskiye chteniya. Trudy mezhdunarodnoy yezhegodnoy nauchnoy konferentsii.* — Yuzhno-Rossiyskiy gosudarstvennyy politekhnicheskiy universitet (NPI) imeni M.I. Platova, 2015. — S. 214—220.
3. Russkiy yazyk v sovremennom Kitaye: sb. nauch.-metod. st. IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (g. Khaylar, KNR, Institut russkogo yazyka i kul'tury Khulun'buirskogo instituta, 2–5 oktyabrya 2015 g.). — Chita: ZabGU, 2015. — 167 s. — ISBN 978-5-9293-1503-9.
4. *Golik M.Ya.* Russkiy yazyk v Kitaye: proshloye i nastoyashcheye // *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki.* — 2016. — № 1-2 (55). — S. 108—110.
5. *Chen' Ts., Kondrasheva Ye.V.* Russkiy yazyk v Kitaye: istoriya, sovremennost' i perspektivy // *Materialy sektiionnykh zasedaniy 54-y studencheskoy nauchno-tekhnikeskoy konferentsii TOGU 2014.* — 2014. — S. 430—433.
6. *Sarkisyan I.R.* Kontrastivnoye opisaniye yazykov v uchebnykh tselyakh. Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya, posvyashchennaya 70-letiyu rusistiki v Armenii i 30-letiyu fakul'teta russkoy filologii YEGU. Yerevan, 2007, s. 280-281.

ՌՈՒՄԵՐԵՆԻ ՈՐՊԵՍ ՕՏԱՐ ԼԵԶՈՒ (RCT) ՈՒՍՈՒՑՈՒՄԸ ՉԻՆԱՍՏԱՆՈՒՄ

ՀԱՆ ՄԻՆԶԻԵ

**Դալիանի օտար լեզուների համալսարան
ք. Դալիան, Չինաստանի Ժողովրդական Հանրապետություն**

21-րդ դարը շոշափելի փոփոխություններ մտցրեց Չինաստանում ՌՕԼ-ի ուսուցման մեջ: Դա արտացոլում է ինչպես միջազգային քաղաքականության, այնպես էլ տնտեսության փոփոխությունները, երկրի ներքին կրթական միտումները: Ակնկալվում է, որ ռուսաց լեզվի ուսումնասիրության նկատմամբ հետաքրքրությունը կշարունակվի աճել, ինչը կնպաստի Ռուսաստանի մշակույթի և ավանդույթների ավելի խորը և գիտակցված ընկալմանը:

***Բանալի բառեր՝** Չինաստանում ռուսաց լեզվի ուսումնասիրություն, ռուսաց լեզվի նկատմամբ հետաքրքրություն, RCT-ի նոր ծրագրեր չինացի ուսանողների համար, Չինաստանում Ռուսաստանի մշակույթի և ավանդույթների ուսումնասիրություն:*

LEARNING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE (RCT) IN CHINA

KHAN MINGIRE

**Dalian University of Foreign Languages, Dalian, People's Republic
of China**

The 21st century has brought tangible changes in the study of RCT in China, reflecting both changes in international politics and economics, as well as domestic educational trends in the country. It is expected that interest in learning Russian will continue to increase, which will contribute to a deeper and more informed understanding of Russian culture and traditions among Chinese students.

Key words: *Russian Russian studies in China, interest in the Russian language, new Russian language programs for Chinese students, the study of Russian culture and traditions in China.*

Информация о статье: статья поступила в редакцию 24 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ

О ПРЕДТЕЧАХ НАУЧНОЙ МЕТОДОЛОГИИ

Памяти Михаила Давидовича Амирханяна посвящается

Р. Р. ГРДЗЕЛЯН

ЕГУ

ruzan.grdzelyan@ysu.am

Статья посвящена неотъемлемой составляющей научной парадигмы – убеждениям и ценностям, которыми призвано руководствоваться научное сообщество. Нравственность в науке, следование научной этике, авторитеты, традиции и преемственность поколений, признательность своим предшественникам, своим учителям, стремление передать накопленные знания последователям, а также стиль изложения научной работы – вот те вопросы, которые, на наш взгляд, являются важной составляющей любой научной парадигмы.

Ключевые слова: научная парадигма, нравственность в науке, научная этика, традиции и преемственность, стиль научной работы.

Ушел из жизни Михаил Давидович Амирханян – армянский ученый-филолог, труженик, посвятивший свою научную деятельность литературоведческим исследованиям и армянско-русским литературным связям. Научной общественности он известен еще и как неутомимый организатор науки. Направляя свою энергию на установление научных контактов, на организацию и проведение международных конференций, он также способствовал сближению

взглядов внутри научного сообщества ученых-филологов Армении, в том числе формированию и развитию современной методологии филологической науки.

Наша статья посвящена, казалось бы, одной из «околонаучных», а следовательно, не столь важных и основополагающих проблем, которые касаются вопросов научной этики, морали, нравственности. И сколь бы далекими, а возможно, второстепенными не казались эти вопросы, они также требуют осмысления. На наш взгляд, все эти вопросы не менее важны и взаимосвязаны с проблемами общенаучной методологии.

Но при этом следует опасаться, что подобные рассуждения могут с легкостью привести к дилетантизму или крайне субъективному истолкованию тонких и «многозначных» вопросов, ибо «истина столь тонка, что чуть отступишь от нее, впадешь в заблуждение, но и заблуждение столь тонко, что, едва отклонишься от него, обретишь истину» (Б.Паскаль). Именно поэтому не будем рассуждать на эти темы самостоятельно, однако постараемся осмыслить их, прибегая к размышлениям, суждениям и высказываниям других – великих, знаменитых, выдающихся. Нам представляется, что обрести истину, достичь до сути в таком тонком, ускользающем и труднодостижимом вопросе, как роль морали, нравственности и этики в научном прогрессе, возможно лишь прибегнув к коллективной мысли великих людей. Этим хотелось бы оправдать «мозаичность» нашего текста: каждый «камешек» в этой мозаике участвует в построении общей картины, в живописании «философского пейзажа», именуемого нравственностью в науке. И в данном случае нам кажется неуместной требуемая и оправданно поощряемая самостоятельность суждений. Мы осознанно составили «несамостоятельный» научный текст, как бы «текст наоборот», стремясь описать «коллективный взгляд» на данную проблему.

Итак, о нравственности в науке. Возможно, Иной усмехнется и посчитает это чем-то себя изжившим, стародавним, а потому недостойным обсуждения. Но без соблюдения норм морали и нравственности в любой сфере жизнедеятельности можно «потерять свое лицо», «потерять свой разум». Ведь «ум идет вперед, когда идут вперед

все нравственные силы в человеке, и стоит без движения и даже идет назад, когда не возвышаются нравственные силы» (Н.Гоголь).

История научной мысли должна хранить и передавать потомкам не только накопленные знания и сокровищницу мыслей, но и примеры высоконравственных поступков в науке: «Я считаю главнейшей обязанностью хроник сохранить память о проявлениях добродетели и противопоставить бессчетным словам и делам устрашение позором в потомстве» (Тацит).

И сколь бы наивным, изжившим себя не показалось Иному стремление «подлинного», «неподдельного» исследователя подчинять всё научному интересу, это единственный путь сохранить свое «научное лицо»: «Кто из наук решил извлечь доход, / Тот и себя обманет и народ. / Унизившись, чтобы снискать чины, / Свои познания он лишит цены» (Навои).

Лишено нравственности в науке также сознательное следование «голой» конъюнктуре без какой-либо опоры на теоретическую базу и здравый научный смысл. Такие исследования подобны «красиво» сверкнувшему мыльному пузырю. Возможно, они принесут Иному кажущуюся признательность, возможно, именно этого ему и надо, но «трудно даже сказать, сколько вреда науке принесло то, что люди из-за какого-то врожденного высокомерия и тщеславия избирают себе только такие предметы и такие методы исследования, которые могут лишь лучше и эффектнее показать их способности, отнюдь не заботясь о том, какую пользу смогут извлечь читатели из их сочинений» (Ф.Бэкон). А впрочем, оставим право выбора Иному. Возможно, ему близок жизненный принцип, столь хлестко сформулированный Бальзаком: «Изобретай, и ты умрешь, гонимый, как преступник; подражай, и ты будешь жить счастливо, как дурак».

О научной этике. Подлинный исследователь всегда осознает объект и методы своего исследования, знает им цену, а потому владеет культурой научной полемики и всегда уважает своих оппонентов. «Дурная неблаговоспитанная привычка или склонность – враждовать с людьми, воюя с их научными идеями, как будто научная идея, даже ошибочная, неудачная, есть порок или преступление, а не просто ошибка мысли или неудача» (В.Ключевский).

Иной же порой упивается ложным ощущением собственного «научного» превосходства. Ну не зря же он так старался покорить научный Олимп?! И вот теперь он высокомерен и смел, но «презирать то, что мы не можем постигнуть, - опасная смелость, чреватая неприятнейшими последствиями, не говоря уже о том, что это нелепое безрассудство» (М.Монтень).

Однако Иной может искренне заблуждаться в том, что он достиг высот научного знания. Ведь «есть все основания утверждать, что невежество бывает двоякого рода: одно, безграмотное, предшествует науке, другое, чванное, следует за нею. Этот второй род невежества так же создается и порождается наукой, как первый разрушается и уничтожается» (М.Монтень).

Но Иному это невдомёк, Иной любит порядок, одному ему ведомый, а потому, охраняя «свой Олимп», с завидным рвением указывает место всем и каждому и в этом своем рвении бывает порой злобен и жесток. Однако помните: «Зверство всегда имеет элемент комического; но иногда бывает, что звериную, атакующую, регрессивную силу нельзя победить раз и в лоб, как нельзя победить землетрясение, если не переждать его» (А.Платонов). Можно лишь посоветовать прислушаться к Федору Достоевскому, записавшему в «Дневнике писателя» одну восточную мудрость: «Если ты направился к цели и станешь дорогою останавливаться, чтобы швырять камнями во всякую лающую на тебя собаку, то никогда не дойдешь до цели».

Об авторитетах, традициях и преемственности поколений. «Чти всегда следы прошлого» - завет римского поэта Стация в большой мере относим и к области научной мысли. Без авторитетов, без опоры на традицию научной мысли, без памяти невозможны преемственность и научный прогресс. А ведь Иному и не помнится, что «в конце концов не скажешь ничего уже, / что не было б другими раньше сказано» (Теренций). Иной отвергает прошлое, считая его нежелательной помехой на пути к «великим достижениям», чем-то старым и отжившим свой век. К сожалению, «привычка умаляет восторги, и новая посредственность затмевает постаревшую знаменитость» (М.Грасиан). Но «наиболее вздорное из всех заблуждений – когда

молодые одаренные люди воображают, что утратят оригинальность, признав правильным то, что уже было признано другими» (Гёте).

Еще русский философ Николай Фёдоров заметил: «народное, мифическое воззрение любит возвышать предков на счет потомков, так же как «критическое» (ученое, научное) старается унижить предков, возвышая потомков». Возможно, Иной искренне путает слепую приверженность старому, бездействие, стагнацию с естественной и необходимой переоценкой ценностей. «Ход времени и работа научной мысли вечно и постоянно производят переоценку ценностей в научном мировоззрении. Прошлые научные мысли рисуются нам каждый раз в совершенно иной и всё новой перспективе. Каждое научное поколение открывает в этом прошлом новые черты и теряет установившиеся было представления о ходе научного развития. Случайное и неважное в глазах ученых одного десятилетия получает в глазах другого нередко крупное и глубокое значение; в то же время блёкнут и стираются раньше установившиеся вехи научного сознания» (В.Вернадский).

В научной среде, как и в обществе в целом, очень важно уважение к достижениям прошлого, к своей истории, своим учителям. Уважай, признавай, помни корни и только потом иди вперед – вот, пожалуй, единственно верный путь.

О научном стиле изложения. За всю историю существования культуры (и науки как одного из ее проявлений) человеком создано огромное количество текстов, облечено в форму бесчисленное число мыслей, сформулировано множество суждений. Возможно, именно это способствовало распространению эклектизма, развило вкус к нему, а также породило постмодернистский взгляд на мир, помогающий тонко почувствовать ценность «готовой» мысли и умеющий манипулировать готовыми формами, создавая при этом своё, новое, неповторимое. Накопленные человечеством знания привели к необходимости междисциплинарных исследований. А всё это вместе способствовало смешению стилей и жанров. И сегодня нельзя уже говорить о монополии традиционного научного стиля изложения с его неповоротливой идиоматикой, излишним нагромождением терминов (а порой и «терминологическим украшательством»), часто

«наводящим тень на плетень». Но Иной страшится перемен, ему боязно снять маску, скрывающую его истинное «научное» лицо, окутывающую его неким ореолом доступных только «избранным» туманных мыслей. «Обыкновенно думают: чем мысль общее, тем она труднее; что надобно иметь чрезвычайное глубокомыслие и сметливость, чтобы понять, например, философскую книгу; так думают не только не читающие таких книг, но и те, которые их пишут, они единственно для облегчения мыслей само собою понятных, затемняют их до того, что они делаются совершенно непонятными» (А.Герцен). «Существует своего рода неясность, которую можно было бы определить как притворство великих ученых. Им нравится застилать природу покровом от глаз народа. Если отринуть уважение, которое питаешь к славным именам, то я бы сказал, что таков туман, который царит в некоторых произведениях» (Д.Дидро).

Иной неизменно путает простоту изложения с примитивностью. Оно и понятно, чтоб постичь простоту, нужно проникнуть глубоко в суть исследуемого. И более того – популяризатором науки может быть только талантливый ученый: «истинная популяризация требует большого практического знания мира и людей, их понятий, вкуса и склонностей, на что нужно постоянно обращать внимание при изложении и даже в выборе уместных, пригодных для популяризации выражений. Такое снисхождение до степени понимания публики и обычных выражений, при котором не допускается схоластическое совершенство «есть на самом деле великое и редкое совершенство, знаменующее большое проникновение в науку» (И.Кант). «Ценность любой философии в конечном счете измеряется ее способностью превратиться в живую популярную философию. Любая глубина – это одновременно и простота, и достигнута она может быть тогда, когда обеспечена ее связь со всей действительностью» (А.Швейцер).

И наконец, «нет ничего более приятного и редкого, чем обаятельный ученый» (А.Франс).

Приступая к рассмотрению вопросов общенаучной методологии, всегда необходимо помнить, что «настоящее чревато будущим и

обременено прошедшим» (Г.Лейбниц); «Есть вчера-сегодня-завтра в мгновении» (В.Вернадский).

ЛИТЕРАТУРА

1. Большая книга афоризмов и цитат. Сборник. – <https://surl.lu/fkcsbo>
2. Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук. Часть 9. – <https://surli.cc/erjasf>
3. Вернадский В. И. Кант и естествознание XVIII столетия – <https://surl.lu/mglaak>
4. Высказывания мыслителей о терновом венке нового знания – <https://surl.li/gtukri>
5. Герцен А. И. Капризы и раздумье. II. По разным поводам – <https://surl.li/sixahp>
6. Гете И. В. Максимумы и рефлексии – <https://surl.li/xipuei>
7. Грасиан Б. Карманный оракул – <https://surl.li/mfaqyd>
8. Гоголь Н. В. Выбранные места из переписки с друзьями – <https://surl.li/orcuid>
9. Дидро Д. Мысли к истолкованию природы – <https://surli.cc/wyxhbi>
10. Достоевский Ф. Слезинка ребенка. Дневник писателя – <https://surl.li/gwqfmk>
11. Казарян В. П. Время по В. И. Вернадскому – <https://surl.li/mmyijk>
12. Ключевский В. О. Рецензия на книгу М. П. Погодина «Древняя русская история до монгольского ига» – <https://surl.lu/dscqny>
13. Монтень М. Опыты – <https://surl.li/ixqsca>
14. Платонов А. Пушкин – наш товарищ – <https://surl.li/ntnzhx>
15. Тацит Корнелий. Анналы. Книга III – <https://surli.cc/itjnuf>
16. Федоров Н. Ф. Собрание сочинений в четырех томах – <https://surl.li/hyfayz>
17. Швейцер А. Культура и этика – <https://surl.gd/rqhrhc>

REFERENCES

1. Bolshaja kniga aforizmov i tsitat. Sbornik. – <https://surl.lu/fkcsbo>
2. *Bekon F.* O dostoinstve i priumnozhenii nauk. Chast' 9. – <https://surl.cc/erjasf>
3. *Vernadskij V. I.* Kant i jest'estvoznanie XVIII stoletija. – <https://surl.lu/mglaak>
4. Vyskazyvanija myslitelej o ternovom venke novogo znaniya – <https://surl.li/gtukri>
5. *Gertsen A. I.* Kaprizy i razdumje. II. Po raznym povodam – <https://surl.li/sixahp>
6. *Gjote I. V.* Maksimy i refleksii – <https://surl.li/xipuei>
7. *Grasian B.* Karmannyj orakul – <https://surl.li/mfaqyd>
8. *Gogol N.V.* Vybrannyje mesta iz perepiski s družjami – <https://surl.li/orcuid>
9. *Didro D.* Mysli k istolkovaniju prirody – <https://surl.cc/wyxxbi>
10. *Dostojevskij F.* Slezinka rebjonka. Dnevnik pisatelja. – <https://surl.li/gwqfmk>
11. *Kazaryan V. P.* Vremja po V. I. Vernadskomu – <https://surl.li/mmyijk>
12. *Kljuchevskij V. O.* Recenzija na knigu M. P. Pogodina “Drevnjaja ruskaja istorija do mongolskouo iga” – <https://surl.lu/dscqny>
13. *Monten' M.* Opyty – <https://surl.li/ixqsca>
14. *Platonov A.* Pushkin – nash tovarishch – <https://surl.li/ntnzzx>
15. *Tatsit Kornelij.* Annaly. Kniga III – <https://surl.cc/itjnuf>
16. *Fjodorov N. F.* Sobranije sochinenij v chetyrjokh tomakh – <https://surl.li/hyfayz>
17. *Shvejtcen A.* Kultura i etika – <https://surl.gd/rqhrhc>

ԳԻՏԱԿԱՆ ՄԵԹՈԴԱԲԱՆՈՒԹՅԱՆ ՆԱԽԱԿԱՐԳԵՐԸ

Ռ. Ռ. ԳՐԶԵԼՅԱՆ

ԵՊՀ

Հոդվածը նվիրված է ցանկացած գիտակարգի անբակտելի բաղադրիչներին՝ այն համոզմունքներին և արժեքներին, որոնցով

դեկավարվում է գիտական համայնքը: Գիտության մեջ բարոյականությունը, գիտական էթիկայի, հեղինակությունների, ավանդույթների և սերունդների շարունակականության պահպանումը, երախտագիտությունը նախորդներին, ուսուցիչներին, կուտակված գիտելիքները հետևորդներին փոխանցելու ցանկությունը, ինչպես նաև գիտական աշխատանքի ներկայացման ոճը՝ սրանք այն հարցերն են, որոնք, մեր կարծիքով, հանդիսանում են ցանկացած գիտակարգի կարևոր բաղադրիչներ:

Բանալի բառեր՝ գիտակարգ, գիտության մեջ բարոյականություն, գիտական էթիկա, ավանդույթներ և շարունակականություն, գիտական աշխատանքի ներկայացման ոճ:

ON THE BACKGROUND OF SCIENTIFIC METHODOLOGY

R. R. GRDZELYAN

YSU

The article is devoted to an integral part of the scientific paradigm - the beliefs and values that should guide the scientific community. Morality in science, following scientific ethics, authority, tradition and succession of generations, gratitude to their predecessors, their teachers, the desire to pass on accumulated knowledge to followers, as well as the style of presentation of scientific work - these are the issues, which, in our view, are an important component of any scientific paradigm.

Keywords: scientific paradigm, morality in science, scientific ethics, tradition and continuity, style of scientific work.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 9 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120) 2025 30.06.2025.

У НАС В ГОСТЯХ

ՍՈՒՐԵՆ ՄՈՒՐԱՂՅԱՆԻ «ՄԱԳԱՂԱԹՆԵՐ» ՊՈԵՄԸ

Նվիրվում է պրոֆեսոր Միխայիլ Դավիդովիչ Ամիրխանյանին

Մ. Մ. ԳԻԼՎՅԱՆ

Խաչատուր Աբովյանի անվան ՀՊՄՀ

gilavyan.meline@mail.ru

Հոգիվածում քննության են առնվում նորագույն շրջանի հայ մանկագիր Սուրեն Մուրադյանի պոեմի հայրենասիրական, դաստիարակչական, ճանաչողական նշանակության գեղարվեստական յուրահատկությունների վերաբերյալ հարցերը: «Մագաղաթներ» պոեմում մեր պատմությունը մանուկ ընթերցողին ներկայանում է որպես հոգևոր մաքառումների արարման, ստեղծագործ մտքի, փառահեղ հաղթանակների մի ճանապարհ, որը սկիզբ է առնում Հայկի ու Արայի ժամանակներից ու հասնում մինչև Ավարայր, Սարդարապատ ու Մատենադարան: Պոեմն արժանացել է բարձր գնահատականի և նրա մի շարք հատվածներ տեղ են գտել դասագրքերում ու ընթերցարաններում:

Բանալի բառեր և արտահայտություններ. *հայրենասիրություն, պոեմ, մագաղաթներ, ազգային արժեք, ոգի, ճակատագիր, պատմության քառուղի:*

Ս.Մուրադյանը, այն քիչ բանաստեղծներից է, որ հիմնականում գրել են մանուկների համար ու մանուկների մասին՝ ընթերցողների առջև բացելով մի ուրույն աշխարհ, որը շնչում է հայրենասիրությամբ, հայրենի եզերքի անկրկնելի գույներով ու հնչյուններով:

Մայրենի լեզվի, գրի ու մագաղաթի, դպրության ու լուսավորության փառաբանությանն են նվիրված Սուրեն Մուրադյանի բանաստեղծություններից ու պոեմներից շատերը: Հայոց հանճարի ոգով ստեղծված մագաղաթների էջերում մանուկ ընթերցողներին սպասում են բազմաթիվ հրաշքներ, որոնց հետ նա դեռևս պիտի հաղորդակցվի իմաստանա ու մաքրվի:

Ս.Մուրադյանը մանուկ ընթերցողների առջև բացում է մագաղաթների խունացած, այրամբ ներծծված էջերը, նրա հետ ճամփորդում մեր պատմության քառուղիներում: Երախտիքի ջերմ խոսքերով ու ակնածանքով է բանաստեղծը հիշատակում մեր մեծերին սկսած Նարեկացուց մինչև Սարգիս Պիծակ, «Մշո ճառընտիրից» մինչև «Պարզատումար»: Հայոց հանճարի ստեղծված մագաղաթների էջերում մանուկ ընթերցողներին սպասում են բազմաթիվ հրաշքներ, որոնց հետ նա դեռ պիտի հաղորդակցվի, իմաստանա, մաքրվի:

Պոեմի հենց առաջին տողերում բանաստեղծն ընթերցողի առջև փռում է մագաղաթների անգին գանձերը, որոնք ինչքան էլ թալանվել ու կողոպտվել են, չեն սպառվել, որովհետև Հովնան գրիչի նման հագարավոր մարդիկ քարից հաց քամող «գմբուխտ թանաքով, խոտերի ծաղկի գույներով պես-պես» վանքերի խցերում ու խոնավ քարայրներում, արհամարելով քաղցն ու ծարավը, ցուրտն ու մութը, մոմի աղոտ լույսի տակ տառեր են շարել մաքուր ու անթեղ:

Ս.Մուրադյանը ներկայացնում է «Մշո ճառընտիրի» պատմությունը, որի դաստիարակչական նշանակությունը դժվար է գերազնահատել:

Երեխան պոեմի միջոցով ոչ միայն հաղորդակցվում է ազգային արժեքներին, այլև համակվում է դրանք լույսի պես պահպանելու ոգով: Նրա համար կողմնորոշման չափամիջ է դառնում ժողովրդի ինքնամոռաց սխրանքը, որը դրսևորվում է «Մշո ճառնտիրը» նախ սերջուկներից, այնուհետև թուրքերի ճիրաններից փրկելու ժամանակ:

Ավեր Մուշի փողոցներում

Գրոշներ է մեկը մուրում,

– Մարդիկ ,արեք ողորմություն՝

«Ճառընտիրին» ի փրկություն... [1, 271]

Մարդիկ ազգովի դառնում են մուրացկան, հավաքում են մեծ փրկագին և ազատում գիրքն այդ թանկագին, որը մոտ յոթ դար հանգրվում է Առաքելոց վանքում:

Մանուկ ընթերցողի համար ոչինչ այնպես ուսանելի չի կարող լինել, ինչպես եղեռնի ահասառսուռ օրերին հայ կնոջ ձեռքով «Ճառընտիրի» կեսը փրկելու և սուրբ Էջմիախձին հասցնելու պատմությունը: Հայ երեխան պետք է դաստիարակվի այն հոգեբանությամբ, այն նվիրումի ոգով, հասկանա, որ միայն մեր տեսակին է հատուկ առանց ավստսանքի թողնել ողջ ունեցվածքը և փրկել երեխային ու մագաղաթյա ձեռագրերը:

Ընթերցողին տանելով Մատենադարան Ս.Մուրադյանը ներկայացնում է «Ճառընտիրի» մյուս կեսի ճակատագիրը.

Չույգ թերթերը ճամփեց Անին
 Չորս եղավ Ախթամարից,
 Ուրիշ չորս թերթ վանքից Վարագ,
 Էլի երկուսն՝ Այրի ձորից,
 Չորս թերթերն էլ Փարիզ, Կոկանդ
 Վերադրձան, բայց հյուսեցին
 Գրատանը այս արևկա: [3, 275]

Մանուկ ընթերցողին Մատենադարանը ներկայացվում է որպես մեր ստեղծագործ ոգու մարմնացում, անսպառ մի զանձարան ուր «Նարեկացու հետ, Մաշտոցի կողքին» հպարտ բազմել են հույն Հերոդոտոսն ու մեծ Հոմերոսը, Դանթենուրիշ շատ ու շատ մեծեր: Այստեղ մեր պատմությունն է, մեր ոգեղեն զանձերը, մեր լեզուն ու հայրենիքը. «Այս պոեմը ասես հիմներգ է ժողովրդի անմահության, ասք գրի և ոգու, – նշում է Լ.Կարապետյանը: Մաքառեցին, կռվեցին, նահատակվեցին, ցիրուցան եղան աշխարհով մեկ մագաղաթները մեր, բայց հետո որպես փյունիկ նորից հառնեցին և վերադարձան երամ-երամ օջախը հայոց» [2, 269]:

Հանգիստ են առնում այս հովանու տակ
 Ձեռագրերը բյուրավոր ու թանկ:

Մեր պատմությունն է այս գրերի մեջ
 Դրանք մեր ոգու գանձերն են անշեջ,
 Հնձվորի նման ննջում են հոգնած՝
 Մաշտոցն է հսկում անդորրը նրանց: [3. 276]

Պոեմը նախատեսված է միջին տարիքի դպրոցի երեխաների համար: Գրված է մատչելի լեզվով, արտահատչամիջոցներն ու պատկերավորման, կերպարների բացահայտման ձևերը հնարավորություն են տալիս պատկերացում կազմելու մեր պատմության վերաբերյալ: Պոեմի սյուժետային կառուցվածքի մեջ յուրաքանչյուր գլուխ կառուցված է կոնկրետ դեպքերի, բնավորության դրսևորումների ու իրավիճակների բացահայտմամբ: Պոեմը բացահայտում է հայի բնավորության հատկանիշները, պատկերելու մեր ազգային բնավորության գծերը՝ կենսասիրությունը, հայրենասիրությունը, իմաստությունը, խիզախությունն ու պարզությունը:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Գիլավյան Մ.* Ժամանակակից հայ մանկագիր բանաստեղծներ, Եր., 2004.
2. *Կարապետյան Լ.* Դասը վարում է գրողը, Եր., 2002.
3. *Մուրադյան Ս.* «Մրբաբաղ», Եր., 1990.

ПОЭМА СУРЕНА МУРАДЯНА «СВИТКИ»

М. М. ГИЛАВЯН

АГПУ имени Хачатура Абовяна

В статье рассматриваются вопросы художественных особенностей патриотического, воспитательного и познавательного значения поэмы современного армянского детского писателя Сурена Мурадяна. В поэме «Свитки» армянская национальная история представлена юному читателю как путь духовных подвигов,

творческой мысли и славных побед, начинающийся со времён Айка и Ара, охватывая временной промежуток до Аварайра, Сардарапата и Матенадарана. Поэма получила высокую оценку, и ряд её фрагментов нашли своё место в учебниках и хрестоматийных сборниках.

Ключевые слова: патриотизм, поэма, свитки, национальная ценность, дух, судьба, перекрёстки истории.

SUREN MURADYN «SCROLLS» POEM

M. M. GILAVYAN
ASPU

The article examines the issue of artistic peculiarities of patriotic, educational and generative significance of the poem by the modern Armenian children's writer Suren Muradyan. In the poem 'Scrolls' our history is presented to the child reader a path of spiritual struggles, creative thinking and glorious victories, which begins in the times of Hayk and Ara and reaches Avarayr, Sardarapat and Matenadaran. The poem has been highly praised and several parts of it have been included in text books.

Key words and phrases: patriotism, poem, scrolls, national value, spirit, destiny, crossroads of history.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 26 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

ՏԵՍԱՆՅՈՒԹԵՐԻ ԸՆՏՐՈՒԹՅԱՆ ՉԱՓԱՆԻՇՆԵՐԸ ԳՈՐԾԱՐԱՐԱԿԱՆ ԱՆԳԼԵՐԵՆԻ ԴԱՍԸՆԹԱՅՈՒՄ

Ք. Ա. ՍԱՐԳՍՅԱՆ

Հայաստանի պետական տնտեսագիտական համալսարան

sargsyan.ch.81@gmail.com

Հոդվածում քննության են առնվում տեսանյութերի ընտրության տեսակները, չափանիշներն ու սկզբունքները, հաշվի առնելով գործարարական անգլերենի դասսընթացի առանձնահատկությունները: Տեսանյութերի ընտրության չափանիշներից առանձնացվում են ինտենսիվության, անհատականացման, բնագրայնության, տարածաշրջանային աշխարհագրական տեղեկատվության առկայության, միջանձնային հաղորդակցության տարբեր իրավիճակների, թեմայի համապատասխանության, բարոյական և էթիկական ներուժի առկայության, գեղարվեստական ձևավորման որակի, ժանրային բազմազանության, ընդհանուր կամ նեղ մասնագիտական կենտրոնացման: Տեսանյութերի ընտրության սկզբունքների քննության են առնվել իրագործելիության, օտար լեզվի ուսուցման բովանդակության զարգացնող արժեքի, նորույթի սկզբունքները: Ըստ տեսանյութի տեսակների առանձնացված են կրթական, տեղեկատվության ստացման կամ ընկալման, տեղեկատվական փոխանցման և այլն: Քննության են առնվում նաև տեսաֆիլմերը և տեսահոլովակներն ըստ իրենց գործառույթների և ռնաժանրային առանձնահատկությունների: Հաշվի առնելով տեսանյութերի չափանիշներն ու սկզբունքները, ներակայացվում է տեսանյութերի ընտրության, ցուցադրման հստակ փուլեր և ընթացակարգեր:

Բանալի բառեր. Իրադրություն, խոսքային շփում, իրագործելիության սկզբունք, ինտենսիվության չափանիշ, անհատականացման չափանիշ, ճանաչողական պահանջմունք, հեռանկարային պահանջմունք, գովազդային տեսանյութ, գեղարվեստական ֆիլմ, դոկումենտալ ֆիլմ:

Գործարարական անգլերենի դասընթացը կազմակերպելու տարբեր մոտեցումներ են հայտնի: Վերջին տարիներին ՀՀ տնտեսագիտական կողմնորոշման բուհերում գործարարական անգլերենն ուսուցանվում է, հաշվի առնելով զարգացած երկրներում կուտակված փորձը: Մի կողմից, կարևորվում է բուն անգլալեզու երկրների փորձը: Մյուս կողմից, կարևորվում է այն փորձը, որը կուտակվել է արևմուտքի զարգացած երկրներում: Դրա կոնկրետ արտահայտությունն այն է, որ գործարարական անգլերեն դասավանդող դասախոսները հիմնականում գործածում են արտերկրում շրջանառվող գործարարական անգլերենի դասագրքեր¹: Թվում է, թե անգլերեն դասավանդող դասախոսներն անելիք չունեն, երբ խոսքը վերաբերում է անգլերեն, գործարարական ուղղվածության տեսանյութերի ընտրությանը: Սակայն դա այդպես չէ: Այստեղ կարևոր է նշել, որ տեսանյութերի ընտրությունը պետք է հետաքրքրի ոչ միայն դասախոսներին, այլև ուսանողներին:

1

[Berlitz Languages Business Topic - Levels 9-10](#). - 300p.

[Finos Damon. Business English 1 - Student Guide](#) . – 2020. -240p.

[Finos Damon. Business English 2 Instructor Guide](#) Berlitz, 2019 — 253 p.

[Finos Damon. Business English 2. Student Guide](#)

Berlitz, 2019 — 234 p.

[Kristian Paul. Business English 1 Instructor Guide](#)

Berlitz, 2020 — 254 p.

[Kristian Paul. Business English 3 Instructor Guide](#)

Berlitz, 2021 — 257 p.

[Kristian Paul. Business English 3 Student Guide](#)

Berlitz, 2021 — 318 p.

[Kruelle D., MacCornack K., Kisslinge E., MacLachlan R. Berlitz English. Business Levels 1-2](#)

Publisher: Berlitz Languages, Inc. USA. Format: PDF, MP3. Pages: 86, 77.

[Kruelle D., MacCornack K., Kisslinge E., MacLachlan R. Berlitz English. Business Levels 1-2](#)

Berlitz Languages, Inc. USA. Format: PDF, MP3. Pages: 86, 77.

Դրական միտում է այն, որ այդ նպատակով մշակվել են բազում չափանիշներ, որոնց իմացությունը կարևոր պայման է գործարարական անգլերենի դասընթացը շարունակաբար բարելավելու տեսանկյունից:

Տեսանյութերի ընտրություն կատարելիս, հիմնականում կարևոր չափանիշ է համարվում բառի արժեքը: Դա ենթադրում է, որ տեսանյութերը պետք է պարունակեն ոչ համարժեք բառապաշար, տնտեսագիտական եզրույթներ և մասնագիտական ծածկալեզու [10]:

Տեսանյութերի ընտրության կարևոր չափանիշ է այն, որ «այն պետք է ներառի տարբեր իրադրություններ, որոնք պետք է խթանեն օտարալեզու խոսքային շփումը»: Այստեղ կարևոր է նշել, որ այդ իրադրությունները պետք է լինեն իրական կյանքից, կամ ավելի ճիշտ գործարարական ոլորտից վերցրած:

Ըստ մեկ այլ չափանիշի՝ տեսանյութերը պետք է պարունակեն նոր օտարալեզու տեղեկատվություն, որը բարձրացնում է սովորողների հետաքրքրությունը և վստահությունն ուսումնական նյութերի նկատմամբ [4]:

Հաջորդ չափանիշը վերաբերում է իրագործելիության սկզբունքին, ըստ որի՝ տեսատեսքստը պետք է պարունակի սահմանափակ քանակությամբ անձանոթ բառապաշար և քերականական երևույթներ: Դժվար չէ կռահել, որ այն հաշվի առնելը դժվարությունների չի հանդիպում, եթե դասախոսը նախօրոք որոշած է լինում ուսանողների լեզվական մակարդակը:

Առանձնանում է հատկապես ինտենսիվության չափանիշը, որը միտված է կարճ ժամանակում ուսումնական նյութի ամենաարագ և արդյունավետ յուրացմանը, ժամանակի և ռեսուրսների խնայողաբար օգտագործմանը [9: 1-6]: Ընտրվող տեսանյութերն ըստ այդ չափանիշի պետք է հստակոսրեն արտացոլեն ուսանողների մասնագիտական գիտելիքների առանձնահատկությունները: Պետք է լինեն իրական, ստեղծված լեզվակիր տնտեսագետների, գործարարների կողմից լեզվակիր ուսանողների համար:

Ինչ վերաբերում է անհատականացման չափանիշին, ապա պետք է տեսանյութերն ընտրելիս հաշվի առնել ուսանողների կողմից

տեղեկատվության ընկալման առանձնահատկությունները, նրա գերակշռող հիշողության և մտածողության որակն ու տեսակը (Նույն տեղում):

Հետազոտության հիմնախնդրի տեսանկյունից կարևորվում են տեսնյութի միջոցով անգլերենի ուսուցմանը [1; 6], բնագրային տեսանյութերի կիրառմանը [7], տեսնյութերի չափանիշների ընտրությանը [9] նվիրված աշխատանքները

Բավականին դժվար է խոսքի հստակությունը հաշվի առնելը, քանի որ այս չափանիշով առաջնորդելը դժվար է անգամ անգլերենի մասնագիտական դասընթացում: Այստեղ խոսքը վերաբերում է անգլալեզու գործարարների խոսքի հստակությանը, առողջանությանը, նրանց արտասանական առանձնահատկություններին: Մի կողմից, խնդիր է դրվում ընտրել խոսակցական լեզվին բնորոշ խոսքային իրադրություններ: Մյուս կողմից, այստեղ խոսք է գնում բուն գործարարական ենթալեզվի, նրա արտասանական առանձնահատկությունների մասին: Պարզ է, որ որքան դժվար կլինի ընկալել տեսահոլովակի որևէ հատվածն ուսանողների համար, երբ նրանք պետք է փորձեն հասկանալ տեսատեքստը, որը պարունակում է թե՛ խոսակցական, մասնագիտական, տվյալ դեպքում մասնագիտական լեզվակադապարներ:

Ինչպես և ավանդական մեթոդիկայում խնդիր է դրվում հաղթահարել լեզվական բնույթի դժվարություններ: Դա վերաբերում է թե՛ քերականական կառուցվածքներին, թե՛ խոսակցական արտահայտություններին:

Օտար լեզվի ուսուցման գործընթացում օգտագործվող նյութերի մեծ մասը պետք է լինի վավերական, քանի որ «տեքստը, որն ի սկզբանե զուրկ է իսկական հաղորդակցական մտադրությունից, ակնհայտորեն չի կարող խթան հանդիսանալ դասարանում հաղորդակցվելու համար» [7: 147-156]: Վավերական օտարալեզու տեքստը և՛ ուղերձ է, և՛ լեզվական ձևերի հավաքածու: Մովորողը «ստանում» է տեղեկատվություն և միաժամանակ սովորում, թե ինչպես է այն ներկայացվում լեզվական առումով:

Հավելենք, որ վավերական տեսանյութերը ուսանողների մոտ հետաքրքրություն են առաջացնում՝ շնորհիվ իրենց ոճաժանրային ձևավորման: Միևնույն ժամանակ, ոչ մի այլ նյութ չի կարող այդքան

ամբողջական պատկերացում կազմել ուսումնասիրվող լեզվի երկրի սոցիալ-մշակութային իրականության մասին և ցույց տալ օտարալեզու հաղորդակցության բանավոր և ոչ բանավոր կողերը: Վավերական նյութերն օգնում են ընդլայնել ոչ լեզվաբանական համալսարանում սովորող ուսանողների մտահորիզոնը:

Ընդհանուր առմամբ տեսանյութերի դասակարգման արդյունքում առանձնանում են վեց տեսակ: Ըստ տեսանյութի տեսակների լինում են

- կրթական (արհեստականորեն ստեղծված տեսանյութեր), որոնք նախատեսված են հատուկ կրթական խնդիրների լուծման համար),
- տեղեկատվության ստացման կամ ընկալման, բնագրային տեսալսանյութեր (տեսողական և լսողական ընկալում): ‘Դրանք կարող են լինել տեսախցիկներ կամ այլ թվային լրատվամիջոցներ՝ հեռուստատեսային ծրագրեր, ֆիլմեր, քարտեզներ, պաստառներ, գովազդ, հայտարարություններ:
- տեղեկատվական նյութեր. ռեֆերատներ, ուսումնական ծրագրեր, ձայնագրված դասախոսություններ օտար լեզվով, գեկույցներ, հաղորդագրություններ, հարցազրույցներ, թեստեր, դիագրամներ, մեկնաբանություններ, հայտարարություններ, հարցումներ.

Տեսանյութերի ընտրության կարևոր սկզբունք կամ չափանիշ է բնագրայնությունը: Խնդիր է դրվում հնարավորինս բնագրային տեսանյութեր ընտրել, քանի որ դրանք օգնում են ճիշտ մոդելավորել անգլալեզու գործարարների հաղորդակցական վարքագիծը: Մեթոդիստներն առանձնացնում են օտար լեզվի ուսուցման բովանդակության զարգացնող արժեքի սկզբունքը, որը ենթադրում է, որ ուսուցման բովանդակությունը պետք է նպաստի անձնային առումով կարևոր որակների և մշակութային արժեքների զարգացմանը միտված առաջադրանքների կատարմանը: Նշված համատեքստում կարևոր է, որ տեսանյութերը զարգացնեն ապագա գործարարների ոչ միայն խոսքային, ոչ խոսքային վարքագծի հմտությունները: Տեսանյութերի ընտրության կարևոր սկզբունք է նորույթի սկզբունքը, երբ խնդիր է դրվում շարունակաբար թարմացնել սովորողների հանրամշակութային գիտելիքները: Է.Ն. Սոլովովան առաջարկում է ապահովել տեսանյութի համապատասխանությունն ուսանողների ընդհանուր և լեզվական զարգացման մակարդակին,

հաշվի առնել ուսանողների հետաքրքրությունները և կարիքները, տեսանյութի նորությունը, բովանդակությունը և լեզվական արժեքը: Նա առաջարկում է որոշել տեսահոլովակի ցուցադրման տևողությունը, հաշվի առնելով սովորողների հնարավորությունները և ուսումնական առաջադրանքի բովանդակությունը [8]:

Հետազոտողները նաև կարևորում են այնպիսի չափանիշներ, ինչպիսիք են տարածաշրջանային աշխարհագրական տեղեկատվության առկայությունը, միջանձնային հաղորդակցության տարբեր իրավիճակները, թեմայի համապատասխանությունը, բարոյական և էթիկական ներուժի առկայությունը, գեղարվեստական ձևավորման որակը, ժանրային բազմազանությունը և ընդհանուր կամ նեղ մասնագիտական կենտրոնացումը (մասնագիտական պատրաստման ոլորտներում ուսանողների համար):

Տեսանյութերի ընտրության գործընթացում արդյունավետ է իրականացնել ապագա գործարարների ճանաչողական և հեռանկարային պահանջմունքների վերլուծություն: Վերլուծության արդյունքները կարող են օգնել դասախոսին ճիշտ ընտրություն կատարել: Մի կողմից, կարելի է պնդել, որ տնտեսագիտական ուղղվածություն ունեցող դասընթացներում ներգրավված ուսանողների ճանաչողական պահանջմունքները որոշելը դժվար չէ: Ինչ-որ առումով, ամեն ինչ պարզ է: Սակայն այստեղ խոսք է գնում ոչ թե մասնագիտության, այլև կոնկրետ մասնագիտության շրջանակներում մասնագիտացման մասին: Կարևոր է պարզել, թե ուսանողն ինչ տնտեսագիտական մասնագիտության ոլորտում է ուզում մասնագիտանալ: Կարևոր է նաև պարզել, վերջիվերջո ինչ ոլորտում է ուզում աշխատել: Դա հաշվի առնելով կարելի է օգտվել համացանցի կողմից ընձեռած հնարավորություններից և ընտրել այնպիսի տեսահոլովակ, որը վերաբերում է կոնկրետ գործարարության ոլորտին:

Ինչպես հայտնի է տնտեսագիտությունից առաջնային է համարվում բիզնեսի այնպիսի ոլորտներն ինչպիսիք են ապրանքների և ծառայությունների արտադրությունը, ռեսուրսների արդյունահանումը, առևտուրը, ֆինանսները, գովազդը և այլն: Ըստ նշված և այլ ոլորտների կարելի է ընտրել համապատասխան տեսահոլովակները:

Ընդ որում, տեսահոլովակներ կարող են լինել ուսուցողական և բնագրային: Ուսուցողական տեսահոլովակները նույնպես կարող են լինել լեզվակիրների համար նախատեսված՝ մասնագիտական-ուսուցողական, գործարարական անգլերենի ուսուցման համար նախատեսված: Ինչ վերաբերում է լեզվակիր-գործարարների համար նախատեսված մասնագիտական տեսահոլովակներին, ապա դրանք կարելի է կիրառել ուսուցման ավարտական փուլում, հիմնականում բարձր լեզվական մակարդակ ունեցող խմբերում:

Ակնհայտ է, որ գործարարական ուղղվածության տեսահոլովակներ ընտրելիս պետք է ընդհանուր պատկերացում ունենալ տեսահոլովակների տեսակների մասին: Հիմնականում առանձնանում են.

1. Company culture videos - Ընկերության մշակույթի տեսանյութեր
2. Promotional videos - Գովազդային տեսանյութեր
3. FAQ videos (Frequently asked questions) – հաճախակի տրվող հարցեր պարունակող տեսանյութեր
4. Tutorial videos - Ուսուցողական տեսանյութեր
5. Onboarding videos- Ներգրավման տեսանյութեր
6. Presentation videos - Ներկայացման տեսանյութեր
7. Testimonial videos – Վկայություններ պարունակող տեսանյութեր
8. Screencast videos - Էկրանային տեսանյութեր
9. Live-stream videos - Ուղիղ հեռարձակման տեսանյութեր
10. Explainer videos - Բացատրող տեսանյութեր
11. Social media videos - Սոցիալական մեդիայի տեսանյութեր
12. Podcast videos - Պոդքաստ տեսանյութեր

Ընկերության մշակույթի տեսանյութը որևէ ընկերության մշակույթը և հիմնական արժեքներ ներկայացնող տեսանյութ է, որն օգնում են դիտողներին պատկերել տվյալ կազմակերպության էթիկան, աշխատանքային միջավայրը և բիզնեսի գործունեությունը և կառավարող սկզբունքները: Այլ կերպ ասած, ընկերության ապրանքանիշի տեսանյութերը ներկայացնում են տվյալ ընկերության մշակույթը մոտիկից՝ օգնելով պոտենցիալ աշխատակիցներին, հաճախորդներին և շահագրգիռ կողմերին հասկանալ, թե ինչն է առանձնացնում տվյալ բիզնեսը:

Ընկերության մշակույթի տեսանյութերը լավագույն միջոց են

- տաղանդներին հավաքագրելու,
- մրցույթին մասնակցությունն ապահովելու,
- հաճախորդների և աշխատակիցների հետ վստահության և

հավատարմության մթնոլորտ ձևավորելու,

• ապրանքանիշի ինքնության և ներդրողների հարաբերությունների ամրապնդելու տեսնկյուններից:

1. Գովազդային տեսանյութերն ուսուցողական մեծ ներուժ ունեն, քանի որ դրանք սիրված են շուկայավարների շրջանում, ստեղծված են գրավելու դիտողի ուշադրությունը, պատմելու նրանց կողմից ցուցադրվող ապրանքի մասին և խրախուսելու նրանց գնել ապրանք կամ գրանցվել միջոցառման համար:

Գովազդային տեսանյութերը սովորաբար հաղորդագրությամբ տալիս են համառոտ տեղեկատվություն գովազդվող ապրանքի մասին:

Լավ գովազդային տեսահոլովակն առանձնացնում է գովազդվող ապրանքանիշը, բարձրաձայնում է տվյալ ապրանքատեսակի մասին և կոնկրետ «գործողության կոչ է անում»:

Գովազդային տեսանյութերը լավագույն միջոց են, երբ փորձում են

- միջոցառում կազմակերպել կամ արտադրանքը ներկայացնել,
- նոր հաճախորդներ ձեռք բերել,
- խրախուսել հաճախորդներին նոր քայլեր ձեռնարկել,
- նոր ապրանքներ թողարկել,
- սոցիալական բաժնետոմսերն ավելացնել:

FAQ կամ հաճախակի տրվող հարցեր տեսանյութն օգնում են դրական հուզական միջավայրում ստանալ տրված հարցերի պատասխանները:

2. Ներգրավող տեսանյութերը կարճ հոլովակներ են, որոնք նախատեսված են նոր աշխատողներին ծանոթացնելու ընկերության մշակույթին, արժեքներին, գործունեությանը և այլն:

Ավելին, այս տեսանյութերը նոր աշխատակիցներին կրթում են այնպիսի կարևոր թեմաների մասին, ինչպիսիք են կիրերանվտանգությունը, ոտնձգությունների դեմ պայքարը և բազմազանությունը՝ հիմնականում ընդգրկելով այն ամենը, ինչ անհրաժեշտ է աշխատավայրում դրական փորձ ապահովելու համար:

Նման տեսանյութերը հարմար գործիք են անհատներին արագ կարգավորելու համար: Նրանք առաջարկում են արդյունավետ և գրավիչ մեթոդ նորեկներին ողջունելու և նոր տաղանդներին անխափան կերպով ինտեգրելու համար:

Ներգրավման տեսանյութերը լավագույն միջոցն են, երբ խնդիր է դրվում

- առաջ բերել հետաքրքրություն ձեր բիզնեսի նկատմամբ,
- օգնել ձեր նոր վարձու աշխատողներին հաստատվել բիզնեսում,
- ստեղծել առողջ աշխատանքային միջավայր,
- վերապատրաստել աշխատակիցներին այնպիսի թեմաներով,

ինչպիսիք են կիրերանվտանգությունը և բազմազանությունը:

3. Ներկայացման տեսահոլովակները գրավիչ և գեղեցիկ միջոց է հասցեատիրոջը տեղեկատվություն, գաղափարներ կամ որևէ հաղորդագրություն փոխանցելու համար:

Ընդհանրապես, ներկայացման տեսանյութերը միավորում են տեսանյութի տեսողական, պատկերային տարրերը, դրանց ուղեկցող պատվածքները, ընդ որում ինտերակտիվ ռեժիմում, ստեղծելով համոզիչ, դիտարժան շարժանկարներ:

Ի տարբերություն ավանդական կենդանի ներկայացման կամ սովորական PowerPoint-ի, այս տեսանյութերը կարող են դադարեցվել, վերադիտվել և նորից դիտվել՝ թույլ տալով դիտողներին ընկալել տեսանյութի բովանդակությունը ցանկացած արագությամբ, տեմպով ցանկալի վայրում և միջավայրում:

Ներկայացումները վերածելով տեսանյութերի և դրանք տարածելով, կարելի է հաղորդագրությունը տարածել ավելի լայն լսարանի վրա և արժեքավոր բովանդակություն տրամադրել ավելի շատ մարդկանց:

4. Աշխատակիցների և հաճախորդների վկայությունների տեսանյութեր

Վկայությունների տեսահոլովակը կարճ հոլովակ է, որտեղ հաճախորդները կամ աշխատակիցները խոսում են ապրանքի/ծառայության հետ կապված իրենց փորձի կամ ընկերությունում աշխատելու իրենց փորձի մասին:

Վկայությունների տեսանյութերը ֆիքսում են իրական զգացմունքները, մտքերը, տոնայնությունը և մարմնի լեզուն՝ դրանք դարձնելով շուկայավարման հզոր գործիքներ: Նրանք պոտենցիալ հաճախորդներին/աշխատակիցներին տրամադրում են իրական հետադարձ կապ և ապացույցներ ապրանքի, ծառայության և աշխատավայրի արժեքի մասին:

Օգտագործելով իրական կյանքի փորձը, վկայությունների տեսանյութերը վստահություն են ստեղծում ընկերության կամ արտադրանքի նկատմամբ:

Վկայությունների տեսանյութերը լավագույն միջոցն են, փորձ է արվում

- անդրադառնալ ընդհանուր մտահոգություններին կամ սխալ պատկերացումներին,

- մարդասիրական նորմերով դիտարկել ապրանքանիշը,
- ընդգծել տարբեր օգտագործման դեպքեր,
- շուկայավարել ըստ էության,
- վստահության ձևավորել,
- հաջողության պատմությունները ցուցադրել,
- ձևավորել գովազդվող ընկերության և արտադրանքի նկատմամբ վստահությունը:

Էկրանային տեսանյութերը համակարգչային Էկրանի ցուցադրման ձայնագրություններ են, որոնք հաճախ ուղեկցվում են ձայնային հաղորդմամբ: Այս տեսանյութերը հաճախ ցուցադրում են ծրագրակազմ, տրամադրում են ձեռնարկներ թվային գործընթացի վերաբերյալ կամ առաջնորդում են դիտողներին համակարգչային ինտերֆեյսի մի շարք քայլերի միջոցով:

Screencast տեսանյութերը հստակ տեսողական միջոց են տալիս թվային առաջադրանքները սովորեցնելու կամ բացատրելու համար՝ հանդիսատեսի համար հեշտացնելով հետևելու և հասկանալու հատուկ գործողությունները կամ գործառույթները Էկրանի վրա:

Անկախ նրանից՝ ցույց տալով, թե ինչպես է աշխատում նոր ծրագրաշարը, թե բացատրելով վերկայքի գործառույթը, Էկրանային տեսանյութերը թվային հրահանգները դարձնում են պարզ և գրավիչ:

Screencast տեսանյութերը լավագույն միջոց են, երբ խնդիր դրվում

- ներկայացնել ձեռնարկներ և տեսանյութեր,
- իրականացնել ծրագրային ապահովման ցուցադրություններ,
- կազմակերպել վեբինարներ և առցանց դասընթացներ,
- ցուցաբերել տեխնիկական աջակցություն և վերացնել անսարքությունները,

- ներկայացնել ապրանքը և իրականացնել համեմատություններ,
- ապահովել հետադարձ կապ և համագործակցություն:

Ուղիղ հեռարձակում տեսանյութերն իրական ժամանակի հեռարձակումներ են, որոնք տարածվում են համացանցով այնպիսի հարթակներում, ինչպիսիք են YouTube-ը, Facebook Live-ը, Instagram-ը և Twitch-ը, ինչը թույլ է տալիս դիտողներին ակնառեստ լինել իրադարձությունների, երբ դրանք ծավալվում են այդ պահին:

Ի տարբերություն բիզնես տեսահոլովակների ցանկացած այլ տեսակի, ուղիղ հեռարձակումն առանձնանում է իր ինտերակտիվ բնույթով, ինչը թույլ է տալիս դիտողներին իրական ժամանակում կապ հաստատել տարբեր լսարանների հետ: Բացի այդ, կենդանի տեսանյութը մեծ լսարանի հետ շփվելու ծախսարդյունավետ միջոց է:

Եթե համապատասխան լսարանանը չկարողանա դիտել կենդանի տեսանյութը, շատ հարթակներ առաջարկում են նաև կենդանի բովանդակությունը պահպանելու այլ տարբերակ, որպեսզի նրանք, ովքեր չեն կարողացել դիտել, կարողանան ավելի ուշ դիտել այն:

Ուղիղ հեռարձակման տեսանյութերը լավագույն միջոց են, երբ փորձ է արվում ստեղծել տեսանյութ, որը կապ կունենա ցանկացած լսարանի հետ, խթանել լսրանաի ներգրավվածությունը, իրականացնել խաղային ցուցադրություններ, հայտնել հրատապ լուրեր, կազմակերպել ինտերակտիվ վեբինարներ և սեմինարներ, ապահովել անդրկուլիսային տեսաբովանդակություն, տալ հարց ու պատասխան նիստերի անցկացման իրական ռեժիմում:

10. Բացատրող տեսանյութեր

Տեսանյութի հաջորդ տեսակը, որը յուրաքանչյուր ընկերություն պետք է ներառի իր մարքեթինգային ծրագրում, բացատրող տեսանյութն է, որը կարճատև է: Նրա հիմնական նպատակն է ներկայացնել ապրանքը, ծառայությունը կամ հայեցակարգը հնարավորինս պարզ և գրավիչ ձևով:

Ահա թե ինչու բացատրող տեսանյութերի մեծ մասում օգտագործվում են շատ անիմացիոն վիզուալներ, որոնք ուղեկցվում են ձայնագրություններով, քանի որ այս համակցությունը պարզեցնում է պատմությունը և ապահովում լսարանի դիտողին ներգրավվածությունը:

«Որքան պարզ, այնքան լավ» գաղափարի շնորհիվ, որը բնութագրում է բացատրող տեսանյութերը, դրանք կատարյալ են բարդ և վերացական հասկացությունների բացատրության համար:

Բացատրող տեսանյութերը լավագույն միջոց են

- նոր ապրանքների/ծառայությունների ներկայացման,
- բարդ թեմաների բաշխման,
- ներգրավվածության խթանման,
- ձեր ապրանքանիշի ինքնության ամրապնդման,
- ուսուցման կամ ներբեռնման,
- մարքեթինգային արշավների ուժեղացման համար:

5. Սոցիալական լրատվամիջոցների տեսանյութեր

Եթե դուք ունեք բիզնես 21-րդ դարում, անհնար է չմտածել սոցիալական ցանցերում տեսանյութեր պատրաստելու մասին: Սոցիալական մեդիայի տեսանյութերը տեսահոլովակներ են, որոնք ստեղծված են տարբեր առցանց հարթակներում տարածելու համար: Դրանք նախագծված են փոխազդեցություններ առաջացնելու համար, ինչպիսիք են «հավանումները» և «բաժանումները», և հաճախ հարմարեցված են յուրաքանչյուր հարթակի ոճին:

Այս տեսանյութերը ներկայացված են տարբեր ձևաչափերով՝ սկսած TikTok հարթակների կարճ հատվածներից մինչև YouTube-ի ավելի երկար բովանդակությամբ տեսանյութեր:

Անկախ նրանից, թե գովազդում են ապրանքանիշը, ցուցադրում են ձեռնարկներ կամ դիմագրավում գերժամանակակից մարտահրավերներ, դրանք պետք է ավարտվեն գործողությունների կոչով:

Սոցիալական լրատվամիջոցների տեսանյութերը լավագույն միջոց են

- Ապրանքանիշի տեղեկացվածության բարձրացման,
- Հանդիսատեսի հետ շփման ապահովման,
- Վաճառքի և բաժնետոմսերի խթանման,
- Կրթելու և տեղեկացնելու,

- Պատմություններ պատմելու,
- Կարևոր հայտարարություններ փոխանակելու գործընթացում:

6. Փողքասթի տեսանյութ

Տեսափողքասթի արտադրությունը կամ տեսահոլովակ է, որը ստեղծվել է ավանդական աուդիո փողքաստինգի հետ մեկտեղ:

Տեսանյութ փողքաստը ենթադրում է ավելի մեծ փորձ ունեցող լսարան, քանի որ այն օգնում է նրանց կապվել բարձրախոսների հետ և նրանք կարող են տեսնել, թե ովքեր են նրանք: Բացի այդ, տեսանյութի ավելացումը կարող է պարզաբանել որոշ թեմաներ, արդյունավետորեն ցուցադրել ապրանքները:

Տեսանյութի այս տիպի ձևաչափը տատանվում է զրույցի մեջ ներգրավված փողքասթի հաղորդավարներից մինչև անիմացիաներ, հարցազրույցներ կամ տեղում նկարահանումներ, և հետևյալ տեսանյութը դրա հիմնալի օրինակն է.

Փողքասթի վիդեո արտադրությունները լավագույն միջոց են

- ավելի լայն լսարան ներգրավելու,
- Ֆիզիկական արտադրանք ցուցադրելու,
- Անհրաժեշտության դեպքում ցուցադրություններ ընդգրկելու,
- Ավելի ուժեղ համայնք ստեղծելու,

Ներկայացվող պատմությունը բարելավելու համար:

Ընտրելով և կիրառելով տեսանյութերը դիդեյտիկական հաջորդականության և աստիճանական բարդացման ճանապարհով, խնդիր է դրվում ուսուցողական նապատակներով կիրառել ոչ միայն տեսահոլովակներ, այլև դոկումենտալ և գեղարվեստական ֆիլմեր, որոնք ուղղակիորեն վերաբերում են գործարարության ոլորտին: Արդյունավետ է սկզբում կիրառել կարճ տեսահոլովակներ, հետո կարճամետրաժ դոկումենտալ ֆիլմեր և ուսուցման ավարտական փուլում գեղարվեստական ֆիլմեր:

Ընդհանուր առմամբ արդյունավետ է, երբ գործարարական անգլերենի դասընթացը նախագծելիս հստակորեն որոշվում է համապատասխան տեսահոլովակների, տեսաֆիլմերի /դոկումենտալ և գեղարվեստական/ ցանկը: Ընդ որում, այդ ցանկը հասանելի պետք է լինի բոլոր ուսանողներին թե՛ լսարանային, թե՛ անհատական աշխատանքի ընթացքում: Օրինակ՝ գործարարական անգլերենի

ուսուցման հարուստ ավանդույթներ ունեցող համալսարաններում շատ են դիտում հետևյալ դոկումենտալ ֆիլմերը՝

The Wolf of Wall Street (2013)

The Big Short (2015)

The Intern (2015)

The Founder (2016)

The Social Dilemma (2020)

StartUp (2016 – 2018)

Billions (2016 - ...)

Ozark (2017 - ...)

Shark Tank (2009 - ...)

Dragons' Den (2001 -

Источник: <https://tenchat.ru/media/152698-filmy-dlya-prokachki-business-english?ysclid=m8ula7w11b797876529>

Դոկումենտալ կինոն, ի տարբերություն փաստաթղթի, ուրը հաստատում է կոնկրետ փաստեր, ֆիքսված է ժապավենի վրա և հաստատում է վկաների և գիտնականների վկայություններ [5: 17]:

Ցանկացած դոկումենտալ ֆիլմ կարելի է ուսումնասիրել մշակութաբանական տեսություններից տեսանկյունից, քանի որ ինչպես Վ.Ի. Լյախն է նշում, այն պոստմոդերնիստական խոսույթ է [2]: Ակնհայտ է, որ ապագա գործարարների համար գործարարարական ոլորտին վերաբերող ցանկացած դոկումենտալ ֆիլմ արժեք է ներկայացնում թե՛ մասնագիտական, թե՛ հաղորդակցական կոմպետենցիաների զարգացման տեսանկյունից:

Ակնհայտ է, որ այդ ֆիլմերը պետք է դիտել հստակ մեթոդիկայով: Ֆիլմի մասին կարծիքը նույնպես պետք է ուսումնասիրել, որը ներառում է մի քանի փուլ. Այն պետք է հետաքրքրի ուսանողին և պարունակի ֆիլմի անվանումը: Ուսանողը պետք է կարողանա ըստ վերնագրի կռահել ֆիլմի ընդհանուր գաղափարը: Արդյունավետ է, երբ ուսանողները ֆիլմն սկսում են դիտել ծանոթանալով համառոտ պլոժեին: Հարկավոր է նկարագրել ֆիլմի ընդհանուր գաղափարը՝ չրացահայտելով առանցքային պահերն ու հիմնական շրջադարձերը: Վերջապանը ճիշտ է չներկայացնել: Հնարավորության դեպքում պետք է նկարագրել օպերատորի աշխատանքը, դեկորացիան, հատուկ էֆեկտները և այլն: Դոկումենտալ ֆիլմի հետ աշխատանքի

կարևոր վերջնարդյունք է դիտած ֆիլմի մասին անձնական տպավորությունը ներկայացնելը՝ իհարկե անգլերեն: Այն պետք է լինի օբյեկտիվ և հիմնված լինի կատարված վերլուծության վրա: Կարևոր փուլ է եզրակացություններ անելը: Ուսանողները պետք է կարողանան ամփոփել ֆիլմը և գնահատել այն:

Գեղարվեստական ֆիլմերը նույնպես հարուստ աղբյուր են անգլալեզու գործարարների կյանքը և գործունեությունը, կենցաղը ներկայացնելու համար: Ճիշտ ընտրված ֆիլմերը բացահայտում են գործարարական բառապաշարի զարգացման միտումներն արդի փուլում: Գեղարվեստական ֆիլմի վրա աշխատելը նախ և առաջ ենթադրում է բառի վրա աշխատել ոճական և պրագմատիկ առումներով, և ուսանողին ծանոթացնում է բառարանի ոճական տարբերակմանը, բառերի ոճական ներուժին և բառարանում այն արտացոլելու հիմնական եղանակին՝ ոճական նշումներին [3: 33-39]: Գեղարվեստական ֆիլմի հետ աշխատանքը ենթադրում է մինչդիտման, բուն դիտման և ֆիլմի դիտումից հետո աշխատանք: Բավականին շատ են դիտում ուսուցողական նպատակներով «**The Social Network (2010)**» ֆիլմը, որը նկարահանված է իրական մոտիվներով գրված Ահարոն Սորկինի «Ակամա միլիարդերներ» գրքի հիման վրա: Ֆիլմը Օսկար է ստացել 2011 թ. լավագույն ադապտացված սցենարի համար: Ֆիլմը մեծ ուսուցողական ներուժ ունի, քանի նրանում կիրառվում է բազմաշերտ անգլերեն: Ֆիլմը դիտողները կարող են ուսումնասիրել «ուսանողնոդական անգլերեն», ինչպես նաև ժամանակակից ները ոչ հուզական անգլերենը: Մի կողմից, այն զարգացնում է ուսանողների խոսակցական, մյուս կողմից, գործարարական անգլերենը:

Գործարարական անգլերենի դասընթացներում շատ են դիտում նաև «Wall Street (1987)»: Դերասանական կազմը դրսևորում է իրեն գերազանց: Արդյունքում նրան նույնպես Օսկար են ստանում: Օլիվետ Ստիվենը ֆիլմը բացահայտում և ծաղրում է ֆինանսների առևտրի դաժան աշխարհը, դրանով է պայմանավորված այն բառապաշարը, որը սիրով ուսումնասիրում են ուսանողները գործարարական անգլերենի դասընթացում:

Գոյումնետալ ֆիլմերը նույնպէս արդյունավետ միջոց են գործարարական անգլերենի դասընթացում: Օրինակ՝ «Enron...»-ն որը բիզնեսի աշծարհին վերաբերող հաջողակ ֆիլմերից է: 2006 թ. այն ստանում է Օսկար որպէս «Լավագոյն դոկումենտալ ֆիլմ»:

Արդյունավետ է, երբ գեղարվեստական և դոկումենտալ ֆիլմերը ուսանողները դիտում են պլանավորված: Անհրաժեշտ է դասընթացը այնպէս ծրագրել, որ ուսանողները հստակ գիտենան ինչ տեսքեր են կարդալու, ինչ տեսահոլովակներ են դիտուելու, ինչ ֆիլմեր են վերլուծելու: Ընդ՝ որում, պետք է հստակորեն տարանջատել լսարանային և արտալսարանային ժամերին բաշխված տեսահոլովակներն ու ֆիլմերը:

Եզրակացություն

Գործարարական անգլերենի կարևոր հիմնախնդիր է տեսանյութերի ընտրության հիմնախնդիրը: Տեսանյութերի ընտրությունը կատարելիս կարևորվում է բառի արժեքը, իրական կյանքից վերցրած իրադրությունը: Առանձնանում է հատկապէս ինտենսիվության, անհատականացման, բնագրայնության, տարածաշրջանային աշխարհագրական տեղեկատվության առկայության, միջանձնային հաղորդակցության տարբեր իրավիճակների, թեմայի համապատասխանության, բարոյական և էթիկական ներուժի առկայության, գեղարվեստական ձևավորման որակի, ժանրային բազմազանության և ընդհանուր կամ նեղ մասնագիտական կենտրոնացման չափանիշները:

Տեսանյութերի ընտրության կարևոր սկզբունքներ են իրագործելիության, օտար լեզվի ուսուցման բովանդակության զարգացնող արժեքի սկզբունքները: Տեսանյութերի ընտրության կարևոր սկզբունք է նորույթի սկզբունքը, երբ խնդիր է դրվում շարունակաբար թարմացնել սովորողների հանրամշակութային գիտելիքները:

Նշված սկզբունքները և չափանիշները սկզբունքային դեր են կատարում տեսահոլովակների, տեսաֆիլմերի, գեղարվեստական և դոկումենտալ ֆիլմերի ընտրության գործընթացում:

Տեսահոլովակների ընտրության գործընթացում առանձնացնում են ուսուցողական և բնագրային տեսահոլովակները: Ուսուցողական տեսահոլովակները նույնպէս կարող են լինել լեզվակիրների համար նախատեսված՝ մասնագիտական-

ուսուցողական, գործարարական անգլերենի ուսուցման համար նախատեսված:

Ընտրելով և կիրառելով տեսանյութերը դիդակտիկական հաջողականության և աստիճանական բարդացման ճանապարհով, խնդիր է դրվում ուսուցողական նպատակներով կիրառել ոչ միայն տեսահոլովակներ, այլև դոկումենտալ և գեղարվեստական ֆիլմեր, որոնք ուղղակիորեն վերաբերում են գործարարության ոլորտին:

Արդյունավետ է սկզբում կիրառել կարճ տեսահոլովակներ, հետո կարճամետրաժ դոկումենտալ ֆիլմեր և ուսուցման ավարտական փուլում գեղարվեստական ֆիլմեր:

ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆ

1. *Ильченко Е.* Использование видеозаписи на уроках английского языка // Первое сентября. Английский язык. № 9. - 2003. – С.7-9.
2. *Лях В.И., Лагутина О.С.* Практико-ориентированные технологии в формировании методологии гуманитарного исследования // Вестник КГИК. 2017. - № 4. – С.34-40.
3. *Маньковская З.В.* Обучение студентов продвинутого уровня неофициальному деловому общению на материале американских художественных фильмов//Лестной вестник. № 7. 2006. – С.33-39.
4. *Мильруд Р.П.* Методика преподавания английского языка / Р.П. Мильруд. М.: Дрофа. 2013. - 588 с.
5. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 2001. - № 1 (68), 2018 . - С.17 – 23.
6. *Писаренко В.И.* Видео в обучении иностранным языкам // Успехи современной науки и образования. 2016. № 12. – С. 172-180.
7. *Сергеева Н.Н., Чиркунова А.Е.* Аутентивные видеоматериалы как как средство развития социокультурной компетенции студентов экономических специальностей // Иновации в практике образования, Педагогическое образование в России. – 2011. - № 1. – С. 147-156.
8. *Соловова Е.Н.* Методика обучения иностранным языкам. Продвинутый курс: пособие для студ. пед. вузов и учителей: 2-е изд. М.: АСТ: Астрель, 2010. - 271 с.

9. *Сухарева Т.Н.* Критерии отбора англоязычных видеоматериалов в контексте расширения словарного запаса обучающихся неязыкового вуза // Наука и образование. 2022. № 3. – С. 1-6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriterii-otbora_angloyazychnyh-videomaterialov-v-kontekste-rasshireniya-slovarnogo-zapasa_obuchayuschihsya-neyazykovogo-vuza (дата обращения: 06.02.2024).
10. *Чикунова А.Е.* Аутентичные видеоматериалы как средство развития социокультурной компетенции студентов экономических специальностей в процессе обучения английскому языку : Автореферат дис. ... канд. пед. наук: Ур. гос. пед. ун-т. - Екатеринбург, 2011. – 23 с.

КРИТЕРИИ ОТБОРА ВИДЕОМАТЕРИАЛОВ ДЛЯ КУРСОВ ДЕЛОВОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

К. А. САРГСЯН

Армянский государственный экономический университет

В статье рассматриваются типы, критерии и принципы отбора видеоматериалов с учетом специфики курса делового английского языка. Критериями отбора видеороликов являются интенсивность, персонализация, оригинальность, наличие региональной географической информации, различные ситуации межличностного общения, соответствие теме, наличие морально-этического потенциала, качество художественного оформления, жанровое разнообразие, общая или узкопрофессиональная направленность. При отборе видеороликов учитывались принципы осуществимости, развивающей ценности контента для изучения иностранного языка и новизны. По типу видеоролики делятся на обучающие, предназначенные для получения или восприятия информации, передачи информации и т. д. Видеофильмы и музыкальные клипы также рассматриваются с точки зрения их функций и жанровых особенностей. С учетом стандартов и принципов видеоматериалов

представлены четкие этапы и процедуры отбора и проверки видеороликов.

Ключевые слова: ситуация, вербальная коммуникация, принцип осуществимости, критерий интенсивности, критерий индивидуализации, познавательная потребность, перспективная потребность, рекламный видеоролик, художественный фильм, документальный фильм.

CRITERIA FOR SELECTING VIDEOS IN BUSINESS ENGLISH COURSES

K. A. SARGSYAN

Armenian State University of Economics

The article examines the types, criteria and principles of video selection, taking into account the specifics of the business English course. The criteria for selecting video materials include intensity, individualization, originality, the presence of regional geographical information, various situations of interpersonal communication, relevance to the topic, the presence of moral and ethical potential, the quality of artistic design, genre diversity, general or narrow professional focus. The principles of selecting videos are examined in terms of feasibility, the developmental value of the content of foreign language learning, and novelty. According to the types of video, educational, information acquisition or perception, information transmission, etc. are distinguished. Video films and clips are also examined according to their functions and stylistic and genre features. Taking into account the criteria and principles of videos, clear stages and procedures for selecting and displaying videos are presented.

Key words: Situation, verbal communication, feasibility principle, intensity criterion, individualization criterion, cognitive need, prospective need, advertising video, feature film, documentary film.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 20 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

COMPUTER-ASSISTED LANGUAGE LEARNING (CALL) IN MEDICAL EDUCATION

*Dedicated to the cherished memory of Professor
Mikhail Davidovich Amirkhanyan*

A. A. ABRAHAMYAN,
A. A. HAYRAPETYAN,
S. R. NALBANDYAN
YSMU after Mkhitar Heratsi
Armeniya1965S@mail.ru

This article, "*Computer-Assisted Language Learning (CALL) in Medical Education*", honors the memory of Professor Mikhail Davidovich Amirkhanyan and examines the transformative role of CALL in modern medical education. It presents CALL as more than a teaching aid—rather, a dynamic and adaptive approach that integrates digital tools, artificial intelligence, and multimedia to foster professional fluency in foreign languages. Focusing on tailored strategies such as specialized vocabulary modules, real-time communication practice, and mobile learning applications, the study highlights how CALL enhances both linguistic competence and cultural sensitivity. It also addresses key challenges in implementation and offers practical solutions to support its integration into medical curricula. The article concludes that CALL is not merely a pedagogical innovation but a necessary instrument in preparing globally competent healthcare professionals for the demands of contemporary clinical practice.

Key words: *training, implementation, method, computer, platform, methodology.*

Introduction

In the ever-evolving domain of medical education, the integration of technology has emerged as a crucial component in facilitating effective learning experiences. As educational paradigms shift to accommodate

advancements in digital tools, one area that has gained increasing prominence is Computer-Assisted Language Learning (CALL). This approach plays a fundamental role in enhancing foreign language proficiency of medical students, equipping them with the essential communication skills required for their professional success. Given the critical nature of doctor-patient interactions, interdisciplinary collaboration, and the necessity of clear and precise communication in medical settings, mastering foreign languages is indispensable for aspiring healthcare professionals [1, page 5].

This article delves into the various strategies and methodologies involved in implementing CALL within medical universities, underscoring its significance in fostering linguistic competence among students. CALL extends beyond a mere pedagogical approach; it represents a dynamic and technology-driven method that systematically presents, reinforces, and evaluates language learning materials. By leveraging multimedia resources, interactive simulations, virtual classrooms, and AI-powered language tools, CALL cultivates an engaging and immersive learning environment. It enables students to not only refine their language skills but also to develop the ability to communicate effectively with patients, colleagues, and medical professionals across diverse contexts.

One of the primary advantages of CALL is its ability to create interactive and adaptive learning experiences. Through the integration of advanced software applications, virtual language labs, and digital assessments, students can engage with the content in a manner that is both structured and flexible. These technological interventions encourage active participation, self-paced learning, and immediate feedback, all of which are essential for language acquisition. Moreover, CALL facilitates teacher-student and peer-to-peer interactions by providing platforms for collaborative learning, discussion forums, and real-time communication, thereby reinforcing the practical application of foreign languages.

Furthermore, CALL harnesses the power of artificial intelligence and machine learning to personalize language instruction based on the learner's proficiency level and individual learning needs. By incorporating speech recognition software, grammar analysis tools, and automated

assessments, CALL offers medical students a tailored learning experience that adapts to their progress. This individualized approach ensures that learners receive targeted support in areas that require improvement, ultimately enhancing their overall language proficiency.

As medical education continues to embrace digital transformation, CALL emerges as an indispensable tool for refining the linguistic capabilities of future healthcare professionals. By integrating technology into medical English education, universities can bridge language gaps, promote cross-cultural communication, and prepare students for the globalized healthcare landscape. The utilization of CALL not only enhances language skills but also empowers medical students to navigate their professional responsibilities with confidence and competence. Thus, the incorporation of CALL into medical curricula is not merely an enhancement — it is a necessity in shaping proficient and effective healthcare practitioners of the future.

Overview of Computer-Assisted Language Learning (CALL)

Computer-Assisted Language Learning (CALL) refers to the use of computer technology to facilitate language learning and teaching [1, page 7]. It encompasses a broad range of digital tools and applications designed to enhance language acquisition through interactive and adaptive learning experiences. CALL has gained prominence as an effective approach in various educational settings, particularly in specialized fields. In this context, CALL serves as a powerful resource for improving communication skills essential for healthcare professionals. It plays a critical role in refining proficiency in patient-doctor interactions, medical documentation, and academic discourse, thereby ensuring better communication in clinical settings.

CALL is not merely an auxiliary supplement to traditional pedagogical methods; rather, it is a transformative force that redefines how learners engage with language education. By integrating digital resources, artificial intelligence, and interactive platforms, CALL creates an engaging, flexible, and learner-centered environment. This innovative approach enhances the ability of medical professionals to acquire and

refine their linguistic competencies, thereby improving their overall effectiveness in patient care and professional communication.

One of the significant advantages of CALL is its adaptability to individual learning needs. It allows learners to progress at their own pace, catering to diverse learning styles and proficiency levels. The use of technology in CALL spans various stages of the learning process, including the presentation of new material, the creation of visual aids such as mind maps, structured practice exercises, and immediate feedback mechanisms. These features ensure a comprehensive and interactive learning experience, making language acquisition more efficient and accessible.

Moreover, CALL incorporates various technological tools such as multimedia applications, virtual simulations, speech recognition software, and online collaboration platforms. These technologies provide learners with realistic and immersive language experiences that are particularly beneficial for medical professionals who require precise and contextually appropriate communication skills. Through simulated patient interactions, case-based learning modules, and digital assessments, CALL facilitates the practical application of language skills in real-world medical scenarios.

Additionally, CALL supports a variety of learning methodologies, including blended learning, mobile-assisted language learning (MALL), and gamification. These approaches further enhance learner engagement and motivation, ensuring sustained progress in language proficiency. The integration of CALL into medical English training programs helps bridge linguistic gaps, fosters cultural competence, and ultimately contributes to better patient outcomes and professional development.

Customization of CALL for Medical English Education

Teaching foreign languages can greatly benefit from innovative approaches within the realm of Computer-Assisted Language Learning (CALL). By leveraging technological advancements, CALL facilitates an engaging, flexible, and effective language learning environment tailored specifically for healthcare professionals [1, page 12].

Below are some key strategies for customizing CALL to enhance foreign language education:

a. Multimodal Resources Integrating a variety of media, such as audio recordings, video demonstrations, and interactive visuals, enhances the learning experience by engaging multiple senses. Medical students can improve their comprehension and pronunciation skills by listening to authentic medical conversations, watching procedural videos, and interacting with multimedia simulations. These resources provide exposure to real-world medical scenarios, reinforcing language acquisition through contextually relevant content.

b. Specialized Vocabulary Modules Developing CALL modules that focus on specialized medical vocabulary ensures that learners acquire the precise terminology required for their specific roles within the healthcare system. These modules can be tailored for different professions, including nurses, physicians, pharmacists, and medical researchers. Incorporating interactive vocabulary-building exercises, flashcards, and pronunciation guides helps learners master essential medical terms effectively.

c. Real-Time Communication Practice Utilizing platforms that enable real-time communication, such as video conferencing and virtual simulations, facilitates interactive role-playing scenarios. Students can engage in simulated patient consultations, medical discussions, and interdisciplinary team meetings. These live practice sessions help improve fluency, enhance diagnostic communication, and build confidence in professional interactions.

d. Language for Cultural Competence Medical professionals often interact with patients from diverse cultural backgrounds. Including CALL modules that address culturally sensitive communication strategies enables learners to develop cultural competence in healthcare settings. These modules may include simulated patient interactions, case studies on cross-cultural communication, and language training specific to handling diverse patient populations.

e. Digital Language Portfolios Implementing digital language portfolios provides students with a structured way to document and track their language-learning progress over time. These portfolios can include written reflections, recorded speaking exercises, vocabulary lists, and assessments. Instructors can use this tool to evaluate proficiency

progression and provide personalized feedback, while students gain a clear understanding of their strengths and areas for improvement.

f. Interactive Case Studies Developing interactive case studies enhances students' ability to comprehend and analyze medical cases in a foreign language. These case studies require learners to read patient histories, interpret diagnostic reports, and discuss treatment options using appropriate medical terminology. This method reinforces critical thinking, analytical skills, and language proficiency within a medical context.

g. Professional Communication Skills Designing CALL modules that focus on professional communication skills ensures that healthcare professionals can effectively interact within their workplace. These modules can cover writing medical emails, drafting patient reports, documenting case notes, and participating in professional meetings. By improving written and verbal communication skills, medical professionals can enhance collaboration and efficiency in clinical settings.

h. Mobile Learning Applications The development of mobile-friendly CALL applications allows students to engage in language learning anytime, anywhere. These applications can include quick exercises, flashcards, interactive quizzes, and gamified language challenges to make learning convenient and engaging. Mobile-assisted language learning (MALL) provides flexibility, enabling busy healthcare professionals to reinforce their foreign language skills on the go.

Customization of CALL for Foreign Language Education

Teaching a foreign language can greatly benefit from innovative approaches within the realm of Computer-Assisted Language Learning (CALL). By leveraging technological advancements, CALL facilitates an engaging, flexible, and effective language learning environment tailored specifically for healthcare professionals. Below are some key strategies for customizing CALL to enhance medical English education:

a. Multimodal Resources: Integrating a variety of media, such as audio recordings, video demonstrations, and interactive visuals, enhances the learning experience by engaging multiple senses. Medical students can improve their comprehension and pronunciation skills by listening to authentic medical conversations, watching procedural videos, and

interacting with multimedia simulations. These resources provide exposure to real-world medical scenarios, reinforcing language acquisition through contextually relevant content.

b. Specialized Vocabulary Modules: Developing CALL modules that focus on specialized medical vocabulary ensures that learners acquire the precise terminology required for their specific roles within the healthcare system. These modules can be tailored for different professions, including nurses, physicians, pharmacists, and medical researchers. Incorporating interactive vocabulary-building exercises, flashcards, and pronunciation guides helps learners master essential medical terms effectively.

c. Real-Time Communication Practice: Utilizing platforms that enable real-time communication, such as video conferencing and virtual simulations, facilitates interactive role-playing scenarios. Students can engage in simulated patient consultations, medical discussions, and interdisciplinary team meetings. These live practice sessions help improve fluency, enhance diagnostic communication, and build confidence in professional interactions.

d. Language for Cultural Competence: Medical professionals often interact with patients from diverse cultural backgrounds. Including CALL modules that address culturally sensitive communication strategies enables learners to develop cultural competence in healthcare settings. These modules may include simulated patient interactions, case studies on cross-cultural communication, and language training specific to handling diverse patient populations.

e. Digital Language Portfolios: Implementing digital language portfolios provides students with a structured way to document and track their language-learning progress over time. These portfolios can include written reflections, recorded speaking exercises, vocabulary lists, and assessments. Instructors can use this tool to evaluate proficiency progression and provide personalized feedback, while students gain a clear understanding of their strengths and areas for improvement.

f. Interactive Case Studies: Developing interactive case studies enhances students' ability to comprehend and analyze medical cases in a foreign language. These case studies require learners to read patient histories, interpret diagnostic reports, and discuss treatment options using

appropriate medical terminology. This method reinforces critical thinking, analytical skills, and language proficiency within a medical context.

g. Professional Communication Skills Designing CALL modules that focus on professional communication skills ensures that healthcare professionals can effectively interact within their workplace. These modules can cover writing medical emails, drafting patient reports, documenting case notes, and participating in professional meetings. By improving written and verbal communication skills, medical professionals can enhance collaboration and efficiency in clinical settings.

h. Mobile Learning Applications: The development of mobile-friendly CALL applications allows students to engage in language learning anytime, anywhere. These applications can include quick exercises, flashcards, interactive quizzes, and gamified language challenges to make learning convenient and engaging. Mobile-assisted language learning (MALL) provides flexibility, enabling busy healthcare professionals to reinforce their English skills on the go.

Challenges in Integrating CALL into Foreign Language Education

Despite the clear benefits of CALL in medical English training, several challenges need to be addressed [1, page 15]:

- **Limited Access to Resources:** Not all medical schools or institutions have the infrastructure necessary for integrating CALL tools. Some schools may face challenges in providing sufficient hardware (computers, tablets, etc.), software (CALL programs), and reliable internet access for students and teachers.
- **Lack of Training:** Many medical instructors may not be trained to effectively use CALL technologies. For optimal results, faculty need professional development to incorporate these tools into their teaching practices. Medical students also require instruction on how to use these tools for enhancing their English proficiency in medical contexts, which includes terminology and patient communication.
- **Assessing Effectiveness:** Institutions need to regularly assess the effectiveness of CALL tools in enhancing a foreign language proficiency. Research should focus on how well these tools improve specific language

skills, such as writing medical reports, delivering patient education, or conducting consultations.

- **Customization for Specific Needs:** Medical students have unique needs when it comes to language learning. CALL systems must be tailored to address specialized medical vocabulary, ethical language use, patient interaction, and cultural sensitivity. Customization ensures that the learning experience remains relevant and impactful.

Strategies for Overcoming Challenges

To overcome technological barriers, medical institutions need to invest in both infrastructure and the development of a long-term CALL strategy. This includes:

- **Hardware and Software:** Schools should secure reliable technology such as computers, tablets, and advanced CALL software, which is specifically designed for a foreign language teaching.
- **Regular Maintenance and Updates:** Institutions must ensure that software is regularly updated to reflect the latest medical research and terminology.
- **Faculty Training Programs:** Teachers should receive training not only in using CALL tools but also in understanding the best practices for blending technology with traditional teaching methods, ensuring a seamless integration of digital tools into their curriculum.

Conclusion

In conclusion, Computer-Assisted Language Learning represents a paradigm shift in language education, particularly in specialized fields such as medical English. By leveraging technological advancements, CALL provides a dynamic and effective platform for language acquisition, enabling healthcare professionals to communicate with accuracy, clarity, and confidence. As technology continues to evolve, CALL will remain at the forefront of language education, continuously adapting to meet the needs of learners in an increasingly digital and globalized world.

By customizing CALL for a foreign language teaching, educators can create highly effective, engaging, and accessible learning experiences

tailored to the unique needs of healthcare professionals. The integration of multimodal resources, real-time communication practice, specialized vocabulary training, and mobile learning tools ensures a comprehensive approach to language acquisition. As CALL continues to evolve with advancements in artificial intelligence and interactive technology, its role in foreign language education will become increasingly indispensable, fostering better communication skills among healthcare providers and improving patient outcomes.

Computer-Assisted Language Learning represents a paradigm shift in language education, particularly in specialized fields such as foreign languages. By leveraging technological advancements, CALL provides a dynamic and effective platform for language acquisition, enabling healthcare professionals to communicate with accuracy, clarity, and confidence. The application of CALL in foreign language instruction is particularly significant as it not only enhances linguistic proficiency but also improves the ability of healthcare workers to navigate complex patient interactions, medical documentation, and interdisciplinary communication. With the continuous evolution of technology, CALL remains at the forefront of language education, integrating adaptive learning technologies, artificial intelligence, and immersive virtual environments to meet the growing linguistic demands of the medical field. As English remains the dominant language in global medicine, the role of CALL in medical education will expand further, ensuring that future healthcare professionals acquire the necessary language skills for effective patient care, academic research, and professional collaboration. Incorporating **Computer-Assisted Language Learning (CALL)** into **Foreign language education** offers significant potential to enhance language proficiency and communication skills crucial for future healthcare professionals. Automated tools provide immediate, dynamic feedback that fosters independent learning, while teacher-mediated guidance ensures personalized, context-sensitive instruction, bridging the gap between technology and human expertise. However, challenges such as technological barriers, the need for content updates, and continuous evaluation must be addressed to maximize the effectiveness of these tools in medical contexts.

By investing in infrastructure, providing adequate training for both students and faculty, and ensuring that CALL systems are regularly updated to reflect medical advancements, institutions can create an enriching learning environment. Ongoing research and feedback will further refine these systems, ensuring that medical students develop the communication skills necessary to excel in their clinical practice.

The future of CALL in medical education holds great promise, as long as these challenges are met with a strategic, thoughtful approach that balances technology and pedagogy. In doing so, medical schools can prepare students not only to be experts in their fields but also to communicate effectively and empathetically in the complex and evolving world of healthcare.

REFERENCES

1. *Cambridge University Press* – Handbook for English Language Laboratories
2. *Chapelle, C. A. (2001)*. Computer Applications in Second Language Acquisition: Foundations for Teaching, Testing, and Research. Cambridge University Press.
3. *Levy, M. (1997)*. Computer-Assisted Language Learning: Context and Conceptualization. Oxford University Press.
4. *Medical English: Frameworks and Strategies for Effective Communication in Healthcare* – Various academic journals on language learning in medical contexts.
5. *Hubbard, P. (2009)*. General Introduction to CALL. In *Foundations of CALL*.
6. *Egbert, J., & Hanson-Smith, E. (2007)*. CALL Environments: Research, Practice, and Critical Issues. TESOL.
7. *Warschauer, M., & Healey, D. (1998)*. Computers and Language Learning: An Overview. *Language Teaching*, 31 (2), 57-71. A comprehensive review of CALL's role in language learning, applicable to medical English education.

8. *O'Keeffe, A., McCarthy, M., & Carter, R. (2007). From Corpus to Classroom: Language Use and Language Teaching. Cambridge: Cambridge University Press.*
9. *Schulz, R. (2020). Medical Language Learning and CALL in Medical Education: Bridging the Gap. Journal of Medical Education, 55(3), 152-160.*
10. *Davies, G. (2008). Introducing English for Medical Purposes. Routledge.*

ՀԱՄԱԿԱՐԳՉԱՅԻՆ ՕԳՆՈՒԹՅԱՄԲ ԼԵԶՎԻ ՈՒՍՈՒՑՈՒՄ (CALL) ԲԺՇԿԱԿԱՆ ԿՐԹՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ

**Ա. Ա. ԱԲՐԱՀԱՄՅԱՆ,
Ա. Ա. ՀԱՅՐԱՊԵՏՅԱՆ,
Ս. Ռ. ՆԱԼԲԱՆԴՅԱՆ**

Մխիթար Հերացու անվան ԵՊԲՀ

Այս հոդվածը՝ «Համակարգչային օգնուտակով լեզվի ուսուցումը (CALL) բժշկական կրթության մեջ», հարգանքի տուրք է մատուցում պրոֆեսոր Միխայիլ Դավիդովիչ Ամիրխանյանի հիշատակին և ուսումնասիրում է CALL-ի փոխակերպող դերը ժամանակակից բժշկական կրթության մեջ: Այն CALL-ը ներկայացնում է ոչ միայն որպես ուսուցողական միջոց, այլև որպես դինամիկ և հարմարվողական մոտեցում, որը ինտեգրում է թվային գործիքները, արհեստական բանականությունը և մուլտիմեդիան՝ օտար լեզուների մասնագիտական սահունությունը խթանելու համար: Կենտրոնանալով մասնագիտացված բառապաշարի մոդուլների, իրական ժամանակի հաղորդակցման պրակտիկայի և բջջային ուսուցման կիրառությունների նման հարմարեցված ռազմավարությունների վրա, ուսումնասիրությունը ընդգծում է, թե ինչպես է CALL-ը բարելավում ինչպես լեզվական կարողությունները, այնպես էլ մշակութային զգայունությունը: Այն նաև անդրադառնում է ներդրման հիմնական մարտահրավերներին և առաջարկում

գործնական լուծումներ՝ բժշկական ուսումնական ծրագրում դրա ինտեգրմանը նպաստելու համար: Հոդվածը եզրակացնում է, որ CALL-ը ոչ միայն մանկավարժական նորարարություն է, այլև անհրաժեշտ գործիք՝ ժամանակակից կլինիկական պրակտիկայի պահանջներին համաշխարհային մակարդակի կոմպետենտ առողջապահական մասնագետներ պատրաստելու համար:

Բանալի բաներ՝ վերապատրաստում, ներդրում, մեթոդ, համակարգիչ, հարթակ, մեթոդաբանություն

КОМПЬЮТЕРНОЕ ОБУЧЕНИЕ ЯЗЫКУ (КОЯ) В МЕДИЦИНСКОМ ОБРАЗОВАНИИ

А. А. АБРААМЯН,
А. А. АЙРАПЕТЯН,
С. Р. НАЛБАНДЯН
ЕГМУ им. Мхитара Гераци

Эта статья «Компьютерное обучение языку (КОЯ) в медицинском образовании» посвящена памяти профессора Михаила Давидовича Амирханяна и рассматривает преобразующую роль КЯУ в современном медицинском образовании. В ней КЯУ представлено не просто как учебное пособие, а как динамичный и адаптивный подход, объединяющий цифровые инструменты, искусственный интеллект и мультимедиа для развития профессионального владения иностранными языками. В исследовании, посвященном таким специально разработанным стратегиям, как специализированные модули словарного запаса, практика общения в реальном времени и мобильные обучающие приложения, показано, как CALL способствует развитию языковой компетенции и культурной чувствительности. В исследовании также рассматриваются ключевые проблемы внедрения и предлагаются практические решения для поддержки его интеграции в медицинские учебные программы. В статье сделан вывод о том, что CALL — это не просто

педагогическая инновация, а необходимый инструмент подготовки глобально компетентных медицинских работников к требованиям современной клинической практики.

Ключевые слова: обучение, внедрение, метод, компьютер, платформа, методология.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 20 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.

ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНОЙ СТАТЬИ В РЕЦЕНЗИРУЕМОМ ЖУРНАЛЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК В АРМЕНИИ»

Статьи, публикуемые в нашем научно-методическом рецензируемом периодическом издании, должны быть представлены по следующему образцу.

К публикации принимаются статьи на русском, армянском и английском языках. Статьи представляются в редакцию на электронном носителе и в распечатанном виде, а также присланные на электронную почту редакции. К статье должна прилагаться следующая информация:

1. Сведения об авторе – на трех языках (русском, армянском и английском):

- фамилия, имя, отчество (полностью);
- ученая степень, ученое звание, должность;
- полное название места работы или организации, от которой выступает автор/авторы;
- контактная информация автора (телефон, электронный адрес и почтовый адрес).

2. Заглавие статьи должно быть представлено на трех языках – русском, армянском и английском.

3. Аннотация на русском, английском (Abstracts) и армянском (Չմփոփում) языках (не более 500 знаков с пробелами) должна кратко излагать проблематику статьи и ее основные выводы.

4. Ключевые слова на русском, английском (Key words) и армянском (Բնիվի՛ր բառեր) языках (не более 5—10 слов) должны отражать основное содержание статьи.

5. Ссылки на использованные источники приводятся после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования, тома и страницы, например [1: Т. 1. С. 11] (или [1: I, 11]), [1: С. 20] (или [1: 11]). В список литературы вносятся только те источники, на которые есть ссылка в тексте статьи.

В тексте статьи ссылка приводится по порядковому номеру, указанному в библиографическом списке. Под одним номером допустимо указывать только один источник. При повторном цитировании: [Там же: С. 15].

6. Список литературы располагается после текста статьи, оформляется в алфавитном порядке, нумерация обязательна.

Библиографический список использованных источников приводится списком в алфавитном порядке в конце статьи (Литература) и после русскоязычной части на английском языке (References) ссылки необходимо транслитерировать на латинице, а иностранные источники привести в соответствие с требованиями транслитерации. Транслитерированные источники даются списком в соответствии с последовательностью источников из списка «Литература».

7. В список литературы включаются:

- монографии;
- материалы научных конференций, симпозиумов;
- научные статьи, опубликованные в научных журналах и сборниках.

8. Ссылки на электронные ресурсы удаленного доступа должны содержать: название ресурса, режим доступа, дату опубликования или дату обращения.

Ссылки на статьи в сборниках (материалы конференций, симпозиумов) должны содержать: ФИО автора(-ов), название статьи, название сборника (конференции, симпозиума), город (место проведения), год, том (если указан), номер (если указан), страницы.

9. Объем рукописи – от 0,5 до 1,0 печатного листа (20-40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должен быть представлен в форматах doc (docx) или rtf и набираться шрифтом Times New Roman, кегль 12, межстрочный интервал 1,5. При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи такие шрифты должны быть представлены в редакцию вместе со статьей.

10. Примечания оформляются в виде подстраничных сносок.

Если в Примечаниях присутствуют ссылки на используемую литературу, номер этих источников в списке литературы должен быть соотнесен с нумерацией источников в тексте статьи.

11. Аспирантам и соискателям для публикации в журнале необходимо представить заключение / рекомендацию научного руководителя или профильной кафедры вуза.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции

Михаил Давидович Амирханян (1932-2025)	3
--	---

Памяти М. Д. Амирханяна

Е. В. Белоусова	Ереванские встречи (воспоминания «очарованного странника»).....	9
В. А. Доманский	Роль микросюжетов и реминисценций в повести И.С. Тургенева «Вешние воды».....	25
А. И. Смирнова	Символика образа Арарата: семантика заглавия стихотворного текста (На материале книги М. Д. Амирханяна «Армения в зеркале русской поэзии»).....	36
И. Е. Мелентьева	Пять молитв Александра Солженицына.....	51

Литературоведение

Г. В. Алексеева	Эволюция идеи братства у Л. Н. Толстого: от кровного братства к всеобщему.....	67
С. Б. Калашиников	Об одном смысловом измерении образа «самовластья» У А. С. Пушкина: предварительные наблюдения.....	80
С. А. Кибальник	Чехов – Толстой – Лесков: рассказ «По делам службы».....	101
Д. В. Ларкович	Поэтика художественного нарратива в романе П.П. Зубова «Карабахский астролог, или Основание крепости Шуши в 1752 году».....	112
В. В. Мадоян	«Судьба человека» как судьба родины (откровение Михаила Шолохова).....	131
Э. Д. Меленевская	Голубиные истории в творчестве Ваана Тотовенца и Василия Борахвостова.....	142
А. М. Ранчин	К вопросу об авторской позиции в «Повести о Дракуле»: что значит <i>зломудр</i> ?.....	158
О. В. Спачиль, Катермина	Диалог А. П. Чехова с А. С. Пушкиным: В. В. интертекстуальный аспект.....	173
Л. Р. Фарамазян	«Любить Армению по-русски...» (Армения в творчестве Виктора Коноплева).....	190
Э. Ф. Шафранская, Ш. Р. Кешифидинов	Армянские буквы.....	198
Е. В. Яновская	Изучение читательского интереса в Ярославской губернии в конце XIX века (на примере произведений А. С. Пушкина).....	210

Лингвистика

А. В. Акопян	Экстремизация и единицы языка.....	218
Н. И. Мартирян	Функционально-семантические типы вопросов в вторском повествовании.....	232
И. Р. Саркисян	Антропоцентрический подход к лексикографии как веяние времени.....	241
Лингвокультурология		
М. З. Овакимян	Армянская и русская семья V-XVII веков как объект историко-культурологического изучения.....	250
Сопоставительная типология		
М. Д. Кесаян	Некоторые аспекты вариантности эмотивных фразеологизмов в русском и армянском языках.....	272
Методика: Теория и практика обучения		
В. Л. Аведян	Принцип профессиональной ориентации уроков РКИ в подготовке специалистов как доминирующее общеетеоре- тическое оложение.....	282
Л. Б. Матевосян	Стационарные предложения как феномен языка и их усвоение в аудитории.....	294
М. А. Мидоян	Использование коммуникативного метода при обучении фразеологии.....	316
Репонь Антон	Психологические и педагогические особенности подготовки студентов-педагогов вузов в Словакии.....	323
Хан Минджие	Изучение русского как иностранного (РКИ) в Китае.....	336
Эпистемология		
Р. Р. Грдзелян	О предтечах научной методологии.....	345
У нас в гостях		
М. М. Гиляван	Поэма Сурена Мурадяна «Свитки».....	354
К. А. Саргсян	Критерии отбора видеоматериалов для курсов делового английского языка.....	359
А. А. Абраамян, А. А. Айрапетян, С. Р. Налбандян	Компьютерное обучение языку (КОЯ) в медицинском образовании.....	379
Требования к оформлению научной статьи.....		393

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ

Խմբագրությունից

Միխայիլ Դավիդովիչ Ամիրխանյան (1932-2015).....3

Մ. Դ. Ամիրխանյանի հիշատակին

Ե. Վ. Բեղունովա Երևանյան հանդիպումներ («կախարդված թափառողի» հուշարձանները).....9

Վ. Ա. Դոմանսկի Միկրոայուժների և հիշողությունների դերը Ի.Ս. Տուրգենևի «Գարնանային ցրերը» պատմվածքում.25

Ա. Բ. Սմիրնովա Արարատի պատկերի սիմվոլիզմը. Բանաստեղծական վերնագրերի իմաստաբանությունը (Մ. Դ. Ամիրխանյանի «Հայաստանը ռուսական պոեզիայի հայելու մեջ» հիման վրա).....36

Ի. Ե. Մեդենտև Ալեքսանդր Սոլժենիցինի հինգ աղոթքները.....51

Գրականագիտություն

Գ. Վ. Ալեքսեևա Լ. Ն. Տոլստոյի եղբայրության գաղափարի էվոլյուցիան. արյունային եղբայրությունից դեպի համայնքային....67

Ս. Բ. Կալաշնիկով Մեկ սեմանտիկ չափի մասին «բռնատիրության» պատկերը Ա. Ս. Պուշկինի մոտ. նախնական դիտարկումներ.....80

Ս. Ա. Կիբակին Զեխով – Տոլստոյ – Լեսկով. «Ծառայողական գործով» պատմվածքը.....101

Դ. Վ. Լարկովիչ Գեղարվեստական պատմողականության պոետիկան Պ. Պ. Զուբովի «Ղարաբաղյան աստղագործը, կամ Շուշիի ամրոցի հիմնադրումը 1752 թվականին» վեպում.....112

Վ. Վ. Մադոյան Մարդու ճակատագիրը իբրեւ երկրի ճակատագիր (Միխայիլ Ծոլխովի հայտնությունը).....131

Է. Դ. Մեդենևսկայա Աղավնիների պատմությունները Վահան Թորոպենցի և Վասիլի Բորախովստովի ստեղծագործություններում.....142

Ա. Մ. Ռանչին Հեղինակի դիրքորոշման հարցի շուրջ «Դրակուլայի պատմությունը» գրքում. ի՞նչ է նշանակում չար իմաստունը.....158

Օ. Վ. Սպաչի, Վ. Վ. Կատերմինա Զեխովի և Պուշկինի միջեւ երկխոսություն. միջտեքստային ասպեկտ.....173

Լ. Ռ. Ֆարամազյան «Միբել Հայաստանը ռուսավարի» (Հայաստանը Վիկտոր Կոնտայլովի ստեղծագործություններում).....190

Է. Ֆ. Շաֆրանսկայա, Հայերեն տառերը.....198

Շ. Ռ. Կելշիդինով

Ե. Վ. Յանովսկայա	Ընթերցողի հետաքրքրության ուսումնասիրություն Յարտավալի մարզում 19-րդ դարի վերջին.....210
-------------------------	--

Լեզվաբանություն

Ա. Վ. Հակոբյան	Էքստրեմացումն ու լեզվի միավորները.....218
Ն. Ի. Մարտիրյան	Հարցերի ֆունկցիոնալ-իմատական տիպերը հեղինակի խոսքում.....232
Ի. Ռ. Սարգսյան	Մարդակենտրոն մոտեցում բառարանագիտությանը՝ որպես ժամանակի միտում.....241

Լեզվամշակութաբանություն

Մ. Չ. Օվակիմյան	V-XVII-րդ դարերի հայ եվ ռուս ընտանիքները որպես պատմամշակութային ուսումնասիրության օբյեկտ...250
------------------------	---

Համեմատական տիպաբանություն

Մ. Դ. Կեսայան	Ռուսերեն և հայերեն լեզուներում զգացմունքային դարձվածքների տարբերակման որոշ ասպեկտներ.....272
----------------------	---

Մեթոդաբանություն՝ Դասավանդման տեսություն և պրակտիկա

Վ. Լ. Ավետյան	Մասնագիտական կողմնորոշման սկզբունքը որպես գերակշռող ընդհանուր տեսական դրույթ ՌՕԼ-ի դասերին մասնագետների պատրաստման գործընթացում.....282
Լ. Բ. Մաթևոսյան	Կարծրատիպ նախադասությունները որպես լեզվական երևույթ և դրանց յուրացումը լսարանում.....294
Մ. Ա. Միդոյան	Հաղորդակցման մեթոդի կիրառումը դարձվածքների ուսուցման մեջ.....316
Անտոն Ռեպոն	Ուսանողների և ուսուցիչների պատրաստման հոգեբանական և մանկավարժական բնութագրերը Սլովակիայի Հանրապետությունում.....323
Հան Մինչիե	Ռուսերենի որպես օտար լեզու (RCT) ուսուցումը Չինաստանում.....336

Իմացաբանություն

Ռ. Ռ. Գրձեյան	Գիտական մեթոդաբանության նախակարգերը.....345
----------------------	---

Մեր հյուրն է

Մ. Մ. Գիլալյան	Սուրեն Մուրադյանի «Մագաղաթներ» պոեմը.....354
Ք. Ա. Սարգսյան	Տեսանյութերի ընտրության չափանիշները գործարարական անգլերենի դասընթացում.....359
Ա. Ա. Աբրահամյան,	
Ա. Ա. Հայրապետյան,	Համակարգչային օգնությամբ լեզվի ուսուցում (CALL)
Ս. Ռ. Նալբանդյան	բժշկական կրթության մեջ.....379

Գիտական հոդվածների ձևավորման պահանջներ	393
---	----------

CONTENT

From the editor

Mikhail Davidovich Amirkhanyan (1932-2015)	3
---	---

In memory of M.D. Amirkhanyan

E. V. Belousova	Yerevan Meetings (Memoirs of the "Enchanted Wanderer").....	9
V. A. Domansky	The Role of Micro-plots and Reminiscences in the Story by I.S. Turgenev "Vesnie vody".....	25
A. I. Smirnova	The Symbolism of the Image of Ararat: the Semantics of Poetic Titles (Based on M. D. Amirkhanyan's "Armenia in the Mirror of Russian Poetry").....	36
I. E. Melenteva	The Five Prayers of Alexand Solzhenitsyn.....	51

Literary Studies

G. V. Alexeeva	Evolution of the Idea of Brotherhood in L. N. Tolstoy: from Blood Brotherhood to Universal.....	67
S. B. Kalashnikov	About one Semantic Dimension the Image of "Despotism" in A. S. Pushkin: Preliminary Observations.....	80
S. A. Kibalnik	Chekhov – Tolstoy – Leskov: Story "By the Road".....	101
D. V. Larkovich	Poetics of Artistic Narrative in the Novel by P. P. Zubov "The Karabakh Astrologer, or the Foundation of the Shushi Fortress in 1752".....	112
V. V. Madoyan	"The Fate of Man" as the Fate of the Motherland (the Revelation of M. Sholokhov).....	131
E. D. Melenevskaya	Pigeon Stories in the Works of Vahan Totovents and Vasily Borakhvostov.....	142
A. M. Ranchin	On the Question of the Author's Position in "The Tale of Dracula": what does <i>Evil-wise</i> Mean?.....	158
O. V. Spachil, V. V. Katermina	Dialogue between Chekhov and Pushkin: Intertextual aspect	173
L. R. Faramazyan	Loving Armenia in Russian... (Armenia in the works of Victor Konoplev).....	190
E. F. Shafranskaya, Sh. R. Keshfidinov	Armenian Letters.....	198
E. V. Yanovskaya	A Study of the Interest in the Yaroslavl Province at the End of the 19 th Century.....	210

Linguistics

A.V. Hakobyan	Extremization and Units of Language.....218
N. I. Martiryan	Functional-semantic Types of Questions in the Author's Narrative.....232
I. R. Sargsyan	Anthropocentric Approach to Lexicography as a Time Trend.....241

Linguoculturology

M. Z. Ovakimyan	Armenian and Russian Families of the V-XVII centuries as an Object of Historical and Culturological Study.....250
------------------------	---

Comparative typology

M. D. Kesayan	Some Aspects of the Variation of Emotive Phraseological Units in the Russian and Armenian Languages.....272
----------------------	---

Methodology: Theory and practice of teaching

V. L. Avedyan	The Principle of Professional Orientation of RCT Lessons in the Training of Specialists as the Dominant General Theoretical Position.....282
L. B. Matevosyan	Stationary Sentences as a Language Phenomenon and their Acquisition by Learner.....294
M. A. Midoyan	The Use of the Communicative Method in Teaching phraseology.....316
Anton Repon	Psychological and Pedagogical Characteristics of the Preparation of Students and Teachers in the Slovak Republic.....323
Khan Mingire	Learning Russian as a Foreign Language (RCT) in China.....336

Epistemology

R. R. Grdzelyan	On the Background of Scientific Methodology.....345
------------------------	---

Our guest

M. M. Gilavyan	Suren Muradyn «Scrolls» Poem.....354
K. A. Sargsyan	Criteria for Selecting videos in Business English courses.....359
A. A. Abrahamyan, A. A. Hayrapetyan, S. R. Nalbandyan	Computer-assisted Language Learning (CALL) in Medical Education.....379

Requirements for the design of a scientific article.....393
--

ВЫШЛИ В СВЕТ

Международные конференции по сквозной теме «Русские классики: русская и национальные литературы», прошедшие в Ереване в 2009-2024 гг.

Автор проекта и организатор конференций – доктор филологических наук, профессор, Почетный профессор РосНОУ Михаил Давидович Амирханян

Ереван: презентация антологии «Армения в зеркале русской поэзии», выдержавшая четыре издания (2021-2023). – Ереван: Копи-Принт, 2023. 662 с.

